

Оглавление

1. Предварительные замечания	7
2. Дата рождения или дата дня ангела? Родословная Савицких и влияние семьи	21
3. Ранняя одаренность, роль архитектуры Чернигова и русских городов центральной и северной Руси в становлении мировоззрения Савицкого.....	29
4. Предварительные итоги и первая «формула евразийства».....	40
5. Петербургский период в жизни Савицкого	43
6. Первые печатные работы П. Н. Савицкого. Альянс с П. Б. Струве.....	50
7. Октябрьская революция 1917 г. и ее влияние на становление евразийства	55
8. Промежуточные выводы, основанные на предыдущем изложении.....	59
9. Гражданская война и странствование, закончившееся «длительным пребыванием на Востоке»	63
10. Византийский и древнерусский компоненты в евразийстве	72
11. Кн. А. А. Ливен и евразийский кружок в Софии. Рождение евразийства и противодействие П. Б. Струве.....	81
12. «Струвизм» как важнейшая составляющая мировоззрения Савицкого.....	90

13. Переезд в Прагу. Начало формирования систематического евразийского миросозерцания.	
Г. В. Флоровский между евразийством и П. Б. Струве.....	95
14. Сборник «Россия и латинство» как дебют Пражской евразийской группы. Сближение П. Н. Савицкого с	
Г. В. Вернадским.....	108
15. О «проектности» России-Евразии. Некоторые замечания о «составных компонентах» раннего евразийства Савицкого	115
16. О критике евразийства в 1920-е гг.	118
17. Присоединение к евразийству П. С. Арапова и появление «Треста»	138
18. Литературоведческие работы П. Н. Савицкого и его поэтические опыты	141
19. Ранние работы Савицкого, помещенные в «официальных» евразийских изданиях.....	153
20. Первая экономическая теория Савицкого.....	163
21. Обзор основных результатов ранней евразийской мысли Савицкого (1919–1925 гг.).....	171
22. Поздние экономические взгляды Савицкого (1925–1939) и переход к следующей фазе идейного развития.....	178
23. От советоборства к советофильству	194
24. Национализм, россиецентризм или акцент на евразийстве?.....	197

25. Монография П. Н. Савицкого как поворотный пункт его версии евразийства. Отзывы советских ученых	199
26. Влияние В. И. Ламанского на концепцию Савицкого: исследовательский миф или реальность?.....	211
27. Важнейшие идеи монографии Савицкого	229
28. Первоначальная и зрелая евразийские концепции Савицкого	241
29. Критика новой географической концепции Савицкого в эмиграции и причина неприятия евразийства поколением «веховцев», прошедших путь «от марксизма к идеализму».....	244
30. Последний перед кламарским расколом «Евразийский временник».....	256
31. Признаки назревания разногласий в евразийском движении	259
32. Нелегальное путешествие Савицкого в СССР в 1927 г.	266
33. Кламарский раскол: хронология событий, причины и последствия.....	272
34. Евразийство как номогенетическая система.....	283
35. Циклы, время и закономерности. Л. Н. Гумилев, Н. А. Козырев и Савицкий о новом понимании исторического, физического и космического времени.....	290
36. Особенности позднего евразийства Савицкого (1929–1939): структурные элементы, пригодные для репликации	301

37. Оформление евразийства 1930-х гг.....	306
38. Работы Савицкого конца 1930-х гг., посвященные русской архитектуре и зодчеству.....	321
39. Предвоенные годы и Вторая мировая война.....	324
40. Арест, следствие, тюрьмы, лагеря. Испытание веры, обретение духовного отца, примирение с самим собой	328
41. Эпистолярное евразийство Савицкого в 1950-е и 1960-е годы.....	340
42. Жизнь в Европе после возвращения из СССР	352
43.Что есть евразийство? «Формула» евразийского мировоззрения П. Н. Савицкого.....	356
Об авторе.....	367

1. Предварительные замечания

Книга о жизни и творчестве основоположника евразийства Петра Николаевича Савицкого (1895–1968) является крайне актуальной не только потому, что евразийство сегодня востребовано и вызывает горячий интерес. Актуальность диктуется, не в последнюю очередь, тем, что о евразийстве написано очень много, но найти издание, статью или даже научную работу (например, кандидатскую диссертацию), не содержащую ошибок концептуальных и фактических (вплоть до ошибок в датах и описаниях событий) довольно сложно. Евразийство превратилось в плацдарм для публицистических опытов, но научное осмысление истории движения, к сожалению, остается все еще на начальном этапе. Такие известные исследователи евразийства как С. М. Половинкин, А. В. Соболев, М. Ю. Панченко, В. И. Шаронов, Р. Р. Вахитов, А. Г. Дугин, А. Мартинкус, Т. Оболевич, А. Т. Горяев, Д. Н. Степанов, Б. В. Назмутдинов, М. Ларюэль, А. Н. Полухин, П. Серио, М. Байссвенгер, А. М. Матвеева, С. М. Соколов, Михаил Соколов, Сергей Глебов, В. Л. Цымбурский, И. Г. Вишневецкий и другие внесли большой вклад в изучение евразийства. В настоящей монографии даны ссылки (в постраничных примечаниях) практически на все наиболее известные работы о П. Н. Савицком и о евразийстве вообще.

Однако о самом П. Н. Савицком в настоящее время написаны десятки статей и только две монографии. Речь идет о книгах: *Матвеева А. М. «Геополитическая концепция исторического развития России в первой трети XX века П. Н. Савицкого* (М., 2008); *Быструков В. Ю. В поисках Евразии: общественно-политическая и научная деятельность П. Н. Савицкого в годы эмиграции (1920–1938)* (Самара, 2007). Несмотря на то, что книга В. Ю. Быструкова давно издана, она до сих пор остается едва ли не самым достоверным и подробным историко-биографическим очерком о П. Н. Савицком. Что касается книги А. М. Матвеевой, то она содержит, несомненно,

ценный материал, но посвящена, по сути, только одному аспекту творчества П. Н. Савицкого. С этой точки зрения монографию А. М. Матвеевой сложно признать по-настоящему подробной и обстоятельной. Прекрасная работа Мартина Байссенгера «Петр Nicolaevich Savitskij (1895–1968). Библиография опубликованных работ» (Прага, 2008) представляет собой хронику жизни и изданных работ П. Н. Савицкого. Однако существует огромный пласт пока еще не изученного архивного материала, включая несколько неизданных книг Савицкого, о чем также речь пойдет в настоящем исследовании. Существуют многочисленные статьи, посвященные евразийству, они касаются различных сторон деятельности евразийского движения и анализу отдельных евразийских идей. Тем не менее, в настоящее время не существует ни хронологии евразийского движения, ни полноценной истории евразийского движения, ни словаря евразийской терминологии, ни полноценного евразийского словаря. О евразийстве пишут «все», однако качественных работ мало, цельного исторического исследования пока нет. Эта монография — одна из первых попыток реконструкции биографии и взглядов основоположника евразийства — Петра Nicolaевича Савицкого.

Настоящая работа написана на основании опыта изучения евразийства в течение 20 лет. В основу положены классические научно-аналитические методы исследования, в частности — источниковедение А. С. Лаппо-Данилевского. Концепция «исторического источника», выдвинутая Лаппо-Данилевским, в данном случае понимается так: исторический источник — это статьи, книги, письма и архивные документы евразийского движения. Только в случае, если некий факт или утверждение находят подтверждение в историческом источнике, они принимаются как истинные. Этот подход во многом противостоит «герменевтическому методу», часто практикуемому современными исследователями евразийства, которые ищут параллели, истоки, аналогии, схожести евразийства с тем или иным видом идеологем (к приме-

ру, схожесть евразийства с немецкой консервативной революцией) и выстраивают на этом основании целую систему выводов о евразийстве.

Второй принцип, на котором зиждется данное исследование (помимо очевидных — знакомство с работами предшественников, сопоставление, анализ, систематизация и т. д.) — это многократность подтверждения выводов фактами. Это означает, что любой вывод, сделанный в этой работе, неоднократно подтвержден фактами, основанными на исторических источниках. Если факт лишь однажды присутствует в историческом источнике и не находит подтверждения в других источниках, то на основании однократного эпизода невозможно, как мы полагаем, сделать релевантные выводы. Это диктуется очевидным соображением: чтобы достичь понимания, необходимо собрать факты, сопоставить их и проанализировать. Ни одна из этих операций, включая конечную — понимание, невозможна, если мы оперируем только одним фактом. Например, Савицкий *только один раз* упоминает имя В. И. Ламанского в статье 1925 г., ни разу его не цитируя, тем не менее, в современной научной литературе умножаются статьи и целые монографии, в которых «исследуется» вопрос «влияния» Ламанского на Савицкого. Последний, что характерно, цитирует буквально сотни авторов, и даже сам пишет о тех, которые на него повлияли, и в список таких авторов Ламанский не входит.

Может возникнуть вопрос о том, что существуют скрытые влияния, о которых сам автор не писал, как, например, славянофилы не писали о влиянии на них святоотеческой литературы, также прямо не обозначали свое преемство от немецкой философии. Влияние немецких романтиков, Гегеля и Шеллинга, так же, как и влияние святых отцов, приходится исследовать по методике текстовой реставрации, зачастую не прибегая к выявлению и калькуляции соответствующих цитат просто за отсутствием таковых. «В дело» идет переписка, воспоминания современников и другие тексты, то есть, в любом случае — материальные текстовые источники. Если

исследователь-реставратор слишком увлекается интерпретациями, теряя связь с текстами, то его работа может казаться остроумной и увлекательной, но она утрачивает связь с историей философии как таковой.

Стоит отметить, что довольно большое число историко-исследовательских работ построено на методологии поиска скрытых влияний и косвенных цитаций, непрямых параллелей, не строгих соответствий и т. д. Исследователи настолько увлекаются поиском *скрытого* влияния, что порой склонны пренебрегать открытыми свидетельствами самих авторов об истоках своего мировоззрения. В случае же с Савицким этот метод и вовсе не работает. Савицкий — автор саморефлексирующий и самоисториографичный. Он постоянно обдумывал свое мировоззрение и намеренно создавал свое евразийство как *историю евразийского движения*. Так, например, известны его обзоры евразийской литературы 1920-х гг. и обзор критической антиевразийской литературы (сборник «Тридцатые годы. Утверждение евразийцев», 1931), известно, что он собирал евразийские архивы и готовил их для написания хроники и истории евразийского движения. Он не успел осуществить свой замысел, поскольку его архив был изъят органами СМЕРШ, однако этот, сейчас доступный исследователям архив, переданный в свое время в ГА РФ, носит множественные следы упорядочивания, нумерации, пометок и маргиналий Савицкого. Это свидетельствует о рефлексии автора над самыми незначительными эпизодами становления евразийства.

Таким образом, излюбленный исследовательский метод поиска скрытых мотивов в случае с Савицким дает прямо противоположный ожидаемому результат: вместо стройной картины истоков его мировоззрения перед нами предстают исследовательские мифы, как в случае с предполагаемым влиянием В. И. Ламанского. Кроме того — и это самое примечательное, мировоззрение В. И. Ламанского и его утверждения во многом противоположны евразийским. В частности, Ламанский является поборником ориентализма и модерновой глобализации, только уже не под флагом Европы, но России (концепция «греко-славянского мира» как ядра новой, «лучшей» ци-

вилизации). Греко-славянский мир Ламанского — это и есть его «срединный», или «средний» мир, который исследователи отождествили с Евразией. Сами бы евразийцы с этим не согласились. Ни греков, ни западных славян они не причисляли к миру России-Евразии, доказывая, что западные славяне и уж тем более греки принадлежат не только географически, но и ментально к миру Европы. Ориентализм Ламанского (выделение «низших», «отсталых» рас, — азиатских, и «высших» — русских и англичан), было и вовсе для евразийцев, особенно для Трубецкого, неприемлемо.

Пример Ламанского крайне характерен и заставляет нас с осторожностью относиться к пышным рассуждениям о «сущности» евразийства, о его «фашизме», о том, что Н. С. Трубецкой был «паталогический антисемит»¹ и проч. Если такие фантазии не подтверждаются фактами (текстами), то не стоит относить их к научным утверждениям. В качестве публицистических гипербол, они, несомненно, имеют право на существование, но к истории мысли как науке, как строгому и добросовестному исследованию, они не имеют отношения, или имеют, но крайне отдаленное. Итак, в основе любого исследования должен, на наш взгляд, лежать *текст, а не интерпретация*. Этот, как кажется, само собой разумеющийся момент, как ни удивительно, то и дело оказывается в пренебрежении. На наш взгляд, текст — основа исследовательской программы и методологии.

Чтобы понять истоки евразийства П. Н. Савицкого, нужно пристально всмотреться в его жизненный путь,

¹ Глебов С. Евразийство между империей и модерном. М.: Новое издательство, 2010. С. 23. В указанной книге автор на нескольких страницах, посвященных Н. С. Трубецкому (С. 23–30) называет его «паталогическим антисемитом», человеком, для которого характерен «примитивный антисемитизм», насаждавшем внутри евразийства «антисемитскую идеологию». Если бы эти суждения были бы верны, то лучшим другом Трубецкого, вероятно, не был бы Р. Я. Якобсон, да и вряд ли бы одной из последних прижизненных статей Трубецкого стала бы работа «О расизме» в защиту евреев, направленная против расовой теории, — за которую он подвергся гонениям от гестапо. Очевидно, вышеупомянутые суждения исследователя нужно было скорректировать на основании *всех имеющихся фактов и текстов*.

в изгибы его мысли, в особенности личности — многогранной, невероятно талантливой, но, во многом, не реализовавшей свой богатый потенциал. В предисловии к «Евразийскому временнику» за 1927 г. Савицкий писал: «В развитии евразийства есть своя закономерность и ритмика»². На всем протяжении этого исследования о жизни и творчестве Савицкого мы будем искать эту логику и этот ритм, останавливая, время от времени, течение текста для того, чтобы сформулировать *промежуточные выводы*. Потом, на основании этих промежуточных выводов, будет сделано заключение о сущности и хронологически-идейном развитии евразийства П. Н. Савицкого и евразийства вообще. Таким образом, данное исследование отвечает на вопрос об истоках евразийства Савицкого и о том, каким образом из первоначального «протоевразийского» мировоззрения сформировалось его евразийство, как оно прирастало новыми идеями, а также — какие евразийские идеи и пути оказались тупиковыми, а какие, напротив, вели к новым и перспективным направлениям. Для того, чтобы ответить на поставленные вопросы, привлекался автобиографический материал (письма, заметки, архивные, неизданные статьи и т. д.), иллюстрирующий биографию Савицкого, особый акцент был сделан на его ранние годы, что игнорировалось ранее практически всеми евразийствоведами³.

В данном исследовании мы различаем *два евразийских кластера*: евразийство П. Н. Савицкого и евразийство общее, возникшее на основе взаимодействия пяти лидеров-основоположников (кн. А. А. Ливена, П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского кн. Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского). Евразийство Савицкого возникло раньше евразийства общего, более того, Савицкий и предложил назвать движение «евразийством», определив его главное направление. В период разочарования, в начале 1930-х гг., Трубецкой даже сожалел об этом: «Я начал с

² Евразийский временник. Кн. 5. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 6.

³ Весьма удачные термины «евразийствование», «евразийствовед» были введены в научный оборот исследователем Р. Р. Вахитовым.

“Европы и человечества”, где о России почти ничего не говорилось и на переднем плане была судьба всего человечества. На это Вы ответили “Европой и Евразией”, где Вы старались отвратить внимание от человечества и направить его на свои русские домашние дела. <...> кличка (то есть название — «евразийство» — К. Е.) была уже создана, а с нею и географическое самоограничение⁴. Различием евразийства Савицкого и евразийства общего возможно разрешить спор исследователей о том, в каком именно году «родилось» евразийство.

Очевидно, что в 1921 г. в Софии вышел первый евразийский сборник статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», но идеи, которые были в нем высказаны, оформились не в 1921 г., а гораздо раньше. Когда именно, и что на это повлияло — вот вопросы, ответить на которые — одна из ключевых задач данного исследования. Евразийство Савицкого и евразийство общее не совпадают в полном объеме. Особенno это справедливо по отношению к раннему евразийскому этапу. Необходимо выяснить, с каким идейным багажом Савицкий присоединился к группе основоположников, и проследить его идейное развитие после 1930-го года, когда общее евразийство в его классическом варианте перестало существовать.

Основной эпистемологический подход, который в данном исследовании ставится во главу угла — вотум доверия по отношению к исследуемому материалу. Это

⁴ Письмо Н. С. Трубецкого П. Н. Савицкому от 19.12.1931. / Соболев А. В. О русской философии. СПб.: Издательский дом «Мир», 2008. С. 348. Стоит отметить, что позже этот пессимизм, связанный не с евразийством, а с внутренним кризисом, переживаемым Трубецким, был им отчасти преодолен, и он согласился участвовать в позднем евразийстве, написав статьи «Мысли об автаркии» (1933), «Идет ли мир к идеократии и плановому хозяйству?» (1934), «Об идеоправительнице идеократического государства» (1935), «О расизме» (1935), «Упадок творчества» (1937), «Мысли об индоевропейской проблеме» (написана для «Евразийской хроники» по просьбе Савицкого, но в связи с тем, что журнал был запрещен нацистами, впервые была опубликована только в 1958 г. в «Вопросах языкоznания». Савицкий очень гордился тем, что сохранил для науки эту последнюю работу Трубецкого).

противоположно подходу, при котором исследователь считает себя умнее, компетентнее того автора, которого он изучает, то есть не следует за ним, но ставит его перед судом своего суждения. Например, известная французская исследователь М. Ларюэль доказывает, что Л. Н. Гумилев не только не был евразийцем, но его подход был скорее оппозиционным и контрастным, едва ли не полемически заостренным против Савицкого: «Евразийство принадлежит конкретному времени, Гумилев с ним не связан и не является, как я пыталась показать, “последним евразийцем”»⁵.

Гумилев, тем не менее, сам называл себя «последним евразийцем» и даже обосновывал, как именно он это понимает (последний — не итоговый, завершающий, но — «последний по времени»). Возникает вопрос: почему Ларюэль не доверяет Гумилеву, считая, что она знает гораздо больше и лучше? К примеру, она доказывает, что Гумилев якобы не знал евразийских текстов, помимо трех небольших работ, в то время как Гумилев был не просто знаком с полным их корпусом, но получил от самого Савицкого довольно большое количество евразийской литературы (от «Исхода к Востоку» до статей, написанных Савицким в 1950-е и 1960-е гг.), пересланной ему почтовыми отправлениями. В одном из интервью Гумилев утверждал, что смог достать только три книги, *касающиеся кочевников*: «Скифы и гунны» Н. Толля (1927) с приложением работы Савицкого «О задачах кочевниково-ведения» и Э. Хара-Давана «Чингис-хан как полководец и его наследие» (1929). Гумилев ясно говорит о трех работах, *касающихся кочевниковедения*, а не вообще о всех евразийских работах. Здесь произошла ошибка интерпретации, но Ларюэль можно извинить тем, что она все-таки не русский автор, и некоторые особенности и акценты русского текста могли ускользнуть от ее внимания. Вопрос тогда может быть обращен к русским исследователям, которые любят ссылаться на ее статьи и

⁵ Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или о противоположности Л. Н. Гумилева и П. Н. Савицкого / Лев Гумилев: Pro et contra. Личность и творчество Л. Н. Гумилева в оценках мыслителей и исследователей. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. С. 476.

работы. Вероятно, к интерпретациям иностранных авторов следует относиться осторожнее.

Если мы и дальше будем рассматривать работу Ларюэль, то найдем, что практически каждое ее утверждение, которое хорошо логически обосновано и даже «подтверждено» фактами (на самом деле факты подменены их интерпретацией, что заметит опытный исследователь), шатко и крайне уязвимо для критики. Например, Ларюэль утверждает, что Савицкий не имел представления о концепции этногенеза Гумилева, в то время как в его переписке с Савицким эта концепция обсуждается, по крайней мере, ее первый вариант, который позже оформился в классическую теорию этногенеза. Можно даже сказать, что в переписке отражено становление классической теории этногенеза Гумилева, а Савицкий был собеседником и свидетелем этого процесса. Таким образом, конструкция «фактов», интерпретаций и выводов М. Ларюэль может рассыпаться при встрече с реальностью. Проблема евразийствоведов, работающих в похожей парадигме, в том, что позднее евразийство Савицкого мало известно, и исследователи, как правило, не имеют представления о том, насколько близки были его взгляды и представления Гумилева. Настоящее исследование претендует на то, чтобы поставить вопрос о позднем этапе развития взглядов Савицкого как об особом, новом пути развития евразийства, и хотя бы частично решить его, проанализировав корпус соответствующих текстов.

Савицкий не только Гумилева снабдил редкими евразийскими изданиями, но и его ученику А. Н. Зелинскому выслал несколько евразийских книг, брошюр и оттисков статей. В ответ Савицкий получил работы Гумилева и Зелинского. Например, в письме Гумилеву от 26.11.1956 г. Савицкий пишет: «Я много слышал о Вас еще задолго до 1945 г. — и всегда хотел познакомиться с Вами лично и с Вашими работами. Вы поймете, с каким нетерпением я жду их теперь! В эти дни буду посыпать Вам отдельными отправлениями книги, брошюры и даже...

стихи!»⁶. Когда Зелинский (ему было 26 лет) пришел к Гумилеву и впервые увидел у него на столе письмо Савицкого, он попросил рассказать об основоположнике евразийства. Гумилев ответил, что «П. Н. Савицкий — один из столпов русской евразийской исторической школы, возникшей в эмиграции сразу после катастрофы белого движения»⁷, далее последовал рассказ о Н. С. Трубецком и его центральных идеях. Не стоит преувеличивать и расхождений Савицкого с Гумилевым. В письмах Савицкий постоянно солидаризируется с Гумилевым, иногда по самым разнообразным, даже казалось бы, не принципиальным вопросам («Гегель мне не по нутру, и я отозвался бы о нем еще резче, чем Вы. Совершенно согласен с Вами о позитивистах. И я отнюдь не склонен “не установленное предполагать не существующим”. <...>. Плотина и Ямвлиха расцениваю, как и Вы»⁸; «Я в восторге от предложенного Вами в “Тезисах” обозначения тюркской администрации: “удельно-лестничная система”. Принимаю его и для лично моих работ!»⁹ и т. д.). Некоторые исследователи (например, А. И. Чистобаев) указывают на различия в подходе к концепции «месторазвития», которую в целом, Гумилев не принял, для него было удобнее работать с термином «вмещающий ландшафт».

Таких концептуальных различий, действительно, было определенное количество, более того, не следует упускать из виду самое главное и существенное различие, не просто научное, но лично-мировоззренческое: Савицкий был воцерковленный, верующий христианин, Гумилев относился к вере осторожно, хотя есть свидетельства,

⁶ Письмо П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву от 26.11.1956. Архив Музея-квартиры Л. Н. Гумилева в Санкт-Петербурге (не описано). В настоящее время письма готовятся мною к изданию.

⁷ Зелинский А. Н. Памяти учителя / Лев Гумилев: Pro et contra. Указ. соч. С. 103.

⁸ Письмо П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву от 12.12.1956. Архив Музея-квартиры Л. Н. Гумилева в Санкт-Петербурге (не описано).

⁹ Письмо П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву от 08.12.1956. Архив Музея-квартиры Л. Н. Гумилева в Санкт-Петербурге (не описано).

что он посещал храм на церковные праздники, и даже сам организовал отпевание своей матери, А. А. Ахматовой в церкви. Зелинский, напротив, был даже в юности верующим «практикующим» христианином, и с этой точки зрения не принимал концепцию « passioнарности » своего учителя Гумилева, поскольку в христианстве «страстей» ассоциируются с греховностью. Здесь важно понять и отметить, что ученым мирового уровня интересно общение даже в случае принципиальных расхождений. Этим они и отличаются от тех, кто на дух не принимает друг друга из-за того, что один из собеседников не согласен принять *полностью и без критики* выводов другого.

Некоторые исследователи относятся к Савицкому свысока, не понимая, что он, как, впрочем, и Л. Н. Гумилев, значительный мыслитель мирового уровня. Священное Писание говорит о том, что «ученик не больше учителя своего» (Мф. 10, 24). Если мы исследуем личность, оставившую значительный след в истории, логично предположить, что исследователь — не больше этой личности, и ему следует к ней прислушаться, хотя бы в части высказываний о самом себе. Конечно, у исследователя есть *важное преимущество* — он смотрит на события прошлого из перспективы будущего, как бы охватывая жизнь своего героя как единое целое, видит динамику становления его мировоззрения, оценивает разнообразные влияния и антураж событий. Однако это преимущество часто сводится на нет тем обстоятельством, что сам исследователь вынужден судить из перспективы *своего* времени, его проблем и разочарований. Над ним тоже, как и над героем его исследования, господствует История, и это следует иметь в виду. Говоря словами ученика Л. Н. Гумилева, «Лев Николаевич обладал также и выдающимся научным даром. В чем же заключался этот дар? И в чем может заключаться подобный дар для историка? Историка чего? И вообще: что такое История? На примере Льва Николаевича Гумилева я могу утверждать, что истинный историк изучает лишь то, что прикипает к его сердцу. Только тогда “история” оживает

в его сознании, становится судьбою настоящего, его собственной судьбой»¹⁰.

Вотум доверия должен быть в согласии с искренним интересом, можно сказать, сочетаться с любовью к предмету исследования. Это не означает безответственности в отношении своих высказываний или невозможности объективного обзора и выводов. Речь идет лишь о том, что голый анализ, основанный на недостаточных знаниях (знание фактов должно быть максимально многосторонним и обширным) приводит к ложным выводам. Остается завершить это методологическое введение словами самого П. Н. Савицкого: «И я знал и знаю, что только одна женщина во всем мире меня в этом (в евразийском утверждении самобытности России и против «западопоклонства» — К. Е.) поддержала и поддержит. И зовется женщина эта — Историей»¹¹. Итак, данное исследование является частью большой Истории развития русской мысли и русской науки, той части, которой заведует евразийствоведение, и которая относится к истории евразийского движения.

Последнее замечание может показаться слишком элементарным, но мне все же придется его сделать. Речь идет о точности высказывания и адекватности описания. В современных исследованиях автор порой увлекается, и «ради красного словца», то есть, чтобы приукрасить или повысить доверие к собственной интерпретации, намерено допускает искажение смысла цитируемого текста, или фактов, на которые он ссылается. Возьмем самый простой пример: «В глаза бросается сразу несколько вещей. Больше всего критики достается одному из основателей евразийского движения <...> П. Сувчинскому, по мнению автора библиографии, часто писавшему “не-

¹⁰ Зелинский А. Н. Памяти учителя / Лев Гумилев: Pro et contra. Указ. соч. С. 102.

¹¹ Письмо П. Н. Савицкого к Н. Н. Алексееву 1958 г. / «Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н. Н. Алексеева к П. Н. Савицкому (1957–1961). Предисл. Б. В. Назмутдинова; подгот. текста и comment. О. Т. Ермишина и Б. В. Назмутдинова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 429.

внятно”»¹². Речь идет о том, что П. Н. Савицкий, издавший в 1931 г. статью «Евразийская библиография 1921–1931. Путеводитель по евразийской литературе», описывает статью Сувчинского (далее цитата самого Савицкого): «Невнятна статья на общую тему П. П. Сувчинского («Вечный устой»)»¹³. Савицкий не говорит о том, что Сувчинский «часто писал невнятно», он относит эту характеристику к конкретной статье под названием «Вечный устой», более того, он же на следующей странице хвалит Сувчинского: «<...> статья П. П. Сувчинского «Страсти и опасность», в смысле доступности для читателя, является, пожалуй, наиболее удачной из работ этого автора»¹⁴, то есть, смысл высказывания — буквально: а статья «Страсти и опасность», наоборот, очень ясная и внятная, доступная для читателя. Получается, что исследователь Мартинкус исказил мысль Савицкого, для того, чтобы подтвердить свои суждения. Проблема в том, что, однажды допустив такое небольшое, практически незаметное искажение, автор делает затем второе, третье и т. д., а в результате получается искаженный вывод. Соблюдать точность в подобном случае необходимо. Каждое слово можно уподобить математическому числу. Если произвольно менять числа, отклоняясь даже на единицу, то сумма выйдет неверной. Если это элементарное правило работает в точных науках, тем более оно работает в науках гуманитарных, словесных. Поэтому, одним из основных положений, на котором базируется настоящая работа, является принцип точности в передаче фактов, высказываний, цитат исследуемых авторов.

Последнее замечание касается оформления сносок. В сносках я указываю всегда точные данные о дате письма, в случае цитирования, а также указываю название статьи, из которой была взята цитата, а не просто даю

¹² Мартинкус А. Соблазн могущества (Трансформация «Русской идеи» в философии «классического» евразийства (1920–1929). М.: Директ-Медиа, 2013. С. 27. Курсив наш — К. Е.

¹³ Савицкий П. Н. Евразийская библиография 1921–1931. Путеводитель по евразийской литературе / Савицкий П. Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 415.

¹⁴ Там же. С. 417.

ссылку на книгу или журнал, из которой берется материал. Как показал опыт, полнота указания всех данных делает наглядной, убедительной проводимую работу и ее выводы, поскольку дата написания письма важна: на основании ее можно построить хронологию развития идей, понять эволюцию взглядов автора. Поскольку одной из важнейших задач данной работы является попытка выстроить хронологию идеиного развития Савицкого, то подробности в датах написания статей и писем имеют особенное значение. Вообще, хроника истории евразийского движения является, вероятно, ключевой задачей евразийствоведения на настоящем этапе.

В конце настоящей вводной главы я хотела бы выразить свою благодарность своим коллегам, исследователям евразийства, которые поддержали настоящее издание дружеским советом, конкретными рекомендациями и конструктивными предложениями — В. И. Шаронову (Калининград), Р. Р. Вахитову (Уфа), И. Ф. Кефели (Санкт-Петербург), Джону Стачельски (США).

2. Дата рождения или дата дня ангела? Родословная Савицких и влияние семьи

Как ни парадоксально, о Савицком мы, в сущности, пока знаем немного. Мартин Байссенгер, самый известный биограф Савицкого, сообщает, что он родился 3 мая старого стиля, то есть 16 мая 1895 г. нового стиля. Между тем сам П. Н. Савицкий во всех официальных документах, включая свой заграничный паспорт, полученный в Чехословакии, указывает, что он родился 18 июля 1895 г.¹⁵ Откуда эта путаница с датами? Дело в том, что 16 мая (3 мая по старому стилю) празднуется день Ангела Петра Николаевича. Он был назван в честь свт. Петра Аргосского, святого Италийского полуострова эпохи неразделенной церкви (до раскола на православную и католическую церкви). В Следственном деле № 1332 по обвинению Савицкого Петра Николаевича, которое хранится в Центральном архиве ФСБ, указана также дата 3(16) мая. Анкета заполнялась самим обвиняемым. В письме к Гумилеву от 24 мая 1960 г. он писал: «3/16 мая, в день святителя Петра Аргосского, мне исполнилось 65 лет»¹⁶. Таким образом, путаница с датами заставляет думать о том, что он родился 18 июля, но предпочитал праздновать свой день рождения в день ангела.

Отец его, Николай Петрович Савицкий (1867–1942), хотел назвать своего сына родовыми именами «Петр» или «Николай», которыми называли детей в роду Савицких по мужской линии (у самого Савицкого был сын Николай¹⁷ и внук Петр). Но он также хотел почтить память

¹⁵ См.: Архив Славянской библиотеки в Праге. T-Sav.Inv. c. 5.

¹⁶ Письмо П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву от 24.05.1960. Архив Музея-квартиры Л. Н. Гумилева в Санкт-Петербурге (не описано).

¹⁷ О старшем сыне Савицкий писал так: «Наш старший — Ника — страстный филолог. В основном — русский и украинист, но владеет и другими славянскими языками (в том числе, чешским — в совершенстве), а также всеми большими романо-германскими (лучше всего — испанским, но наряду с тем, французским, итальянским, английским, немецким). Он очень интересуется книгой Ельмслева

свт. Афанасия Лубенского, который считался покровителем рода Савицких. Именно 15 мая (2 мая по старому стилю) праздновалась память почитаемого в семье Савицких святого — свт. Афанасия Лубенского, а на соседнюю дату — 16(3) мая падала память ближайшего святого с именем Петр — свт. Петра Аргосского. Потом псевдоним «Лубенский» П. Н. Савицкий будет использовать в своих евразийских работах. Лубенский приход (Собор Мгарского монастыря, ныне — в пределах г. Харькова) был родовым храмом Савицких, как он писал об этом в письмах близким: «Степан Лубенский — это мой псевдоним в “Монд слав”: П. Востоков, П. Логовиков (по нашему родовому гнезду — село Логовики, Лубенского полка Малороссии; в истории этого полка большую роль играл мой предок — поэт и писатель Степан; годы жизни: 1684–1751)»¹⁸. Своему духовному отцу, свт. Афанасию (Сахарову), который при постриге в монашество получил имя в честь свт. Афанасия Лубенского, Савицкий писал: «На основании рассказов земляков я считал, что прекрасный храм XVII века, в котором почивал Ваш святой патрон — “Афанасий сидящий”, — Собор Мгарского монастыря, более не существует. Мне было особенно больно: ведь это храм моих предков. Оказывается, к счастью, я ошибался. Собор стоит»¹⁹.

Таким образом, называя сына именем «соседнего» с покровителем рода святым, то есть именем свт. Петра Аргосского, Николай Петрович Савицкий-старший чтил, тем самым, и святого патрона (покровителя) рода Савицких — свт. Афанасия. Потом этот факт будет иметь для Петра Николаевича большое значение, когда он встретит

(L. Hjelmslev) по теории языка (Ника много занимается философией языка)» (Письмо П. Н. Савицкого О. Броку от 02.12.1956. *Карелин В. А., Репневский А. В.* Из переписки профессора Олафа Брука и Петра Савицкого (1916–1958) // Альманах североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2018. Issue 3. С. 292).

¹⁸ См.: Архив Славянской библиотеки в Праге. T-Sav. Inv. c. 5.

¹⁹ Письмо П. Н. Савицкого свт. Афанасию (Сахарову) от 18.08.1956. / Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову): В двух книгах. М.: Издательство ПСТГУ, 2013. Кн. 2. С. 284.

в советской тюрьме свт. Афанасия (Сахарова), епископа Ковровского, новомученика, прославленного в лице святых в 2000 г. Тогда встреча со свт. Афанасием, носившем имя святого покровителя рода Савицких (надо сказать, что это святой малоизвестный, и именем его были названы единицы) показалась ему промыслительной, свидетельствовала об участии Бога в его судьбе. После освобождения Савицкий переписывался с ним до конца дней. Но это будет уже в конце жизни, которая — на заре, во младенчестве и отрочестве казалась полной радужных перспектив и возможностей....

П. Н. Савицкий родился в г. Чернигове²⁰, в семье действительного статского советника, черниговского землевладельца, главы Черниговской земской управы и члена Государственного совета, Николая Петровича Савицкого и его супруги Ульяны Андреевны Савицкой (урожденной Ходот²¹). Происхождение матери было довольно скромным, ее родословная: «<...> идет от государственных крестьян северной Олонецкой губернии, которые выдвинулись на строительстве государственных

²⁰ О месте рождения Савицкого также имеются различные сведения. Сам Савицкий указывал как место своего рождения г. Чернигов и с гордостью называл себя «черниговцем», но некоторые исследователи указывают местом рождения другие населенные пункты, например, родовое имение Селищево Черниговской губернии (см.: Матвеева А. М. Геополитическая концепция истории России П. Н. Савицкого. М.: Прометей, 2016. С. 55). В следственном деле Савицкого местом рождения был указан Чернигов: «Родился я в 1895 г., в Чернигове в семье Черниговского дворянина. Отец мой, Савицкий Николай Петрович, имел одно имение при деревне (Ушивка) в Черниговской области в 300 га земли» (см.: Лубянка против евразийцев / Русское зарубежье: история и современность. М., 2014. С. 193). Село Ушевка (укр. Ушівка) существует до сих пор, находится в Новгород-Северском районе Черниговской области. Сведений о существовании имения Селищево нами не найдено. Что касается земли, которой владели Савицкие, то, согласно сведениям, предоставленным сыном П. Н. Савицкого — Иваном Савицким, у семьи было «500 десятин хорошей земли, необходимости в финансовой поддержке со стороны государства у семьи не было» (Сиземская И. Н. Истоки евразийства. П. Н. Савицкий // Философские науки. 2013. № 3. С. 50).

²¹ С 1935 по 1940 гг. Савицкий публиковал некоторые свои статьи на немецком языке под псевдонимом «Ходот» (T. Chodot).

заводов, и дворянство получили лишь в XIX веке»²². Согласно свидетельству Ивана Савицкого, сына Николая Петровича, «Дед <...> был инспектором русских школ в Финляндии»²³.

Отец Савицкого происходил из старинного служилого рода, многие поколения которого состояли на службе в армии или занимали должности в области земского и городского управления. Недаром одну из своих статей Н. П. Савицкий-старший посвятил земельному вопросу²⁴. В роду были также крупные землевладельцы: «Предки мои были “степными помещиками” (в основном Екатеринославской и Полтавской губерний), временами очень крупными, со многими тысячами десятин земли»²⁵. Символично, что «Род Савицких из казаков, дворянство получил за усилия при воссоединении Украины с Россией»²⁶. У истоков рода стояли полковые священники и начетчики-интеллектуалы, которые вполне могли получить образование и в Европе, что на Украине того времени не было редкостью: «В XVII в. Савицкие были “презвитерами” (пресвитер, то есть священник — К. Е.) и имения им давали и утверждали “знаючи их уставичные (уставные, совершаемые согласно церковному уставу — К. Е.) о нас и о всем войску запорожскому у престола Божия приносимые молитвы и моления”, гласит универсал гетмана Скоропадского 1710 г. Впрочем, этим не ограничивались заслуги священников Савицких, они были первыми представителями интеллектуальной элиты казачества, выступали советниками гетманов и полковников, редакторами важных документов, хранителями исторической памяти. Так Степан Савицкий перевел “Повести о

²² Сиземская И. Н. Истоки евразийства. П. Н. Савицкий. Указ. соч. С. 50.

²³ Там же.

²⁴ Савицкий Н. П. Заметки о земельной политике в России. Русский народный университет в Праге. Научные труды. Т. I. Прага, 1928.

²⁵ Письмо П. Н. Савицкого О. Броку от 02.12.1956. // Карелин В. А., Репневский А. В. Из переписки профессора Олафа Брука и Петра Савицкого (1916–1958). Указ. соч. С. 291.

²⁶ Савицкий И. П. Потомственный эмигрант // Русское слово. Издание русской диаспоры в Чехии. 2008. № 1. С. 18.

козацкой з поляками войне, чрез Зеновія Богдана Хмельницкаго, гетмана войск Запорозских, точившойся". Он, правда, был уже не священником, а полковым писарем Лубенского полка»²⁷. Потом в жизни Савицкого родовая судьба будет повторять себя, проявляясь в его характере и деятельности — в теме воссоединения России и Украины и его последствиях, в идеи религиозной веры и служения Родине, в историософии, историко-географических изысканиях, ставших как бы продолжением летописных трудов его предков...

После ликвидации Екатериной II Войска Запорожского, Савицкие стали потомственными российскими дворянами, владевшими имениями и крепостными, наделенными различными привилегиями, освобожденными от обязательной государственной службы: «отец Петра Николаевича Савицкого окончил кадетский корпус и Александровское военное училище, служил в артиллерию, после увольнения в запас в 29 лет был назначен уездным предводителем дворянства, избирался председателем Губернской земской управы, в 1916 г. прошел в Государственный совет, принимал участие в строительстве Мурманска»²⁸. Савицкие — старинный малороссийский род, родословная которых насчитывала более 300 лет. Савицкий упоминал о том, что в европейских библиотеках, в частности, в Чехословакии, были родословные списки, среди которых оказались и Савицкие.

Это обстоятельство стало большим преимуществом Савицкого в годы немецкой оккупации Чехословакии. По-немецки его фамилия произносилась как «von Sawitzki», что немецкие оккупанты не оставили без внимания. Эта аристократическая фамилия фигурировала и как польская, и даже как немецкая. Савицкий писал об этом позже Л. Н. Гумилеву: «Меня спасло то, что я "фон Завицки" с двумя печатными генеалогиями на триста лет в пражских библиотеках, и еще то, что повсюду были мои ученики по немецкому ун~~иверсите~~ту в Праге. А даже

²⁷ Савицкий И. П. Потомственный эмигрант. Указ. соч. С. 18.

²⁸ Сиземская И. Н. Истоки евразийства. П. Н. Савицкий. Указ. соч. С. 50.

немцы не любят расстреливать или вешать своих учителей, к тому же любимых. Из немецкого ун~~иверсите~~та меня удалили в 1941 г. за публично сказанные слова: “Россия непобедима”. О, как все эти немцы вспоминали, я думаю, меня в 1945 году, да, пожалуй, уже со Сталинграда!»²⁹. Что касается самоидентификации Савицкого, то он считал себя малороссом, то есть русским, принадлежащим к «малому», западорусскому ответвлению «большого» русского народа. Он не терпел узкого национализма, с огромным скептицизмом и недоумением относился к украинству «галицийского пошиба»³⁰.

Одновременно, он чувствовал трагичность украинской культуры, к которой он принадлежал ментально, по типу личности, по воспитанию, по факту рождения и происхождения. С точки зрения Савицкого, трагизм Украины состоял в том, что она не могла реализовать себя иначе, как через Москву, а реализовав, выплеснув себя в течение XVIII в., исчерпала себя, растворилась и замерла, не дав во второй половине XIX в. — нач. XX в. ничего, сравнимого с тем, что могла создавать ранее: «Вторая половина XIX и начало XX века было временем “истощения” украинского начала в русской культуре. В то время как за два предшествующие века (1650–1850) Украина принесла в русло общерусской культуры столь крупных проповедников, ученых, художников и писателей, как Симеон Полоцкий, Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, Левицкий, Мартос, Гоголь — после 1850 года она не дала ничего соразмерного (можно назвать одного Короленко). <...> Последние десятилетия были не только временем “истощения” украинского начала в русской литературе; это было время культурной “провинциализации” украинского начала вообще. Та стихия, которая в борьбе чуть ли не со всем латинским Западом отстояла свое православие, свою самобытность и расцвела в блестящей культуре XVII–XVIII веков, та стихия, которая охватила все Москов-

²⁹ Письмо П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву от 22.04. 1967. Архив Музея-квартиры Л. Н. Гумилева в Санкт-Петербурге (не описано).

³⁰ См. статью П. Н. Савицкого «Опыт географии Украины» (ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 91. Л. 4).

ское царство и империю Всероссийскую, — стихия эта все более ощущала себя как некая десятистепенная “европейская” культура — будь то Галиция или “наднеревийская” Украина. Ее едва ли не основной заботой сделалось — отгородиться от своего славного прошлого. А это прошлое живо — в виде создавшейся и растущей мировой культуры российской»³¹. Таким образом, Украина, малороссийское начало, по Савицкому, настолько прочно влилось в великорусскую стихию, что найти его можно только в ней. Попытки отрезать малороссийскую ветвь от московского корня означает, таким образом, отказ от украинского славного прошлого, а это — культурное, национальное самоубийство. Именно с этой точки зрения стоит понимать, на первый взгляд, парадоксальный факт: основоположником евразийства, «евразийцем № 1» был, по происхождению, малоросс Савицкий.

Вообще, евразийство с этой точки зрения придумали малороссы и аристократы. Первый — основоположник кн. Н. С. Трубецкой (единственный великоросс среди евразийцев), второй — аристократического (граф) украинско-польского происхождения, хотя и всегда равнодушный к титулам П. П. Сувчинский, третий — потомственный малороссийский дворянин П. Н. Савицкий, четвертый — светлейший князь А. А. Ливен из рода балтийских немцев, который родился в родовом имении Змеево под Харьковом. И только одессит Г. В. Флоровский чувствовал себя в этой компании неуютно, и ругал в письмах «князей», проявляя еще большее снобство...³²

³¹ Савицкий П. Н. Великороссия и Украина в русской культуре / Научные задачи евразийства. Статьи и письма. Составление, вступ. статья, комментарии К. Б. Ермишиной, О. Т. Ермишина. М.: Русский путь, 2018. С. 93.

³² В письмах к П. П. Сувчинскому Флоровский то и дело не мог сдерживаться, и отпускал едкие замечания по поводу княжеского титула то Трубецкого, то Ливена, например: «Говоря между нами, в князе сидит старый помещичье-земский кадетизм почвеннического стиля» (Записки Русской академической группы в США. Т. XXXVII. Нью-Йорк, 2011–2012. С. 203). Стоит отметить, что никакого «помещичьего кадетизма» в Трубецком не могло «сидеть» в принципе. В материальном отношении его семья жила скромно. Несмотря на высокий титул,

Сам термин «Евразия» был рожден на Украине, более того, согласно указанию самого Савицкого, мы знаем даже точный год и место рождения: 1919 г., Полтава, Украина...³³ В 1919 г. в письме к П. Б. Струве Савицкий впервые употребляет термин «евразийский» в отношении территории России: «За политическое же величие России я ни капельки не боюсь: не мытьем, так катањем, не добровольцам, так большевикам, Россия останется властителем во всем круге наших “евразийских” земель, а может быть и не только в нем»³⁴.

они не имели ни своей земли, ни поместья. Родовое имение Ахтырка было продано еще дедом Н. С. Трубецкого, который совершенно не способен был вести дела, истощил свои средства на закрытие долгов своего брата, а также на поддержание дела всей своей жизни — Московской консерватории, открытой по его протекции и при непосредственном участии, в том числе и финансовом. Фактически семья Н. С. Трубецкого жила на университетское жалование отца, философа и первого избранного ректора МГУ кн. С. Н. Трубецкого, которого Николай Сергеевич лишился в возрасте 15 лет.

³³ См.: *Серго П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в центральной и восточной Европе 1920–30-е гг.* М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 90.

³⁴ Письмо П. Н. Савицкого к П. Б. Струве от 2/15.03.1919. Цит. по: Матвеева А. М. Геополитическая концепция истории России П. Н. Савицкого. Указ. соч. С. 79. Стоит отметить, что мы не обнаружили письма, о котором упоминает А. М. Матвеева в ГА РФ, хотя она утверждает, что письмо находится именно там. Однако, и кроме этого упоминания «евразийства» у Савицкого есть и другие, относящиеся к 1919 г., документально подтвержденные, о чем речь пойдет ниже.

3. Ранняя одаренность, роль архитектуры Чернигова и русских городов центральной и северной Руси в становлении мировоззрения Савицкого

Писатель, исследователь творчества Л. Н. Толстого В.Ф. Булгаков, который был вхож в семью Савицких в период эмиграции, писал о Савицком-старшем: «Один какой-нибудь “правый” старик Н. П. Савицкий (Председатель русского национального объединения в Праге, тов[<]арищ[>] пред[<]седате[>]ля Союза русских писателей и журналистов в ЧСР), по личному благородству, стоит выше их всех, вместе взятых. И невольно, хочешь — не хочешь, привлекает к себе, заставляет любить и уважать себя и считаться с собой»³⁵. Отец и сын были очень близки. Савицкий-младший давал отцу на прочтение все евразийские тексты и дорожил его мнением, искал одобрения. В письме ко второму основоположнику евразийства, П. П. Сувчинскому от 5 января 1924 г., Савицкий-старший писал: «Ваш способ изложения напоминает мне представление об электрическом переменном токе; токе большого напряжения... И в электротехнике он, в большинстве случаев, трансформируется, чтобы произвестъ полезную работу; в области же литературной на меня действуетъ сильнее ток постоянного типа. Я уверен, что Вы, при желании, владеете и этим другим способом творчества... Если бы возможно было еще избегать малоупотребляемых иностранных слов...»³⁶.

Как видно из этого отрывка письма Савицкого-старшего, стремление к «чистоте» русского языка, которое было характерно для некоторых славянофилов, было у Савицкого-младшего заимствовано от отца, который, что следует из его письма, также ощущал энергию и

³⁵ Булгаков В. Ф. Отрывки из записей о русских и чехах // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Прага, 2011. Кн. 1. С. 324.

³⁶ Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Коллекция Аллоя. Ед. хр. 43. Л. 1 об. 2.

направленность мысли. То есть обладал способностью интуитивно чувствовать текст, видеть его «энергию» (суть). В некотором роде этот метод противоположен феноменологической дескрипции. Интуиция, которая видит энергию текста (в данном случае энергия — термин из области исихастской или имяславческой традиции, то есть энергия есть энтелехия, сущность бытия), предполагает, что феномен не есть конечная составляющая бытия, но только *являемое* рационально-самоуверенному сознанию исследователя. За феноменом есть суть (энергия) вещи.

Согласно богословской имяславческой (исихастской) традиции, в основе вещей лежат божественные идеи, заряженные вечными логосами-смыслами. Феноменолог утверждает, что такового бытия не существует. Религиозный созерцатель полагает, что у явлений есть сущность, в основе которой — божественная мысль, логос, Слово. Однако в земной реальности бывает и так, что эта суть может быть подменена ложной идеей, созданной злонамеренно, или идея о сути вещей может быть неверно понята ограниченным разумом. Собственно, в этом и состоит сущность умного делания — различать добрые «помыслы» от злых, понимать, откуда приходит мысль, и сопротивляться злой идеи, пришедшей от злых начал. В любом случае, согласно имяславию и православному богословию, в основе мира — мыслеобразы, промыслительный план, идейная сетка, энергетическая умная структура, а текст способен отразить этот момент, стать картой, проводником к идеи, лежащей в основе бытия. Это последнее обстоятельство крайне важно. В дальнейшем из этого зерна (привитого в отеческом доме мировоззрения) у Савицкого-младшего вырастет евразийство, историософия, эйдология, идеократия, теория времени, как производная энергии исторического процесса, и одновременно — создающая для истории направления и смыслы сила...

О семье Савицких вспоминал историк С. Г. Пушкирев, который бывал у них дома в период эмиграции: «В <19>20-х годах я регулярно посещал собрания

евразийского семинара под председательством Петра Николаевича Савицкого. Чувствовал живую личную симпатию к этому талантливому и полному духовной жизни вождю евразийского движения и еще большую симпатию испытывал к его родителям: Николаю Петровичу, бывшему черниговскому земскому деятелю и бывшему члену Государственного совета, и Ульяне Андреевне — приветливой, прекрасной русской женщине³⁷. Савицкий-старший, любитель поэзии и «чистого», без примесей иностранных слов, русского языка, государственник, человек хозяйственных дарований, тем не менее, вряд ли был интеллектуалом. Появление ученого, да еще и мирового уровня, каким был П. Н. Савицкий, в этом военнослужилом роде, было для родителей умильительно, заставляло гордиться сыном. Успехи в учении сопутствовали Петру Николаевичу с детства. Не стоит забывать, что он окончил гимназию с золотой медалью, что было в Российской империи явлением нечастым. К примеру, философ Н. А. Бердяев имел аттестат об окончании гимназии с тройками, что было скорее типично, учитывая высочайшие требования к выпускнику гимназии в Российской империи.

Семья Савицких была строго традиционной. Савицкий-младший вспоминал в день празднования памяти ветхозаветного пророка Наума в письме к «советскому евразийцу» А. Н. Зелинскому³⁸ от 14 декабря 1963 г.: «<Память св. пророка> Наума. В этот день всё должно идти “на ум”. В продолжение почти тысячи лет на “Наума” на Руси начинали учить детей грамоте. И меня начали

³⁷ Пушкирев С. Г. Воспоминания историка: 1905–1945. М., 1999. С. 92.

³⁸ В связи с этим не могу не указать на одну из последних статей А. Н. Зелинского, которая касается обсуждаемой выше проблемы: Зелинский А. Н. Украина как евразийская проблема // Наш современник. № 1. 2022. С. 178–188. Эта статья указывает на то, что называть Зелинского «советским евразийцем» уместно, кроме того, вызывает восхищение работоспособность Зелинского, который в почтенном возрасте более 90 лет продолжает радовать читателей прекрасными аналитическими работами. Сам Савицкий посвятил Зелинскому, как и Гумилеву, дружеские стихотворения.

учить ей в этот день — в 1901 году»³⁹. В 1901 г. юный Савицкий поступил в гимназию, но не в Чернигове, а в Гомеле, где семья по служебным делам отца находилась около года, в 1901–1902 гг. Судя по всему, Савицкий был (как и юный кн. Н. С. Трубецкой) вундеркиндом. Освоив грамоту в 6 лет, уже в возрасте 7 лет он читает сложную научную литературу: «Понимаю и Ваше увлечение Федором Ипполитовичем (кажется, правильно вспоминаю?) Щербатским⁴⁰. Я и сам им увлекался. В библиотеке моего покойного дяди по матери, городского головы г. Чернигова — Георгия Андреевича Ходота, была полная подборка работы молодых и раннесредних лет Ф~~едо~~ра Ип~~политови~~ча — и я “глотал” их чуть ли не с возраста семи лет, а позже и вполне сознательно (конечно, в пределах их русского и, кажется, английского — текстов)»⁴¹. В письмах Савицкий упоминал также еще одного черниговского родственника: «Дмитрий Яковлевич Самоквасов, открывший почти сто лет тому назад в Чернигове дощечки с письменами — мой двоюродный дядя. Мы, как и он — черниговские»⁴².

О раннем круге своего чтения он сообщил в письме к Ф. И. Успенскому: «С детства я много читал по истории (в 12 лет прочел 15 томов “Всеобщей истории” Георга Вебера). <...> Ваши работы ценил и знал тоже с 12-ти летнего возраста»⁴³. Стоит отметить, что Успенский писал на темы связи России с Византией, о ранней истории Руси, черноморских владениях Византии. Самой известной

³⁹ Письмо П. Н. Савицкого А. Н. Зелинскому от 14.12.1963. / «Однако сердце и мысль не умолкают»: переписка П. Н. и И. П. Савицких с А. Н. и Н. Е. Зелинскими. Указ. соч. С. 267.

⁴⁰ Ф. И. Щербатской (1866–1942) — буддолог, тибетолог, один из основоположников современной русской школы буддологии. Автор фундаментальных трудов по буддизму, исследователь Тибета.

⁴¹ Письмо П. Н. Савицкого А. Н. Зелинскому от 11.12.1965. / «Однако сердце и мысль не умолкают»: переписка П. Н. и И. П. Савицких с А. Н. и Н. Е. Зелинскими. Указ. соч. С. 289.

⁴² Письмо П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву от 24.05.1960 г. Архив Музея-квартиры Л. Н. Гумилева в Санкт-Петербурге (не описано).

⁴³ Письмо П. Н. Савицкого Ф. И. Успенскому от 01.05.1928. / Савицкий П. Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 574.

работой Ф. И. Успенского была «История Византийской империи» (Т. I. Санкт-Петербург, 1913). Второе направление исследований Успенского — изучение христианских ересей и развитие древнерусской образованности в X–XVI вв., история исихазма и богословских движений в Византии. В связи с исихазмом и расцветом искусства XIV в., имевшем влияние и на Русь (знаменитая «Троица» А. Рублева была написана в традициях и идеях исихастского богословия), Успенский изучал и соответствующие разделы древнерусской культуры, иконописи и архитектуры. Весь этот круг проблем был крайне важен и интересен Савицкому, который неоднократно в письмах к своим корреспондентам упоминал, что «страстно интересуется» историей архитектуры и культуры вообще, но на профессиональные занятия этими темами у него не хватает времени: «Мне, как географу, преподносится увлекательная для меня схема систематического рассмотрения всего состава русско-византийских храмоздательских памятников, литература 120–130 названий уже “мобилизована” мною для этих целей. Но доведется ли снова заняться этим вплотную?»⁴⁴

В отличие от Н. С. Трубецкого, который родился в семье философа, первого выборного ректора Московского университета кн. С. Н. Трубецкого, и имел доступ не только к хорошим библиотекам, но и возможность систематического образования под руководством взрослых (вопросу выбора книг для чтения в семье Трубецких уделяли особое внимание), Савицкий в отношении своих научных интересов развивался скорее хаотично. Чтение литературы было у него довольно бессистемным: он просто «проглатывал» книги из семейной библиотеки, а затем из библиотек своих ближайших родственников.

Так, в одном из писем к Г. П. Струве он также упоминает о своих детских научных штудиях: «Очень оценил я и фотоснимок часовни колонии Росс. Ее историей и историей русской Аляски я занимаюсь с детских лет

⁴⁴ Письмо П. Н. Савицкого Ф. И. Успенскому от 01.05.1928. / Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч. С. 577.

(с первых годов XX века). Не скрою, что еще семи-восьмилетним мальчиком, в 1902–1903 гг., я проклинал Александра II за преступную ее продажу, считая это самым важным — и в то же время самым позорным — “действием” его царствования. Читал роман Ивана Кратта⁴⁵. Знаю всю научную и наукообразную литературу по этим вопросам (в т_еом ч_исле и американскую, дающую нередко искаженную картину событий)»⁴⁶. Похоже, это и сформировало в нем специфическое качество: читать и изучать буквально все, что только возможно и доступно, причем достигать в каждой из областей довольно внушительных по объему, можно сказать, фундаментальных знаний.

Детство и юность Савицкий провел в Чернигове, не считая года, проведенного в Гомеле (похоже, это пребывание не оставило глубоких впечатлений). Стоит отметить, что Савицкий не разделял Украину и Беларусь, рассматривая южную Россию в единстве исторической судьбы. Далее он учился в Первой мужской классической гимназии Чернигова, которую и окончил, как уже было упомянуто, с золотой медалью. С Черниговом у Савицкого связаны и первые впечатления, и чувство Родины, и первые систематические научные занятия, о которых мы скажем ниже. Сначала нужно представить себе, каким был город Чернигов в начале XX в., ведь Савицкий очень ценил то, что он «черниговец» и при удобном случае подчеркивал это в письмах и разговорах. Для ранней самоидентификации Савицкого были важны два «маяка»: он — «черниговец» и он — выпускник Политехнического института в Санкт-Петербурге. Многие связи, как семейные, дружеские, так и евразийские, завязались у него именно в этих двух биографических «очагах».

⁴⁵ Речь об историческом романе И. Кратта «Великий океан» (кн. 1. «Остров Баранова». Кн. 2 «Колония Росс») о первопроходцах XVIII в., которые достигли берегов Аляски и пытались закрепиться в Северной Калифорнии, где в 1812 г. было основано русское поселение Росс.

⁴⁶ Письмо П. Н. Савицкому Г. П. Струве от 05.02.1960. / Старый патриотизм, «переориентированный на новую Россию: евразийство П. Н. Савицкого. Письма П. Н. Савицкого Г. П. Струве. Публикация, вступ. статья Мелих Ю. Б. // Россия XXI. 2010. № 2. С. 148.

В конце XIX — нач. XX вв. Чернигов был небольшим уездным городом, слава которого меркла в лучах соседнего Киева. Университет св. Владимира, Киево-Печерская Лавра с Ближними и Дальними пещерами — один из четырех уделов Божией Матери на земле, колоритный многонациональный город (где малороссов, поляков и евреев было едва ли не больше, чем русских), — все это был Киев — мать городов русских. Чернигов было намного более русским городом, весь усыпанным храмами и часовнями. Над городом возвышалась Троицкая обитель. Довольно большой холм, почти гора, с которого открывался вид на весь Чернигов, утопал в зелени летом и белел яркими сугробами на фоне пронзительного голубого неба зимой. Чернигов был колыбелью русского монашества. Именно в Чернигове начинал свое житие преп. Антоний, который у подножия черниговского холма вырыл первые пещеры для безмолвия и умной молитвы. В этих пещерах стоял (и до сих пор стоит) древний каменный крест преп. Антония, от присутствия которого трепетала нечистая сила и исцелялись бесноватые. В Киев преп. Антоний пришел позже, и именно с появлением этого русско-афонского монаха началась духовная слава Киева — не только как столицы, но и как древнерусского духовного центра. Чернигов же остался хранителем исихастской тишины, преданий о начале христианства на этой земле. Было в Чернигове что-то сказочное, мечтательное и былинное, что-то, что заставляло глубоко ощущать начало русской истории и государственности как осозаемое, действенное начало. Древняя Пятницкая церковь (в честь муч. Параскевы Пятницы), в которой крестили П. Н. Савицкого, датируется XII в. Земля Чернигова и окрестностей — сплошной археологический памятник, скрывающий следы древнехристианской и более ранней языческой Руси. Недаром Савицкий с детских лет увлекался археологией, объездил все окрестности Чернигова в поисках древних артефактов. Окраины и предместья Чернигова имели огромное число разнообразных памятников архитектуры — церквей и древних строений вообще, деревянных и каменных. Именно в Чернигове Савицкий начинает занятия, находит увлечения, которые постепенно перерастут

в его профессиональные практики — история архитектуры, история древнего мира, почвоведение, география. Почва, земля, скрывающая древности (археолог должен хорошо знать виды почв и их свойства!) стала в буквальном смысле слова основой его научных, а потом и евразийских занятий.

Чернигов стал тем зерном, из которого возросло древо жизни Савицкого, но оно им отнюдь не ограничивалось. Горизонты Савицкого не замыкались Украиной, он имел хорошее представление о «большой» России, которая стала расширением черниговского и киевского начала вглубь «материковой» России-Евразии. В детстве и юности он много путешествовал. Вспоминал город Петушки (потом его прославит В. Ерофеев в своей трагикомической повести «Москва—Петушки»), а также древние города и веси Владимира-Сузdalской земли: «Невольно вспоминаются Петушки. Ведь я провел там все лето 1912 г. у дяди моего (ныне уже покойного) железнодорожного врача Сергея Дмитриевича Крестовникова и его жены — моей тети Марии. Петушки были моей базой в поездках по всем достопамятным местам Владимирско-Сузdalской Руси. По железной дороге, на лошадях и пешком я побывал из Петушков во Владимире, Боголюбове, Суздале, Юрьеве Польском»⁴⁷. Вспоминал Крым, где бывал не раз, как в юные, так и в зрелые годы: «Крымом очень интересуюсь. Первый раз видел его (страшно сказать!) в сентябре 1902 года. Тогда я, семилетним мальчиком, увязался ехать в Крым хвостиком при родителях и тете. Но помню все отлично — как будто вчера было: сказочная по красоте панорама Севастополя и бухты со всей Черноморской эскадрой — при подъезде к городу по железной дороге; на Малаховом кургане говорю с группой стариков — защитников Севастополя в 1854–55 гг.; царский смотр эскадры (помню все подробности); обход с отцом (в молодости артиллерист по профессии) всех собравшихся к тому времени бастионов; Музей обороны

⁴⁷ Письмо П. Н. Савицкого свт. Афанасию (Сахарову) от 07.11.1955. / Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову). Указ. соч. С. 277.

и т. д. и т. д. В 1910-х годах я неоднократно бывал в Крыму и живал в нем. Моя покойная жена (скончалась 12 октября 1960 г.) — наша соседка по Черниговской губернии, но подружились мы с ней в Севастополе»⁴⁸. Савицкий писал также, что посещал Троице-Сергиеву Лавру «в 1911, 1912 и 1914 годах»⁴⁹, то есть в возрасте 16, 17 и 19 лет, причем это были посещения не только паломнические, но и научные. Юный Савицкий внимательно рассматривал все детали древних храмов и других помещений, слушал свидетельства старожилов, отмечал для себя различные архитектурные и исторические факты и подробности.

В юности Савицкому удалось побывать и на Русском Севере: «Соловки я посетил в бытность отца Главноначальствующим в Архангельске и во всем Северном крае — вместе с ним. Отца великий монастырь встретил крестным ходом — это был чуть ли не последний крестный ход такого рода в его истории. Яхта Главноначальствующего (т. е. отца П. Н. Савицкого — Николая Петровича Савицкого-старшего — К. Е.) бросила якорь довольно далеко от берега, на внешнем рейде. Мы с отцом отстояли обедню в Спасо-Преображенском соборе, а затем архимандрит показывал нам святыни и древности обители. Хотя монастырь был на “военном положении” (германские подлодки проникали и в Белое море), но все, в общем, было в порядке. Однако и тогда понимание значения исторических ценностей, находящихся в монастыре, не всегда было на высоте... Я не только внимательно слушал архимандрита, но позже, в 1920-х — 1930-х гг., изучал и акты Соловецкого архива, изданные проф. А. Савичем»⁵⁰. Пытливый и восторженный ум юного Савицкого

⁴⁸ Письмо П. Н. Савицкого А. Н. Зелинскому от 01.12.1963. / «Однако сердце и мысль не умолкают»: переписка П. Н. и И. П. Савицких с А. Н. и Н. Е. Зелинскими. Указ. соч. С. 265.

⁴⁹ Письмо П. Н. Савицкого свт. Афанасию (Сахарову) от 23.10.1956. / Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову). Указ. соч. С. 285.

⁵⁰ Письмо П. Н. Савицкого А. Н. Зелинскому. Сентябрь 1966 г. / «Однако сердце и мысль не умолкают»: переписка П. Н. и И. П. Савицких с А. Н. и Н. Е. Зелинскими. Указ. соч. С. 302.

навсегда остался преданным Святой Руси — зримой в своих храмах, в церковных звонах («<...> ростовские звонь. И я их слыхивал — но 50 и более лет назад, даже страшно сказать!»⁵¹) — таинственному, легендарному, скрытому от глаз земных — граду Китежу.

Но не только древнерусские мотивы и впечатления определяли жизненные установки Савицкого. Большое значение имело служебное положение его отца, который сделал карьеру, и, одновременно, служил Отечеству верой и правдой, как это было принято у провинциальных дворян. На Петра Савицкого возлагали в семье большие надежды. Младший брат Савицкого, Георгий⁵², в этом смысле не был объектом особых упований. Петр Николаевич был во всем более ярок, талантлив, обладал более сильным характером. Попав в Санкт-Петербург в студенческие годы, он почувствовал себя вполне комфортно, хотя для того, чтобы вписаться в новые условия, ему

⁵¹ Письмо П. Н. Савицкого А. Н. Зелинскому. Сентябрь 1966 г. / «Однако сердце и мысль не умолкают»: переписка П. Н. и И. П. Савицких с А. Н. и Н. Е. Зелинскими. Указ. соч. С. 304.

⁵² Георгий Николаевич Савицкий (1898 — после 1972), брат П. Н. Савицкого. По специальности агроном. С 1927 г. жил в США, в г. Покипси (штат Нью-Йорк). В США работал на спичечной фабрике. Также о нем имеются следующие известия: «Он был офицером царской армии, был в армии Деникина, по болезни был эвакуирован из Новороссийска в Константинополь» (Мухачев Ю. В. Лубянка против евразийцев. // Евразийство. Исследования и публикации. М.: Парад, 2014. С. 194). Сестра, Анна Николаевна Савицкая (1900–1984, в замужестве Кренке) осталась в Советской России. Анна Николаевна была научным сотрудником Ботанического сада Академии наук СССР. Племянник П. Н. Савицкого, сын Анны Николаевны, — Н. А. Кренке «получил известность и признание как ученый, ориентированный на расширение проблематики археологических исследований, на постановку и решение нестандартных научных задач и разработку новаторских, “неканонических” методов и приемов полевых изысканий» (Макаров Н. А. К 60-летию Николая Александровича Кренке / De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. Москва-Смоленск: «Свиток», 2017. С. 7.). Таким образом в семье Савицких прослеживается в поколениях глубокий интерес к археологии, ботанике, геологии и истории (не забудем сына самого П. Н. Савицкого — Николая Петровича Савицкого, русско-чешского историка).

необходимо было обдумать свое положение, очень уж не похож был Петербург на Чернигов, ни по климату, ни по архитектуре, однако он усмотрел в столице русско-украинский синтез: «В Москве же московские цари (Алексей, Федор и Петр) оказались сильнее самой Москвы в ее сословно-общественном укладе — и в преодолении узко-московской сущности, преодолении, нашедшем себе окончательное выражение в петербургском строе вещей, создали слияние Москвы и Украины. <...> В Петербурге с первых моментов его существования великороссы и украинцы были уравнены. Недаром и теперь еще многие украинцы, чувствуя себя чужими и в Москве, и в современном польско-еврейском Киеве, чувствуют что-то не чужое себе и близкое в Петербурге — там, где сделалось возможным объединение Москвы и Украины»⁵³.

Стоит отметить, что у москвича Н. С. Трубецкого отношение как к Петру I, так и к «слиянию» Московского царства с Украиной было отрицательным. Он в самых резких выражениях выступал против романтизации этого «слияния», полагая, что его последствием стало унижение великороссов, которые потеряли почти на столетие возможность активной церковной и государственной деятельности (среди епископов XVIII в. практически не было великороссов — сплошь украинцы. Та же тенденция была в музыке, архитектуре и во многих других отраслях). Удивительно, что на эту тему Трубецкой и Савицкий ни разу не столкнулись. Видимо, Савицкий предпочитал держать свои мысли при себе. Самую яркую статью на указанную тему Савицкий поместил не в евразийском, а в стороннем издании, и не уведомил Трубецкого о том, что она появилась в печати⁵⁴.

⁵³ Савицкий П. Н. Борьба за империю / Империя и нация в русской мысли начала XX века. М.: Издательская группа «Скимен», 2004. С. 302.

⁵⁴ Статья П. Н. Савицкого «Великороссия и Украина в русской культуре» появилась в журнале «Родное слово» (1926. № 8. С. 10–14).

4. Предварительные итоги и первая «формула евразийства»

Если обратиться к судьбе других евразийских лидеров, то можно заметить характерную общую тенденцию. А. А. Ливен принял священство, и рано порвал с евразийством, Г. В. Флоровский также сделал выбор в пользу церкви и принял священство. Трубецкой был ктитором православного прихода в Вене, у него на дому проходили церковные спевки (репетиции), Савицкий был глубоко религиозен, и десять лет в лагерях и ссылках провел в обществе новомучеников и исповедников Российских, позже прославленных в лице святых. Стоит отметить, что Савицкий подчеркивал свою религиозность, как, например, свидетельствует Д. И. Мейснер, описывая беседы молодежи с «<...> лидером евразийцев, молодым тогда, исключительно одаренным человеком, не устававшим заявлять, что он верующий, и строго церковно-верующий человек»⁵⁵. Таким образом, третий компонент евразийства — истовая религиозность. Первые два — «окраинный синдром» и аристократизм. Казалось бы, у москвича Трубецкого «окраинного синдрома» быть не должно. Однако стоит помнить, что евразийство Трубецкого родилось около 1910 г. на Кавказе, как он сам засвидетельствовал это в книге «Европа и Человечество», а также в письмах к евразийцам и Р. Якобсону (См.: «Эта книга была задумана мною уже давно (в 1909–1910 г.)»)⁵⁶.

1910 г. (время рождения евразийства Трубецкого) и 1913 г. (время рождения евразийства Савицкого, о чём речь ниже) — отнюдь не случайные даты. Именно в эти годы в России рождается предъевразийство, что, например, отразилось в книге основоположника русской geopolитики А. Е. Вандама «Наше положение», которую он начал писать в 1910, опубликовал в 1912 г. В этой книге Вандам, к примеру, формулирует евразийское положение

⁵⁵ Мейснер Д. И. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М.: Издательство Агентства печати «Новости», 1966. С. 178.

⁵⁶ Письмо Н. С. Трубецкого Р. Я. Якобсону от 07.03.1921. Письма и заметки Н. С. Трубецкого. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 12.

о «наследии Чингисхана», говоря о Маньчжурии: «Родина Чингис-хана и наше историческое наследство»⁵⁷. Вандам формулирует евразийское положение о том, что главный geopolитический противник русских — англосаксы, а geopolитические интересы России в целом лежат на Дальнем Востоке, где мы должны были осуществить выход к теплому незамерзающему Китайскому морю и контролировать все торговые и экономические пути. Геополитическая ориентация на Европу не просто geopolитическая, но цивилизационная, глобальная ошибка русских элит. Воюя в Европе, к примеру, под командованием А. Суворова, русские только расчищали путь своим geopolитическим противникам — англосаксам, ослабляя, таким образом, свои позиции.

Эти мысли не были «открытием» исключительно Вандама (настоящее имя — Едрихин Алексей Ефимович, военный разведчик, 1867-1933), очень многие начинают чувствовать, говорить, писать о том же. Например, похожие идеи мы находим в «Памятной записке по поводу закона о флоте и судостроительной программы» (1912) А. А. Ливена (родственник основоположника евразийства, контр-адмирал), в «Записке Дурново» (1914) министра внутренних дел П. Н. Дурново, представленной на рассмотрение Николаю II⁵⁸. В 1913 г. была «открыта» русская икона (представлена публике впервые на Выставке древнерусского искусства в Москве), что вызвало шквал религиозно-философских работ, таких, как книга Е. Н. Трубецкого «Умозрение в красках» (1915). Как отмечает С. М. Половинкин, «Первая мировая война скомпрометировала западноевропейскую культуру, поэтому многие мыслители обратили свой взор к Востоку»⁵⁹. Однако и до Первой мировой войны, пожалуй, с момента революции 1905 г., начинается «евразийское» движение,

⁵⁷ Вандам А. Е. Наше положение. М.: Концептуал, 2021. С. 36.

⁵⁸ См.: Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век. Коллективная монография под ред. И. Ф. Кефели. СПб.: Петрополис, 2022. С. 49-58.

⁵⁹ Половинкин С. М. Евразийство и русская эмиграция / Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 735.

сначала в искусстве, потом в музыке, в философии, в политической мысли. Неудивительно, что время рождения «евразийства» Трубецкого также приходится на 1910 г., когда уже эпоха во всю «евразийствует». Строки А. Блока «Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, С раскосыми и жадными очами!» (1918), вдохновившие евразийцев, появились отнюдь не на пустом месте.

На Кавказе Трубецкой занимался исследованием кавказских языков и фольклора. Наблюдая за разрушением традиционного образа жизни, языка и быта народов Кавказа вследствие европеизации, он испытал некоторое потрясение, что заставило его задуматься о причинах этого явления. В то время русификация и была, по сути, европеизацией. Русификацией как таковой на окраинах Российской империи заниматься было запрещено, в частности, был запрет на православное миссионерство в южных регионах. Киргизию царские власти предпочли обратить в ислам (в течение XVII–XVIII вв.), выслав тогда в полуязыческий регион исламских, а не православных миссионеров. Эта довольно странная политика давала иногда противоположные ожидаемым результаты. Трубецкой увидел не русификацию Кавказа, а скорее его европеизацию (=глобализацию) под видом модернизации. Это было то зерно, из которого выросло евразийство Трубецкого.

Невозможно игнорировать и такой важный компонент евразийства как архитектурные и искусствоведческие, зодческие увлечения Савицкого, его погруженность в историю Древней Руси. Этот компонент можно свести к истории Древней Руси, преимущественно Киевского периода, или просто обозначить как острый интерес к истории. Такова самая первая «формула евразийства», которая выявляется при ближайшем предварительном приближении к теме: *аристократизм, «окраинный синдром», глубокая религиозность, погруженность в историю и архитектуру Древней Руси*. Эта «формула» нуждается в уточнении, дополнении и детальном анализе, чтобы наполнить этот «костяк» конкретным историко-философским, идеяным содержанием.

5. Петербургский период в жизни Савицкого

Возвращаясь к биографии Савицкого периода студенчества, стоит отметить тот факт, что он окончил инженерно-технический вуз, в котором не было гуманитарных факультетов (были отделения экономическое, электромеханическое, кораблестроительное, металлургическое, инженерно-техническое, механическое и техническое, потом при институте открылись первые в России авиационные Курсы воздухоплавания и Высшая автомобильная школа). Политехнический институт, в котором учился Савицкий, был довольно молодым учебным учреждением, основанным в 1899 г. (сейчас входит в десятку крупнейших вузов страны). В числе его основателей (наряду с С.Ю. Витте и В.И. Ковалевским) был Д.И. Менделеев. Направленность института с самого начала была инженерная и дипломатическая, новый институт должен был ковать кадры для стремительно модернизирующейся страны. Недаром Савицкий мыслил себя принадлежащим новому направлению, видел Россию страной индустриальной, научно-технической, в то время как старшее поколение экономистов, таких как, например, М.И. Туган-Барановский, отстаивали идею России как сельскохозяйственной страны, в которой научно-техническая революция и промышленная модернизация сомнительны. Это наложило свой отпечаток на мышление и научный стиль Савицкого — внимание к фактам, фактам, вычислениям закономерностей, составление схем, таблиц, графиков и т. д. Иногда это делало его статьи несколько тяжеловесными, но его тексты «спасала» горячность, убежденность, гуманитарная начитанность автора, поэтическая и религиозная одаренность.

Ранняя статья Савицкого «К вопросу о развитии производительных сил» посвящена полемике с Туган-Барановским, в ней он с убежденностью писал: «Искания простора для промышленного развития России продолжаются и должны продолжаться. Только в результате этих исканий выяснятся действительные природные

возможности русского промышленного развития; ставить над ними уже теперь определенный отрицательный приговор и опасно, и неправильно»⁶⁰. Савицкий видел Россию как стремительно модернизирующуюся страну, за которой будущее — технологии, промышленность, дипломатический вес.

Петербургский период в жизни Савицкого был чрезвычайно важен. В это время он прошел настоящую школу европейской мысли и академической дисциплины. В сплаве с «древнерусскими» и «малороссийскими» элементами это, парадоксальным образом, и дало в сумме евразийство — которое не есть «азиатчина» и не «оригинальничанье» на почве татаро-монгольской темы, как о том настойчиво писали его оппоненты в эмиграции. Собственно, критики евразийства склонны были выделять только два компонента, но их аргументы часто били мимо цели: они сводили евразийство к глубокому потрясению от революции 1917 г. и спекуляциям вокруг темы Востока, конкретнее — татаро-монгольской темы. Безусловно, указанные два компонента в евразийстве присутствовали, но не в качестве основных составляющих, а скорее элементов эмоционально-акцидентальных и украшающих общую картину; эти элементы были вплетены в сложную канву евразийских «несущих элементов». Что касается революции 1917 г. и последующей смуты, то она была не столько причиной, сколько объективным обстоятельством: с разрушением всех устоев государства и общества, с превращением России в «Совдепию», как говорили в начале 1920-х гг., возникла необходимость заново осмыслить пройденный путь и перспективы на будущее. Для евразийцев было ясно, что назад дороги нет — это открыла им революция 1917 г., показавшая глубочайшие, внешне-косметически невосстановимые катастрофические разрывы, пропасти в русском бытии. Философская и мировоззренческая основа евразийства была не двусоставной, как думали критики-

⁶⁰ Савицкий П. Н. К вопросу о развитии производительных сил / Савицкий П. Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 48.

эмигранты, но многокомпонентной и оригинально-разнообразной. Евразийство в чистом виде есть сплав элементов древнерусских, элементов древней психологии и истории в сочетании с новейшим и даже рафинированным, последним словом европейской науки начала и середины XX в. — номогенетической теории эволюции, квантовой физики, структурализма и т. д.

Именно поэтому евразийскую мысль так слабо понимают и мало знают по существу. Для того, чтобы аутентично воспринимать евразийство, надо знать древнерусскую, и шире — евразийскую (в смысле А. фон Гумбольта) историю, археологию, архитектуру и, одновременно, хорошо ориентироваться в истории науки Нового и Новейшего времени. Неплохо знать и реалии советского времени, историю эмиграции, двух революций (февральской и октябрьской) 1917 г., и последующей Гражданской войны. Татаро-монгольская тема, как и тема кочевников в классическом евразийстве — скорее благоукрашение, чем существо вопроса. В евразийстве конца 1920-х гг., в евразийстве 1930-х и более позднего времени значение этих элементов, тем не менее, возрастает.

Эти противоположные тенденции (древнерусские и новейшие научные) и стали основой евразийства, которое есть сочетание «старого» и «нового», если в качестве метафоры воспользоваться названием известной работы А. С. Хомякова⁶¹ — программного славянофильского текста. Невозможно не вспомнить и одноименную книгу С. С. Хоружего⁶². Названия не случайны, они вскрывают глубинную основу русского ментального кода, который всегда был сочетанием «старого» и «нового», причем время от времени хотел быть или только и исключительно

⁶¹ Хомяков А. С. О старом и Новом. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. Статьи и заметки разнородного содержания. Т. 1. М.: Типография Лебедева, 1878. С. 359–377.

⁶² Хоружий С. С. О старом и новом. СПб.: Издательство «Алетейя», 2000. Эта книга является едва ли не самой основоположной в наследии Хоружего. Стоит отметить, что С. С. Хоружий — один из первых исследователей евразийства, который сосредоточил свое внимание, в основном, на фигуре Л. П. Карсавина.

«старым» (старообрядчество), или сугубо «новым» (коммунизм). Евразийство в этом отношении стремилось к балансу, гармонии «старых» и «новых» начал. *Евразийство есть поиск инновационного с опорой на традиционное*. Традиционализм входит в русский культурный и ментальный код, опора на традицию обязательная для русского человека, который, одновременно склонен и к крайнему анархизму, склонен начинать свою историю заново — от Петра I, от Октябрьской революции 1917 г., от падения СССР... С этой точки зрения *евразийство — очень русский конструкт, отвечающий глубинным поискам русского человека*.

В период студенчества Савицкий осваивает огромный пласт западноевропейской литературы, по преимуществу экономической, глубоко изучает марксизм и течения, которые ему предшествовали. Из важнейших западноевропейских авторов этого периода, оказавших некоторое влияние на Савицкого, следует назвать экономиста, дипломата Фридриха Листа (1719–1846), экономиста Жан-Батиста Сей (1767–1832), философа, экономиста Адама Смита (1723–1790), политолога, одного из лидеров национал-консервативной немецкой мысли Пауля Рорбаха (1869–1956), геополитика Пауля Арнданта, автора книги «Положение Германии в мировой политике», политика, банкира, государственного деятеля Дернбурга Бернхарда (1865–1937), автора книги «Главные цели немецкой колонизации». Особенno важен был для него Ф. Лист, который повлиял на становление ранней Теории империи Савицкого, из которой позже выросла евразийская концепция России как Континентально-океана (предшественница теории месторазвития). Савицкий изучал по преимуществу немецких авторов, читал их в оригинале.

Свою Теорию империи он изложил в статье 1916 г. «Борьба за империю», которая является ярким образцом его ранней геополитической мысли. Любопытно, что в евразийский период он не возвращался к этой довольно фундаментальной работе, вероятно потому, что отказался от немецких, западноевропейских взглядов вообще на

сущность России как особого типа колониальную империю, которая, в отличие от хищных империй западного типа, не поглощает чуждые народы и страны, но включает их в себя, как равные. Россия начинается со слияния двух ядер, как бы материнских матриц — Московской Руси и Украины, вырастая в особого типа империю: «Основное империализующее ядро русской империи, великое русское национальное единство создалось слиянием Москвы и Украины. <...> Московия была способна стать творцом “империи”, только восприняв от Украины этот дух живой культуры»⁶³. В евразийский период он откажется от этого взгляда, осознав Россию как Евразию, не империю, но «особый мир», который живет по своим законам (например, экономическим, не совпадающим с европейскими, как будет показано ниже) и ритмам (временные «лаги» России-Евразии также отличны от европейских). В этой ранней статье есть намеки на будущее евразийство: «Россия обращена на Восток. И многое говорит за то, что она может создать здесь органическую империалистическую цельность, сходную с иными чертами и заданиями с эллинистическими монархиями Востока и Римской империи»⁶⁴; «Возможно, например, что лишь татарское владычество могло привести северную Русь к национальному объединению — и тем создать фундамент Российской империи»⁶⁵ и т. д. Но эти евразийские ноты едва прорываются сквозь довольно плотный «туман» идей «романо-германских» авторов и основного подхода, при котором Россия рассматривается не как нечто совершенно иное и инаковое по отношению к Европе, но как один из видов империалистического государства, наряду с Англией и Германией.

Во время учебы в Петербурге Савицкий не оставлял занятий археологией. Еще будучи учеником черниговской классической гимназии, вместе с историком В. Л. Модзалевским он объехал Левобережную Украину.

⁶³ Савицкий П. Н. Борьба за империю // Нация и империя в русской мысли в начале XX века. М.: Скимен, 2004. С. 301.

⁶⁴ Там же. С. 303.

⁶⁵ Там же. С. 268.

Модзалевский провел детство в Санкт-Петербурге, но с 1903 г. был членом Черниговской архивной комиссии, и с 1911 г. переехал в Чернигов, где с головой погрузился в тему украинских генеалогий и украинской архитектуры. Вместе они занимались научно-полевыми исследованиями. В 1912–1913 гг. Савицкий объехал старинные усадьбы Черниговской губернии, снимая материал на фотоаппарат. После принял участие во Второй выставке украинского искусства, предоставив снимки, которые были распределены по трем рубрикам: деревянное зодчество, каменное зодчество и каменицы Чернигова. Все материалы были снабжены подробным научным комментарием, включая обмеры и планы строений. Весь этот материал он, совместно с Модзалевским, переработал в книгу «Очерки искусства старой Украины. Чернигов», о чем Савицкий не раз писал в письмах.

Эта книга не вышла в свет по обстоятельствам революционного времени, но волновала его на протяжении всей жизни: «Журнал “Живая старина” принял в 1917 г. к напечатанию, в виде особой книги работу В. Л. Модзалевского и мою “Очерки искусства старой Украины. И. Чернигов” (весь текст был написан мною). Книга была набрана и, кажется, напечатана, но погибла в типографии (вместе с рукописью) в 1919 г. <...>. В погибшую книгу покойный В. Л. Модзалевский, мой незабвенный друг, вложил большую долю своей мысли, помочи и внимания»⁶⁶; «Работая над этой книгой, мы с В[адимом] Л[ьевови]чем подняли весь доступный исторический материал по Чернигову; говорили мы по историческим вопросам и со многими духовными лицами тогдашнего Чернигова»⁶⁷. Книга, готовая к печати, погибла в пожарах, возникших «во время “Юденичского” наступления на Петроград»⁶⁸. Вероятно, в Петрограде же частично или полностью погибла и собранная Савицким первая библиотека, по

⁶⁶ ГА РФ. Ф. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 418. Л. 111.

⁶⁷ Письмо П. Н. Савицкого свт. Афанасию (Сахарову) от 20.04.1958. / Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову). Указ. соч. С. 309.

⁶⁸ Востоков П. [П. Н. Савицкий]. Стихи. Париж, 1960. С. 172.

крайней мере, позже он писал: «Мои норвежские словари (довольно многочисленные) погибли в Петрограде еще в 1918 году»⁶⁹. Позже, Савицкий отмечал, что рукопись книги должна была сохраниться в архивах Киева, где Модзалевский трудился в последние годы жизни, заведовал архивно-библиотечным отделением Министерства просвещения как при Скоропадском, так и позже, при большевиках. По мнению Савицкого, один экземпляр этой книги уцелел: «сохранился один экземпляр, в бумагах В. Л. Модзалевского, в Академии наук в Киеве»⁷⁰.

⁶⁹ Письмо П. Н. Савицкого О. Броку от 02.12.1956. // *Карелин В. А., Репнинский А. В.* Из переписки профессора Олафа Брука и Петра Савицкого (1916–1958). Указ. соч. С. 292.

⁷⁰ Письмо П. Н. Савицкого свт. Афанасию (Сахарову) от 20.04.1958. / Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову). Указ. соч. С. 309.

6. Первые печатные работы П. Н. Савицкого. Альянс с П. Б. Струве

Впечатления юности и детства сформировали в Савицком романтика, почитателя древности, старинных преданий, архитектурных форм давно ушедших, героических эпох. И он очень тонко и точно чувствовал эти ста-ринные эпохи, пронизанные пламенем религиозной веры. Первые печатные труды Савицкого были посвящены архитектурным изысканиям. Публиковаться Савицкий начал в местной черниговской газете «Черниговская земская неделя», где вышли его статьи «Замечания к программе классической гимназии» (№ 25, 1912), «Каменное строительство на Украине от времен Богдана Хмельницкого до времен Разумовского» (№ 9, 1913), «Первая выставка украинского зодчества в Харькове» (№ 5, 1913), «Церковно-археологический музей в Харькове (по поводу недавнего его открытия» (№ 23, 1913). В том же духе он продолжает печататься и в 1914 г.: «2-я выставка украинского художественно-архитектурного отдела Харьковского литературно-художественного кружка» (Там же. № 23, 1914), «Украинская иконопись и культура в Черниговском Епархиальном Древлехранни-лище» (№ 1, 1914) и т. д.

Удивительно то, что уже в 1915 г. он публикуется в струвинской «Русской мысли» (к этому времени он был уже студентом 2-го курса) с совершенно другими статьями, на тему geopolитики и экономики. Как могла столь стремительно произойти перемена интересов, а главное, как он мог за год-полтора освоить целый пласт экономических и статистических работ (на немецком, по преимуществу, языке), проанализировать главные тенденции, построить собственную теорию различных типов империй (именно этому посвящены его ранние статьи 1915–1917 гг.)⁷¹? Это объясняется его выше указанной особен-

⁷¹ См.: Савицкий П. Н. Борьба за империю. Империализм в политике и экономике // Русская мысль. 1915. Т. 35. № 1; Он же. Проблема промышленности в хозяйстве имперской России // Русская мысль. 1916. Т. 37.

ностью — способностью в поразительно максимальные сроки освоить колоссальное количество знаний. Позже Г. В. Вернадский писал об этом даре Савицкого: «Петр Николаевич <...> человек необыкновенных дарований и разнообразных интересов — историк, географ, экономист, искусствовед, педагог. При его пламенной энергии он способен был к большим напряжениям воли. Память у него была феноменальная. Раз прочтя книгу (а читал он быстро), он мог цитировать, не заглядывая в нее вновь, целыми страницами»⁷².

На студента Савицкого в Санкт-Петербургском политехническом институте обратил внимание Петр Бернгардович Струве (1870–1944), прославленный экономист, общественный деятель, по убеждениям — западник, сторонник социальной революции в России. Струве был, можно сказать, «иконой» общественного деятеля канунной России, первым профессиональным политическим деятелем, первым общественником, совестью и рупором русского интеллигентского сообщества. После революции 1917 г. он проклянет свои революционные убеждения, и даже, по словам своего друга, философа С. Л. Франка, будет находиться в состоянии душевного потрясения, из-за которого потеряет присущую ему терпимость к чужому мнению: «Я постепенно начинал сознавать, что собственно случилось с П. Б.: глубоко, в самых недрах своей души раненый неудачей Белого движения и крушением родины, он находился в состоянии близкому к потере духовного равновесия или во всяком случае его обычной духовной широты»⁷³. Но тогда, до революции 1917 г., казалось, что все идет «хорошо»: Россия выходит на простор общемировой, политически зрелой жизни, шагает в ногу с передовыми европейскими державами.

Струве приближает к себе Савицкого, делает его своим секретарем и поверенным в делах. Сам Савицкий

⁷² Вернадский Г. В. П. Н. Савицкий // Новый Журнал. Кн. 92. Нью-Йорк, 1968. С. 273.

⁷³ Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956. С. 139.

испытывает чувства глубокой привязанности к нему, называет себя «учеником и другом»⁷⁴ Струве. Так, позже, во время эвакуации из Крыма, в ущерб своим интересам, Савицкий самоотверженно сохранял его вещи и книги, делился со Струве самыми сокровенными мыслями и планами. П. Б. Струве привил ему интерес к политике, дипломатии, экономической мысли, вывел его на простор международной жизни. Достаточно вспомнить тот факт, что еще будучи студентом предпоследнего курса, он состоял при Российской миссии в Христиании в качестве коммерческого секретаря посланника России в Норвегии, и подготовил заключение двух торгово-политических соглашений между Россией и Норвегией. Назначение в Норвегию он получил по рекомендации Струве.

В июле 1916 — марте 1917 г. он работал в норвежской Христиании (Осло) под руководством дипломата К. Н. Гулькевича. Из этого периода жизни Савицкого известно, что он лично посетил норвежского филолога, профессора Олафа Брука, с которым вступил в переписку, еще будучи студентом второго курса (из этого, кстати, следует, что страсть к письмам, через которые он завязывал дружеские отношения, была у него с юности): «Савицкий по прибытии к месту дипломатической службы взялся осваивать норвежский язык. Перед ним стояла задача изучить местные печатные издания и статистические материалы по экономике и внешней торговли Норвегии. Семья Броков оказала молодому русскому радушный прием, а сам профессор любезно помог найти молодому человеку наставника по языку из среды сотрудников университетской библиотеки»⁷⁵.

Пребывание в Норвегии сопровождалось научными занятиями в университетской библиотеке, где Савицкий

⁷⁴ См.: Письмо П. Н. Савицкого к П. Б. Струве от. 10/23.11.1920. ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 324. Л. 5. В настоящее время письма готовятся мною к изданию.

⁷⁵ Карелин В. А., Репневский А. В. Из переписки профессора Олафа Брука и Петра Савицкого (1916–1958) // Альманах североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2018. Issue 3. С. 276.

разрабатывал тему русских мореплавателей в регионе Северного ледовитого океана. Савицкий встречался с норвежскими учеными, знакомился с местной жизнью: «Мой заезд в Гортен оказался очень удачен: я попал туда в момент народного праздника с танцами в рощице на берегу фьорда; быстро приобрел знакомства. Узнав, что я — русский, мужчины говорили мне, что они наши “venner” (друзья — К. Е.), а девушки учили меня норвежскому языку, и я принял даже участие в танцах!..»⁷⁶. Вернувшись в Петроград, Савицкий получил приглашение от Гулькевича продолжить дипломатическую работу: «Гулькевич был высокого мнения о научных способностях своего молодого атташе и настойчиво звал его к себе в Стокгольм, куда был переведен в мае из Норвегии»⁷⁷.

После успешного окончания институтского курса, 4 октября 1917 г. Савицкий защитил кандидатскую диссертацию «Торговая политика Норвегии во время войны». Это стало возможно благодаря тому, что Савицкий имел 12 оценок «веселья удовлетворительно», и написанную, согласно всем требованиям, диссертацию. В 1917 г. Савицкий закончил обучение с ученой степенью⁷⁸. Согласно университетскому уставу, действовавшему в момент окончания высшего учебного заведения Савицким, окончившие таковое лица получали звание «действительного студента», а также личное дворянство. Далее существовала трехступенчатая система научных званий: кандидат, магистр и доктор. Соответственно, работа Савицкого была кандидатской работой, и он был оставлен при институте для написания и защиты магистерской диссертации.

Позже, защитив еще одну диссертацию в эмиграции, Савицкий имел уже две ученые степени: первую

⁷⁶ Письмо П. Н. Савицкого О. Броку от 09.08.1916. // Карелин В. А., Репневский А. В. Из переписки профессора Олафа Брука и Петра Савицкого (1916–1958). Указ. соч. С. 281.

⁷⁷ Карелин В. А., Репневский А. В. Из переписки профессора Олафа Брука и Петра Савицкого (1916–1958). Указ. соч. С. 277.

⁷⁸ Благодарю за указание на этот факт исследователя И. Ф. Кефели, который работал в архиве Политехнического института и ознакомился с личным делом студента П. Н. Савицкого.

российскую, за работу «Торговая политика Норвегии во время войны», которая была одна из последних диссертаций, защищенных в Российской империи до окончательного падения государственности, и вторую, полученную им в Праге. Савицкий был оставлен при экономическом отделении Петербургского (в тот момент получил название Петроградского) политехнического института с общепринятой тогда формулировкой «для подготовления к профессорскому званию», что примерно соответствует современной аспирантуре.

7. Октябрьская революция 1917 г. и ее влияние на становление евразийства

Буквально в эти же дни, когда он получил научное звание, произошел переворот, которой позже был осмыслен как Великая октябрьская революция, изменившая судьбы России и всего мира. Если бы не революция, то Савицкого ждала бы карьера петербургского профессора, и, вполне возможно — выдающегося политического деятеля, способного занять, к примеру, пост министра иностранных дел. Возможно, евразийство возникло бы, но имела бы иные черты, было бы, скорее всего, более академичным и научным.

Евразийцы понимали Октябрьскую революцию как ключевое событие времени, и поначалу ставили ее во главу угла: «Проблема русской революции есть тот основной стержень, около которого движется их мысль и воля, как мысль, и воля людей русского мира и носителей русского призвания во вселенной»⁷⁹, писал Савицкий о евразийцах в 1932 г. *Изначально это (рефлексия над революцией 1917 г.) был важнейший элемент раннего классического евразийства.* Так, например, в статье «Дела и призраки (ответ Г. Ландау)», напечатанной в газете «Руль» № 370 от 3 февраля 1922 г., Савицкий высказывает ту же мысль: «Не <...> отвергнуть несомненный, интуитивный и эмпирически непреложный факт, что нынешняя эпоха проходит под знаком Русской Революции»⁸⁰. Необходимо прокомментировать эти заявления, чтобы понять их появление и генезис.

В революционный период 1917–1919 гг., во время полного смятения и неустройства, Савицкий писал в письме к Гулькевичу от 22.01/04.02.1922 г.: «От Г. М. Лунца я узнал, что телеграмма, посланная мною из Петрограда 26 октября (ст^{арого} ст^{иля}) 1917 г., где я сообщал и вкратце объяснял причины моего выезда на юг,

⁷⁹ Савицкий П. Н. Евразийство как исторический замысел // Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 98.

⁸⁰ Савицкий П. Н. Дела и призраки (ответ Г. Ландау) // Записки русской академической группы в США. Т. XXXVII. Нью-Йорк, 2011–2012. С. 342.

в Стокгольме получена не была. Вечером 25 октября я почувствовал, что той России, которая была, уже нет. И я думаю, Вы поймете, и, быть может, одобрите меня, что я не мог уехать из России, не прикоснувшись и не узнав того, будет ли Россия и какова она будет. С тех пор я видел режим Центральной Рады, три месяца — силою слова и оружия, со своими друзьями-офицерами отстаивал черниговский хутор от большевистских банд, был освобожден немцами от осады, семь месяцев видел немецкий режим, сражался в рядах Русского Корпуса (как нижний чин), отстаивавшего Киев от Петлюры, пережил падение Киева и вместе с отцом не то уехал, не то бежал из него; видел и касался французов в Одессе и дождался “славного” конца occupation francale; с марта 1919 по август был в Екатеринодаре и с августа по ноябрь барахтался в омутах российской “белой Севдепии”, российского юга, который был в то время освобожден от большевиков. В эти же месяцы несколько недель провел на фронте, жил в деревне, Полтавской и Харьковской, жил в Полтаве и Харькове, потом в Ростове... Потерял двух ближайших друзей — кузенов; один из которых там защищал Киев от Петлюры, а другой — беря Полтаву от большевиков... Дорогой Начальник, я привел этот “каталог дней” не потому, что я думал, что он имеет самостоятельный интерес, но потому, что мне хотелось бы сказать Вам <...>: прикасаясь к России, как только мог, я не знал, какова будет Россия; но я убедился для самого себя, что она будет...»⁸¹. Это, пожалуй, важнейший итог тех лет. Когда все или почти все отчаялись и «списали» Россию «со счетов», Савицкий понял, вернее, мистически почувствовал, что Россия *будет*, то есть переживет смуту и воскреснет в новом облике, еще более славном. То, что случилось — есть плата за грех, происходящее в революционной России есть процесс духовный, а не просто социальный или политический. С этой точки зрения Савицкий и рассматривал революцию, не пытаясь найти «правых» и «виноватых»: «все согрешили и лишены славы Божией» (Рим. 3, 23–24).

В ранних статьях 1921–1922 гг. Савицкий сравнивал революцию 1917 г. и Великую французскую революцию:

⁸¹ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 323. Л. 1–2.

«Есть <...> аналогичность в положении относительно мира Франции времен Великой революции и России текущих годов» (статья 1921 г.)⁸², «Интересно знать, как далеко идут возражения г. Ландау. Отрицает ли он, например, что Великая Французская Революция и Революция 1848 года имели многие из тех — неисправимых и тягчайших! — грехов, которые ныне он вменяет Революции Русской; <...> или он думает, что эти грехи и преступления, <...> лишили французские революции 1789 и 1848 гг. — каждую в отдельности, — их качества влиятельнейшего фактора тогдашних исторических эпох и притом фактора, который, в своем существовании устанавливал преобладание французского влияния в окружающей Францию среде?»⁸³ (статья 1922 г.).

Потом концепт революции 1917 г. как главного фактора изменения исторической оси в XX в. претерпит у Савицкого изменение. Евразийство «принимает» революцию сначала как факт абстрактный, как стихию, неизбежность, имеющую, однако, глубокие исторические корни, которые необходимо тщательно исследовать. Изучая корни, истоки, причины революции 1917 г. евразийцы во многом выстраивали и свою теорию культуры, и историософию, а также идеологию, в которой важнейшей проблемой становится вопрос о том, как не допустить повторения катастрофического сценария разрушения Российской империи, сохранив результаты и достижения октября 1917 г. Критики евразийства указывали на то, что евразийцы якобы «оправдывают» революцию, романтизируют ее (статьи П. П. Сувчинского давали повод для этих суждений), однако акцент у Савицкого был на другом. Его подход заключался в том, чтобы не отрицать мирового исторического значения революции 1917 г., которая изменила облик России навсегда. Возврата к прошлому нет, но причины этого лежат в

⁸² Савицкий П. Н. Поворот к Востоку // Евразийство: Исход к Востоку. Книга 1; На путях. Книга 2; Евразийский временник. Книга 3: сборник. СПб.: Лимбус Пресс, 2022. С. 43.

⁸³ Савицкий П. Н. Дела и призраки (ответ Г. Ландау) // Записки русской академической группы в США. Указ. соч. С. 343–344.

предшествующем, имперском, дореволюционном периоде, который как раз не стоит романтизировать, поскольку основной «грех» этого периода — западопоклонство, которое и привело Россию к краю пропасти.

Итак, по Савицкому, революция 1917 г. есть процесс духовный, она есть горнило, проходя через которое Россия воспламеняется, страдает, истекает кровью, умирает, чтобы воскреснуть. Русская революция имеет всемирно-историческое значение. Великая французская революция изменила судьбы Европы и всего мира, такая же роль суждена и русской революции. Савицкий воздерживается от суждений о грехах и мерзостях русской революции, понимая всю бесплодность размышлений на эту тему: даже тысячу раз осудив большевиков и других участников смуты, невозможно получить ответ ни на один вопрос о том, что делать дальше.

8. Промежуточные выводы, основанные на предыдущем изложении

Здесь мы сталкиваемся с важнейшим признаком, вернее — конструктивным элементом евразийства — пореволюционностью. Действительно, важнейшей евразийской составляющей является пореволюционность, то есть принятие России в облике СССР после крушения Российской империи. Это принятие постепенно выродилось в советофильтроу у П. П. Сувчинского, да и, как выяснили исследователи позже — у самого Савицкого⁸⁴. Во всяком случае, евразийцы, говоря о своей доктрине как о пореволюционной, противопоставляли себя «реакционерам» и «ретроградам», то есть тем деятелям русской эмиграции, которые, подобно П. Б. Струве, «не приняли» революцию 1917 г., посчитав ее злом как таковым, с которым надо бороться *всеми возможными способами*, вплоть до коллаборационизма.

Впрочем, определение евразийства как течения пореволюционного есть дефиниция пока еще не вполне точная, она описывает только один аспект евразийской мысли. Это определение не касается такого важного фактора, как рассмотрение евразийцами революции в качестве отправной точки, рычага, который сдвинул Россию с оси европоцентризма. С этой точки зрения раннее *евразийство можно назвать революционноцентрическим движением*, то есть такой системой взглядов, которая появилась, во многом, или, точнее будет сказать, обрела свои характерные черты (мы убеждены, что евразийство возникло бы и без революции) как реакция на октябрь 1917 г., как попытка осмысления его истоков и причин, как поверхностных, событийно-исторических, так и социологических (Л. П. Карсавин писал об этом в работе «Феноменология революции»), и даже метафизических. Речь не об эмоциональной реакции на октябрь (скорее

⁸⁴ См.: Письмо П. Н. Савицкого И. В. Сталину / Евразия и человечество. Антология произведений евразийцев 1920–1930-х годов. Сост., предисл. и comment. Р. Р. Вахитова. Калининград: Изд-во Балтийского федерального ун-та им. И. Канта, 2024. С. 558–565.

эмоционально реагировали критики евразийства), но о рациональном и даже прагматическом подходе, когда явление требуется изучить и осмыслить, а не просто, заламывая руки, проклинать большевиков.

В последнем случае октябрьская революция 1917 г. понималась как религиозный процесс, приведший Россию, а за ней и весь мир к «эпохе веры» (концепция П. П. Сувчинского). Революционный пафос в России имеет черты исступления, религиозного фанатизма, что «<...> направляет к Москве как поистине “третьему Риму”, ожидающие и верующие взоры. <...> русский коммунизм имеет несомненную силу религии. Это религия зла; но для сознания религиозного даже религия зла лучше, чем никакая религия. Религия зла может обратиться в религию добра; а никакая ни во что не обратится»⁸⁵. В данном случае Савицкий рассуждает в терминах православной традиции, для которой теплохладность, равнодушие к религии считается более страшным состоянием, чем сознательное богооборчество, как это сказано и в Апокалипсисе: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3. 15–16).

Это последнее обстоятельство — рассмотрение исторических событий сквозь призму религиозного мировоззрения, приводила многих, далеких от религии критиков в эмиграции, так же, как и современных, к неверному пониманию утверждений евразийцев. Здесь важно понять евразийскую оптику, которая строится несомненно на религиозно-бблейской картине мира. При ослаблении религиозного напряжения, при искажении этой оптики позже стал возможен кламарский раскол: парижские евразийцы стали к религии равнодушны, а Савицкий и его Пражская евразийская группа сохранили религиозное горение. Поэтому мы смело можем снова отметить существенный, конструктивный признак дви-

⁸⁵ Савицкий П. Н. К обоснованию евразийства // Записки русской академической группы в США. Указ. соч. С. 320–321.

жения — религиозное, православно-библейское мировоззрение как основу евразийства. Пока эта основа была крепка, она сплачивала столь разных людей, как Флоровский, Савицкий, Трубецкой, но после того как Флоровский захотел усилить этот компонент (за счет поглощения или нивелирования всех остальных составляющих), произошло его расхождение с евразийцами. Таким образом, религиозный компонент в евразийстве крайне важен, но он все же не был центральным, его важность основана на ценностной, а не на какой-либо иной составляющей. Как компонент, задающий ценностные ориентиры, религиозная составляющая играла роль общего пространства, понятного и принимаемого всеми без возражений и оговорок. Религиозный компонент уравновешивал все остальные компоненты — при его доминировании (позиция Флоровского) остальные компоненты сворачивались и начинали блекнуть и исчезать, а само евразийство превращалось просто в религиозно-философское или «культуроцентрическое» мировоззрение⁸⁶.

И, наоборот, при нивелировании религиозного компонента остальные составляющие рассыпались на отдельные элементы, превращаясь, например, в эрзац марксизма или второсортное, подражательное федорианство, а скорее всего — псевдофедорианство (речь об увлечении Н. Ф. Федоровым и марксизмом в группе Сувчинского после 1926 г.). Стоит отметить, что даже «moda» на Федорова была Парижской группой Сувчинского скорее заимствована со стороны, в частности, от харбинских почитателей Федорова⁸⁷, а также не без

⁸⁶ Это определение дал раннему евразийству А. В. Соболев. См: О евразийстве как культуроцентрическом мировоззрении / Соболев А. В. О русской философии. СПб.: Издательский дом «Мир», 2008.

⁸⁷ О том, как развивалось федорианство в группе Сувчинского см. издание: Н. Ф. Федоров: Pro et contra. СПб.: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2008. В частности, в этом издании см. статью П. П. Сувчинского «По поводу писем Н. Ф. Федорова» (газета «Евразия», 4 мая 1929), в которой автор заявляет: «Современный русский интерес к Федорову, автору «Философии общего дела», и к его гениальной метафизике — неслучайен. Он, по-видимому, знаме-

помощи сменовеховца Н. В. Устрялова, с которым Сувчинский вступил в переписку в 1926 г. Собственного, выстраданного, глубоко и всесторонне продуманного мировоззрения, которое бы включало федорианство как органичный компонент, Парижская группа выработать не смогла. *Религиозный, православный компонент играл в евразийстве роль регулятора, срединной основы (оси), точки отсчета, мерила*, которым поверялись евразийские конструкции, но при попытке усилить этот компонент (у Флоровского, или позже — в сборнике «Россия и лatinство») евразийство начинало «буксовать», давать сбои. *Религиозный компонент в евразийстве был конструкцией, «не терпящей» ни устранения, ни усиления.*

нует собой намечающийся процесс усложнения ярко господствующего в современной России государственно-светского рационализма — первичной темой русского христианства» (Федоров Н. Ф. *Pro and contra*. Указ. соч. С. 667). Сувчинский старался поддерживать тесные связи с харбинскими сменовеховцами, в частности, переписывался с Н. А. Сетницким, письма которого опубликовал в своей газете «Евразия». В одном из таких писем, в частности, говорится: «Марксизмом надо начинать и Федоровым кончить, приходится кончить не только потому, что здесь у нас Маркс в особом почете. <...> Маркс застрял на антиномической диалектике, а Федоров создал динамическую проективистику. Маркс создал здание исторического экономического материализма <...>. Федоров заложил здание проективистского экономического динамизма» (Там же. Указ. соч. С. 666). Сувчинский принимал харбинских сменовеховцев за представителей «современной России», слабо понимая существенную разницу между ними и советскими интеллектуалами-марксистами. Стоит признать, что Савицкий разобрался в этом вопросе, как и ему было свойственно, с особой тщательностью, вникая в детали. Отследив по советским журналам и газетам все тонкости полемики «деборинцев» и «механистов» (два крыла марксистской философии в СССР), Савицкий делал выводы по существу, которые и изложил в статье «Русская философия в пореволюционный период» (в настоящее время готовится мною к изданию).

9. Гражданская война и странствование, закончившееся «длительным пребыванием на Востоке»

Окончив в 1917 г. экономическое отделение Санкт-Петербургского Политехнического института, Савицкий оказался в непростом положении: в стране разгоралась социальная революция и смута, шла Первая мировая война, все устои жизни были расшатаны. Годы 1917–1919 прошли в непрерывных странствованиях. Ему пришлось выезжать в Чернигов (для защиты имения от мародеров), тогда же, на два месяца, он стал рядовым солдатом при корпусе П. П. Скоропадского, который был задействован в обороне Киева от войск С. В. Петлюры. Военная карьера Савицкого закончилась быстро, здоровье не позволяло участвовать в боевых действиях. Во время Первой мировой войны Савицкий дважды подавал прошение о приеме добровольцем на фронт, и дважды получал отказ на основании документов от медицинской комиссии. В Первую мировую призыву подлежали молодые люди 1894 г. рождения. Савицкий, как 1895 г. рождения, мог быть принят только через прошение при условии соответствия определенным критериям.

После были странствования в Одессе, Екатеринодаре, Новороссийске, Полтаве, Харькове, Ростове — великое нестроение и бегство в условиях Гражданской войны. На краткое время ему удалось получить место приват-доцента Таврического университета в Симферополе, но преподавательская деятельность в условиях Гражданской войны, когда население периодически испытывало нужду в хлебе, дровах, лекарствах — самом необходимом для жизни, была крайне несистематической. Тем не менее, даже в смуте Гражданской войны он пытался преподавать: в 1919 г. в Киеве читал лекции на женских курсах, в коммерческом институте и Народном университете.

Для Савицкого 1919 г. был вообще годом переломным и крайне насыщенным. В 1919 г. он, в составе дипломатической делегации от правительства генерала П. Н. Врангеля, отправился в Париж, но миссия

провалилась — никто из «союзников» не мог поручиться ни за победу большевиков, ни разрозненных сил белых генералов. Савицкого пригласил П. Б. Струве, предложив место в Департаменте внешних сношений Крымского правительства ген. П. Н. Врангеля. Там же, в Крыму, в 1919 г. оказался и кн. А. А. Ливен, вступив в ряды Белой армии. Именно в этот краткий период пересеклись пути Савицкого и Ливена. Последний в том же 1919 г. уехал в Константинополь на поиски своей семьи, о которой ему было известно, что они уже покинули Россию. Поэтому переписка Ливена и Савицкого и начинается в 1920 г. — как только Ливен обосновался в Софии, он написал Савицкому, который пока оставался в Крыму.

Роль кн. А. А. Ливена в становлении раннего евразийства может быть описана его же словами — «Евразийский импресарио» «евразийской странствующей труппы»⁸⁸. Обладая талантом вдохновлять людей на деятельность, заразительным юмором, широтой души и искренней доброжелательностью, он смог подружить таких разных и в чем-то противоположных людей, как евразийские лидеры, искренне полюбил их и заставил на время закрыть глаза на мнимые или действительные недостатки друг друга. Импульс, данный движению Ливеном, просматривается, судя по письмам евразийцев, не менее двух лет, а после того, как общение с ним полностью прервалось, евразийцы стали постепенно все больше ссориться и отдаляться друг от друга. Так, например, в письмах Ливена встречаются добродушные определения и шутливые прозвища: «рамол» (от фр. ramolli — старик выживший из ума), «почтенные старцы из архива русской революции», «политические покойники и полупокойники» (о старшем поколении из «ордена» русской интеллигенции), «резвящийся экономист», «перипатетик», «евразийский Наполеон» (о П. Н. Савицком), «пелендрик» (о Г. В. Флоровском) и многие другие, которые потом многократным эхом повторялись в письмах евразийцев,

⁸⁸ Письма А. А. Ливена — Г. В. Флоровскому (1922–1923) // Записки русской академической группы в США. Указ. соч. С. 25.

составляя базисный дружеский «словарь», обмениваясь которым евразийцы чувствовали со-причастность сложившемуся братству и общему делу. Основное направление деятельности Ливена совпадает с тем, который с пафосом отстаивал в статьях Г. В. Флоровский — культурная деятельность на благо «будущей» России и истинная церковность, верность евразийским идеалам, понятым как экстраполяция христианских ценностей на историю русской цивилизации.

Ливен вдохновил евразийцев на выпуск первого совместного сборника и занимался его распространением. Трубецкой позже так определил его значение в становлении раннего евразийства: «Ливен спаивал всех личной интимной дружбой: каждый из нас был с ним дружен гораздо интимнее, чем все мы между собой. Наши индивидуальные расхождения были глубоко плодотворны. Именно благодаря им образовалась какая-то равнодействующая, и мы незаметно, влияя друг на друга, исправляя друг друга, шли по единому верному пути. Если бы расхождений не было, не было бы и евразийства»⁸⁹.

Любопытно, что одновременно приглашение работать на Врангеля от П. Б. Струве получил и Г. В. Вернадский, будущий евразийский историк. И Вернадский, и Савицкий работали в смежных ведомствах (Вернадский заведовал отделом печати), эвакуировались из Крыма в Константинополь на корабле «Рион». Все основоположники, кроме Флоровского, который выехал из Одессы, покидали Россию через Крым, как писал в одном из своих стихов кн. А. А. Ливен:

На юг, как от мороза птицы,
Что нити, нити журавлей,
Несутся пестрой вереницей
Метели вспуганных людей⁹⁰.

⁸⁹ Переписка Г. В. Флоровского с Н. С. Трубецким (1921–1924) // Записки русской академической группы в США. Указ. соч. С. 119.

⁹⁰ См.: Козьменко М. Жития и антижития о. Андрея Ливена / Ливен Андрей, о. Жития святых. Три шага. М.: ИМЛИ РАН, 2001. С. 23.

Вернадский и Савицкий подружились только в Праге, в 1922 г. Тогда их сближение состоялось на основе общих конфессиональных интересов. Вернадский был глубоко верующим человеком, но одновременно он был несколько скрытным, очень приватным, тщательно охраняющим свой внутренний мир, и завязать действительно дружеские отношения был способен не со многими. Савицкий сподобился этой чести, поскольку разделял религиозные взгляды Вернадского в полноте: «Прошлое воскресение (ровно неделю тому назад) я провел целиком у Вернадского и Шахматова в Зbrasлаве. Г Владим и я перед иконой пообещали друг другу в делах веры не предпринимать ничего, не известив друг друга»⁹¹ — писал Савицкий П. П. Сувчинскому.

Религиозный переворот произошел с Вернадским в Крыму: «Кадет-западник Георгий Вернадский остался в России, в эмиграцию отправился совсем другой человек, А. Ф. Родичевой он писал 1 мая 1922 г.: "... я душою от политики и политических вопросов очень отошел, меня сейчас с головою увлекают вопросы религиозные и истории церкви, я читаю сейчас по-гречески отцов церкви"»,⁹² Случай Вернадского, который пришел к евразийству в Крыму (там Вернадский практиковал татарский и турецкий языки), подтверждает данную выше «евразийскую формулу», в которой важное место занимает религиозный компонент. Вероятно, Крым, как место «рождения» евразийства Вернадского, подтверждает также и «окраинный синдром», как важный компонент евразийства. Возможно, этот этап идеального развития Вернадского стоит обозначить как «протоевразийство крымского периода».

То, что взрыв религиозности у всех ключевых евразийцев и основоположников евразийского движения произошел во время революции 1917 г. и Гражданской войны, не удивительно. Так всегда бывает в моменты эк-

⁹¹ Письмо П. Н. Савицкого П. П. Сувчинскому от 09.03.1924. / Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 359.

⁹² Сорокина М. Ю. Георгий Вернадский: в поисках «русской идеи» 1887–1973. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2022. С. 28.

зистенциального кризиса, когда внешние начала жизни, как декорации в театре, падают, рушатся устои, в том числе государственные, которые тянут за собой и все другие — семейные, общественные, нормы морали, межличностные отношения и т. д. В этот момент перед человеком встают главные вопросы его жизни и бытия вообще, но то, как он их будет решать, зависит от предыдущего опыта, наработанного в «благополучные» годы.

Вернувшись из Франции через Константинополь в Крым, Савицкий состоял секретарем П. Б. Струве (тот был тогда начальником Управления иностранных сношений Правительства Юга России). Находясь в Париже, летом 1920 г. он писал в письме к родителям: «Несмотря на очарование климата и элегантески парижан — начинаю снова стремиться на Восток. Хочу видеть вас, мои дорогие, и чувствую также, что сердце мое знает родину только в пределах Евразии, среди лугов и полей черниговщины, степей Кубани, под пальмами Батуми и в сутолоке Константинополя!.. Усердно проповедую “евразийство”. Но в Париже не найдешь Ливена...»⁹³.

Потом, вместе со Струве, он вновь выехал в Париж, через несколько месяцев вернулся через Белград, Софию, Варну и Константинополь в Крым: «<...> я, как полагается по нынешним временам российскому интеллигенту, мечусь по пространству России, а теперь и побывал на два месяца в Европе, меняю “амплуа”, вижу кругом горе, безысходное тяжкое горе, временами неожиданное облегчение — и не знаю, прейдет⁹⁴ ли это, наконец, к невозвратному концу, как прешло за эти годы для десятков тысяч русской молодежи. Или доведется еще в жизни достичь тихого пристанища. В настоящее время направляюсь в Константинополь и, предположительно, в Новороссийск по делу устройства за границей беженцев с юга России»⁹⁵.

⁹³ Цит. по: Глебов С. Евразийство между империей и модерном. Указ. соч. С. 38.

⁹⁴ Прейдет (*у.-слав.*) — пройдет ли, закончится.

⁹⁵ Письмо П. Н. Савицкого О. Броку от 13.03.1920. // Карелин В. А., Репневский А. В. Из переписки профессора Олафа Брука и Петра Савицкого (1916–1958). Указ. соч. С. 282.

Савицкий точно называет 1919 год как время рождения «своего» евразийства, как, например, в письме к Н. Н. Алексееву: «уже с 1919 г. я не устаю подчеркивать, что “греческая”, “эллинистическая”, “римская” эпохи были географически провинциальными, они не выходили за пределы западной части Старого Света. Русская же эпоха, судя по всему, будет действительно всемирной»⁹⁶. В письме Роману Якобсону от 7 августа 1930 г. Савицкий также называет 1919 г. как время рождения концепции Евразии: «<...> он излагал Якобсону свои мысли о “россиеведении” как систематической науке и вспоминал о том, как в 1919 г. в тифозном бреду⁹⁷ придумал использовать слово “Евразия” для обозначения Pax Rossica»⁹⁸. 1919 год, как год рождения евразийства Савицкого, настойчиво повторяется в его письмах, воспоминаниях, указаниях. Иногда это упоминание как бы «вырывается», проявляется между строк: «Евразийцы как представители определенного философско-публицистического движения —

⁹⁶ «Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н. Н. Алексеева к П. Н. Савицкому (1957–1961). Указ. соч. С. 431.

⁹⁷ В данном случае мы намерено цитируем этот текст, авторства Пильщикова И. А., который пересказывает неизданное письмо Савицкого, обнаруженное исследователем Патриком Серио в архиве Р. Якобсона (Массачусетский технологический институт). Сам П. Серио ни о каком «тифозном бреде» не упоминает, его пересказ письма Савицкого звучит академично: «В письме Якобсону от 7 августа 1930 года Савицкий напоминает о своем приоритете в использовании слова “Евразия” для обозначения России (русской империи) как “особой географической целостности”: эта мысль возникла у него осенью 1919 года, в период выздоровления от тифа на Украине, в Полтаве» (Серио П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в центральной и восточной Европе 1920–30-е гг. Москва: Языки славянской культуры, 2001. С. 90). Иногда подсознание говорит ярче, чем сознательные импульсы: И. А. Пильщикov, похоже, относится к евразийству с некоторым неодобрением, указывая на то, что оно было рождено (якобы) «в бреду» в то время как П. Серио, который очень точен и аккуратен в передаче фактов, говорит о периоде выздоровления — то есть периоде наступления наибольшей ясности сознания, покоя, ощущения обновления после смертельной болезни.

⁹⁸ Пильщикov И. А. Пражская школа на «перекрестке культур» (О многоязычии в научной переписке и изданиях Пражского лингвистического кружка) // Рема. Rhema. 2019. № 3. С. 33–34.

это группа молодых русских литераторов и деятелей, объединившихся на почве единства мировоззрения, вскоре после великого исхода русской интеллигенции в 1919 и 1920 году. Евразийцы — это представители нового начала в мышлении и жизни»⁹⁹, писал Савицкий в 1923 г.

Таким образом, годы, предшествующие 1919 г., были подготовкой к евразийству (период «предевразийства»), год 1919 — время рождения евразийства Савицкого (как не до конца оформленшейся идеи, как некоего единого видения, подобно озарению), последующие годы — время раскрытия и рационального оформления этой вспышки откровения о России-Евразии. 1921 г. — год рождения евразийства как движения, в составе пяти основоположников. Между этими датами стоит 1920 г., в который состоялся выход книги Н. С. Трубецкого «Европа и Человечество». 1920 год знаменовал водораздел между «предъевразийством» отдельных участников движения и оформлением евразийства как нового направления, претендующего на место в истории русской мысли, а также евразийства как политического, религиозно-культурного и, в определенной степени, философского движения.

Савицкий в полноте испытал трагедию падения Крыма и русского исхода. В письме к П. Б. Струве из турецкой Перы от 9/22.11.1920 г. он описывал ее так: «Пропущенное воспринял, как свершение неизбежного и предвиденного. В нынешней бедственной обстановке мои слова могут показаться Вам злую иронией. И все-таки, не загадывая о будущем и не думая о том, что из чего выйдет, я передам свое ощущение: благо, что неотвратимый выход из гражданской войны и исход на чужбину произошел без дальнейшей “ненужной” задержки. То, что свершилось — свершилось в наиболее достойных и потенциально плодотворных для будущего формах <...>. Поскольку можно было наблюдать, ни в одной существенной черте, ни в одном существенном пункте до последнего момента крымского сидения в «белом» лагере

⁹⁹ Цит. по: Серго П. Структура и целостность. Указ. соч. С. 61.
Курсив наш — К. Е.

не наступало разложения. <...> Российская Смута конвертировалась в Российскую Гражданскую войну. И эта война закончилась горестным, но не лишенным своеобразного величия аккордом. Падение Крыма и его эвакуация прошли в обстановке некой, по-своему, страшной торжественности и размерности. В Севастополе паники не возникло ни при первом известии о неизбежности падения Перекопа и ни в какой последующий момент. Первые два дня (9 и 10 ноября н^{ового} с^{тиля}) народ имел совершенно “обычный” вид. С вечера 11го по улицам потянулась нескончаемая, поразительная своим затаенным молчанием, процесия пешеходов и дрогалей. А на рейде, у пристани, изгнанников уже ждали корабли. И непрерывно шла посадка: и в лучах сияющего осеннего дня (восстановилась, было “сезонная” погода), и при светеочных пожаров (возникших, по-видимому, случайно в обстановке исхода), и в сизом сумраке предрассветного утра. Не все корабли были вполне готовы к плаванию, и в частности, на “Рионе”, на котором эвакуировалась основная ячейка Управления (без Татищева и Кесселя, уехавших на “Вальдек-Руссо”) не хватило угля, и поставленный на волю волн в открытом море, он принужден был радиовать знаменитое “эс о эс”. Нас взяли на буксир проходившие мимо американцы... <...> Эвакуация вышла грандиозной. И картина рейда у Гайдар Паши, с сотней собранных к одному месту “оякоренных” судов <...> внушиает еще больший трепет, чем картина Севастопольского рейда момента эвакуации. Но велики в то же время страдания людей, усевшихся, как муравьи, палубы и трюмы этой эскадры. Покинувшие родину, заключенные ныне на кораблях, как в тюрьме, часто без пресной воды и хлеба (испытал и я, что значит, жажда, когда знаешь, что нечем напиться), с полной неизвестностью, что будет с ними дальше, — куда пойдут, прийдут эти люди?»¹⁰⁰. Корабль «Рион» оказался не только без должных запасов топлива, но и несколько поврежденным: «<...> обстоятельство, что я смог довезти до Константинополя большинство взятых

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 324. Л. 1-2.

с собою вещей является счастливой случайностью. То, что было захвачено с собою, пришлось при погрузке и затем при перемещениях вещей на пароходе («Рион» имел сильный крен и его исправляли передвижением с места на место пассажирских вещей), не один десяток саженей протащить на собственной спине. <...> Взял я с собою и рыжий Ваш мешок (где был пыльник, и куда я уложил также часть Ваших книг, а также оставшиеся в Севастополе шляпы и палки). Но этот мешок, к сожалению, в пути исчез, вместе с рядом других моих укладок: или был украден, или так был заложен при полу-panicеских перемещениях вещей, что не было возможности найти»¹⁰¹. Как уже было упомянуто, Савицкий вывез из Крыма вещи, но в ущерб себе, и это были, в основном, вещи Струве... Маршрутом Крым (у Флоровского — Одесса) — Константинополь — София будущие евразийцы оказались в Восточной Европе. Тонкие нити их судеб на краткий миг связались в единый узор, чтобы образовалось новое, небывалое (как любил говорить Савицкий) евразийское содружество.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 324. Л. 7.

10. Византийский и древнерусский компоненты в евразийстве

Первое время по прибытии в Константинополь Савицкий, после получения разрешения покинуть корабль, присоединился к своей семье — отцу, матери и брату Георгию, которые жили в имении «Нарли», успев прибыть туда раньше Савицкого. Управление иностранных сношений в Правительстве Юга в лице Б. А. Татищева расчитало Савицкого, П. А. Остроухова (будущий евразиец, ближайший товарищ Савицкого) и других работников, выплатив «подъемные», которых, впрочем, не могло хватить надолго, учитывая, что на Савицком лежала забота о семье. За три недели до Крымской катастрофы Савицкие вошли, как пайщики, в аренду имения «Нарли» в 15 верстах от Скутари. В имении был виноградник, огород, около 4 000 десятин горного пастбища, около 500 коз, 6 коров, хозпостройки, но не было помещений, приспособленных для того, чтобы в них жили люди. «Несмотря на благоприятность хозяйственных условий — перспективы дела чрезвычайно темны, оборотных средств нет, обстановка жизни тяжелая. Если из аренды имения ничего не выйдет, то мои близкие обречены чуть ли не на голодную смерть, ибо никто из них не имеет достаточной приспособленности и силы, чтобы найти в себе самостоятельный источник заработка»¹⁰², писал Савицкий П. Б. Струве в конце 1920 г. Соответственно, все время, пока живы были его родители и пока брат Георгий не уехал в США, Савицкий был вынужден их содержать и устраивать их быт.

Время пребывания в Константинополе Савицкий связывал с углубленным изучением истории Византии и ее связей с древнерусским государством: «Явственному ощущению тех корней, которые связаны с Византией, очень способствовало длительное пребывание на Ближнем Востоке. <...> Будучи на Ближнем Востоке, много читал по истории византийского искусства (которым

¹⁰² ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 324. Л. 10.

страстно интересуюсь, в связи с его религиозным смыслом)»¹⁰³. Следы византизма в евразийстве присутствуют довольно отчетливо, о чем, например, позже Савицкий писал в программной статье 1925 г. «Евразийство»: «<...> от имени “Азия” как в русском, так и в некоторых романо-германских языках, произведено два прилагательных: “азийский” и “азиатский”. Первое, в историческом его значении относится по преимуществу к той, обнимавшей западную часть нынешней Малой Азии римской провинции, а затем диоцезу, от которых получил впоследствии свое имя основной материк Старого Света. В первоначальном, более узком смысле, термины “Асия”, “ассийский”, “асийцы” употреблены, например, в “Деяниях апостолов” (главы 19 и 20). — Прилагательное “азиатский” имеет касательство ко всему материку. Корневой основой слов “Евразия”, “евразийский”, “евразийцы”, служит первое, более древнее обозначение; <...>. Но слово “азиатский”, в силу ряда недоразумений, приобрело в устах европейцев огульно-одиозный оттенок. Снять эту, свидетельствующую только о невежестве, печать одиозности можно путем обращения к более древнему имени, что и осуществлено в обозначении “евразийства”. “Азиатским” в этом обозначении именуется круг не только Малой, но и “большой” Азии ... В частности же, ту культуру, которая обитала в “Азии” времен апостольских и последующих веков (культуру эллинистическую и византийскую) евразийцы оценивают высоко, и в некоторых отраслях именно в ней ищут прообразов для современного духовного и культурного творчества»¹⁰⁴.

Эта византийская, «асийская» струя в раннем евразийстве с трудом пробивала себе дорогу, но позже была заглушена восточной и даже просто «азиатской» (татаро-монгольской) темами и осталась до конца не развитым сюжетом. В 1928 г. Савицкий писал о том, что татаро-монгольская, кочевая и степная темы выявили

¹⁰³ Письмо П. Н. Савицкого Ф. И. Успенскому от 01.05.1928. / Савицкий П. Н. Избранное. Указ соч. С. 675–576. Курсив автора.

¹⁰⁴ Савицкий П. Н. Евразийство // Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч. С. 188–189.

свое значение для него довольно поздно: «Значение, в генезисе современной России, домонгольских степных культур и держав выяснилось для меня только в 1926–1927 гг., в процессе совместной с Н. П. Толлем работы»¹⁰⁵. *Византийско-древнерусский сюжет в творчестве Савицкого был связан с темами архитектуры, живописи, литературы и древнерусского государства (Киевской Руси, наследницей которой стала Украина, воссоединившаяся позже с «большой Россией» — второй равноправной «наследницей»). Татарская проблематика была прочно вплетена в исторические и историософские исследования евразийцев.*

Россия и Украина в этом контексте могут быть рассмотрены по аналогии с Римской и Византийской империями после Р.Х. — с единым корнем (апостольское христианство), но различными историческими путями развития. В отличие от Рима и Византии, которые, в результате церковного раскола на католическую и православную церкви, предали друг друга анафеме, Россия и Украина воссоединились, по крайне мере, на 337 лет (1654–1991). Настораживает, однако, что имея общий корень, католический Рим уничтожил Византийскую православную империю, которая так и не оправилась после удара, нанесенного крестоносцами, и пала к ногам турок-сельджуков. Сюжет воссоединения Украины и России и его последствий довольно ярко прозвучал у Вернадского и Трубецкого (у последнего в отрицательном ключе), но Савицкому как будто не хватило на него времени. Иногда у Савицкого появлялись ссылки на «византийское наследство» России, что, конечно, невозможно не заметить: «Процесс русской истории может быть определен как процесс создания России-Евразии как целостного межсторазвития. Объединительным узлом в этом процессе сделалась та историческая среда, где налегали друг на друга и сопрягалась друг с другом слои духовно-культурного византийского и государственно-военного

¹⁰⁵ Письмо П. Н. Савицкого Ф. И. Успенскому от 01.05.1928. / Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч. С. 676.

монгольского влияния»¹⁰⁶. Таких замечаний по текстам Савицкого разбросано много, но при этом второй компонент российско-евразийского сплава («государственно-военное монгольское влияние») исследован в евразийстве подробно, а первый («духовно-культурное византийское влияние») явно описан и исследован недостаточно. И это несмотря на то, что исторические исследования у евразийцев были поставлены на широкую ногу, издавались и обсуждались статьи и книги, но древнерусская, византийская тематика получила слабое воплощение, осталась маргинальным для евразийства сюжетом.

Так, например, в евразийстве осталась непроявленной и неосмысленной до конца тема двойственности России, которая географически есть Евразия, и фактически частью расположена в европейском ареале, а частью (Дальний Восток) в азиатском. Запад в плане духа и гно-зиса основан на Аристотеле, Декарте, Канте, рациональном начале, на «первом» Риме с его претензиями на власть, сapelляцией к фигуре ап. Петра, которому Христос передает «ключи» от рая; здесь ярко звучат мотивы дисциплины, иерархии, умения владеть народами, при минимальных усилиях (английских чиновников в Индии времен господства Великобритании не насчитывалось и 0,1 % по сравнению с местным населением), это ориентализм, то есть ощущение превосходства «белой» расы, и идея о «бремени белого человека». Религия и политика теснейшим образом переплетены, мистика и рациональность переплетены еще больше, вплоть до невозможности различить, где начинается одно и заканчивается другое. Национальная элита России, ее образованный класс, в целом были воспитаны в парадигме «первого» Рима, западной цивилизации, принимали ориентализм, т. е. ощущение своей вторичности (второсортности), как должное.

Евразийцы восстали против этого, но философски не раскрыли природу русского цивилизационного раскола.

¹⁰⁶ Савицкий П. Н. Геополитические заметки по русской истории / Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч. С. 287–288.

Только Г. В. Флоровский делал в этом направлении определенные шаги. Между тем Россия как Восток (в своей «восточной» ипостаси) есть наследница «второго» Рима (Византии), которая философию превращает в богословие и богомысление, в специфический вид «мудрости»; Восток — это платонизм, утонченная диалектика, склонность к созерцанию, причастность не времени, а Вечности, монашество как аскеза, а не как миссия среди «чужих» (чаще всего Запад успешно совмещал это со шпионажем и фактически экспансией); Восток — это сердечность, жертвенность, диалектичность, переплетенная с мистикой, склонность к порывам — как жертвенным, так и дионаисийским, анархическим; Восток — это традиции, которые ставятся зачастую выше догмата, выше послушания и принципа иерархии (старообрядчество).

Провозглашенная иноком Филофеем еще 500 лет назад идея о России как о «третьем» Риме есть мечта и фантом до тех пор, пока внутри самой России идет непримиримая борьба восточных и западных начал, а Россия распята между ними. Задача России сверхцивилизационная — Запад состоялся как Запад, Восток состоялся как Восток, но Россия не состоялась как Евразия, как гармония двух начал, или как новый, третий вид цивилизационного развития. Вопрос должен был быть поставлен таким образом: возможен ли в принципе подобный синтез востоко-запада; или даже так: возможно ли возрождение Византийской империи с ее принципами многонационального, сверхконфессионального, традиционно-догматического единства — в России?

По сути дела, в цивилизационном плане Россия еще не Евразия, а скорее ее будущий проект. Задача России — стать Евразией, если она хочет выжить, находясь между молотом (Западом) и наковальней (Востоком), поскольку ни тот, ни другой не могут признать ее до конца «своей». Евразийцы, особенно Трубецкой, затронули эти темы в своих работах, но им, похоже, следовало бы писать об этом намного больше и настойчивее, рассматривать проблему с разных ракурсов, в то время как они слишком «рано» ушли к темам экономики, политики, историософии и проч. Это давало и до сих пор дает повод для критики.

Чем объясняются «чары» татаро-монгольской и кочевниковедческой темы для Савицкого и евразийства вообще? Начать надо с того, что эти темы были привнесены в евразийство не самими основоположниками, но сначала П. М. Бицилли, потом Г. В. Вернадским и П. Н. Толлем. В поздние годы энтузиазм Савицкого по поводу кочевников поддерживал Л. Н. Гумилев. Даже первая «кочевниковедческая» статья Савицкого была вдохновлена статьей Бицилли «Восток и Запад в истории старого времени», как об этом сообщает Трубецкой: «<...> статья Бицилли, довольно интересная, изображающая историю всего старого света как борьбу двух географических элементов, — береговых областей (Греция, Рим, Аравия, Персия, Индия, Китай) стремящихся к обособлению, и областей центральных (монголы, потом Россия) стремящихся к объединению и установлению “великих путей” через весь континент; — вдохновленная этой исторической схемой статья Савицкого “Степь и оседлость”»¹⁰⁷.

С одной стороны, это объяснимо «новизной», до которой были так падки евразийцы. Особенно падок до новинок был Сувчинский, о чем прямо говорил ему Трубецкой еще в 1922 г.: «У Вас есть некоторый соблазн левизны, любовь к “последнему крику” в области искусства. Не забывайте, что левизна ведет к сатане, к антихристу»¹⁰⁸. Но эта интенция была свойственна и другим евразийцам, хотя и в меньшей степени. Тема Византии была старой, солидной, научно-академической, хорошо освоенной специалистами, и не сулила никаких сенсаций. Тема кочевников только-только начинала разрабатываться, археология шла впереди истории. Савицкому не удалось привлечь к евразийству хорошего специалиста-византолога, все они рано сгруппировались вокруг Семинара им. Н. П. Кондакова (с 1931 г. Археологический институт), и не претендовали ни на какое «водительство» или политическую значимость.

¹⁰⁷ Письмо Н. С. Трубецкого к П. П. Сувчинскому от 15.12.1921. / Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2008. С. 18.

¹⁰⁸ Письмо Н. С. Трубецкого к П. П. Сувчинскому от 09.08.1922. / Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому. Указ. соч. С. 31.

Евразийцы искали новый ракурс для того, чтобы взглянуть на Россию, и на историю мира вообще, свежим взглядом, и найти ранее упущеные детали. Тема кочевников оказалась таким удобным ракурсом, через нее они увидели, что нечто важное было упущено историками прежних времен, которые двигались в русле Норманской теории, начиная историю Руси с призываивания варягов, крещение Руси рассматривали как пригласительный билет для вхождения в европейскую версию цивилизации, правда с особенностями — обычно считали, что России не повезло с языком, ведь Священное Писание и другие христианские книги надо было дать славянам на латинском или греческом языке, чтобы потом удобнее было читать Платона и Аристотеля. Нашествие татаро-монгол (само название народа-завоевателя было искусственным, и по сути неверным) рассматривали как «иго», сущность которого заключалась в отрыве Руси от Европы, но одновременно, как благодетельный щит, который спас Европу и христианскую культуру от варваров и т. д.

Эти исторические идеологемы были просты, во многом не верны и не точны, но привычны. Евразийцы старались увидеть особенное и специфическое, то, что делало историю России не мертвой схемой, но живым преданием, тем, что покажет не только славное прошлое, но и обеспечит перспективы будущего. Савицкий еще в предисловии к «Исходу к Востоку» указал, что преклоняясь перед прошлым Европы, евразийцы не видят ее в будущем¹⁰⁹.

В теме кочевников евразийцы открыли, в первую очередь, *новый универсализм*: «Русская земля попала в систему мировой империи — империи монгольской. Мировой характер этой империи как-то недостаточно до сих пор нами сознается»¹¹⁰; Россия попала в «русле исторического потока»¹¹¹. Монгольская империя охватила всю

¹⁰⁹ См.: Савицкий П. Н. Исход к Востоку (предисловие) /Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч. С. 115.

¹¹⁰ Вернадский Г. В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927. С. 157.

¹¹¹ Вернадский Г. В. Два подвига Св. Александра Невского // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 322.

Евразию — от Восточной Европы, Малой Азии, Кавказа, Крыма, Балкан — до Китая, объединила земледельческие и средиземноморские культуры со степной культурой кочевников. Таким образом, Россия была включена «в огромный исторический мир — простиравшийся от Тихого Океана до Средиземного Моря. Политический размах этого мира наглядно рисуется составом великих монгольских курултаев XIII: в этих курултаях участвовали (помимо монгольских князей, старейшин и администра-торов всей средней, северной и восточной Азии) русские великие князья, грузинские и армянские цари, иконий-ские (сельджукские) султаны, кирманские и мосульские атабеки и пр.»¹¹². Здесь открывается картина новой, универсальной общности, альтернативной европейскому глобализму. Одновременно происходит подмена кафоличности (соборности) на новый политический универсализм или евразийский глобализм.

Впервые в Новой истории мир был объединен под водительством Рима, во времена, предшествовавшие Рождеству Христову. Поэтому и была организована перепись населения, как это описано в Евангелии, что потянуло цепь событий, предшествующих и сопутствующих Рождеству, от даты которого ведется современное летоисчисление. Универсалистская политическая идея единодержавия сплелась с универсальностью церкви, для которой нет границ, рас, различия пола, возраста, уровня достатка, положения в социальной иерархии. Различие этих двух универсальностей — политической и церковно-кафолической (соборной), иногда было непросто увидеть и выделить. В случае же с татаро-монгольской политической универсальностью сделать это было необходимо: все-таки монголы-завоеватели были сначала язычниками, а потом приняли ислам.

Краткий, по историческим меркам, эпизод, поразивший воображение евразийцев (об этом сообщил им Вернадский), когда в Сарае была открыта православная миссия и даже имелся свой епископ, которой потом,

¹¹² Вернадский Г. В. Монгольское иго в русской истории. Указ. соч. С. 158.

после упадка Сарая, переместился в Москву, став митрополитом Крутицким¹¹³, все же не имел основополагающего значения. Небольшая вероятность того, что монголы примут православие, была, и, действительно, определенное число их приняло христианство, но в целом победил ислам и буддизм. Универсальность ислама или буддизма противостоит универсальности как христианской, так и западно-глобалистской. Похоже, евразийцы не до конца поняли различие этих универсальных общностей. Не осознанная до конца тяга к универсальному историческому бытию, возможности приобщиться к большей истории, чем просто история России-Евразии, несмотря на весь автаркизм и провозглашенный ими изоляционизм, преобладала в сознании, а кочевая татаро-монгольская универсалистская глобализация казалось хорошей альтернативой глобализации западной. Таким образом, в теме татаро-монгольских, кочевых и степных элементов в истории России евразийцы искали новую универсальность исторического пути, по которому политически и организационно может идти Россия, в отрыве от Запада.

¹¹³ См. письмо Н. С. Трубецкого П. П. Сувчинскому от 28.04.1926. / Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. Указ. соч. С. 197.

11. Кн. А. А. Ливен и евразийский кружок в Софии. Рождение евразийства и противодействие П. Б. Струве

В 1920 г. Савицкий начинает искать союзников, искать новые связи. Старая жизнь и старые связи были разрушены. А. А. Ливен, от которого иногда доходили письма, в конце 1920 г. информировал его о том, что в Софии собирается кружок единомышленников, задумывается издание евразийского сборника, и предложил Савицкому присоединиться к этому проекту, написав ему письмо на бланке Российско-Болгарского книгоиздательства: «Все-таки не могу не воспользоваться тем, что сейчас в Константинополе сосредоточилось много Евразийских сил — на распутье. Здесь, в Софии, имеется книгоиздательство, во главе которого, в качестве одного из директоров-распорядителей, стоит Петр Петрович Сувчинский. Он, Николай Трубецкой, — сын Сергея Николаевича, и я, составляем здесь Евразийскую группу, имеющую в своих руках очень ценный издательский аппарат. Трубецкому поручено составление “Евразийского Сборника” и дело за материалом. У него есть свои рукописи; есть кое-что интересное и ценное у Сувчинского. К Вам просьба дать статьи и собрать материал вокруг себя. У Вас несомненно “Евразийские” связи есть, и Вы неоднократно думали о возможности издательской работы в этом направлении. Сейчас отдаем в печать работу Трубецкого “Европа и человечество” — выйдет отдельной книгой. Есть ли что-нибудь интересное у П. Б. Струве? Где А. В. Карташев? Все это вопросы на ходу, и отсюда многого не видно, и я очень надеюсь, особенно после нашего с Вами разговора в Софии, что Вы с жаром откликнетесь на мое предложение»¹¹⁴. В ответ Савицкий написал в письме от 19.11/02.12. 1920 г.: «Дорогой Князь Андрей Александрович, Получил Ваше письмо (относительно “Евразийского”

¹¹⁴ ГАРФ Ф. 5783. Оп. 1. Д. 358. Л. 49. Цит. по: Колеров М. А. Братство Св. Софии: «веховцы» и евразийцы (1921–1925) // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 144.

издательства) и был обрадован его получению. Бог Вам на помощь, дорогой Князь, Вам и Вашим товарищам. Я очень советую <Г.> Товстолесу¹¹⁵ ехать в Софию. Но в его голове, голове фантазера, роятся планы относительно Южной Америки — и он мои советы слушает с небрежением. Однако думаю, что в конце концов он попадет не в Южную Америку, а именно к Вам. Не могу выразить с достаточной силой, в какой мере сочувствую Вашему начинанию. Со своей стороны постараюсь изготовить для Вас “взгляд и нечто” о “судьбах России” и затем очерк экономической природы Евразии. Дала бы только судьба соответствующую для работы обстановку. Я пишу быстро, но, прежде чем начать писать, раскачиваюсь медленно и трудно. Поэтому мои слова, к сожалению, не суть категорическое обещание: могут быть материальные обстоятельства, которые помешают осуществлению заветных намерений. Еще раз шлю горячие пожелания успеха Вашему делу и прошу не оставлять нас весточками из Софии. Струве в Париже (адрес — Российское Посольство). Карташев, я думаю, или в Париже (Адрес — Посольство же), или в Гельсингфорсе (адрес — Русский Комитет)^{»116}. Это письмо было написано из турецкой Перы (Бейогла у бухты Золотой Рог в Константинополе), когда Савицкий находился в состоянии полной неизвестности, не знал, куда ему ехать и на что жить, то есть едва сошел еще с корабля «Рион», и в растерянности осматривался по сторонам.

Стоит отметить, что во время эвакуации Савицкий лишился своего архива: «Если последние мои письма не утрачены, то положите их куда-либо в сторонку. Я уничтожил свой архив, и потому черновиков не существует...», — писал он П. Б. Струве в письме от 9/22.11.1920 г¹¹⁷. Архивы были уничтожены по приказу

¹¹⁵ Будущий евразиец, Товстолес Григорий Nicolaevich (1887–1957), член Парижской евразийской группы. Организатор и руководитель Рижской евразийской группы. Принял советское гражданство, в 1951 г. был арестован советскими органами госбезопасности, приговорен к 10 годам заключения.

¹¹⁶ Архив ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 325. Л. 3.

¹¹⁷ Архив ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 324. Л. 8.

начальства — большевикам не хотели оставлять никакой информации, какая могла быть им полезна. У Савицкого осталась только одежда, документы, некоторые личные вещи. Поэтому ответил он Ливену горячо, но несколько неопределенно, не упоминая своих злоключений, отсутствия книг, записей, оттисков своих статей, некой брошюры, о которой он писал в письмах, но следы этой ранней (судя по всему, историософской) работы Савицкого потерялись... В письме Ливена речь шла о том, что П. П. Сувчинский организовал в Софии Русско-Болгарское книгоиздательство (именно его кулуарно называли «Евразийским»), главным редактором которого был кн. А. А. Ливен. Книгоиздательство организовал П. П. Сувчинский, молодой музыкoved и общественный деятель, совместно с Н. С. Жекулиным (бывший директор книгоиздательства «Летопись» в Киеве) и Р. Г. Молловым (бывший российский чиновник и землевладелец, болгарин по происхождению). Н. С. Жекулин впоследствии стал членом Парижской евразийской группы¹¹⁸, но он не был сколько-нибудь заметной фигурой в евразийстве, с Молловым с самого начала евразийцы общались скорее как с должностным лицом, с которым они были связаны только финансовыми обязательствами. Ливен стал правой рукой Сувчинского. Ливен надеялся заинтересовать своим проектом А. В. Карташева и П. Б. Струве. К работе издательства были привлечены недавно прибывшие в Софию кн. Н. С. Трубецкой и Г. В. Флоровский (последний стал техническим редактором и корректором).

Кн. Н. С. Трубецкой обратился в издательство, чтобы напечатать там свою книгу «Европа и Человечество». Ранее, по заказу издательства, он написал предисловие к книге Герберта Уэллса «Россия во мгле» (София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1920). После того, как в том же издательстве вышла книга Н. С. Трубецкого «Европа и Человечество»¹¹⁹, довольно положительный

¹¹⁸ См. его статью: Жекулин Н. С. Нужна ли денационализация промышленности? // Евразийская хроника. Вып. 10. Париж, 1928.

¹¹⁹ В современном изводе почему-то издают книгу, в которой слово «Человечество» печатают со строчной буквы: «Европа и человечество» (см. любое современное издание после 1990 г.).

отзыв на его работу дал Савицкий в рецензии «Европа и Евразия (по поводу брошюры кн. Н. С. Трубецкого “Европа и Человечество”)» (Русская мысль, 1921. № 1–2). Флоровский написал более резкую рецензию — «Вечное и преходящее в учении русских славянофилов» (Славянский глас. 1921. Т. 1. 1–4). В рецензии Савицкий выступил против релятивизма Трубецкого, поскольку тот утверждал, что все культуры равнозначны и равноценны, нет «высших» и «низших». Он обличил европейский шовинизм и призвал русскую интеллигенцию очнуться от тумана европоклонства. Савицкий резонно заметил, что на войне оружие европейца и дикаря, при всем уважении к его ценной культуре, равны в любом случае не будут. Если Россия хочет выжить и преуспеть, она должна, сохранив свою национальную идентичность, держать высокую планку в экономике и политике. Экономика вполне может быть европейской, главное — иметь правильное самосознание и самовосприятие.

Трубецкой позже говорил, что Струве намеренно поддержал публикацию в первом выпуске «Русской мысли» статьи Савицкого, которая содержала критические замечания о «Европе и Человечестве», надеясь разрушить возникающий союз и «спасти» Савицкого от евразийства. Трубецкой писал об этом Флоровскому в письме от 28.02.1922 г.: «...тактической ошибкой (с точки зрения единого евразийского фронта) была в свое время статья Савицкого “Европа и Евразия”, во всяком случае та часть этой статьи, где была полемика против меня. Потому-то Струве (которого я продолжаю считать самым заклятым врагом евразийства) с такою радостью и поместил ее в Р~~усской~~ М~~ысли~~, надеясь, что она сделает невозможным наш союз с Савицким. И потому-то старый рамол так рассердился, когда я оказался достаточно догадливым, чтобы из тактических соображений не поднять брошенной (точнее неосторожно оброненной) перчатки, и когда союз с Савицким все-таки состоялся»¹²⁰.

Вероятно, Струве, действительно, несколько колебался в раздумьях о том, как поступить с евразийцами,

¹²⁰ Переписка Г. В. Флоровского с Н. С. Трубецким (1921–1924) // Записки русской академической группы в США. Указ. соч. С. 71.

и решил на первых порах все-таки держать их в поле зрения и поближе к себе. Возможно, с этой целью он не отклонил сразу список сотрудников «Русской мысли», предложенный Савицким, при ближайшем участии которых, как предполагалось, должно состояться издание. В этот список попали все евразийцы, а Трубецкой числился в этом списке и в 1922 г. Попытки Савицкого поместить в журнале Струве работы евразийцев (в частности, Трубецкого и Сувчинского) встретили противодействие главного редактора. Поместив в «Русской мысли» статью Флоровского, Струве отверг статью Трубецкого и материал, предоставленный Сувчинским (стихи). Флоровский стал постоянным автором «Русской мысли», хотя его работы большей частью помещались в разделе «Критика и библиография» (с 1921 по 1927 г. в этом издании было опубликовано 19 статей и обзоров Флоровского). Статьи других евразийцев в «Русской мысли» Струве, как правило, не помещал, хотя отдельным авторам-евразийцам он дал возможность опубликоваться на страницах своего журнала: П. Остроухов — 1 статья, Савицкий — 4 статьи (2 из них вышли в первом номере, две других касались нейтральных тем, поэзии и зодчества), М. А. Струве¹²¹ — 1 стихотворение, Я. Д. Садовский — 4 статьи, Г. В. Вернадский — 3 статьи. Остроухов и Савицкий — его бывшие ученики и сотрудники, возможно поэтому он сделал для них исключение. Постоянным автором журнала Струве был П. М. Бицилли, одно время примыкавший к евразийцам (7 статей, в основном критика или обзоры). В «Русской мысли» с благословения Струве вышли также работы, сурово обличающие евразийское движение: Ал. Д. Биллимовича¹²², И. А. Ильина¹²³ и самого Струве¹²⁴.

¹²¹ Струве Михаил Александрович (1890–1949), поэт, прозаик, участник второго «Цеха поэтов» (1916–1917), автор сборника стихов «Стая» (1916), был членом Парижской евразийской группы, занимал должность редактора, был одним из руководителей евразийского Распространительного аппарата и Евразийского книгоиздательства. В журнале «Версты» (1928. Кн. 3) были опубликованы его стихотворения. В период кламарского раскола присоединился к группе П. П. Сувчинского, которая распалась в течение 1930 г.

¹²² Биллимович Ал. Д. Богоискатели, евразийцы и материальная культура // Русская мысль. Кн. VIII–XII. 1922.

В спорах вокруг книги Трубецкого постепенно рождается «коллективное» евразийство. Савицкий предложил именовать новое течение «евразийством» уже официально, а не кулуарно, между собой. Члены небольшого кружка приняли это предложение безоговорочно. Им понравилось яркое, необычное, вызывающее название, с помощью которого они надеялись «расшевелить» русскую эмиграцию, погрязшую, по их мнению, в «западопоклонстве», старых, дореволюционных стереотипах и безрелигиозности (на последнем пункте настаивал Флоровский). Отныне, с 1920 и по 1928 гг., мировоззрение Савицкого формировалось в тесном взаимодействии и под влиянием других основоположников и участников евразийского движения.

Савицкий испытал большое влияние со стороны Сувчинского, Трубецкого, Флоровского, Г. В. Вернадского, Н. П. Толля и других евразийцев, а также сторонних участников, писавших на евразийские темы (Р. Я. Якобсон, П. М. Бицилли) и, в свою очередь, повлиял на них. Исследователям порой непросто выделять «собственно» взгляды Трубецкого, и отдельно взгляды Сувчинского или Савицкого. По многим пунктам они пришли к полному согласию. Тем не менее, у каждого были «свои» темы, которые зависели от их профессиональных занятий. Так, Трубецкой написал ряд работ в области лингвистических исследований, анализа психологии народов (лингвистика и психология были его ключевыми темами); Сувчинский писал о современности и ее признаках, о духовном и историческом смысле русской революции, делал литературные обзоры, Савицкий писал об экономических перспективах Евразии, делал прогнозы на будущее (как оказалось, его прогнозы оказались актуальны более чем на 100 лет), поднимал тему исторических ритмов в борь-

¹²³ Ильин И. А. Россия и латинство. Сб. ст. Берлин, 1923. // Русская мысль. Кн. III–V. 1923.

¹²⁴ Струве П. «Евразийство». По поводу сборника «На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая» // Русская мысль. Кн. VI–VII. 1922; он же. Материалы для исторической хрестоматии русской мысли. 1. О либеральном консерватизме в нашем прошлом. 2. Евразийские терзания Ивана Васильевича // Русская мысль. 1927. Кн. I.

бе и взаимодействии сил «степи» и «оседлости». Последнюю тему разовьет потом Г. В. Вернадский, включив ее в свою историческую концепцию борьбы «Леса и Степи».

Чисто хронологически канва жизни Савицкого после 1920 г. складывалась следующим образом. Сначала Струве берет его техническим редактором «Русской мысли», потом, обнаружив, что тот евразийствует, разрывает с учеником, и в ряде резких рецензий клеймит его «отступничество». В конце 1921 г. Софийский евразийский кружок прекращает существование. Флоровский и Савицкий переезжают в Прагу, Трубецкой уезжает в Вену, Сувчинский переселяется в Берлин, а позже, в 1925 г., переедет в Париж. Ливен, который собрал евразийский кружок и вдохновил его участников на издание первого сборника «Исход к Востоку», резко охладевает к своему детищу и уходит с головой в религию, поэзию и литературное творчество¹²⁵.

Струве, увидев непреодолимые разногласия с Савицким, фактически отстранил его от участия в журнале, выдвинув на его место другого, вполне «правоверного» своего ученика, К. И. Зайцева (которого евразийцы в письмах шутливо именовали «Еврозайцев»). Во время того, как открылась возможность получения стипендии чехословацкого правительства, Струве не поддержал кандидатуры Савицкого, предложив на его место того же Зайцева. Об этом инциденте, приобретшем уже характер личного конфликта, Савицкий писал родителям из Софии в письме от 12.11.1921 г.: «Трубецкой, находясь в Праге и не зная о моем туда приглашении, возбудил в комиссии академического съезда вопрос о предоставлении мне стипендии. Ему возражали <...> кто бы вы думали... Струве! Поставив четырех кандидатов, в том числе Остроухова, Долинского и Зайцева — он заявил обо мне, что мой отец “арендует большое имение под Конст~~антин~~полем и потому может содержать меня на собственный счет. В Софии, где к тому же превосходные

¹²⁵ См. современное переиздание его трудов: *Ливен Андрей, о. Жития святых. Три шага*. М.: ИМЛИ РАН, 2001.

библиотеки!”. Что это: непонимание, глупость или...? Что бы ни было, — такой оборот дела, когда Учитель выступает против Ученика, — ясно показывает, что если стоит реализовать пражское приглашение — медлить нечего <...> А П. Б. <Струве>: ласкает покорных, топит еретиков»¹²⁶. В действительности, на иждивении нуждавшегося Савицкого находились уже престарелые родители, которые не успели вывезти заграницу личных вещей и денег.

Разногласия с Савицким и неприятие редактором «Русской мысли» евразийских идей стали причиной к написанию Флоровским открытого «Письма к П. Б. Струве об евразийстве» (в конце текста дата: 03.08.1921), напечатанном в «Русской мысли» в первом выпуске за 1922 г. Обмениваясь письмами со Струве по поводу возможности помещения своего открытого письма, Флоровский получил доброжелательный ответ: «Я буду рад напечатать Ваши заметки. По существу для меня неприемлема только идеализация и реабилитация революции. Легенда о революции должна быть в зародыше убиваема — это есть руководящая идея моей публицистической работы»¹²⁷. Вскоре состоялось и личное знакомство Струве с Флоровским, который стал тяготеть скорее к Струве, чем к своим товарищам-евразийцам. В открытом письме Флоровский признал себя учеником Струве: «Вдумываясь в тот процесс мысли, который привел меня к теперешним моим заключениям, я очень ясно и отчетливо сознаю, что одним из самых сильных определивших его влияний было Ваше, влияние тех воззрений, которые Вы развивали и обосновывали в продолжение последних лет»¹²⁸. В этом тексте Флоровский напоминает Струве о его статье из сборника «На разные темы» (Санкт-Петербург, 1901), где он пишет о безусловном признании человеческой лично-

¹²⁶ Глебов С. Евразийство между империей и модерном. Указ. соч. С. 55. Также: ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 2. Д. 326. Л. 51 а-б.

¹²⁷ Цит. по: Записки русской академической группы в США. Указ. соч. С. 39.

¹²⁸ Флоровский Г. В. Письмо к П. Б. Струве об евразийстве / Флоровский Г. В. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. С. 124.

сти как неоспоримом нравственном правиле, строго соблюдая которое возможно строить культуру и государственность. Флоровский косвенно признает преемство евразийцев (точнее — самого себя) с авторами «Вех», говоря о том, что усматривать в их идеях политический подтекст так же бессмысленно, как в свое время поступали те, кто в «Вехах» усматривал «...проповедь политической реакции или голос антиобщественной усталости»¹²⁹. Евразийский национализм, по утверждению Флоровского, лежит в плоскости, обозначенной в свое время Струве — безусловного персонализма. Евразийцы — «не есть политическая партия, ни secta фанатиков, — в фразеологии наших дней для нее наиболее подходит имя “лиги русской культуры”»¹³⁰. Таким образом, Струве все-таки добился своего: не сумев разрушить евразийство в момент зарождения, он смог привлечь к себе Флоровского, которого манил его авторитет, влияние, слава, связи, интересы, возможности. Постепенно этот «клин», вбитый между евразийцами, разрушит отношения Трубецкого, Савицкого, Сувчинского и Флоровского, который признает правоту «старых грымз» и «рамолов», как именовали мыслителей старшего поколения евразийцы. С другой стороны, для самого Струве мысль о том, что его лучшие ученики — Савицкий, Остроухов и новоявленный «ученик» Флоровский стали евразийцами, была довольно неприятной. Таким образом, ему волей-неволей пришлось признаться себе в том, что он является в некотором роде крестным отцом евразийства поневоле.

¹²⁹ Флоровский Г. В. Письмо к П. Б. Струве об евразийстве / Флоровский Г. В. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. С. 126.

¹³⁰ Там же.

12. «Струвизм» как важнейшая составляющая мировоззрения Савицкого

Текст «Идея Родины в советской поэзии», который Савицкий опубликовал в «Русской мысли» в 1921 г. (в том же номере вышла также его рецензия на книгу Трубецкого «Европа и Человечество»), носит явную печать влияния Струве. Это проявляется в заметной антибольшевистской риторике указанного текста, с чем, одновременно, борется его собственная, уже переросшая «струвизм» мысль. Эта еще незрелая евразийская мысль, вырастающая из-под «струвизма», некоторыми исследователями была названа (очень неточно) его ранним «национал-большевизмом». Последнее именование закрепилось по названию открытого письма к П. Б. Струве, которое Савицкий высказал в редакцию «Русской мысли», хотя тогда оно не было напечатано.

Письмо датировано 5 ноября 1921 г., то есть ранним периодом оформления совместных евразийских идей. В письме Савицкий поддерживает позицию Н. В. Устрялова и выступает с резким, эпатирующим заявлением: «<...> я всегда отвергал и отвергаю начисто и ныне не только коммунизм, но и всякий социализм <...>. И все-таки я склонен связывать будущее России с будущим советской власти, именующей себя властью коммунистической»¹³¹. Свою позицию Савицкий объясняет просто: все политические силы бывшей Российской империи себя дискредитировали, показав свое полное политико-волевое бессилие. Он перечисляет Колчака, Деникина, эсеров, кадетов, монархистов, и говорит о том, что их «политическая годность» в настоящий момент равна нулю. Большевики «собрали» страну воедино, потерпев поражение только в Польше и в Финляндии. Если сейчас свергнуть большевиков, то «в обстановке этой анархии выползут, как гады, самостийники — грузинские и кубанские, украинские, белорусские, азербайджанские. Создастся обстановка для

¹³¹ Письмо П. Н. Савицкого П. Б. Струве [«Еще о национал-большевизме»] / Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч. С. 554.

интервенции <...>. Россия падет и распадется <...> по-настоящему»¹³². Чтобы этого не случилось, уход большевиков необходимо идейно подготовить. На месте образовавшейся после их ухода пустоты должна возникнуть национально-ориентированная политическая сила.

Для Струве эта позиция была абсолютно неприемлемой. Согласно его биографу и другу С. Л. Франку, Струве в первые годы после революции находился в состоянии душевного потрясения и перешел на позиции «идейного фанатизма»¹³³. «Он решительно отвергал, как праздное пустословие, то, что он иронически называл “социологией русской революции”, т. е. все указания на общие, исторические причины ее успеха. Он доказывал, что Белое движение провалилось (впрочем, по его убеждению, только временно) и большевизм восторжествовал только в силу ряда частных, случайных тактических ошибок вождей Белого движения»¹³⁴. В первые годы эмиграции Струве был страстно увлечен политической деятельностью, отвергал мысли о необходимости покаяния за революцию 1917 г. (он, как и все его поколение, внесли существенный вклад в расшатывание устоев императорской, исторической России!). Не только евразийцев, но Н. А. Бердяева, известного широтой взглядов, он обвинял в уходе в бесплодные мечтания. На одной из совместных встреч Бердяев привел мнение почитаемого московского старца, прав. Алексея Мечёва, интерпретируя его таким образом, что Белые генералы «возлагают все свои надежды на внешнее, насильтвенное ниспровержение большевизма, не учитывая его духовных источников и не понимая, что он может быть преодолен только медленным внутренним процессом религиозного покаяния и духовного возрождения русского народа». На это Струве «пренебрежительно отозвался об одном московском старце, мнение которого Бердяев привел в подтверждение

¹³² Письмо П. Н. Савицкого П. Б. Струве [«Еще о национально-большевизме】]. Указ. соч. С. 556.

¹³³ Там же. С. 147.

¹³⁴ Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Указ. соч. С. 129.

своих мыслей»¹³⁵. Таким образом, Струве, утратив на время душевное равновесие, брал себе в помощники по политической работе людей, преданных только ему, и готовых мыслить, писать, действовать в русле им указанных директив.

В ранних письмах Савицкого 1920 г. можно проследить формирование взглядов, получивших наименование «национал-большевизм». В одном из писем он упоминает, что в обстановке всеобщего разложения в России выдвинулось только две силы: «<...> в пределах этнографической России только большевики и добровольцы, каждые по-своему, [могли] организовывать серьезную воинскую силу. А без воинской силы какая может быть государственность? И потому формула “Ни Ленина, ни Колчака” в своем обобщенном смысле есть нелепость. Но Колчака ведь нет. <...> Среди борющихся партий России я сделал свой выбор; и мне кажется, что ничто не может нарушить моей верности тому лагерю, над которым реют святые для меня имена Кaledина и Корнилова. И если бы я мог взывать — я воззвал бы к каждому русскому, кто не хочет оставаться “ни горячим, ни холодным”, сделать, как это ни тягостно, и не трудно, — выбор, и стоять на нем до конца. ... Но если кровь праведников не искупит России, — то сила, которая билась в них, перейдет, как сила умирающего богатыря в русской былине — к их победоносному врагу»¹³⁶.

Действительно, «сила» (то есть государствообразующая воля) перешла от Белой армии к большевикам, которым пришлось строить «великую Россию» в виде СССР, как они умели и как понимали эту миссию. Проблема в том, что в эмиграции «не верили» в Россию, то есть считали, что она просто погибла, не возродится, станет территорией большого «Дикого поля». Об этом хорошо писал Е. Н. Трубецкой, который во время Гражданской войны и смуты оказался в тех же местах, что и Савицкий: «И в Киеве, и в Одессе среди высокопоставленных “бывших лю-

¹³⁵ Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Указ. соч. С. 132.

¹³⁶ Письмо П. Н. Савицкого К. Н. Гулькевичу от 22.01/04.02.1922. ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 323. Л. 1.–7.

дей” я часто наблюдал эту гнетущую атмосферу буржуазной деморализации. Эти люди драпировались красивым и с виду соблазнительным лозунгом “борьба против большевиков во что бы то ни стало” и при этом подразумевали, что она должна вестись какою угодно ценою, если нужно, ценой единой России. Упадок духа, безграничное неверие в Россию было тут преобладающим настроением. Перепуганные и уставшие, они решили, что Россия все равно погибла, каковы бы ни были усилия для ее восстановления. Остается, стало быть, спасать порядок, жизнь и имущество. Если нужно, можно пожертвовать для этого Россией, ставшей “Совдепией”. Отсюда сделка с немцами, спасавшими порядок в отдельных русских областях ценою расчленения России»¹³⁷.

Описанные Е. Н. Трубецким настроения действительно преобладали — в той или иной мере. Поэтому Савицкий, который утверждал, находясь буквально в сердцевине хаоса, бандитизма, братоубийственной войны, насилия, голода, свирепствующих холеры и тифа (от тифа Е. Н. Трубецкой скончался, не успев покинуть Новороссийск), о том, что России принадлежит «великое будущее» («грядущее величие»), что «Россия будет», вызывал иногда насмешки, а иногда — злобу. «С известного времени я не охотник до Гражданской войны...», писал он П. Б. Струве в конце 1920 г.¹³⁸ Свои усилия и мысли он сосредотачивает только на одном — надо немедленно прекратить Гражданскую войну, перестать лить русскую кровь и попусту растрачивать силы: «В отношении к практической политике мне кажется, что решительный выход из гражданской войны (если не на словах, то на деле) и проставление себе иных посильных, и в то время достаточно плодотворных задач, не только диктуется, но прямо предписывается обстоятельствами всякому, кто не хочет разбивать лбом стену»¹³⁹.

Позицию Савицкого все же лучше назвать не национал-большевизмом, а политическим pragmatizmom.

¹³⁷ Трубецкой Е. Н. Кн. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск: «Водолей», 2000. С. 236–237.

¹³⁸ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 324. Л. 6.

¹³⁹ Там же. Л. 3.

Савицкий рассматривает большевиков скорее как инструмент, как силу, способную скрепить и удержать страну в ситуации хаоса, когда остальные политические силы дискредитированы. Струве, напротив, остался на позиции «разбивания лба об стену», доказывая правоту Белой идеи и неправоту большевиков. Савицкий доказывал, что есть нечто выше правоты, неправоты и политических счетов — сама Россия, русский народ, в конце концов, сама жизнь, как великая стихия со своими законами, ритмами, иероглифами на теле бытия, которые нужно отгадать и прославить премудрость Бога... Политический pragmatism по отношению к советской власти появился у Савицкого очень рано, был им осознан на рубеже 1919–1920 гг. и обнародован уже в 1921 г. Эту позицию он далее не поменял, разве что уточнял, например, подчеркивая, что большевики по сути — безбожники, чуждые национальным интересам России. В период 1941–1945 гг. эта позиция подверглась ревизии в связи с нападением фашистской Германии на СССР. Тогда политический pragmatism перерос в патриотический практицизм. Таким образом, существенной составляющей «евразийской формулы» Савицкого является политический pragmatism, который современные исследователи евразийства отождествили с национал-большевизмом. В поздний период он перерос в патриотический pragmatism.

13. Переезд в Прагу. Начало формирования систематического евразийского миросозерцания. Г. В. Флоровский между евразийством и П. Б. Струве

В Праге Флоровский и Савицкий снимают одну комнату на двоих. В конце 1921 г. Сувчинский и Трубецкой посыпают им письма в одном конверте по адресу «Praha, Vyšehradská třída, Komitet pro umění Studia rusských studentů». Флоровский и Савицкий часто пишут письма на одном листе, иногда Флоровский делает короткие приписки к письмам Савицкого. Сначала отношения кажутся идеальными. Через Савицкого Флоровский знакомится со своей будущей женой, родной сестрой будущей жены Савицкого. Женившись на родных сестрах, а потом вскоре поссорившись, они прекратили общение, инициатором разрыва был Флоровский. В мае 1922 г. Флоровский после женитьбы переезжает и просит писать ему отдельно по адресу: «Keplerova ulice, Hotel Savoy, But 17, Pany professory Florovckou». Освободившееся место в комнате занял Я. Д. Садовский (1891–1925), экономист, статистик, с которым Савицкий быстро подружился и «обратил» в евразийство. Савицкий назвал его, используя древний христианский термин, «“оглашенным” евразийства»¹⁴⁰, то есть новообращенным через проповедь. Садовский преподавал в Русском народном университете, готовился к сдаче экзамена, чтобы получить должность приват-доцента (после окончания Варшавского университета он не успел защитить диссертацию). Переезд Флоровского был скорее формальной причиной разрыва с Савицким. Флоровский начинает раздражаться его восторженным настроением. В письме к Трубецкому он пишет: «Думаю, что прав, когда предлагаю у него некую зависть к себе и стремление быть

¹⁴⁰ Письмо П. Н. Савицкого П. П. Сувчинскому от 03.05.1922. / Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 267.

всюду на первом месте, даже и там, где нужно было скромничать. Всякий самый любовный намек с моей стороны он принимал болезненно-самолюбиво»¹⁴¹; «Запоздалый натурализм! И mania Grandiosa!»¹⁴².

Обвинения Савицкого в мании величия со стороны Флоровского были явно безосновательны. Флоровский сам был крайне самолюбив и считал каждую свою мысль и фразу изречениями глубочайшей мудрости, принадлежащими крупному философу современности (на тот момент ему было 29 лет). Флоровский был талантлив, истово религиозен, духовно горяч, но не умел ладить с людьми. Он перессорился со всеми евразийцами и у каждого нашел недостатки¹⁴³. Трубецкой и Ливен, с его слов, были надменные князья, горды своим происхождением, Сувчинский — несговорчивый сноб, Савицкий — большой манией величия пластиатор... Кажется, только в одном Флоровский был прав — Савицкий, действительно, был похож на некую антенну под напряжением. Любая мысль, близкая ему внутренне, тут же рождала в нем творческий каскад.

Одновременно с евразийскими делами устраивалась его академическая карьера. После переезда в Прагу он начинает усиленные хлопоты для получения места

¹⁴¹ От евразийства к Р.С.Х. движению. Письма к П. П. Сувчинскому и Н. С. Трубецкому. Публикация Н. Струве // Вестник Русского Христианского Движения. 1993. № 168. С. 66.

¹⁴² Письмо Г. В. Флоровского Н. С. Трубецкому от 10.02.1924. / Записки русской академической группы в США. Указ. соч. С. 138.

¹⁴³ Чрезвычайно характерно письмо Г. В. Флоровского П. П. Сувчинскому от 03/04.12.1923, в котором он критикует других участников или возможных союзников евразийского движения: «<...> Участие иерархов считаю противопоказанным: м<итрополит> Антоний для меня не приемлем, к<ак> соавтор <...>. Вопрос об участии о. Сергия Булгакова я лично по совокупности обстоятельств решую отрицательно — вполне отрицательно, <...>. Пожалуй, о. Сергий “виноват” более вашего: ему следовало быть более примиряемым и чутким. <...> Участие Шахматова для меня тягостно, т. к. после первого опыта комом я не чувствую к нему минимального доверия, <...>. Боюсь, что и Вл. Н. Ильин к ущербу для дела привлекается к работе. То, что я слышал летом на церк<овные> темы, категорически неприемлемо» и т. д. (Записки русской академической группы в США. Указ. соч. С. 221–223).

штатного преподавателя только что организованного Русского юридического факультета. Сдав магистерские экзамены по политической экономии, финансовому праву и статистике, 18 февраля 1922 г. Савицкий получил место приват-доцента кафедры политической экономики и статистики Русского юридического факультета в Праге. Темами двух его пробных лекций были: «Личное начало в хозяйстве» и «Север и Юг в хозяйстве российском». Что касается первой темы, то он мечтал создать русскую версию политической экономии и экономической науки. В письме от 12.12.1922 г. Н. С. Трубецкому Савицкий сообщил, что планирует новую статью: «<...> за “Хозяйственно-географические основания евразийства” я сяду, даст Бог, буквально после окончания противокатолической статьи»¹⁴⁴. В тот момент евразийцы готовили сборник «Россия и латинство», что для Савицкого, как не богослова, было нелегкой задачей. К разочарованию Савицкого, затея с экономической статьей ему не вполне удалась. После долгих и, можно сказать, мучительных попыток, он написал статью «Хозяин и хозяйство»¹⁴⁵, которая не встретила горячего одобрения у евразийцев, и для публики прошла незамеченной. Вторая тема («Север и Юг в хозяйстве российском») для Савицкого, напротив, оказалась крайне перспективной. Собственно, в названиях двух вступительных лекций Савицкого дан конспект его будущей монографии, как он ее задумывал, но удалось реализовать из задуманного не все.

Напомним, что в июне 1922 г. вышел уже второй, не менее громкий и привлекший внимание публики, чем первый¹⁴⁶, евразийский сборник — «На путях. Утверждение

¹⁴⁴ Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Статьи и письма. Указ. соч. С. 291.

¹⁴⁵ Савицкий П. Н. Хозяин и хозяйство // Евразийский временник. Берлин: евразийское книгоиздательство, 1925. Также есть статья Савицкого «Метафизика хозяйства» (Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве ко дню тридцатипятилетия его научно-публицистической деятельности. Прага, 1925), в которой высказываются схожие идеи.

¹⁴⁶ Первый евразийский сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» вышел в августе 1921 г.

евразийцев». Таким образом, академическая работа и евразийство шли у Савицкого рука об руку. Савицкому предстояло много труда на академическом поприще. Он разрабатывает курсы для студентов, в частности: «Мировое хозяйство в новейшем освещении»¹⁴⁷ и курс «Экономическая география России». Для составления курсов необходимо было привлечь все наработанные к тому моменту знания и практические навыки. Экономика давалась Савицкому нелегко: «<...> экономические занятия; иссушают душу, ибо экономика — учение подлинно романо-германское; в этих занятиях как-то отрываешься от мистического, сверх-данного корня жизни»¹⁴⁸.

Он стремился найти противовес этим «иссушающим душу» занятиям. Кроме поэзии, литературоведения, архитектурных штудий (которыми Савицкий увлекался с раннего детства и до конца дней), он все больше обращается мыслью к тому, чтобы вернуть экономику «на землю», понять связь экономики не только в поле финансовых спекуляций, цифр, сводных таблиц, не только как ловкий товарооборот, построенный на основании законов рынка, но как отражение реальной сущности хозяйственной деятельности человека. Хозяйство для Савицкого было основано на реальности земли и психологии населяющих ее народов; зависело от климата, океанических, морских или сухопутных путей товарообмена, от фактора замерзающих или незамерзающих водных и дорожных коридоров. У Савицкого зрели контуры нового видения проблем мировой истории и истории Евразии. От финансово-денежного составляющего мирового хозяйства он обращается к вещно-материальному, реальному сектору производства конкретных благ.

Одновременно происходил окончательный разрыв со Струве, который переживался Савицким крайне болезненно. Струве быстро и негативно среагировал на

¹⁴⁷ Экземпляр машинописного курса Савицкого (правда с большими утратами, но большей частью, разборчивый) есть в Российской государственной библиотеке (Москва).

¹⁴⁸ Первый евразийский сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» вышел в августе 1921 г.

евразийство, буквально в момент его зарождения. После выхода в свет «Европы и Человечества», Трубецкой пытался отдать в первый выпуск возобновленного в Софии журнала «Русской мысли», свою статью по поводу сборника А. Блока «Россия и Интеллигенция»¹⁴⁹, но Струве отклонил его работу, заявив (по словам Трубецкого), что считает его направление вредным. Трубецкой назвал в письме к Р. Якобсону статью о Блоке «совершенно невинной», и после ее отклонения думал о том, что «трибуну придется сооружить¹⁵⁰ где-нибудь в другом месте»¹⁵¹. Сам Струве по поводу работы Трубецкого совершенно недвусмысленно выразил свои мысли в письме Савицкому от 16.02.1921: «Статья Н. С. Трубецкого принадлежит именно к числу тех, которые нельзя ни в коем случае принимать без моей санкции. Я считаю основную идею этой статьи объективно несообразной, требующей отпевки и опровержения. Я всю свою жизнь в значительной мере потратил на борьбу с нелепой мыслью, положенной в

основу рассуждений <...> Трубецкого, и не могу теперь издавать журнала, чтобы без всяких разговоров распространять эти нелепости. «Народничество» я считаю *сифилисом русской мысли*, и к возрождению его в какой-либо форме руки не приложу»¹⁵². В свою очередь Трубецкой

¹⁴⁹ Блок А. Россия и Интеллигенция. Петроград: Алконост, 1919.

¹⁵⁰ «Сооружить» — один из вариантов «неправильного» словоупотребления у Н. С. Трубецкого, который в письмах часто экспериментировал с правописанием, будто бы старясь создать свою личную, «трубецковскую» грамматику, а иногда и лексику. Любопытным является факт, что та же особенность была характерна и для его отца, С. Н. Трубецкого, рукописи которого часто не соответствовали grammatischen und punktuacionnym normam.

¹⁵¹ Письмо Н. С. Трубецкого Р. Я. Якобсону от 27.03.1929 / Письма и заметки Н. С. Трубецкого. Подготов. к изданию Р. Якобсон и др. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 17.

¹⁵² ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 358. Л. 122. Впервые опубликовавший отрывок из этого письма М. Колеров предположил, что речь идет о статье Трубецкого «Об истинном и ложном национализме», которую он мог предложить редактору «Русской мысли» (Колеров М. А. Братство св. Софии: «веховцы» и евразийцы (1921–1925) // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 145). Однако сам Трубецкой указал, что Струве

проникся некоторым недоброжелательством к Струве и занял по отношению к нему непримиримую позицию: «...он знает, что ему меня не приучить!»¹⁵³, писал он Флоровскому в письме от 21–23.01.1922. Трубецкой считал, что Струве потерпел идейное банкротство и желает подчинить себе евразийство с целью расширения своего влияния и недопущения «нового слова». В тот момент у евразийцев установились разные отношения со Струве: Флоровский все больше сближался с ним, Трубецкой резко разошелся, а Савицкий переживал период колебаний и раздумий, постепенно удаляясь от прежнего «Наставника и Друга». В связи со столь разнообразной комбинацией личных отношений евразийских лидеров, Трубецкой боялся раскола в рядах только что заявившего о себе нового идейного течения.

В России, еще до первой революции, в 1908 г. Струве, который тогда был издателем еще дореволюционной «Русской мысли», отказался печатать, как он выразился, «наивную» статью «только что проснувшегося человека», т. е. А. Блока, по поводу которой Трубецкой написал свою работу. Блок поместил ее, в конце концов, в издании «Золотое руно» (1909, № 1). Когда Струве отверг статью Блока, тот расценил отказ как свидетельство того, что его живая интуиция затрагивает важную тему, чему противится косная мысль редактора «Русской мысли». Что характерно, прения 13 ноября 1908 г. на Религиозно-философских собраниях в Петрограде, где впервые Блок зачитывал текст своей статьи, были запрещены полицией, чуткой к проявлениям революционной крамолы, которая могла бы скрываться за невинными литературно-

отверг именно статью о Блоке (Письма и заметки Н. С. Трубецкого. Указ. соч. С. 17). Вряд ли Трубецкой стал второй раз предлагать еще одну статью «своего направления», уже получив однажды отказ. Статья «Об истинном и ложном национализме» была, таким образом, подготовлена именно для евразийского сборника. В ней были тематические точки пересечения, в частности, со статьями Флоровского, что говорит об общем контексте размышлений евразийского кружка, плодом встреч которых и явился сборник «Исход к Востоку», где впервые была напечатана статья Трубецкого.

¹⁵³ Переписка Г. В. Флоровского с Н. С. Трубецким (1921–1924) // Записки русской академической группы в США. Указ. соч. С. 45.

философскими размышлениями. Значит, блестители порядка в лице полиции, с одной стороны и П. Б. Струве с другой, статью Блока отвергли. Таким образом, отвержение мыслей Блока, в которых Струве почувствовал веяние нового, грозного и непонятного духа грядущей эпохи, имело длительную историю. Стоит отметить, что творчество А. Блока имело важное значение для Сувчинского, было одним из источников его евразийства, сложившегося еще до встречи пятерки основоположников в Софии. Одновременно, дореволюционное прошлое Струве, которого А. А. Кизеветтер справедливо назвал «апостолом марксизма»¹⁵⁴, было ему немым укором. Внутренние терзания Струве пытался заглушить, реабилитируя себя в глазах общественности тем, что позиционировал себя в эмиграции как твердого консерватора, свято ненавидящего большевиков. Важно отметить, что одной из общих тем молодых авторов, вскоре объединенных в евразийское движение, стала поэзия и идеи А. Блока, которого Струве не принял задолго до революции.

Характерно, что в первом выпуске заграничной «Русской мысли» Струве поместил свой небольшой очерк о А. Блоке, тем самым показав редакторскую монополию на понимание его идей¹⁵⁵. Небольшая рецензия Струве на поэму А. Блока «Двенадцать» была написана во многом как комментарий к предисловию П. П. Сувчинского к этому произведению, изданному Российско-Болгарским

¹⁵⁴ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914. М., 1997. С. 159. Кизеветтер описывает одно из выступлений Струве в середине 1880-х гг. Несмотря на то, что была заявлена сугубо научная и нейтральная тема, в зал набилась разнообразная, революционно настроенная публика, большей частью молодежь. При появлении Струве: «Разразилась неистовая буря аплодисментов и восторженных криков. Она долго не смолкла. Председательствовал профессор гр. Комаровский, который из сил выбился, звяня в колокольчик. Но колокольчика совсем не было слышно» (Там же. С. 159). Восторженное почитание Струве молодежью в России разительно контрастировало с неприятием его идей пореволюционным поколением в эмиграции.

¹⁵⁵ Струве П. «Двенадцать» Александра Блока // Русская мысль. 1921. Кн. I–II.

книгоиздательством¹⁵⁶. В предисловии Сувчинский определил поэзию Блока как чувственный реализм, который не отражает до конца религиозные переживания, в частности, по его мнению, образ Христа у Блока невыразительный и тусклый¹⁵⁷. Струве присоединяется к сказанному, но, по его мнению, необходимо заклеймить Блока с большей беспощадностью: «Справедливый суд и заслуженный приговор; но его надо, мне кажется, расширить и углубить <...> Правда изображения в “Двенадцати” Блока религиозно не освобождена от цинизма и кощунства восприятия. Отсюда то естественное отталкивающее впечатление, которое на меня производят “Двенадцать”»¹⁵⁸. В этом, по Струве — отличие от «настоящей» поэзии, примерами которой, являются «Фауст» Гете или «Борис Годунов» А. С. Пушкина). А творчество Блока, напротив, заключает в себе опасность цинизма и кощунства. Это странное, с литературоведческой точки зрения суждение, опирается на принцип, сформулированный Струве, выступающий для него неким мерилом истинности и доброкачественности любой современной ему идеи или любого текста: «Отношение к революции есть частный случай отношения к греху и мерзости вообще»¹⁵⁹. То есть, любой намек на оправдание революции есть признак оправдания греха и мерзости.

С А. Блоком Сувчинский познакомился в Петербурге в 1918 г. По свидетельству В. В. Гиппиуса (1890–1942), который их познакомил, на встрече зашел разговор о стихотворении «Скифы», говорили также о судьбах Европы и Азии. А. Блок, по воспоминаниям В. В. Гиппиуса, говорил: «Пора показать Европе нашу азиатскую рожу. И не допытываться: принимают ли именно большевизм или

¹⁵⁶ Блок Александр. Двенадцать (с предисловием П. П. Сувчинского). Российско-Болгарское книгоиздательство. София (б./г.).

¹⁵⁷ См.: Сувчинский П. П. Предисловие к книге А. А. Блока «Двенадцать» / Александр Блок. Pro and contra. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2004. С. 304-312.

¹⁵⁸ Струве П. Б. «Двенадцать» Александра Блока // Русская Мысль. София, 1921. Кн. I-II. 1921. С. 232.

¹⁵⁹ Там же. С. 233.

вообще революцию — в ее пределе?»¹⁶⁰. В предисловии к изданной в Софии в 1920 г. поэме «Двенадцать» П. П. Сувчинский с большим сочувствием писал о мировоззрении Блока, а также о том, что русскую революцию необходимо принять и простить. По Сувчинскому, не принять и не простить революцию означает не принять и не простить Россию прошлую и грядущую. Удивительно, что Струве не заметил у Сувчинского сочувствия и призывов к принятию революции, с чем он бесстрашно сражался в 1920-е гг., и свое внимание в краткой рецензии сосредоточил только на довольно мягкой критике Блока Сувчинским, усилив ее негативные моменты.

В статье «Типы творчества (Памяти Блока)», увидевшей свет в первом евразийском сборнике, Сувчинский сравнивает Блока с А. С. Пушкиным: «Это сопоставление Пушкина и Блока не случайно и не нарочито. Нет в русской литературе <...> явлений более близких и схожих. <...> Ни у кого не было такого ярко выраженного пути со-здавшегося мировоззрения. Можно смело сказать — Пушкин и Блок, будучи великими поэтами, были, вместе с тем, одними из самых больших людей России, на долю которых выпало опытом страстей их жизни разыграть великую человеческую трагедию»¹⁶¹. В этой статье, подводящей итоги его размышлений о творчестве Блока, Сувчинский цитирует не только его стихи, но и статьи («Стихия и культура», 1908; «Народ и интеллигенция», 1908), и, в частности, важнейшую статью «Интеллигенция и революция» (1918), завершающую «скифский» период творчества у Блока. Стоит отметить, что, по мнению Савицкого, поэзия Блока и Пушкина не противоположны, но, наоборот, относятся к единой традиции, это «формы особой историко-политической поэзии, которой отдал дань Пушкин в перечисленных выше произведениях “захвата исторического”. В отличие от прежних произведений, от “Стихов о Прекрасной Даме”, “Незнакомки”, “На поле Куликовом” и пр., в поэме “Скифы” Блок — символист не более и не менее, чем Пушкин в “Клеветниках России”. И даже язык

¹⁶⁰ Цит. по: Иванова Е. «Скифы» А. Блока и идеология евразийства // Записки русской академической группы в США. Указ. соч. С. 314.

¹⁶¹ Русский узел евразийства. М.: «Беловодье», 1997. С. 313.

“Скифов” есть язык “пушкинский”... В этом “пушкинском” характере языка и образов “Скифов”— отличительный признак данного произведения в ряду иных, посвященных России творений “советской поэзии”...»¹⁶².

Трубецкой в письме Сувчинскому от 15.12.1921 писал: «Я читаю статью о Блоке, переработанную в таком духе, совершенно необходимой для второго сборника. Она как раз произведет то отмежевание от родственного нам, но не тождественного с нами направлением Блока»¹⁶³. Таким образом, Трубецкой признал «родственность» с Блоком, а это, учитывая его крайнюю подозрительность и малотерпимость ко всему, что не совпадало с евразийством, можно считать очень высокой оценкой. *Творчество Блока явилось одним из источников становления евразийских взглядов П. П. Сувчинского в первую очередь, однако мысль и поэзия Блока затронула и Савицкого, который, хотя и в меньшей степени, был под впечатлением от его творчества.* Этого не понял Струве, пытаясь опереться в своей критике Блока на замечание Сувчинского, не имевшего принципиального характера.

В отношении поэзии Блока Г. В. Флоровский был вполне солидарен со Струве. В статье «О патриотизме праведном и греховном», само название которой отсыпало к старой работе Струве на эту тему («Два национализма»¹⁶⁴), он писал о мировоззрении А. Белого и А. Блока: «...они опошляют трагедию, жуткую и умилильную, стараясь раскрыть ее pragматический “смысл”, расшифровать рациональное “значение” ее мук и борений. И на месте святе оказывается скучная механика “стихий”, превращенных в абстракцию. Но этого мало: Блок утверждает, что “жизнь прекрасна”, что страшный и отвратительный “гул” революции — “о великом” <...>. Здесь, собственно, уже нет эмпирического “приятия

¹⁶² Савицкий П. Н. Идея Родины в светской поэзии / Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 73.

¹⁶³ Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому. Указ. соч. С. 19.

¹⁶⁴ Струве П. Б. Два национализма // Русская мысль. 1910. № 6; известна также статья П. Б. Струве: В чем же истинный национализм? (посвящается памяти Вл. С. Соловьева) // Вопросы философии и психологии. Кн. 59. 1901.

революции”, здесь — нечто гораздо более широкое: *метафизическое “примирение с действительностью”*¹⁶⁵. В устах Флоровского эти обвинения звучали очень весомо: получается, что в цикле «Скифов» Блок «согрешил» рационализмом в отношении недозволенного, метафизически оправдывали действительность, ставя знак равенства между добром и злом. Трубецкой не одобрил критики Флоровского, напоминая ему пословицу о том, что не стоит плевать в колодец, которым, возможно, придется когда-нибудь воспользоваться. Так намечались «линии разлома» в евразийской пятерке лидеров. «Старое», традиционное отношение, выразителем которого был Струве, становилось для Флоровского все более и более привлекательным, поскольку новое утверждалось с опорой не на исключительно морально-нравственные, но скорее на эстетические и модернистско-стилистические суждения, что его пугало и отталкивало.

Значение Струве для русской общественной мысли определялось несколькими важными моментами: он был во многом первопроходец в движении от марксизма к идеализму. Он одним из первых в России поднял проблему философии культуры как центральную для бытия народа, оправдывающую смысл государственности (сборник «Философия культуры», 1906 г. частично осуществленный проект). Эта идея на первых порах также была центральной для раннего евразийства. Струве был почти единственным русским мыслителем, для которого проблемы государства и национальной жизни были тесно увязаны, оба начала он понимал как несомненно благие. Самоопределение общества перед лицом государства он мыслил с позиций персонализма.

В статье 1921 г. «Размышления о русской революции» Струве высказал тезисы о «загадочности» революции в России. В тоне его высказываний явно звучат нотки смущения и растерянности: «Русская революция есть великая историческая проблема, я бы сказал, почти — загадка. В самом деле: народ, который создал огромное и могущественное государство и, при посредстве этого гос-

¹⁶⁵ Флоровский Г. В. О патриотизме праведном и греховном / Из прошлого русской мысли. М.: «Аграф», 1998. С. 147.

ударства, — великую, богатую и многостороннюю культуру, объятый каким-то наваждением, в кратчайшее время разрушил сам это великое государство — ради преходящих выгод и призрачных благ»¹⁶⁶. В статье Струве звучит запоздалое раскаяние: «Мы слишком безоглядно критиковали и порочили перед иностранцами свою страну. Мы более, чем недостаточно бережно, относились к ее достоинству, ее историческому прошлому»¹⁶⁷. В той же статье дан вполне положительный портрет великого русского реформатора П. А. Столыпина, которого он поносил до революции. В этой статье Струве хвалил Столыпина, как имевшего «предчувствие русской революции именно в той катастрофической форме, в которой она осуществилась»¹⁶⁸.

Несмотря на изменение умонастроения и некоторые запоздалые прозрения, Струве остается верен своей основной идеи: революция осуществилась потому, что в России не были сильны традиции западного права: «Ленин смог разрушить русское государство в 1917 г. именно потому, что в 1730 г. курляндская герцогиня Анна Иоанновна восторжествовала над князем Дмитрием Михайловичем Голицыным. Это отсрочило политическую реформу в России на 175 лет»¹⁶⁹. Главный грех царской бюрократическойластной структуры, согласно Струве, заключался в том, что она боялась реформ и политических свобод. Эта позиция вступила в непримиримое противоречие с евразийским видением причин и смысла революции.

Евразийцы понимали революцию как, в первую очередь, кризис европеизма в России, т. е. высказывали мысли, противоположные мнению Струве. Если для Струве революция 1917 г. — национальная и государственная катастрофа, крах его надежд на европеизацию России, то для евразийцев революция открыла новые пу-

¹⁶⁶ Струве П. Размышления о русской революции // Русская мысль. София, 1921. Кн. I-II. С. 22.

¹⁶⁷ Струве П. Размышления о русской революции. Указ. соч. С. 9.

¹⁶⁸ Там же. С. 23.

¹⁶⁹ Там же. С. 30.

ти, на которых Россия обретет истинное утверждение (или, как говорил Савицкий, «самодовление»).

Конституция и другие правовые аспекты в русской революции не имели, с точки зрения евразийцев, никакого значения. Перед лицом страшной, смертоносной революционной стихии, голода, братоубийственной войны, эпидемий, потоков ненависти, разрушения всех основ жизни — даже самая лучшая Конституция в качестве панацеи от этих катастрофических бед, не могла не вызвать у евразийцев снисходительной улыбки. Они не просто разочаровались в Конституции, которую прежнее поколение мыслило как ключ к решению всех социальных проблем России, они просто не писали на эту тему вообще, как не имеющую никакого отношения ни к России, ни к ее будущему. Так определился разлом, по которому прошел конфликт поколений. Словно невидимая рука одним взмахом поменяла все декорации исторической жизни. Что вчера казалось верхом мудрости, сегодня стало жалким бормотанием «старого рамола». И евразийцам представлялось, что главное — успеть на отходящий от гавани истории корабль современности. И только Флоровский, как жена Лота, оглядывался назад, понимая, что без исторического багажа путешествие в будущее будет неуютным. И он ушел к «старым грымзам» и «рамолам» — потому что за ними была какая-никакая, но традиция. А евразийцы начали сами создавать новую традицию — как бы с чистого листа. Для Флоровского это было пугающей новизной, к которой он не был готов.

14. Сборник «Россия и латинство» как дебют Пражской евразийской группы. Сближение П. Н. Савицкого с Г. В. Вернадским

В Праге Савицкий собирает единомышленников, которыми становятся историк Г. В. Вернадский и экономисты и статистики П. А. Остроухов и Я. Д. Садовский. Савицкий и Остроухов были выходцами из «шинели» П. Б. Струве, вместе с Вернадским работали на Врангеля по приглашению Струве во время Гражданской войны в Крыму. Теплые и даже почти трогательные отношения между ними сохраняются на всю жизнь. Позже к этой группе присоединяется юрист И. С. Белецкий, полковник, общественный деятель В. П. Шапиловский, лингвист, лексикограф Л. В. Копецкий, филолог М. М. Порецкий, историки С. Г. Пушкирев и М. В. Шахматов (последние два — ученики Вернадского), и другие участники, всего около 40 постоянных членов, составивших Пражскую евразийскую группу. Уже в июне 1922 г. этот пока немногочисленный пражский кружок в составе Савицкого, Вернадского, Остроухова и Садовского обсуждает издание «противокатолического» сборника (выйдет в мае 1923 г. под названием «Россия и латинство»).

Планы издания родились еще до того, как пражские евразийцы получили из Берлина вышедший к тому времени второй сборник «На путях». Трубецкой сомневался, что стоит вообще затевать «противокатолическое» издание. Он полагал, что «настроение против католичества слишком единодушно <...> чтобы не вышло, что мы ломимся в открытую дверь!»¹⁷⁰ Тем не менее, этот сборник был важен именно пражским евразийцам, как объединяющее их дело, было знаком рождения новой евразийской группы под руководством Савицкого. Кроме того, в связи с изданием этого сборника, к евразийству присоединился философ и богослов В. Н. Ильин, также последний раз в

¹⁷⁰ Письмо П. Н. Савицкого к П. П. Сувчинскому от 13.07.1922. / Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 274.

этом евразийском сборнике участвовали А. В. Кartaшев, П. М. Бицилли и Г. В. Флоровский. Участие Кartaшева и Бицилли — не принадлежащих евразийству мыслителей, было знаком открытости и терпимости участников движения. Пражские евразийцы приняли решение заручиться поддержкой «со стороны», поскольку они не чувствовали пока полной уверенности в своих силах. Хотя стоит отметить, что «люди со стороны» в последующем привлекались крайне редко, по сути, было только одно яркое исключение — участие С. Л. Франка. В последующих сборниках нашлось место только «своим». В этом смысле «Россия и латинство» был последним евразийским сборником, выход которого знаменовал окончание первого периода евразийства как издательского проекта. Существенными характеристиками первого периода была декларативность — евразийцы ярко заявляли о себе. Новизна и эмоциональная свежесть, почти эпатажность, определенная открытость по отношению к участникам «со стороны», чтобы они своим авторитетом поддержали новое направление, — были характерными чертами первого периода истории евразийства.

Следующее издание («Евразийский временник») имело уже четкую монологическую направленность: только евразийцы, только «свои», даже без колеблющегося Г. В. Флоровского. «Временник» транслировал идеи, которые стали «каноническими», то есть последующие тексты сравнивали с текстами «Временника», не только как с «эталонными», но и для выдерживания определенного стиля, по которому отныне будут узнавать евразийство: всегда новое, всегда необычное, литературно качественное (тексты вычитывались по многу раз всеми лидерами), оппозиционное по отношению ко «всем» и т. д.

Сборник «Россия и латинство» стал поводом к дружескому сближению Савицкого с Вернадским. В письме Сувчинскому от 4.VI.1922 г. Савицкий писал: «Главный предмет наших разговоров — издание сборника — о католичестве под названием (?) “Третье искушение” (Мф. 4, 8–9). Привлекали к разговорам наших новых единомышленников по этим вопросам — Г. В. Вернадского и

П. А. Остроухова. Выработали примерную программу. Об этом будем писать подробно»¹⁷¹. Название третьему сборнику дал Вернадский, о чем Савицкий уведомил Сувчинского: «Г. В. Вернадский предложил видоизменение в названии: “Россия и католичество”, по его мнению, неудачно, в том смысле, что корень “кафолический” означает “вселенский” — между тем подлинно вселенскою церковью является только православная. И поэтому он предлагает “Россия и латинство” — используя старорусское обозначение. Г. В~~асильеви~~чу Ф~~лоровскому~~ и мне это замечание кажется правильным»¹⁷².

На первой странице сборника Савицкий, не называя источника, объясняет концепцию названия, опираясь на мнение Вернадского: «Слово “католичество”, нередко употребляемое для названия латинства, — применяется в русской языке без всякого отношения к корню “кафолический”, что значит вселенский. В таком, безотносительно к корню значении слово это употребляется и в некоторых статьях настоящего сборника. Но в других случаях, во избежание двусмыслинности, мы возвращаемся для обозначения христианского вероисповедания, возглавляемого Римским папою, к историческому — греко-византийскому и русскому термину — “латинство”»¹⁷³.

Одновременно издание сборника окончательно «отточило» евразийскую группу. Так, например, Бицилли был возмущен, находя, что «Вступление» Савицкого — «пародия на церковное красноречие»¹⁷⁴. Он почувствовал, что декларативность евразийцев — стилистически «не его», и больше не принимал участия в их изданиях. Скорее всего, Бицилли оттолкнули такие, например, моменты, как сравнение католиков с большевиками (за это сравнение евразийцы выслушали немало порицаний): «<...> в некотором смысле большевизм и латинство, — интернационализм и Ватикан, — в отношении историче-

¹⁷¹ Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 271.

¹⁷² Там же. С. 290.

¹⁷³ Савицкий П. Н. Россия и латинство // Россия и латинство. Сборник статей. Берлин, 1923. С. 9.

¹⁷⁴ Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства: Указ. соч. С. 295.

ском и эмпирическом, суть соратники и союзники»¹⁷⁵. Флоровский, напротив, понял, что ему не хватает церковной тематики, евразийство движется в противоположном направлении — от строго религиозно-православного пути. Сборник был щедро разослан православным иерархам в разные города и страны, чтобы они обратили внимание на евразийство. как на некую общественно-церковную силу, и это имело определенный эффект. Репутация евразийцев как горячих поборников православия в церковных кругах была создана, но, в целом, отзывы на сборник были довольно (и даже — на удивление) вялыми. Он прошел как бы незамеченным, хотя состав статей, тем и авторов был сильным, можно сказать, блестящим. Савицкий выступил с вводной статьей «Россия и латинство». Статья Сувчинского «Страсти и Опасность» «написана под впечатлением нескольких писем, полученных в недавнее время из России»¹⁷⁶, то есть содержит скорее эмоциональный отклик на текущие события. В центре размышлений Сувчинского — революция 1917 г., впрочем, в центре внимания Сувчинского во всех его евразийских работах была неизменно только она. Других тем, за исключением литературных, он почти не касался. П. М. Бицилли дал исторический разбор становления доктрины католичества в статье «Католичество и Римская церковь». Г. В. Вернадский рассмотрел историческую перспективу унии в статье ««Соединение церквей» в исторической действительности». Н. С. Трубецкой в статье «Соблазны единения» развивал свою культурологическую концепцию о невозможности сочетать разнородные элементы западной католической церковности и цивилизационных элементов — с восточными. Той же теме посвящена статья А. Карташева «Пути единения». Флоровский размышлял о том же из религиозно-философской перспективы. Статью «К проблеме литературы в Православии и Католицизме» В. Н. Ильина евразийцы не хотели изначально публиковать, поскольку

¹⁷⁵ Савицкий П. Н. Россия и латинство. Указ. соч. С. 11.

¹⁷⁶ Сувчинский П. П. Страсти и опасность // Россия и латинство. Берлин, 1923. С. 16.

она не подходила к тону сборника (посвящена особенностям богослужебной практики), кроме того, их смущало обилие стилистически неудачных мест в тексте. Ильин тогда был начинающим автором, и именно у евразийцев оттачивал свои публицистические таланты.

В связи с темой сборника важно отметить, что западное направление в русской культуре почти всегда было связано с принципами и наследием атеизма, а национальная русская традиция опиралась на православие, даже если плохо его знала и понимала. Западничество было светским проектом преобразования России в цивилизацию безрелигиозную и атеистическую, где место традиции займут законы и нормы светской морали. Тогда Европа сама не имела опыта построения светского общества городского типа, все риски и особенности этого пути были неясны. Опыт Великой французской революции, которая ставила целью ниспровержение религии, был ужасающим. Считается, что Франция потеряла от 1,5 до 2 миллионов человек, куда входят как жертвы якобинского террора, так и последующие потери в связи с военными кампаниями Наполеона. Для XVIII в. это потери чудовищные. До революции во Франции проживало около 8 миллионов человек. Однако европейское общество в целом было еще незрело, анализ этих событий, их связь с атеизмом не только не была проанализирована, но наоборот, тенденция ниспровергать религию возрастала буквально в геометрической прогрессии. Движение к светскому обществу было магистральным путем, по которому двигалась Европа, но вполне светским и безрелигиозным она смогла стать только в результате Первой и Второй мировых войн. Россия также пришла к воинствующему богооборчеству и атеизму через кровавую революцию. Традиционность была связана с религией, революционность — с атеизмом. Таким образом, через европеизацию Россия включила в себя как революционность, так и атеистическую интенцию.

Евразийцы довольно точно поняли этот момент, хотя до конца он остался не прояснённым: делая акцент на борьбу с католичеством, пражские евразийцы не до

конца сознавали глубинный подтекст европеизации, ведущей к атеизму. На страницах «противокатолического» сборника Трубецкой говорил об этом, связывая материализм с глобализацией, но с определенными оговорками: когда европейское начало привносится в национальное тело (неважно, какой именно народ или страна воспринимает эти начала), это всегда приводит к атеизму, появлению чуждой народу, национально не ориентированной элиты, жадности к материальным благам и обеднению, упрощению, примитивизации культуры. В этом смысле европеизм Трубецкой воспринимал как вирус, разрушающий тело культуры того или иного народа. Савицкий, похоже, этого не понимал с той ясностью, с какой это понимал Трубецкой. Справедливости ради нужно отметить, что этот «вирус европеизма» одновременно вызывал в обществе «иммунный ответ», который выражался в стремительной модернизации. Этот последний момент не отметил Трубецкой.

Н. С. Трубецкой считал сборник неудачным, поскольку он не выполнил своего основного предназначения — дать понятные и простые разъяснения религиозных вопросов русским эмигрантам. Даже статья самого Трубецкого, который всегда писал яркие, точные, волнующие публику тексты, вышла невыразительной. Сборник со статьями научного типа, со сложной терминологией и историческими справками был бы понятен в академических кругах, однако в начале 1923 г. академическая жизнь русского зарубежья только-только начинала налаживаться. Чисто политические и вообще, острые дискуссионные темы, попытки разобраться в причинах и истоках катастрофы 1917 г. («кто виноват» и «что делать»), воспоминания об утерянной России, — эти и подобные темы находили гораздо более живой отклик в эмиграции. Сборник «Россия и Латинство» на фоне последующих евразийских изданий выглядел неактуальным, и остался несколько в стороне от магистрального направления последующего развития евразийства.

Главное значение этого сборника для евразийства состояло в том, что благодаря ему оформилась Пражская

евразийская группа, члены которой сплотились вокруг издания и почувствовали, что могут и дальше осуществлять свои проекты — организацию семинаров, выпуск «Евразийской хроники», привлечение новых членов. «Россия и латинство» был рубежным сборником — те, кто в дальнейшем покинули движение, участвовали в евразийском издании последний раз (Флоровский, Карташев, Бицилли), те, кто присоединились (Вернадский, В. Н. Ильин), останутся с евразийством на долгие годы. Последующие планы религиозных сборников (в 1922–1923 гг. евразийцы планировали издание журналов «Устои» и «Догмат и творчество»; в 1928 г. хотели издать «Историю и идею монашества») не были реализованы, поскольку к этому времени евразийство покинул Флоровский, который был главным катализатором религиозного беспокойства и сторонником расширения религиозной тематики вообще, а само евразийство актуализировало для себя другие проблемы. Повторим уже высказанный ранее тезис: *религиозный компонент в евразийстве был конструкцией, «не терпящей» ни устремления, ни усиления.*

15. О «проектности» России-Евразии. Некоторые замечания о «составных компонентах» раннего евразийства Савицкого

В начале 1920-х гг. евразийцы были крайне воодушевлены, видя зарю нового мира, в котором Россия, наконец, сможет осознать и реализоваться *свою, не подражательную Западу*, оригинальную цивилизацию как Евразию. По утверждению евразийцев, аналогом такой синтетической цивилизации, органично сочетавшую восточные и западные элементы, ранее была Византия. Но они довольно мало размышляли о византийском наследстве России, о мистических корнях православия, мало говорили о *трагедии России*, которая должна стать Евразией, но противится этому, и из столетия в столетие отказывается от своей задачи, бросая к ногам Запада себя, народ, культуру, любые цивилизационные достижения — то при Петре I и его преемниках, то, позже, «влюбившись» во французскую культуру, пока Наполеон, прия в Россию, не «вылечил» ее от этого наваждения, то «влюбившись» в немецкую культуру, поставив марксизм и гегельянство как высшие достижения человечества (и в Первую, и во Вторую мировую немцы «лечили» Россию от этой страсти), то, наконец, «влюбившись» в джинсы, кока-колу и английский язык... Собственно, трагедия России в том, что geopolитически и географически она, являясь Евразией, культурно и ментально остается разделенной на Европу (европеизированная « знать ») и Азию («простой народ»), и эти начала враждуют друг с другом. Эта вражда зачастую принимает форму противостояния «верхов» и «низов» (рабочие термины Н. С. Трубецкого и Г. В. Флоровского), власти и народа, элиты и простолюдинов, что, например, выразилось в борьбе официальной, «никонианской», синодальной церкви и старообрядчества.

Евразийцы, и в частности, Савицкий, недостаточно выделяли «проектность» Евразии, делая акцент на теме России-Евразии как если бы она была уже состоявшимся фактом. Позже евразийцы осознали, что византийская тема, как тема восточного начала в русской культуре,

недостаточно развита, подменена темами монгольской, гуннской и скифской. Но им не хватило времени, может быть, знаний, не хватило «своего» философа, специалиста, религиоведа, который бы, присоединившись к евразийству, эту тему разработал. С этой точки зрения уход Флоровского из движения, действительно, больно ударил по евразийскому проекту, но не потому, что оно перестало быть «культуроцентричным мировоззрением», а потому что была заменена сама культура — восточно-византийская, на скифо-сарматскую и татаро-монгольскую, а последнее и оказалось в фокусе внимания.

Тема византийского наследства, тем не менее была одной из исходных, в момент рождения *евразийства Савицкого*, чему в немалой степени способствовали его странствия 1919–1920 гг., когда в самый короткий промежуток времени ему пришлось побывать в Европе (Восточной и Западной), в России (в Крыму, на Украине), на Востоке (в Константинополе), причем несколько раз, путешествуя оттуда — сюда, и обратно. Резкие контрасты и сравнения «месторазвитий» столь разных по климату, культуре, языкам, социальным и бытовым обстоятельствам, кристаллизовали то, что зрело давно, еще со времен детства — впечатления от прочитанных им книг о русских первоходцах, о русской Америке, об Аляске, о Русско-японской войне, об упущеных возможностях Российской империи в Новом свете, о величии и неисчерпаемых богатствах русской культуры.

Когда он, мальчиком 9 лет, переживал гибель русского флота в Русско-японской войне, он уже был политически ангажирован, что уж говорить о времени, когда он достиг возраста 20 лет: «когда я в возрасте неполных девяти лет получил “у себя” в имении (50 верст от железной дороги) известие о гибели броненосца “Петропавловск” и адмирала С. О. Макарова на нем — я заболел от огорчения на несколько недель»¹⁷⁷. Любопытно, что во взрослом возрасте эти впечатления и приобретенные в

¹⁷⁷ Старый патриотизм, «переориентированный на новую Россию: евразийство П. Н. Савицкого. Письма П. Н. Савицкого к Г. П. Струве. Подготовка текста, вступит. статья Ю. Б. Мелих // Россия XXI. 2010. № 2. С. 157.

детстве знания он использовал в своих статьях, например, темы русской Аляски он касался неоднократно: «В 1867 г. была продана (и притом за бесценок) С. А. Соединенным Штатам русская Америка (Аляска), приобретенная для России усилиями целого ряда одаренных предпринимателей (руководителей Российской-Американской Компании конца XVIII в. и начала XIX в.). Умение уступать территорию в некоторых случаях служит отличием власти большого размаха, но эта «продажа», нужно думать, являлась знаком сущностного (онтологического) повреждения государственного “стиля” и чутья»¹⁷⁸, писал Савицкий в 1927 г. Эта боль от бездарной продажи Аляски преследовала его, кажется, с юных лет и до конца жизни. Как и в случае с Аляской, многие существенно важные темы Савицкий выносил в своих работах в примечания, в пояснения, которые не сразу бросались в глаза при чтении текста, казалось бы, прямо не относящегося к этим маргиналиям. Стоит отметить, что это — важнейший признак стилистики Савицкого: он, раскрывая в той или иной работе основную тему, параллельно делает много примечаний и на первый взгляд незаметных оговорок, так что на фоне основной идеи они могут теряться. Между тем, у Савицкого зачастую периферийные темы и примечания не менее важны, чем основные, хорошо известные исследователям идеи.

Евразийство раннего Савицкого было русско-украинским сплавом — единого потока огромной реки Малороссии (истока) и Великороссии (бассейна), позже оно «разрослось» до видения и понимания всей громады российской земли, включая Сибирь и Дальний Восток.

¹⁷⁸ Савицкий П. Н. К вопросу о государственном и частном начале промышленности (Россия XVIII–XX веков) // Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927. С. 296.

16. О критике евразийства в 1920-е гг.

Способность увидеть, как единое, этот новый «материк» — Россию-Евразию, была дана Савицкому, но не дана была его критикам в эмиграции. Для критиков евразийства Россия, по сути, ограничивалась своей европейской частью и «европейским» отрезком истории. Для П. Н. Милюкова, А. А. Кизеветтера, Г. А. Ландау, А. Д. Биллиновича, Б. Н. Одинцова и многих других история России как будто бы началась с эпохи Петра Великого и продолжалась до октября 1917 г. Ее пространственные «рамки» тоже были в их представлении невелики — от Санкт-Петербурга и Москвы до пределов не далее Вятки и Южного Урала.

Для того, чтобы обозреть все критические статьи и основных авторов, проанализировать их аргументы (которые, в основном, сводились к высмеиванию, уничижению противника, к сведению евразийства к «нелепостям» и т. д.), не хватит ни главы, ни целого раздела. Этому должна быть посвящена особая монография, в которой евразийство рассматривалось бы в контексте идейной борьбы русской эмиграции первой половины XX в. Поэтому, чтобы не распылять внимание, но и не оставить в стороне эту тему (она довольно важна), в настоящем исследовании сосредоточимся на трех знаковых именах — П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер и П. Б. Струве (о его позиции было уже сказано выше). Это были, пожалуй, наиболее известные, талантливые и влиятельные противники евразийцев в эмиграции. Отдельно нужно отметить Н. А. Бердяева, которого традиционно относят к критикам евразийства, хотя его позиция была ближе к сочувственной.

Как уже было сказано, поклонники европейской культуры не приняли «открытия» Савицкого — «материку» России-Евразии, вернее, попыток понять Россию как особый цивилизационный «материк» со своими ритмами и законами, историческими и географическими. Для критиков 1920-х гг. существовала лишь передовая, великая, величайшая Европа, и — отсталая, жалкая и унылая Азия:

«европейцы (причем дважды) открыли Америку — при том, заметьте, не американцы открыли Европу — а европейцы Америку; тех же европейцев бодрил добной надежды мыс, который они огибли по пути в сказочную Индию (не индузы приехали в Европу, а европейцы в Индию). Они, впрочем, сделали и другое: первые и единственые перейдя все пределы, овладели земным шаром»¹⁷⁹, — писал в восторге критик евразийства Г. Ландау. С насмешкой он отмечал, что Савицкий ставит под сомнение величие Европы и противопоставляет ей — владычице мира — жалкую Россию (о том, что Россия также открыла Северную Америку и даже владела землями, на которых позже возник Вашингтон, он, вероятно, не знал)¹⁸⁰. «Г[<]осподин[>] Савицкий во имя самоутешения обязан не понимать европейской культуры, не понимать процесса культуры вообще»¹⁸¹, — насмешливо отмечал Ландау, резюмируя отношение к евразийству среди критиков. Однако работы Савицкого не оставляют сомнения в том, что он имел представление о культуре и истории намного более полное и значительное, чем многие его критики в 1920-е гг. Исходя из этого целого (цельной мировоззренческой картины), он видел иную панораму, которая из узкого ракурса некоторых критиков отнюдь не открывалась.

Критики мыслили (см., например, характерную лапидарную статью Ал. Д. Биллиновича «Богоискатели, евразийцы и материальная культура»¹⁸²) исключительно в перспективе ориентализма — представления о превосходстве европейской культуры, европейской цивилизации, к которой относили и себя. Для них существовала только европейская наука и только европейская литература, проза и поэзия. «Своя» литература снисходительно

¹⁷⁹ Ландау Г. А. Евразийское самоутешение // Записки Русской академической группы в США. Указ. соч. С. 331.

¹⁸⁰ См., например, статью Савицкого «К вопросу о русско-немецком научном сотрудничестве (заметки географа)» (ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 147. Л. 16-23).

¹⁸¹ Ландау Г. А. Евразийское самоутешение. Указ. соч. С. 332.

¹⁸² Русская мысль. Кн. VIII–XII. 1922. С. 83–101.

допускалась в пределах Льва Толстого и немного — Достоевского. Гоголя и Тургенева почти не читали, самого школьного, гимназического курса русской литературы до советского времени не существовало. Русская классика была чтением для любителей, как сейчас некоторые любят читать П. И. Мельникова-Печерского или В. А. Шишкова. Мощная поросль литературы Серебряного века воспринималась с любопытством — как могут вызывать интерес чахлые растения, растущие в тени великих европейских классиков (древнегреческая и латинская традиция также относились им к европейской). Критики евразийства 1920-х гг. были старше основоположников на 10-20 лет, с точки зрения поколенческого фактора они годились им в отцы. Эти «отцы», некоторые из которых прошли в свое время «путь от марксизма к идеализму», просмотрели сначала рождение новой русской культуры Серебряного века, а потом — появление пореволюционной культурной традиции.

Критикам евразийства Савицкий посвятил статью «В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах» (1931), в которой отметил, что «С конца сентября 1921 г. стал складываться антиевразийский фронт в эмигрантской печати»¹⁸³. Он бережно собирал вырезки и отиски из газет и журналов с критическими статьями и рецензиями, придавая этому большое значение. Можно сказать, что евразийство породило феномен «критического антиевразийского потока» в эмиграции, когда буквально каждая эмигрантская газета, журнал, сборник — содержали критические отзывы, и очень редко — отзывы нейтральные или комплиментарные. Отчасти традиции этого «антиевразийского потока» перекочевали в российскую публицистику нач. 1990-х гг. Поток критики был столь огромен, что после 1922 г. евразийцы приняли коллективное решение не отвечать в печати на критические статьи. Опыт полемики — обмена статьями, который состоялся в 1922 г. в газете «Руль»,

¹⁸³ Савицкий П. Н. В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах / Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч. С. 355.

когда было напечатано несколько критических статей и ответов Савицкого и Флоровского, в конце концов, показали ее бесплодие.

Евразийцы только однажды нарушили своеобразный «обет молчания», когда опубликовали в журнале «Путь» № 2 за 1926 г. сразу три ответные статьи — «Ответ на статью Н. А. Бердяева об “евразийцах”» Л. П. Карсавина, статью Г. В. Флоровского «Окамененное бесчувствие (по поводу полемики против евразийства)» и коллективное «Письмо в редакцию “Пути” П. П. Сувчинского, Л. П. Карсавина, Г. Флоровского, П. Савицкого, Кн. Н. С. Трубецкого, Вл. Н. Ильина в ответ Кн. Гр. Н. Трубецкого». Последнее коллективное письмо было вызвано довольно неожиданной и запоздалой критикой сборника «Россия и лatinство», в которой Савицкий допустил рискованное сравнение большевиков с католиками, за что и «уцепился» Г. Н. Трубецкой, дядя Н. С. Трубецкого, отличавшийся большим уважением к католичеству. Это тройное мощное выступление евразийцев в «Пути» было вызвано скорее привходящими обстоятельствами — нужно было «продемонстрировать» нового идеолога движения Л. П. Карсавина, «показать» вернувшегося на краткое время «блудного сына» Флоровского, и в какой-то мере «застолбить» свое присутствие в «Пути».

В статье «Окамененное бесчувствие» Флоровский довольно путано и не конкретно защищает евразийство от критиков, хотя, по сути, эта статья была несколько странным эпизодом. К 1926 г. Флоровский уже покинул евразийское движение, но, посещая время от времени Пражский евразийский семинар, который превратился в довольно интересную дискуссионную площадку, где делали доклады, происходила живая полемика и т.д., снова склонился к евразийству. Савицкий дал ему поручение написать апологетическую статью в качестве некоторой епитимии за то, что он бросил их на три года. Написав эту работу, Флоровский через два года публикует в «Современных записках» уже резко-критическую статью «Евразийский соблазн» (с эпиграфом «Дни правды дороже воинственных дней»), которая была знаком окончательного разрыва с евразийством.

Первая, апологетическая статья Флоровского была ответом на статью Н. А. Бердяева «Евразийцы». Деликатность ситуации заключалась в том, что Бердяев был не только критиком евразийства, но одновременно сочувствовал многим его идеям, например, в своей книге «Новое средневековье» он ссылался на статью Сувчинского «Эпоха веры» и даже, похоже, частично перенял некоторые его идеи о том, что грядет новая эпоха веры, поскольку эпоха прогресса и ее идеалы были разрушены, хотя Бердяев и развивал эту мысль в своем ключе. Также в статье «Евразийцы» Бердяев многократно хвалит движение: «Евразийцы — не вульгарные реставраторы, которые думают, что ничего особенного не произошло и все скоро вернется на свое прежнее место <...> заслуга их в том, что они остро чувствуют размеры происшедшего переворота <...>. Евразийцы решительно провозглашают примат культуры над политикой. Они понимают, что русский вопрос сейчас есть прежде всего вопрос духовно-культурный, а не политический вопрос. Утверждать это сознание в русской эмигрантской среде есть очень важная и насущная задача»¹⁸⁴ и т. д.

Бердяев действительно считал евразийцев стоящими людьми, у которых есть новые и интересные мысли, именно поэтому он пригласил их быть ближайшими сотрудниками своего журнала «Путь», так что на обложке первых номеров красуется надпись: «Ближайшие сотрудники: Н. С. Арсеньев (был близок евразийцам, одна его статья была помещена в «Евразийском временнике»), С. С. Безобразов, прот. С. Булгаков, И. П. Демидов, Б. К. Зайцев, Л. А. Зандер, В. В. Зеньковский, А. В. Ельчанинов, П. К. Иванов, В. Н. Ильин (евразиец), Л. П. Карсавин (один из евразийских идеологов), А. В. Карташев (участник первых трех евразийских сборников), Н. О. Лосский, А. М. Ремизов (участник проектов Сувчинского, постоянный автор «Верст»), П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Кн. Г. Н. Трубецкой (дядя Николая Трубецкого), Кн. Н. С. Трубецкой, Г. В. Флоровский, С. Л. Франк (автор, писавший для евразийства), прот. С. Четвериков. При уча-

¹⁸⁴ Бердяев Н. А. Евразийцы // Путь. Сентябрь 1925. № 1. С. 134.

стии Б. П. Вышеславцева (состоял в евразийской организации, предлагал свои статьи, которые были отвернуты основоположниками) и Г. Г. Кульмана». Итак, из 23 членов редакции 11 — евразийцы или близкие движению люди. Кроме того, в 1926 и 1927 гг. к команде журнала «Путь» присоединяются евразийцы Н. Н. Алексеев и Н. А. Клепинин. Это вряд ли можно считать случайностью. До этого Бердяев приглашал евразийцев к участию в журнале «София», который был предшественником «Пути». В «Софии» Бердяев опубликовал статью Сувчинского «Мироозерцание и искусство» (София, Берлин, 1923), но и до, и после этого он оказывал евразийцам знаки внимания. В том же 1923 г. он пригласил Савицкого участвовать в «принципиальном сборнике о русской революции»¹⁸⁵ (проект не осуществился). Бердяев был, можно сказать, непоследовательным критиком евразийства, и похвал движению от него было не меньше, чем порицаний. О евразийстве он старался постоянно размещать материалы в «Пути», призывал к полемике, но сами евразийцы на его приглашения реагировали с неохотой.

О евразийстве Бердяев опубликовал следующие статьи: «Евразийцы» (Путь. Сентябрь 1925. № 1), «Утопический этатизм евразийцев» (Путь. 1926. № 8), «Иллюзии и реальности в психологии эмигрантской молодежи» (Путь. Декабрь 1928, № 14), «Дневник философа (О средствах и целях, о политике и морали, о политике христианской и политике гуманистической, о двух пониманиях задач эмиграции» (Путь. Май 1929. № 16). Последние две статьи не были посвящены конкретно евразийству, но в них были страницы о движении и его идеях. В 1930 г. Бердяев сделал доклад «Восток и Запад», в котором тематически подходит очень близко к евразийству, говорит об эпохе «падения» Запада, о новом синтезе западно-восточных начал, о русском народе как о народе востоко-запада, который мог бы объединить два начала — рациональность и дионисийство, поскольку стихия живой религиозности на Западе истощилась и умирает: «Запад не создал ни

¹⁸⁵ Письмо П. Н. Савицкого П. П. Сувчинскому от 21.05.1923. / Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 305.

одной религии и не слышал прямо гласа Божьего. Запад, правда, развивал религию христианскую и много тут сотворил, но развивал методами цивилизации... Восток и Запад — не географические и не исторические сферы <...> Восток и Запад — символы, символы солнца восходящего, откровения и солнца заходящего — цивилизации»¹⁸⁶.

Под этими словами могли бы подписаться все евразийцы, и подобная статья без малейшего противоречия могла бы украсить страницы «Евразийского временника». Бердяева манили евразийцы и, одновременно — отталкивали. Он был слишком индивидуалист, человек — стихия свободы, чтобы «подчиниться» коллективу, творить в рамках не им созданного сообщества. Собственно, это, а также вопрос о православии (Бердяев был свободолюбивый индивидуалист, и в этом вопросе, не признавал канонических рамок) был главным «камнем преткновения». Бердяев также не мог избавиться от «взгляда свысока»: евразийцы казались ему «молодежью», неопытной, не прошедшей каких-то важных испытаний, не вполне зрелой. Это мнение было характерно для всего поколения мыслителей, которое было старше евразийцев лет на 10 и более.

Бердяев вряд ли верно понимал евразийство, указывая, например, что «Евразийство есть прежде всего направление эмоциональное, а не интеллектуальное»¹⁸⁷. Последнее утверждение является общим местом у критиков 1920-х гг. Практически все они склонны были указывать, что евразийство есть эмоциональная реакция «на происшедшую катастрофу»¹⁸⁸. Между тем Савицкий, к примеру, с самого начала желал создать именно новое научное россиеведческое направление, а другие евразийцы работали над оригинальными подходами к истории, экономике, лингвистике, политической мысли и т. д. Кульминация взглядов Савицкого на этот предмет — его программная статья из сборника «Тридцатые годы» «Научные задачи евразийства», в которой он формулиру-

¹⁸⁶ Бердяев Н. А. Восток и Запад // Путь. Август 1930. № 23. С. 102.

¹⁸⁷ Бердяев Н. А. Евразийцы // Путь. Сентябрь 1925. № 1. С. 134.

¹⁸⁸ Там же.

ет научные и идеологические цели, задачи евразийства, что следует из самой сущности учения: «К чему же стремится евразийство? — Оно желает стать стержневой идеологией русского народа»¹⁸⁹; оно желает создать новую историческую науку: «Пришло время понять ее как главу в истории мира, более широкого, чем она сама <...> Познать историю евразийского мира — очередная задача русской науки»¹⁹⁰. «Евразийство имеет специальное призвание к обоснованию в русской культуре науки геополитики»¹⁹¹; «евразийцы указывают на необходимость создать самостоятельно-русское *америко-, африко- и океановедение*»¹⁹² и т. д.

Тяга евразийцев к научности, даже к наукообразности, вступает в яркое противоречие с утверждениями об эмоциональном характере движения, которое постоянно выдвигали критики 1920-х гг. Мы, тем не менее, видим обратное: *практически с самого начала евразийство стремилось стать системным, научным методом и системой, объемлющей сразу несколько областей знания — историю, языкознание, геософию, психологию, персонологию, религиоведение, геополитику, литературоведение и др.* Савицкийставил амбициозную цель — создать новые контуры русской науки, с учетом особенностей русского мировоззрения, которое, как он полагал, включает многофункциональность, широкопрофильность, осведомленность в разных областях знания, что дается совместной работой ученых разных специальностей. Евразийство и было такой микромоделью нового научного сообщества, которое отличается многозадачностью и широтой.

Между прочим, это показывает, что *современным евразийствоведам не стоит безоговорочно доверять критикам евразийства 1920-х гг.* — те, как правило, мало знали и понимали движение, писали свои статьи на основании порой одного случайно прочитанного сборника

¹⁸⁹ Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства / Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 106.

¹⁹⁰ Там же. С. 107.

¹⁹¹ Там же. С. 109.

¹⁹² Там же. С. 112. Курсив автора.

или нескольких статей. Разногласия бывших кадетов (Милюков, Кизеветтер — лидеры кадетской партии) и евразийцев носили не научный, но идеологический и отчасти иррациональный характер. В основе разногласий лежало подсознательное желание бывших кадетов не признавать своего поражения и, соответственно, не нести ответственность за случившееся в 1917 г. и позже.

Однако именно кадеты стояли у истоков хаоса, разразившегося в конце 1917 г. Придя к власти в феврале 1917 г., после незаконного государственного переворота, они, сами того не желая, подготовили страну для большевиков: объявили всеобщую амнистию, в результате которой из ссылки вернулись радикальные революционеры из Швейцарии, Парижа, Лондона и других мест; одновременно каторжники и уголовники наводнили столицы. Прибыл и Ленин со своими товарищами в запломбированном, как считается, вагоне, что было бы немыслимо при прежней власти. Вторым шагом Временного правительства было разрушение прежнего административного аппарата: от своих обязанностей освобождались губернаторы, чиновники, полиция. Кадеты планировали создание органов местного самоуправления и милиции, но «не успели», в стране разразился хаос. Польша, Финляндия, Грузия, Сибирь, Украина заявили сепаратистские претензии, начался развал армии. Истинными господами положения оказались расквартированные в столице матросы и солдаты, грабившие винные погреба и готовые ниспрровергнуть при случае «ненавистных буржуев», т. е. кучку кадетов, ставших во главе государства. Эти любители-революционеры не понимали, что взять власть — мало. Заластной группой должна стоять широкая поддержка других властных групп или сословий, без которой власть будет фантомом. С тем же успехом они могли собраться на одной из квартир, где ранее происходили их собрания, и объявить себя правителями России. Без поддержки населения, других властных групп, без предварительных договоренностей, это не привело бы их к реальной полноте власти как таковой, тем более, что страна вела кровопролитную войну, то есть на первый план выдвинулись генералы и вообще

армия, как институция. Разрушив финансовую систему страны, дестабилизировав железные дороги, кадеты оказались перед перспективой финансового краха страны.

Многие из них понимали, какие именно разрушительные процессы они запустили, но не желали это признать, сделав соответствующее объявление для широкой публики: «Того, что случилось, мы, конечно, не хотели... Полной разрухи мы не хотели, хотя и знали, что на войне переворот во всяком случае отразится неблагоприятно. Мы полагали, что власть сосредоточится и останется в руках первого кабинета, временную разруху в армии остановим быстро, и если не своими руками, то руками союзников добьемся победы над Германией... Конечно, мы должны признать, что нравственная ответственность за совершившееся лежит на нас <...> твердое решение воспользоваться войной для переворота было принято вскоре после начала этой войны, Вы знаете также, что ждать больше мы не могли, ибо знали, что в конце апреля — начале мая наша армия должна была перейти в наступление и результаты сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство, вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования.... Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать свое согласие на производство переворота <...> История проклянет вождей так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю. “Что же делать теперь?” — спросите Вы... Знаем, что спасение России в возвращении монархии, знаем, что все события последних месяцев ясно доказали, что <...> часть населения, не участвующая в митингах и съездах, настроена монархически, что многие и многие, голосующие за Республику, делают это из страха. Все это ясно, но признать мы это не можем. Признание есть крах всего нашего дела; всей нашей жизни, крах всего мировоззрения, которого мы являемся представителями. Признать не можем»¹⁹³.

Это личное письмо П. Н. Милюкова, написанное П. Долгорукому осенью 1918 г., показывает не только

¹⁹³ Цит. по: Соболев А. В. Несостоявшаяся смена поколений: либералы и евразийцы / Соболев А. В. О русской философии. Указ. соч. С. 131.

настроение главного кадета России, но и приоткрывает некоторые факты о трагических событиях этого времени, в частности — о предательской роли его партии в катастрофе 1917 г. Именно Милюков, разночинец, воспитанный в неблагополучной семье, завидовавший аристократическому происхождению и богатству царской элиты, мечтавший взять реванш, добиваясь успеха в стенах Московского университета, в публичных выступлениях, в политической деятельности, этот, по сути дела, ничтожный человек, который не был в состоянии проконтролировать последствия своих шагов даже на один ход вперед, дал согласие на государственный переворот, испугавшись, что победоносное окончание войны положит конец самой идее революции в России.

Все это дает возможность понимания исторической концепции Милюкова, которую он противопоставлял евразийской. Европопоклонники, соблазнившиеся «демократическими» лозунгами о «свободе» и красивыми словами о гуманности и всеобщей амнистии, узнали вскоре цену своему прекраснодушию, которая оказалась чрезвычайно высока. Позиция Милюкова в отношении евразийства была вполне типичной для либерального лагеря¹⁹⁴, поэтому необходимо остановиться на ней, как на примере, показывающем разницу двух мировоззрений. Милюков тщательно отделял себя от группы русских мыслителей, выступивших в свое время в сборниках «Вопросы идеализма» и «Вехи». Он считал, что евразийцы являются их наследниками а также продолжателями дела «эпигонов славянофильства». Это оригинальное мнение не разделяли ни евразийцы, ни «веховцы», но Милюков, обобщая однородную тенденцию, выявлял идею, противоположную своей собственной, и на этом основании сближал оба направления.

История России для либералов была проектом, призванным доказать их излюбленные положения и, од-

¹⁹⁴ См. критические статьи П. Н. Милюкова: «Третий максимализм» (1925) и «Русский “расизм”» (1926) в издании: *Вандалковская Н. Г. Историческая наука российской эмиграции: “евразийский облазн”*». М.: Памятники исторической мысли, 1997. С. 326-335.

новременно, оправдать необходимость разрыва исторической ткани (революцию), для блага грядущих поколений. Идеи о соработничестве власти и народа, эволюционизме, медленном созревании правовых институтов, бережном отношении к традициям, истории и культуре России не пользовались популярностью среди революционно настроенной интеллигенции. Политика была для Милюкова единственной страстью, единственной любовью в жизни, все остальное служило только средством. В политике Милюков любил побеждать и производить впечатление, особенно на иностранных представителей — членов английского парламента, дипломатов, королей Италии, Норвегии, Англии, Болгарии и других стран. Он с удовлетворением вспоминает, например, прием у короля Гакона Норвежского в 1916 г., когда тот встречал русского дипломата «с видом студента, который хочет оказать почтение своему профессору»¹⁹⁵. Милюков, вероятно, не догадывался, что вежливый прием говорит скорее о воспитанности короля и егоуважении к России, чем о его преклонении перед Милюковым.

Детство он провел в Москве, но юные годы были омрачены тяжелыми событиями в неблагополучной семье — бедность, жестокое обращение, холодная и неуравновешенная мать, отстраненный отец, скандалы, ссоры, нестроения между родителями. Все это сформировало истоки болезненного самолюбия, слабо развитую способность к состраданию, склонность к конфликтам, неумение достигать компромисса. Вместе с тем Милюков был очень талантлив, обладал великолепной памятью, выучил не менее двенадцати языков¹⁹⁶, среди них — латынь, древнегреческий, немецкий, английский, французский, итальянский, болгарский, финский, шведский, сербский, грузинский, турецкий, новогреческий. Он был настоящим самородком, неутомимым исследователем, археологом, публицистом, музыкально одаренным человеком, и до конца дней сохранял пристрастие к музыке — был

¹⁹⁵ Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. первый. София, 1921. С. 542.

¹⁹⁶ По другим сведениям Милюков владел 18 языками.

участником нескольких квартетов, исполняя на скрипке партию альта. Нет сомнения в том, что если бы он не увлекся политикой, то стал бы первоклассным ученым, прославившим свое имя в любой, интересной для него области знания. Студенты Московского университета с восхищением вспоминали лекции Милюкова: «Лекции Милюкова производили на тех студентов, которые уже готовились посвятить себя изучению русской истории, сильное впечатление именно тем, что перед нами был лектор, вводивший нас в текущую работу своей лаборатории <...> скоро мы стали посещать его на дому. <...> Тут же воочию развертывалась перед нами картина кипучей работы ученого, с головой ушедшего в свою науку. Его скромная квартира походила на лавочку букиниста. Там нельзя было сделать ни одного движения, не задев какую-нибудь книгу. <...> Мы не сомневались, что имеем дело с человеком, который наполнит нашу ученую литературу многочисленными фундаментальными историческими трудами»¹⁹⁷.

Россию как таковую юный Милюков знал довольно мало, его первая поездка в глубинку (Костромскую область) состоялась в возрасте 17 лет. К этому времени он уже сформировался как человек вполне европейского типа, что сказывалось во всем строе жизни — от привычек, костюма, любимых книг, до окружения и внутренних душевных потребностей. Отправляясь в Костромскую область, он, для познания неведомого ему края, нашел «единственную книгу, годившуюся для ознакомления с русской действительностью: два тома Маттеи о русской промышленности»¹⁹⁸. Как эта первая поездка, так и несколько последующих, предпринятых уже в зрелом возрасте, утвердили его мнение о России как о крае «вековечной тишины», где живут «типы и люди прошлых исторических формаций»¹⁹⁹, то есть месте, лишенном

¹⁹⁷ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914. М.: Орби, 1997. С. 70–71.

¹⁹⁸ Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Издательство политической литературы, 2001. С. 60.

¹⁹⁹ Там же. С. 61.

развитой культуры, значимых событий, наполненном скучой и пошлостью. Милюков никогда не выезжал за пределы центральной России на восток, не знал Русского Севера, Урала, Сибири, Дальневосточного региона.

Россия при этом скользящем по поверхности взгляде представляла как аморфное образование, лишенное индивидуальных черт, из которого можно вылепить все что угодно, в социальном и политическом отношениях. Напротив, первая поездка в Европу, которая состоялась через несколько лет после костромского путешествия, вызвала у него «восторг». Прибыв в Вену, Милюков был потрясен: «...восторг мой достиг высшей точки. Мне казалось, что лучше этого я уже больше ничего не увижу»²⁰⁰. Однако Италия затмила и Вену... Кажется, что именно о таких впечатлениях русских в Европе, подобных восторгу деревенского мальчика на городской ярмарке, писал А. Герцен: «Глаза мальчика разбегаются, он всем удивлен, всему завидует, всего хочет... И что за веселье, что за толпа, что за пестрота, — качели вертятся, разносчики кричат, а выставок-то винных, кабаков... И мальчик почти с ненавистью вспоминает бедные избушки своей деревни, тишину ее лугов и скуку темного шумящего бора»²⁰¹. На примере становления личности в детстве и отрочестве Савицкого и Милюкова можно проследить этапы и особенности формирования социального типа «русского западника» и, условно говоря, «славянофила», в данном случае — евразийца, в лице Савицкого.

Важной особенностью личности Милюкова, определившей его мировоззрение, стала ранняя потеря религиозности. Знакомство с произведениями Вольтера, Конта, Спенсера стали значимыми вехами на пути отказа от религии. Философия Канта и английских эмпириков «оградила» его атеистическое мировоззрение от вторжения «сверхопытного знания». В 1876 г. гимназист Милюков написал письмо Ф. М. Достоевскому с просьбой

²⁰⁰ Милюков П. Н. Воспоминания. Указ. соч. С. 85.

²⁰¹ Флоровский Г. В. Из прошлого русской мысли. Указ. соч. С. 35.

изложить свой взгляд на происходящее в России. Достоевский ответил, что спасение России не в Европе, но в обращении к национальным истокам. Милюков не согласился, уже тогда сформулировав свое кредо: «Россия есть тоже Европа», и осудил позицию Достоевского: «Как быть насчет православия, мы не решали, но Европы мы выдать не могли — и не только не видели никакого противоречия между народом и Европой, но, напротив, от Европы ждали поднятия народа на высший культурный уровень. А Достоевский призывал искать идеал в традициях Охотного ряда и возвращаться к временам телесных наказаний и крепостного права»²⁰².

На основании этого идейного багажа Милюков и строил свою концепцию европодобия России, как ее исторической миссии и национальной идеи. Здесь стоит вернуться к одному из первых определений сущности евразийства, данных в главе «Предварительные итоги и первая “формула евразийства”», а именно: «*Такова самая первая “формула евразийства”: аристократизм, “окраинный синдром”, глубокая религиозность.*» Милюков — пример отрицания всех трех указанных составляющих.

Милюков работал в Императорском Московском университете с отцом Н. С. Трубецкого, философом кн. Сергеем Nicolaевичем Трубецким, который стал первым выборным ректором университета. Трубецкие, как потомственные аристократы, были воспитаны гувернантками-французами и нянями-немками, имели родственников в Европе, ездили отдыхать в Европу на курорты, на учебу, да и просто послушать хорошую музыку. Никакого благоговения к европейцам, обслуживавшим их в детстве наравне с кухарками и дворовыми людьми (впрочем, к последним относились с уважением и благодарностью, если они того заслуживали), никакого желания «понравиться» Европе или, более того, заставить европейцев восхищаться собой, у них не было. «Окраинный синдром» давал широту взгляда и на Россию, и на Европу. Аристократизм давал ощущение внут-

²⁰² Милюков П. Н. Воспоминания. Указ. соч. С. 71.

ренней свободы, религиозность — чувство ответственности и связи с тысячелетней историей России, корнями уходившей в «эпоху веры». Милюков, как не аристократ, не религиозный человек, не обладающий видением всеобщего, но опирающийся только на свое эго, на свои личные дары и способности, не мог ни понять, ни принять евразийство.

В статье «Третий максимализм» Милюков определяет евразийцев как наследников русской интеллигенции, которая «Без “максимализма” <...> никак не может обойтись»²⁰³. Он, как и Бердяев, связывает евразийцев с «Вехами», полагая, что они — их наследники («отпрыски»). Таким образом, он не видит нового в евразийцах, полагая, что они — лишь чахлый и поздний плод давно отжившего. В статье много уничижительных полемических выпадов. Евразийство, по Милюкову, не название, но «кличка», оно не течение, но «интеллигентский кружок». Термин «Евразия» в толковании евразийцев — неверен. Для доказательства этого утверждения Милюков использует не научные, но чисто логические аргументы, то есть строит силлогизм: поскольку «Евразия» есть переход от Европы к Азии, то весь материк есть зона переходов, например, между Германией и Россией можно найти еще одну Евразию и т. д. Здесь Милюков показывает свое непонимание (или нежелание понимать) того, что Евразия евразийцев принципиально *не зона перехода, но особый мир*, и дело не в названии, но в утверждении ее целостности и отличия от мира и Европы, и Азии. По Милюкову, это выделение «особого мира», в духе Данилевского, есть «метафизический “реализм”»²⁰⁴. С таким определением, как кажется, евразийцы могли бы согласиться. Осталось только объяснить, почему это «плохо», но этого Милюков не делает, поскольку в его системе мировоззрения любая метафизика есть нечто предосудительное. Не забудем, что Милюков — не религиозен, он остался на позициях

²⁰³ Милюков П.Н. «Третий максимализм» / Вандалковская Н. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». Указ. соч. С. 326.

²⁰⁴ Милюков П.Н. «Третий максимализм». Указ. соч. С. 327.

домагистрального пути «от марксизма к идеализму», в то время как евразийцы этот путь никогда и не проходили. Здесь открывается еще больший разрыв поколений. Если Бердяев есть классический представитель поколения «Вех» («от марксизма к идеализму»), то Милюков, с этой точки зрения, остался в эпохе 1860-х гг., если не в 1840-х годах. Здесь разрыв ощущается еще более трагичным и глубоким, чем с поколением «веховцев».

Далее Милюков определяет позицию евразийцев как «географический абсолютизм», на основании которого они, по его мнению, выстраивают абсолютизм культурологический. Здесь Милюков явно упрощает. Если позицию Савицкого с большими оговорками и можно свести к такой формуле, то Трубецкой свою культурологию строил совсем на других основаниях, в частности, на теории культуры Г. Тарда, то Сувчинский опирался на литературу Серебряного века, музыкальное восточничество²⁰⁵, анализ русской революции как мистериального исторического события. У Флоровского культурологические элементы были основаны на критическом анализе европейской философии и позиции, которую он позже сформулировал как «вперед к св. отцам» (православный неоконсерватизм). Далее возражения Милюкова движутся по известной позитивистской схеме: евразийцы отрицают прогресс (это плохо), выдвигают православие как эталон религии и основу для возрождения России (не доказано), обвиняют европейскую культуру и Европу в целом в том, что именно от последней Россия научилась революции. На это Милюков говорит, что скорее Россия научилась революции в татаро-монгольской средневековой школе. В этом случае Маркс и другие авторы, кото-

²⁰⁵ См. евразийский манифест сподвижника П. П. Сувчинского, композитора-футуриста А. Лурье «Мы и Запад» (1914) в издании: *Вишневецкий И. Евразийское уклонение в музыке 1920–1930-х годов*. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 161–162. Стоит отметить, что «евразийское уклонение в музыке» начинается около 1910–1913 гг., что подтверждает наше утверждение о том, что именно времена перед Первой мировой войной в России было эпохой рождения предьевразийства.

рыми зачитывалось его поколение, должны были быть татаро-монгольского происхождения. Однако доказать этого Милюков не может, поэтому оставляет эту тему.

А. А. Кизеветтер, его ученик, западник, кадет и противник евразийства²⁰⁶, — также не аристократического происхождения (прадед был кузнецом из Тюрингии, дед — музыкантом, отец выслужился до чина статского советника, мать происходила из духовного сословия), симптоматически отталкивался от евразийцев, ощущая в их построениях, а главное — в настроениях, себе чуждую, непонятную идею. П. Б. Струве имел происхождение довольно известное, его немецкие предки занимались наукой, в частности, в роду было несколько астрономов, преподавателей Дерптского университета. Отец его был государственным служащим в Сибири, заведовал провинцальным делом, в частности, снабжением края вином, затем получил почетные должности губернатора Перми и Астрахани. Чин статского советника (соответственно, личное дворянство) получил в 1854 г. То есть П. Б. Струве был «начинающим» аристократом во втором поколении. Все это отнюдь не случайные факты биографии, здесь прослеживается довольно четкая закономерность: аристократы — против, условно говоря, разночинцев, «отцы»-kadеты и «легальные марксисты» — против «детей»-евразийцев, старорежимные, убежденные в европейской сущности и судьбе России мыслители, — против пореволюционных идеологов новой России....

Отсутствие у этих групп базового понимания идейных основ, истоков мировоззрения друг друга порождало, с одной стороны, лавину критики, с другой — крайне низкое ее качество. В этой критике не было аналитики, экспертизы, рассмотрения, разбора аргументов. Критические статьи о евразийстве 1920-х гг. содержат такую массу нелепостей и ошибок, что сами порой становятся пародией на самих себя. Строго говоря, все эти критические статьи — второсортная публицистика, или довольно

²⁰⁶ См. критические статьи А. А. Кизеветтера: «Евразийство» (1925) и «Русская история по-евразийски» (1927) в издании: *Вандальковская Н. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн»*. Указ. соч. С. 336–348.

едкие памфлеты. Критические статьи, регулярно появлявшиеся в печати на протяжении 1920-х гг., шли своим чередом, а Савицкий, со свойственной ему методичностью, фиксировал их появление, копил материалы, причем увеличивающийся поток критических статей его скорее радовал, чем огорчал. Полемика как таковая была перенесена в устные споры и дискуссии на Пражском евразийском семинаре, завсегдатаями которого были П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер и даже П. Б. Струве (в «Евразийской хронике» отмечалось²⁰⁷, что, по крайней мере однажды, он был даже председателем этих дискуссионно-критических семинаров).

Тем не менее, капля камень точит. Самые непримиримые критики евразийства в 1930-е гг. уже начинают понимать значительность поднятых Савицким тем. Так, например, в «юбилейном» выпуске «Очерков русской культуры» за 1936 г. (Милюков писал свое произведение с начала XX в., видоизменяя, внося новые факты и т. д.), автор принимает термин Савицкого «месторазвитие», его терминологию и аргументацию, в частности, указания на изотермы как на фактор истории и формирования культуры. Это не было случайностью: Милюков работал в библиотеке Савицкого, и даже забрал у него (и не вернул) несколько книг: «Он как раз работал тогда над 2-м изданием своих “Очерков по истории русской культуры”. В 1930-х годах он несколько раз приезжал из Парижа в Прагу — специально работать в моей библиотеке (она была в те годы в хорошем виде и удобно размещена). Я резко сталкивался с П.<етром> Н.<иколаеви>чем <Милюковым> как <с> западником во всех идеологических вопросах на десятках публичных собраний, но личные отношения у нас были хорошие. Он “выпросил” у меня работы Михаила Илларionовича <Щербатского> “для детального изучения”, увез их с собой в Париж — и только я их и видел... Война легла роковой гранью; снова побывать в Праге Павлу Николаевичу уже не довелось»²⁰⁸, писал Савицкий Гумилеву в 1959 г.

²⁰⁷ Евразийская хроника. Вып. 1. Прага, 1925.

²⁰⁸ Письмо П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву от 3/4.12.1959. Архив Музея-квартиры Л. Н. Гумилева в Санкт-Петербурге (не описано).

Книга Милюкова 1936 г. пестрит такими фразами как: «Перейдем теперь к разбору географических фактов русского месторазвития — в порядке их возрастающей сложности. Первым в этом порядке является вопрос о положении этого месторазвития на земном шаре»²⁰⁹. Видимо, в 1930-е гг. «географический детерминизм», за который Милюков и другие критики поносили евразийство в 1920-е гг., его уже не смущал. Первый раздел книги Милюкова («Месторазвитие русской культуры») напоминает конспект монографии Савицкого «Географические особенности России» (1927), а многие последующие («Ч. II. Контраст месторазвитий степи и леса») — книгу Г. Вернадского «Начертание русской истории» (1927). Это, конечно, делает честь широте ума Милюкова, показывая его как весьма незаурядного человека, несмотря на все спорные моменты пройденного им жизненного и творческого пути. Признать, хотя бы косвенно, правоту оппонента способен далеко не каждый. Это можно считать весьма знаменательным фактом: *1920-е годы прошли под знаменем жесткой критики евразийства, а в 1930-е годы оно завоевало себе место под солнцем, заставив считаться со своими идеями, то есть некоторым образом, само стало классикой исследовательской мысли и кузницей инновационных методов*²¹⁰.

²⁰⁹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М.: Прогресс, 1993. С. 70.

²¹⁰ На этот факт стоит обратить внимание критикам евразийства, которые ориентируются на критическую литературу 1920-х гг., в частности, на статью Г. В. Флоровского «Евразийский соблазн», посвященную, в основном, полемике с неназванным Л. П. Карсавиным (остальных евразийцев Флоровский почти «не трогает»).

17. Присоединение к евразийству П. С. Арапова и появление «Треста»

Во многом переломным для истории евразийства стал 1923 г. К евразийству присоединился Петр Семенович Арапов (1897–1938), бывший гвардеец, который представился колеблющимся монархистом и поклонником философа-неославянофилы К. Н. Леонтьева. Арапов был личностью крайне запутанной и противоречивой. Именно Арапов вскоре привел к Сувчинскому представителей псевдомонархической организации «Трест» (под маской которого скрывалось ГПУ). Скорее всего, Арапов с самого начала был «темной лошадкой» ГПУ, хотя открыто перешел к ним «на работу» только около 1929 г.²¹¹ К Арапову евразийцы прониклись, не в последнюю очередь, потому, что ему удавалось находить деньги на евразийские проекты, он был человеком со связями. Мать его проживала в Англии, где и был найден главный благотворитель евразийства — Генри Норман Сполдинг, на деньги которого были отпечатаны «Евразийские временники», а с конца 1926 г. — «Евразийские хроники». Первые хроники делал Савицкий исключительно «своими» средствами, частью — литографически, отдельные элементы на обложке рисовали от руки.

Потом на деньги Сполдинга вышли многие евразийские издания (например, книги С. Л. Франка²¹², А. С. Хомякова, с предисловием Л. П. Карсавина²¹³), спон-

²¹¹ См. показания П. С. Арапова: «В конце июня 1929 года я поехал в Берлин через Париж, чтобы говориться с СУВЧИНСКИМ. Здесь мы решили с ним и с С[<]ергеем Як[<]овлевичем ЭФРОНОМ и еще двумя, трямя, “левыми” <...>, что мы должны поставить себя и все евразийство в полное распоряжение СССР». После этого Арапов связался с советскими агентами, и получал все распоряжения непосредственно от них (П. С. Арапов и евразийское движение (новые архивные материалы). Публикация К. Б. Ермишиной // Записки русской академической группы в США. Т. XXXVII. Нью-Йорк, 2011–2012. С. 246).

²¹² Франк С. Л. Религия и наука. Берлин: евразийское книгоиздательство, 1926; Франк С. Л. Основы марксизма. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1926.

²¹³ Хомяков А. С. О церкви. Берлин, 1926.

сировалась работа Парижской евразийской группы и Парижского евразийского клуба, имевшего кассу взаимопомощи, библиотеку, лекторий. Выплачивались гонорары, оплачивались поездки на «евразийские курултаи» (съезды), лекции в отдельных городах Европы и т. д. Весь этот вал евразийской работы, сотни новопривлеченных членов, полемика с противниками евразийского движения, напряженная работа по написанию статей для евразийских сборников, работа в евразийских группах, интенсивная переписка с евразийцами, живущими в разных городах Европы, попытка политической деятельности — сочинение текстов деклараций, выход на сторонников в СССР, пересылка туда нелегальной литературы, — была буквально гонкой на истощение. Главным внешним двигателем этой евразийской работы выступили деньги Сполдинга, который финансировал движение с 1924 г. по начало 1930 г. П. Н. Савицкий был у него в Оксфорде 4 раза, (в середине 1925, в нач. 1929-го, в нач. и в кон. 1930 г.). Сполдинг пожертвовал евразийцам с 1924 по 1930 г. более 10 000 фунтов стерлингов.

В отличие от Парижа, пражские евразийцы финансировались по остаточному принципу. Почему проекты Савицкого не получали должной финансовой поддержки, если он был одним из трех евразийских основоположников? Здесь стоит упомянуть, что к 1924 г. в евразийство проникли провокаторы из «Треста» — якобы промонархической организации, существующей в СССР. На самом деле за «Трестом» стояло ГПУ. Резидент «Треста» среди евразийцев — П. С. Арапов, сблизился с П. П. Сувчинским и П. Н. Малевским-Малевичем, который был финансовым директором движения, и активно интриговал против Савицкого, называя его насмешливо «Ёлкиным» (конспиративное имя Савицкого было «Элкинд»), а его версию евразийства — «буколическим», «с пейзанами и овечками»²¹⁴. Трубецкой без особого результата старался примирить пражских и парижских евразийцев. Поскольку

²¹⁴ См.: П. С. Арапов и евразийское движение (новые архивные материалы). Публикация К. Б. Ермишиной // Записки русской академической группы в США. Т. XXXVII. Нью-Йорк, 2011–2012.

Савицкий управлял Пражской евразийской группой, он оказался, сам того не желая, персоной «нон грата» у парижских евразийцев. А все финансы были сосредоточены у парижан, которые все больше склонялись на сторону советских спецслужб. Весь этот сложный клубок проблем закончился кламарским расколом евразийского движения, после которого Савицкий возглавил евразийство уже единолично.

18. Литературоведческие работы П. Н. Савицкого и его поэтические опыты

С 1920 по 1928 г. практически и уместились истории раннего евразийского движения (евразийства 1920-х гг.). За эти 8 лет была проделана колоссальная работа. Необходимо остановиться на нескольких моментах: описать основные тексты Савицкого этого периода, которые показывают его идеиную эволюцию, затронуть вопрос о его нелегальной поездке в СССР и коснуться событий клямарского раскола, в результате которого Савицкий оказался единственным лидером позднего евразийства 1930-х гг. Сначала нужно рассмотреть творческую и публицистическую деятельность Савицкого.

Во время подготовки первого евразийского сборника Савицкий предложил поместить в него свои стихи, но это не встретило у других лидеров сочувствия. Когда именно Савицкий начал писать стихи, у нас нет известий. Среди архивных материалов²¹⁵ самая ранняя датировка первых сохранившихся стихов — 7 февраля 1922 г. В архиве Пражской славянской библиотеки ранних стихов Савицкого нет, архив П. Н. Савицкого в ГА РФ не разобран до конца, но в изученной части архива стихи отсутствуют. Первые стихи Савицкого отличаются путанностью, нагромождением образов, неровностью рифмы — то, от чего он полностью откажется в поздние годы, и то, что он даже позже осудит. На основании имеющихся данных, рискну предположить следующее.

У Савицкого было два «взрыва» поэтического творчества. Первый имел место в период 1919–1922 гг. и частично в 1923 г. Эти стихи рождались вместе с евразийством, поэтому Савицкий и предлагал их в евразийские сборники. Основное настроение этих стихов — «предчувствия» грядущего, новой эпохи, в которой Россия будет играть роль духовного лидера, а также описание религиозного опыта. Господь Бог в этих ранних

²¹⁵ Речь идет о материалах, хранящихся в Доме русского зарубежья (Коллекция В. Аллоя, Оп. 1).

стихах предстает скорее как каратель, грозный Судья, совершающий суд над миром.

Многие статьи Савицкого этого периода имеют явные параллели с ранним поэтическим творчеством. Тексты ранних работ Савицкого часто ритмически организованы, насыщены евангельскими образами, полны профетического пафоса. Примером подобного текста может служить ранняя рукопись Савицкого (ок. 1920 г.) «Другая Россия», в которой есть, к примеру, такие пассажи: «Неведомая Рука как бы по двум различным путям ведет ныне Россию: путем ниспадающим в черную бездну, где мрак и смерть: черный мрак богоуборства, неумолимая голодная смерть; другую Россию — путями горними, светлыми зорями — в высоту, в просветление, в твердь... В глубинах России неслыханное родилось кощунство. Многое безбожных слов произнесено было; на Западе — многое безбожных дел было совершено. Но и кощунственный Вольтер, хотя и по-своему, верил в Бога; и Робеспьер создавал культ “Верховного Разума” — а таких, как русский дворянин Бакунин мало, в беспрозорности и злобе, мало найдется кощунственных и на Западе. Бакунина воссоздал большевизм — и Россия поклонилась большевизму... В глубинах России великая просияла вера. Среди духовносцев и водителей русских, вера — как качественный признак; если высоко качество духовного одарения в писателе и поэте — велика и его вера. Пушкин перед смертью — и раннею, и злой — видел старца, предвещающего судьбу... В стихах Лермонтова, издерганного жизнью, преисполненного насмешливым сарказмом — открываются перлы религиозного вдохновения. В стихах Лермонтова, двадцатипятилетнего и моложе того... Нужно ли говорить о Гоголе и Достоевском? <...>. И Господь посыпает смерть. Смерть косит людей болезнями, встает в образе Голода, неумолимая приходит и берет <свою страшную жатву — жизни людей>. И Господь разбрасывает грешных по широкому миру земному²¹⁶. Все народы в своих городах и столицах — слышат русскую речь. Их

²¹⁶ Речь идет об эмиграции, которая в данном случае рассматривается как наказание за грех.

пленяют русские женщины, им поются русские песни»²¹⁷. В этой рукописи зачатки сразу нескольких ранних статей Савицкого — «Два мира» — о расколе русской культуры и двух «преемствах» в ней, и «Идея Родины в Советской поэзии» — литературоведческая статья, которую Савицкий поместил в «Русской мысли» в период работы со Струве. Раннее евразийство Савицкого, что подтверждает эта рукопись, рождается во многом как рефлексия на русскую литературу.

Текст «Другая Россия» написан по «старой» орографии, которую евразийцы использовали до начала 1925 г. К указанному времени евразийцы поставили задачу перейти на «новый стиль», для того, чтобы найти понимание у потенциальных советских последователей, для которых «старый» стиль ассоциировался с дореволюционным, ушедшими в прошлое, миром. Н. С. Трубецкой, к примеру, первые три страницы своей самой знаменитой работы «Наследие Чингисхана» написал по старой орографии, а дальше заставил себя писать по новой²¹⁸.

Работа Савицкого «Другая Россия» — яркий пример его раннего творчества, скорее всего, написана около 1921 г. или даже ранее. В ней ясно просматриваются истоки евразийства — религиозный пафос, тема революции, Гражданской войны и эмиграции — как наказания за грех отступничества от идеалов Святой Руси. Возникает важная тема двойственности России (этот идея получит полное воплощение в статье «Два мира»), «пророческое» видение славы России через очищение («огонь»). Собственно, этот текст — набросок раннего евразийства Савицкого, того видения, которое он имел перед мысленным взором и которое открывало ему смысл русской революции, русской голгофы и путей спасения из бездны, в которую пала Россия после 1917 г.

Эти поэтические опыты шли параллельно с изучением русской поэзии 1920-х гг. (С. Есенин, А. Блок,

²¹⁷ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–5.

²¹⁸ См.: Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2008. С. 106, 109.

Н. Клюев)²¹⁹. Вообще, литературная составляющая евразийской концепции Савицкого явно недооценена. Первоначальное евразийство формировалось у Савицкого на фоне литературных впечатлений, что, например, подтверждает текст «О любви», датированный 1921 г., в котором он анализирует любовную лирику А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, А. В. Кольцова, А. А. Фета, Ф. И. Тютчева, К. Н. Батюшкова. Текст производит впечатление отрывка из большой работы, которая возможно сохранилась в его архиве, но пока не найдена. Евразийских мотивов в тексте «О любви» немного, но они просматриваются. Савицкий говорит о русской женской стихии, которая характеризуется скромностью, чистотой, в противоположность «вакханкам» Запада: «Не Север ли во взорах наших “смиренниц” расточил перед нами свои ча-ры? <...> “Смиренница” начинает делить мужской пла-мень уже в возрасте, когда в странах, где тихо у берегов плещут волны средиземного моря, женщина из вакханки превращается в фавнессу...». Таким образом, Савицкий ставит вопрос о влиянии климата на народную психоло-гию (в статье он употребляет слово «раса»). Он утверждает, что длинный зимний период влияет на появление феномена русской психологии: «Особая длительность пе-риода органической девственности наших женщин создала нашу правду эrotической поэзии»²²⁰. Таким образом, перед нами выстраивается идеино-логический ряд: климат (при-рода) — народная психология — культура (поэзия, как од-на из ее проявлений).

В статье «Идея Родины в советской поэзии» он об-ращается к писателям и поэтам, фаворитам в среде евразийцев — А. Блоку, С. Есенину, Андрею Белому и пока-зывает, как их поэтическое творчество вырывается из-под советских, им внутренне чуждых путей: «“советская поэзия”, которая раскрывается нам в брошюрах под серой облож-кой, вся, до последнего изгиба, проникнута напряженной и

²¹⁹ См. работу: Савицкий П. Н. Идея Родины в советской поэзии // Русская мысль. 1921. № 1, 2.

²²⁰ Савицкий П. Н. О любви / Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 68.

острой идеей Отечества!»²²¹ В некотором роде это тоже есть продолжение вышеописанного политического прагматизма, только уже на литературном материале — советская власть существует в России в некотором роде сама по себе, несмотря на мощный репрессивный аппарат, а культура продолжает двигаться в русле русской, православной, патриотической и духовно-ценностной направленности. Более того, сама поэзия Блока есть форма «историко-политической» поэзии, то есть это — историософская мысль, которая льет воду на мельницу евразийства... В статье сделаны первые подходы к его евразийской концепции. Так, например, Клюев, по Савицкому, воспринимает Россию как «некоторую географически-поэтическую реальность», он «чувствует ее степи и шири, курганы ее и туманы — и в поэтических словах обозревает ее пределы», ему дорога Россия как «географическое единство»²²² ... и т. д.

Уже в конце 1920-х гг. Савицкий напишет большую работу «Историко-географические заметки по поводу новой литературы (заметки евразийца)», получившую одобрение Н. С. Трубецкого, посвященную анализу русско-советской литературы с точки зрения евразийской литературоведческой концепции. Литературоведческая концепция Савицкого сложилась к этому времени, поскольку была производной от концепции геософской, которую Савицкий обосновал в 1927 г. в монографии «Географические особенности России» (Прага, 1927).

Эта литературоведческая работа осталась в архиве Савицкого и была опубликована Р. Р. Вахитовым уже в наши дни²²³. Вахитов справедливо отмечает, что для верного понимания литературной концепции Савицкого «нужно быть знакомым с россиеvedческой концепцией П. Н. Савицкого в полном объеме, а некоторые ее идеи,

²²¹ Савицкий П. Н. Идея Родины в советской поэзии / Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 71.

²²² Там же. С. 71.

²²³ Савицкий П. Н. Историко-географические заметки по поводу новой литературы (заметки евразийца) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. М., 2010.

в особенности содержащиеся в “структуралистских манифестах”, которые Савицкий подписывал псевдонимом “Логовиков”, также малоизвестны и редко упоминаются и анализируются даже специалистами»²²⁴. Редкость упоминания и фактическое отсутствие анализа данной темы у русских исследователей (в США исследователь евразийства Джон Стачельски занимается евразийским литературоведением Савицкого) связано с тем, что до сих пор целостного представления об идейном развитии Савицкого у нас не сложилось. Исследователи стараются анализировать отдельно его политическую доктрину, концепцию «месторазвития» (которую привязывают к татаро-монгольской, а не географической теме), его историософию и т. д. На наш взгляд, необходим целостный подход к наследию Савицкого, что осложняется чрезвычайной широтой тем, им затронутых в своих работах.

Литературоведческая концепция Савицкого вполне сложилась уже к 1925 г. Суть ее Н. С. Трубецкой кратко описывает так: «По поводу вышеупомянутой статьи ПН <Савицкого> хочу еще сделать следующее замечание. ПН вводит интересное понятие литературной колонизации России. Прослеживая по карте географическую локализацию отдельных литературных произведений, он устанавливает, что одни области литературно-колонизованы густо, другие — плохо, и что направление колонизации в разные эпохи различно: напр<имер>, одно время усиленно “колонизовали” Кавказ, а за последнее время — Поволжье; Туркестан почти совсем не колонизован. <...> в той же статье есть еще интересная мысль о смене искусств во главе угла русской культуры: в допетровскую эпоху и вплоть до начала XIX-го века во главе угла стоят живопись и архитектура, а литература плетется в конце; но с 40-х годов XIX-го века во главе угла стоит литература, а архитектура и особенно живопись отступают на задний план; начало XIX-го века — переходная

²²⁴ Вахитов Р. Р. Литературоведческие идеи П. Н. Савицкого (предисловие к публикации) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Указ. соч. С. 6.

эпоха в этом отношении»²²⁵. Савицкий писал, что каждый поэт или писатель избирает местодействием (географическую и этнографическую среду) своих произведений отнюдь не случайные пространства. Каждая эпоха имеет свои литературные географические предпочтения. Так, например, Пушкин, Лермонтов, ранний Толстой литературно «колонизировали» Кавказ. Это связано с объективными процессами — то geopolитическое пространство, которое в эпоху, современную писателю или поэту, осваивает государство, там, где происходят значимые события (войны, географические открытия, межгосударственные и межэтнические контакты и т. д.), именно это пространство и становится интересным творцу культуры. Русская классическая литература «освоила» Россию до Урала, отчасти захватив окраины (Кавказ, Украина, Бессарабия). Литературное освоение Поволжья началось к концу XIX в. и расцвело в первые десятилетия XX в. Сибирь и Дальний Восток, как писал Савицкий в 1920–1930-х гг., практически не освоены.

Поволжьем занимались Л. М. Леонов, М. Горький, А. С. Яковлев, К. А. Федин; Приуральем и Башкирией — Л. Сейфуллина; Дальний Восток привлек внимание Вяч. Иванова. Литературная колонизация России крайне важна для национального самосознания, для понимания себя как евразийской нации. Если литература «прячется» исключительно в столицах, избирая их как литературные местодействия, это может стать сигналом о том, что происходит утрата, размытие государственного инстинкта. В этом смысле литература выполняет функцию индикатора и маяка национального самосознания.

Литературоведческая статья Савицкого предназначалась для «Евразийского временника», но не была напечатана, оставшись в проекте, хотя Трубецкой отредактировал ее, вычеркнув некоторые суждения, которые показались ему сомнительными. Нет однозначного ответа на вопрос, почему она не была напечатана. С одной

²²⁵ Письмо Н. С. Трубецкого к П. П. Сувчинскому от 31.12.1925. / Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. Указ. соч. С. 167.

стороны, к рубежу 1925–1926 гг. возникли различные нестроения в среде самих евразийцев, «Евразийский временник» стал официальным лицом очень модного течения, куда принимались статьи только особого значения, которые в первую очередь были рассчитаны на внешнего читателя. Евразийство к этому моменту уже приобрело множество критиков и поклонников. Возможно, для этого издания статью Савицкого редакционный совет счел недостаточно сильной или способной породить какие-то споры и существенные возражения. С другой стороны, Савицкий мог бы поместить ее в «Евразийской хронике», которая печаталась, в основном, в расчете на внутреннюю, евразийскую аудиторию, тем более, что в 1925–1926 гг. Савицкий контролировал этот журнал почти единолично. В 1927 г. его стали печатать в Париже, и фактически главным редактором стал Сувчинский. В этом случае, то, что статья оказалась не опубликованной — просто случайность.

Впрочем, есть и другое объяснение, касающееся уже внутренних причин. Во-первых, литературоведам в евразийстве было тесно: не только Трубецкой мог иметь профессиональные суждения в этой области, но и П. П. Сувчинский, по сути, дебютировал как литературовед, начиная от первых статей: «Вечный Устой», «Знамение былого. О Лескове» и «Типы творчества. Памяти А. Блока»²²⁶ и заканчивая изданием литературного журнала «Версты» (в ассоциации с М. Цветаевой, А. Ремизовым и литературоведом, евразийцем кн. Д. П. Святополк-Мирским). Во-вторых, как раз на рубеже 1925–1926 гг., когда Савицкий закончил свою раннюю литературоведческую статью (она помечена датами: «ноябрь 1925 — март 1926» — писал почти полгода), он окончательно принял решение о защите диссертации по географической теме. Литература стала мостом к географии и геософии. Это означало переход на совершенно новый уровень, расставание со старыми темами (Хозяин и хо-

²²⁶ Все три указанные статьи вышли во втором евразийском сборнике «На путях. Утверждение евразийцев» (Берлин, 1922).

зяйство²²⁷, ранее геософское литературоведение и др.) и переход к новым, профессионально-ориентированным темам, переход к россиведению как таковому, которое должно было отныне покоиться на твердых научных основаниях. В качестве науки, обосновывающей россиведение, Савицкий избирает географию и почвоведение. Опубликованные им поздние литературоведческие статьи конца 1920-х, начала 1930-х гг.²²⁸ показывают, что интерес к этой теме он отнюдь не утратил. Но поздние статьи были написаны уже с учетом «достижений» географического россиведения, обоснованного им в работах 1927 г. Литература и поэзия были ему не чужими темами, но касались самого сокровенного: его собственного стихотворного творчества. Итак, *раннее евразийство Савицкого начиналось как поэтическое видение, как проретическое вдохновение, что нашло воплощение в литературоведческих статьях, а позже — в его поздней евразийской поэзии.*

В 1930-е гг. Савицкий пишет статью «Русская жизнь 1917–1934 г. в зеркале художественной литературы», которая предназначалась для журнала «Монд слав» (*Le Monde slave*, июль, 1934). В «Монд слав» вышел сокращенный вариант статьи на французском языке, а русская версия осталась неопубликованной²²⁹. В статье он рассматривает советскую беллетристику указанного периода, однако не с точки зрения своей литературно-геополитической концепции «местодействия», но анализируя ее как своеобразную хронику революционной и

²²⁷ Об этой важнейшей философско-экономической концепции, которую он противопоставил главным образом, К. Марксу, речь пойдет ниже.

²²⁸ Житие протопопа Аввакума как географический источник: к годовщине со дня кончины Г. И. Танфильева // Научные труды Русского народного университета. Т. 2. Прага, 1929; Местодействие в русской литературе (географическая сторона истории литературы) // Sbornic praci 1. Sjezdu slovanskych filologu v Praze 1929. Vol. 2; «Литература факта» в «Слове о полку Игореве» // Sveslavenski zbornic. Spomenica o tisucugodisnjisbjici hrvatskoga kraljevstva. U Zagrebu, 1930 и др.

²²⁹ В настоящее время готовится мною к публикации в издательстве «Академический проект», вместе с избранными статьями Савицкого, ни разу не опубликовавшимися на русском языке.

постреволюционной России. Литература, рожденная в огне революции и Гражданской войны, становится важнейшим историческим документом эпохи, это — «литературная историография», которая рассказывает о голоде, ужасах, сломе быта, сословий, религиозно-нравственных устоев в России. Савицкий отмечает, что писатели предыдущего поколения не смогли описать эпоху, наступившую после 1917 г. Сразу после революции русская литература «онемела», и до 1920 г. говорила исключительно языком поэзии (самый яркий пример — А. Блок), но позже «Новая русская беллетристика родилась вместе с НЭПом»²³⁰, и на авансцену выходит новое поколение писателей — М. М. Зощенко, Н. Н. Никитин, М. Л. Слонимский, К. А. Федин, Всеволод Иванов, Л. Н. Лунц, И. А. Груздев, Вл. С. Познер, А. С. Неверов, С. А. Семенов, Д. Фурманов и другие.

В статье Савицкий подчеркивает поколенческий фактор: «В общем движении, создавшем новую беллетристику как исторический документ о русской революции и пореволюционных годах, принял участие также и ряд авторов, выдвинувшихся (хотя и в разной степени) на литературном поприще еще в предреволюционные годы. Таковы, например, В. Вересаев, С. Сергеев-Ценский, В. Лидин, А. Соболь. Но нужно признать, что руководящая роль в создании этой беллетристики принадлежала не им»²³¹.

В этом видится аналогия в противостоянии поколений «отцов» — критиков евразийства и «детей» — пореволюционщиков, евразийцев, и шире — сменовеховцев, возвращенцев. Судьбы последних были, как правило, трагичными. В данном случае Савицкий подчеркивает важный момент: только пережив в молодом возрасте, когда личность только формируется, все ужасы революционного времени, став людьми, прошедшими «сквозь огонь революции, выросших и окрепших в ней, дравшихся в рядах красных и белых армий, в отрядах партизан, сидевших в “ЧК” и “контрразведках”, “спекулировавших”

²³⁰ Савицкий П. Н. Русская жизнь 1917–1934 г. в зеркале художественной литературы. ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 132. Л. 1–32.

²³¹ Там же.

и голодавших, — только читая эти краткие, но выразительные документы, начинаешь понимать, почему только им, этому новому поколению литературной молодежи, по силам эта огромная тема»²³².

Здесь Савицкий ставит вопрос уже не только о новом, пореволюционном поколении, но поднимает проблему экзистенциального опыта, пережитого в момент становления личности. Потрясения голода, войны, смерти, крайней жестокости, попрания всех морально-нравственных устоев, — открыли в душах представителей пореволюционного поколения новые измерения восприятия действительности. Эти люди не могут вернуться к прежнему, потому что они не принадлежат ему, не находят себя в дореволюционной сытой, европейски-ориентированной, «по-домашнему» скроенной действительности, с ее табелями о рангах, борьбой за свободу печати и Конституцию, с ее сословиями, земскими учреждениями, крестными ходами, приветственными адресами Царственным особам в дни особых торжеств и т. д., и т. д. — здесь им нет ни места, ни занятия. Изучая реальность «новой России» через зеркало русской пореволюционной литературы, Савицкий ясно отдавал себе отчет в утопичности эмигрантской старорежимной ориентации на прошлое. Евразийство должно принадлежать настоящему — в котором существует Советская Россия, и будущему — в котором будет существовать евразийская Россия, преодолевшая, как болезнь, коммунизм и безбожие.

Одновременно Савицкий продолжает писать стихи «в стол», как, например, в годы Второй мировой войны²³³. Но подлинный, второй «подъем» поэтического творчества произошел после ареста в 1945 г., когда он вновь оказался на Родине. Савицкий сам описывает чувство, потрясшее его до глубины души, в момент соприкосновения с русской землей:

²³² Савицкий П. Н. Русская жизнь 1917–1934 г. в зеркале художественной литературы. ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 132. Л. 1–32.

²³³ См. в издании: Савицкий П. Н. Неожиданные стихи. Прага, 2005.

Я прилег на родимую землю.
Летней ночью дышала земля,
И луна, мир подлунный подъемля,
Заливала сияньем поля
И почуял я тайные силы
В этом мерном дыханье земли,
Тело ожило в новом усилии,
И стихи, как река, потекли

(29 ноября 1948 г.).

Это произошло в Смоленске, когда измученный Савицкий вышел из самолета, доставившего его из Европы в СССР, как узника, приговоренного к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Он от изнеможения упал на землю — «и стихи, как река потекли». Вообще, во время заключения Савицкий испытал опыт, который сблизил его с Достоевским — опыт предельных состояний, некоторого исступления. Даже опыт поклонения родной земле как лона, истока, и, одновременно, хранительницы праха предков, во многом был у Савицкого схожим с опытом Достоевского, который в романе «Бесы» вывел образ Матери-сырой-земли. У Достоевского она есть одновременно и символ (образ) Богородицы. Для Достоевского этот образ был художественным переосмыслиением почвенничества, у Савицкого — психологическое переживание Родины, родной почвы-земли: «А землю целовать нужно <...>. И я постоянно это делал, пока был на русской земле. Русская земля меня и спасла в испытаниях»²³⁴:

В чем тайна русских дел?
Единством всенародным
Славна, и велика, и дивна Русь моя.
Крепит сынов заветный дух соборный,
Им помогает мать сырья земля²³⁵.

В период заключения Савицкий написал около 1000 стихотворений. Едва ли десятая часть из этого наследия была позже опубликована.

²³⁴ Савицкий П. Н. Мой отзыв по поводу работы Н. Н. Алексеева «Природа и человек в философских воззрениях русской литературы» («Границы», № 42, 1960) // «Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н. Н. Алексеева к П. Н. Савицкому (1957–1961). Указ. соч. С. 445.

²³⁵ Востоков П. [П. Н. Савицкий]. Стихи. Париж, 1960. С. 227.

19. Ранние работы Савицкого, помещенные в «официальных» евразийских изданиях

Евразийцы забраковали поэтические опыты Савицкого, и в евразийских изданиях он публиковался в рамках своей специализации как экономист, географ, политолог. Возможно, сопротивление других основоположников стало причиной «двойной бухгалтерии» в творчестве Савицкого: он много писал «в стол», гораздо больше, чем публиковал в официальных евразийских изданиях. Исследователям в основном известны его «официальные» работы 1920-х гг. (прошедшие цензуру основоположников), но почти неизвестны его работы, опубликованные «на стороне», например, в журналах «Монд слав», «Новый Град», или оставшиеся в архиве. Тем не менее, стоит отметить, что в «официальных» статьях Савицкий не раскрыл свою позицию до конца, не озвучил всех важных, даже ключевых для него тем. В любом случае, важно знать его «официальные» тексты, а также тематику и направленность его работ, попадающих в категорию «иные» («не официальные»), важно говорить, с одной стороны, о различиях «официальных» статей и работ, написанных «в стол», с другой — о полноте его взглядов и представлений. Начнем с обзора «официального» евразийского наследия Савицкого.

В первом евразийском сборнике Савицкий дебютировал статьей-декларацией, ставшей нарицательной: «Поворот к Востоку»²³⁶. В том же сборнике он поместил фундаментальную работу «Континент-океан (Россия и мировой рынок)», которая вошла затем и в сборник «Россия особый географический мир» (1927 г.). Другой статьей Савицкого в сборнике «Исход к Востоку» стала «Миграция культуры». В статье «Поворот к Востоку» Савицкий проговаривает евразийские «истины» (самоочевидные, как он думал, положения) о том, что есть Россия

²³⁶ Савицкий П. Н. Поворот к Востоку // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.

и каково ее отношение к Западу: «Россия поистине является православно-мусульманской, православно-буддистской страной <...>. Россия есть не только “Запад”, но и “Восток”, не только “Европа”, но и “Азия”, и даже во все не “Европа”, но “Евразия” <...> составляет “континент в себе”, в определенном смысле равноправный Европе...»²³⁷; «на арене мировой истории выступил новый, не игравший доселе руководящей роли культурно-географический мир. <...> не уходит ли к Востоку богиня культуры, чья палатка столько веков была раскинута среди долин и холмов европейского Запада?..»²³⁸. Предисловие к первому сборнику также было написано Савицким. В нем он делает важное пояснение: «Мы чтим прошлое и настоящее западноевропейской культуры, но не ее мы видим в будущем»²³⁹.

Последнее замечание крайне важно. *Евразийство начинается*, по определению его первого исследователя А. В. Соболева, как «культуроцентрическое мировоззрение». К этому замечанию я бы сделала следующую оговорку. Во-первых, культура и культуроцентризм сами по себе — чрезвычайно политизированный проект. Это не только «мягкая сила», но и способ заявить о себе в мире, завоевывать место под солнцем, осуществить культурную экспансию, которая порой результативнее экспансии военной. Далеко не каждая нация и даже не каждое государство способно предъявить культурную программу, заявить о своих несомненных достижениях в этой области. Культура неотделима от науки, наука неотделима от власти. А. В. Соболев, заявив о культуроцентризме евразийства, понимал, конечно, что это означает одновременно и политическую программу: «<...> в трактате “Примат культуры” Трубецкой в какой-то мере предвосхитил то, что, начиная с 1956 года, стало бурно развиваться на

²³⁷ Савицкий П. Н. Поворот к Востоку / Евразийство: Исход к Востоку. Кн. 1; На путях. Кн. 2; Евразийский временник. Кн. 3. СПб.: Лимбус Пресс, 2022. С. 35.

²³⁸ Там же. С. 36.

²³⁹ Савицкий П. Н. Поворот к Востоку. Указ. соч. С. 30. Курсив наш — К. Е.

Западе под именем науки о “политической культуре”. Главная идея этой науки состоит в том, что функционирование политических институтов всецело зависит от политической культуры, т. е. от идеологии в широком смысле слова (включающей в себя религию, философию и политическую идеологию в узком смысле)»²⁴⁰. Говоря о евразийстве как о культуроцентричном мировоззрении, нужно подразумевать не нечто кабинетно-нейтральное, строго академичное, но *программу культурной, а потому и политической экспансии*. Таким образом, *примат культуры в евразийстве автоматически означал и примат идеологии и политики как таковой*.

Во-вторых, и Сувчинский, и Трубецкой были бы вполне согласны с тезисом о евразийстве как культуроцентричном мировоззрении. Флоровский бы добавил: «как религиозно-культуроцентричном мировоззрении». Флоровский понимал культуру, в первую очередь, как миссию, как инструмент распространения религиозных идей. Савицкий, в данном случае, не был наивен. Уже его рецензия на книгу Трубецкого в «Русской мысли», а потом и статья «Континент-океан», обнаруживают *не только* культуроцентричные интенции. Он говорит о политике, экономике, логике истории, подчиненной определенным законам (Савицкий всю жизнь разгадывал эти законы).

Как человек, в молодости легко поддающийся влиянию (на что, собственно и жаловался Флоровский: «через два дня вся Прага знает мои мысли под именем мыслей Савицкого»²⁴¹), в данном случае Савицкий озвучил настроение всех евразийцев, которые были сплошь гуманистами — богословы, филологи, философы, музыканты, историки, литераторы, не склонные к идеологизации своих идей, но главным образом он озвучивал свои собственные настроения и стремления. Савицкому явно не хватало практического стержня в этой

²⁴⁰ Соболев А. В. О евразийстве как культуроцентричном мировоззрении / О русской философии. СПб.: Издательский дом «Мир», 2008. С. 215.

²⁴¹ Цит. по: Соболев А. В. Своя своих не познаша. Евразийство: Л. Карсавин и другие / О русской философии. Указ. соч. С. 189.

«гуманитарной» (если угодно — «культуроцентричной») евразийской конструкции. Хотя он постоянно, год за годом, старался усилить и практическую сторону в евразийстве. То, что он прекрасно понимал политический контекст, в который погружена культура, говорит тот факт, что его первая декларация «Евразийство» 1925 г. посвящена практически полностью культуре.

Во втором сборнике Савицкий поместил статью «Два мира», которая стала конспектом его будущей большой работы по истории русской философии — «Русская философия в пореволюционный период. Ч. I. Спор “механистов” и “деборинцев”. Ч. II. Две традиции». Вторая статья Савицкого из сборника «На путях» — «Степь и оседлость» была вдохновлена статьей «Восток и Запад в истории Старого света» П. М. Бицилли, на короткий период примкнувшего к евразийству. Пожалуй, это первая евразийская историософская работа Савицкого. «Степь и оседлость» — зерно, из которого вырастет пышное древо евразийской историософии, с ее акцентами на кочевниках, татаро-монголах, становлении русской государственности на основе имперской идеи объединения территории Евразии, борьбы Леса и Степи.

Стоит отметить, что эта тема была интересна и Трубецкому, который развел ее в эпатажной, по его собственному определению, «пропагандистской» книге «Наследие Чингисхана» (1925), которую он написал строго для внутренней и для гипотетической «советской» аудитории. Книга не была предназначена для русской эмиграции, Трубецкой писал ее скорее для собственного удовольствия, как ранее для развлечения писали оперетки и мистерии его отец, С. Н. Трубецкой и дядя — философ Е. Н. Трубецкой. Постановка домашних спектаклей собственного сочинения, очень остроумных, содержащих толику политической критики и прозрачных намеков, была традицией в семье Трубецких²⁴². Когда Николай Сергеевич узнал, что без его ведома книгу начали распространять в эмиграции (это было решение Сувчинского,

²⁴² См.: Трубецкой Е. Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск, 2000. С. 180–183.

который был хороший маркетолог, и увидел в книге богатый потенциал), это повергло его сначала в растерянность, потом в гнев: «Только что узнал, что брошюра ИР²⁴³ выпущена на мануфактурный [эмигрантский] рынок. Это черт знает что! Я несколько раз самым решительным образом требовал, чтобы этого не было, и, тем не менее, это все-таки сделали. Удар я считаю непоправимым. Заметка в “Хронике” делу не поможет, ибо “Хроника” создается только для внутреннего употребления, а посторонние люди брошюру прочтут, а заметки в “Хронике” не прочтут. Я заявляю, что последний раз попался на удочку. Больше я ничего писать не буду. Уже и прежние мои писания были испорчены и рассироплены разными оговорочными вставками, часто без моего ведома, а теперь с моим писанием распорядились не только помимо моего ведения, но и против моей ясно и определенно выраженной воли. Я не хотел давать эту брошюру и согласился дать ее только после того, как ряд поставленных мною условий был принят. Я не мог предположить, что это была ловушка (ибо одно из двух: или это — ловушка, или непростительно легкомысленное отношение к делу). Чтобы впредь подобные случаи не повторялись, я просто больше ни одной строчки для печати не даю. Обходитесь без меня»²⁴⁴ — писал он в письме к П. П. Сувчинскому от 25. 06. 1925 г. и просил копию письма разослать всем евразийским лидерам. Таким образом, тема татаро-монгольского ига прижилась в евразийстве отнюдь не безболезненно. Для ее профессионального «укоренения» потребовались усилия ряда историков, в первую очередь Г. В. Вернадского. На первых же порах руку к этому приложил Савицкий, имевший к теме сугубо научно-археологический интерес.

В статье «Два мира» Савицкий утверждал, что русская мысль сформировалась в двух полярных

²⁴³ «ИР» («И. Р.») — псевдоним Н. С. Трубецкого (НИколай ТРУбецкой), которым была подписана его брошюра «Наследие Чингисхана» 1925 г.

²⁴⁴ Письмо Н. С. Трубецкого к П. П. Сувчинскому от 25.06.1925. / Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. Указ. соч. С. 119–120.

направлениях: религиозно-философском и атеистически-материалистическом. Эту двуполярность России Савицкий отмечал во многих ранних статьях. Именно она была причиной церковного раскола, революции 1917 г., мучительного внутреннего разлада в среде русской интеллигенции. Во многом революция 1917 г. уничтожила этот раскол и двуполярность, хотя следы ее сохраняются, поскольку корни проблемы не изжиты, и могут в любой момент дать о себе знать. Двуполярность России — это не только раскол между прозападной интеллигенцией и народом. Это раскол, в первую очередь, религиозный. Только в России есть истово верующие, готовые на мучительную смерть ради Христа, и одержимые богоборцы, которые стремятся разрушить русскую культуру и государственность только за то, что она в основе своей — православна и религиозна.

В философии этот раскол проявляется в появлении материалистов и идеалистов, противостояние которых именно в России приняло самые непримиримые формы: «В русской философской деятельности в том виде, как она складывается в настоящий момент, и как она выражалась в последние годы, одна черта бросается в глаза наблюдателю: очень сильная представленность двух крайних групп, при относительно слабом развитии всех промежуточных. В пределах русской культуры интенсивная философская работа ведется: или воинствующими материалистами, или православными мыслителями. Только эти два разряда деятелей составляют обширные и до известной степени сплоченные группы философов. Для людей, принадлежащих к “срединным” течениям, современная русская культура не представляет, по-видимому, благоприятного поля для работы. Различные оттенки философского скептицизма, критицизма, позитивизма и безрелигиозного идеализма находят в современной русской культуре только изолированные и сравнительно слабые отклики. Более того: даже деизм, как и вообще неконфессиональная религиозность, как вневероисповедное христианство, только в редких случаях исповедуется теми, кто ведет философскую работу в рамках современной русской культуры. Работа эта весьма

отчетливо тяготеет к двум полюсам: к философии в смысле ортодокального марксизма-ленинизма и к религиозной философии в духе Православия. Конечно, этого обобщения не нужно понимать буквально. Среди нашей русской культуры найдется большое количество таких, которые занимают промежуточные позиции. Но по сканному выше, условия для ведения ими собственно философской работы, и притом в пределах современно русской культуры, весьма неблагоприятны. Те из них, кто имеет тяготение к такой работе, или ведут ее только “для себя”, или переходят в рамки европейской культуры: отрываются от русской традиции, публикуют свои работы не по-русски, но исключительно на европейских языках и т. д.»²⁴⁵.

Последняя цитата — из работы Савицкого 1932 г. «Русская философия в пореволюционный период», которая показывает, что идея о расколотости и двуполярности России (как ее увидел Савицкий на заре становления евразийства, см. текст «Другая Россия» и статью «Два мира») — не случайна, но является конструктивным элементом его мировоззрения. Тезис о двуполярности России он проговаривает как в ранних, так и в поздних работах, иллюстрируя его различным материалом (литература, философия). Мучительная проблема России — ее расколотость, но дело усугубляется тем, что одной расколотостью не исчерпывается болезнь русской души. По Савицкому, и русский страстный атеизм, и русское исто-вое богопочитание имеют единый источник.

Согласно Савицкому, атеистическая мысль, которая взяла верх после революции 1917 г., является собой пример религиозности наизнанку: «Отрицание религии в русском коммунизме настолько страстно и безусловно, что в истории философии оно приводит к своеобразному религиоцентризму, только стоящему под отрицательным знаком. Так, например, вся трактовка коммунистическими историками философских учений Дидро и Леруа стоит под знаком вопроса, верили ли они или не верили в Бога.

²⁴⁵ Савицкий П. Н. Русская философия в пореволюционный период. Ч. I. Спор «механистов» и «деборинцев». Ч. II. Две традиции. ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 213.

Это же можно сказать и о трактовке Спинозы. В русской марксистской науке преобладает взгляд на него, как на атеиста. В этом вопросе русские православные философы резко расходятся с коммунистами. В. В. Зеньковский пишет: “Никто, изучавший Спинозу, не сможет отрицать глубокого и подлинного религиозного чувства у него, подлинности его мистического устремления к Богу”. А из истории русской философии известно, что один из виднейших русских религиозных философов прошлого — В. С. Соловьев (1853–1900) — “от нигилизма и материализма освободился, по собственному признанию, — под влиянием Спинозы”; И только в этой непримиримости и “одержимости” религиозным миропониманием (у православных мыслителей — в ключе апологии, у богообречев — в ослеплении идеей ниспровержения религии) эти два крыла парадоксальным образом примираются: «Прямо противоположны те догматы, которые исповедует одно и другое из преобладающих русских философских течений. Одно есть движение религиозной мысли, другое идет против Бога. Но в области формальной и психологической есть между ними и сходства. В корне различно содержание той веры, которой придерживается одно и другое течение. Но вера есть и в одной, и в другой. Если говорить терминами европейских социологов XIX века, то эту мысль можно выразить формулой, что современная русская философия, в лице обеих своих группировок, живет в “эпохе веры”»²⁴⁶.

Тем не менее, это есть мнимое, или неподлинное единство. В русской культуре оно формируется принудительно, просто на основании того, что русская стихия изначально существует как религиозная, то есть призванная служить высшим ценностям. В случае материализма это служение и религиозность поняты извращенно. Евразийство же есть поиск гармонии и единства расколотой надвое русской культуры, русской философии и литературы, русского мировоззрения вообще. Построить непротиворечивую мировоззренческую систему, в которой был бы преодолен «русский раскол», —

²⁴⁶ Савицкий П. Н. Русская философия в пореволюционный период. Указ. соч. ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 213.

и было задачей евразийства, как ее понимал Савицкий. Об этом он писал Л. Н. Гумилеву в письме от 10 февраля 1964 г.: «Цель же нашей научной работы (извините, что говорю сразу за нескольких), в одном из ее поворотов — это создание или построение “картины-системы”. Под этим понятием я подразумеваю объединение многоного, иногда бесконечно многоного — в одном, но емком, собирание разбросанного воедино, точнейшее определение (по Вашему слову) “что к чему”. Начертание “картины-системы” исследуемых явлений было методом целого ряда моих как исторических, так и географических и даже философских работ. Мне кажется, что понятие “картины-системы”, или, говоря по-иному, структуральный подход к проблемам в лингвистике — это особенно ярко представлял мой незабвенный великий друг Николай Сергеевич Трубецкой»²⁴⁷.

Русские ослаблены этим расколом и двуполярностью, и потому не могут ни понять, ни принять себя. Самоотрицание русских — самая большая трагедия России. Об этом много и убедительно писал Н. С. Трубецкой, обращаясь к психологическим и культурологическим материалам. Савицкий больше констатировал раскол, обращаясь к излюбленному им жанру — обзорам. Каталогизируя философский, литературный и любой другой материал, он делает на основании своего обзора вывод о *внутренней структуре явления*. Гораздо меньше он пишет, в отличие от Трубецкого, о причинах появления именно такой — двуядерной, двуполярной структуры русской культуры. Этот подход заметен практически во всех его работах. Стоит вспомнить и его раннюю Теорию империи, согласно которой матрица русской имперской государственности образовалась из слияния украинской (киевской) и русской (московской) государственных образований. По времени это совпадает с церковным расколом 1666 г. и формированием европеизированной знати, из которой потом выделится и европеизированная, «страшно далекая от народа» русская интеллигенция. Савицкий не писал о том, что слияние этих двух ядер

²⁴⁷ Письмо П. Н. Савицкому к Л. Н. Гумилеву от 10.02.1964. Архив Музея-квартиры Л. Н. Гумилева в Санкт-Петербурге (не описано).

Украины и Московской Руси породило раскол, который разросся до внутренней катастрофы самоотрицания, хотя Трубецкой прямо связывал эти процессы. Вопрос, конечно, намного более глубокий, чем это представлялось и Трубецкому, и Савицкому. Но они верно поняли основные узлы русской трагедии.

В статье «Два мира» (1922), которая посвящена, в основном, анализу уже упомянутого раскола на материале русской литературы и русской общественной мысли, Савицкий говорит также о выходе России «из рамок современной европейской культуры»²⁴⁸, что практически и означает начало выхода из зазеркалья «двумирности». Русский европоцентризм и европопоклонство, поразившие Россию после Петра Великого, не причина раскола, но его самый верный признак, а также катализатор внутренних процессов, которые уже до эпохи Петра I тлели в глубинах народной души. В основе раскола — свобода выбора добра или зла, служения высшим духовным идеалам или низшим, материалистическим. В этом смысле причина русского раскола — безосновна, она опирается на процессы, которые сами не детерминированы. Внутри России — непреодоленный раскол между Достоевским и Писаревым, между Гоголем, Хомяковым, Леонтьевым, с одной стороны, и — Добролюбовым, Белинским и Михайловским, с другой. Кроме того, нужно было поставить вопрос о русской народной психологии: почему получилось так, что приняв европейскую культуру, русская интеллигенция с таким презрением, граничащей с ненавистью, отнеслась к собственной стране, ее истории и культуре? На этот вопрос до сих пор нетнятного ответа, хотя евразийцы эту проблему поставили, внесли в поле научно-практической дискуссии. В конце статьи Савицкий обращается к экономике. Выход из рамок европейской культуры может состояться, полагает он, только если в России будет сформирована своя экономическая модель, которую он назвал «подчиненная экономика». Без опоры на эту экономическую модель Россия обречена быть «задворками Европы» во всех отношениях.

²⁴⁸ Савицкий П. Н. Два мира / Евразийство: Исход к Востоку. Кн. 1; На путях. Кн. 2; Евразийский временник. Кн. 3. СПб.: Лимбус Пресс, 2022. С. 173.

20. Первая экономическая теория Савицкого

Экономическая тема долго не давала Савицкому покоя. Собственно, этой теме была посвящена его диссертация, которую он писал до конца 1918 г. — «Метафизика хозяйства и опытное его познание». Известно, что диссертация была дописана, и даже готовилась к публикации, но, в конце концов, сам Савицкий отказался от этого: «Если найдете возможным, дайте отзыв Чупрову относительно печатания (или не печатания) моей диссертации. По характеру моих настроений настоящего момента, менее, чем когда-либо, я стою за печатание»²⁴⁹, писал он П. Б. Струве, своему научному руководителю, в 1920 г. Он неоднократно возвращался мыслью к концепции своей диссертации. Савицкий утверждал, что «воинствующий экономизм» Запада, когда экономика, прибыль, деньги, материальные ценности вообще, ставятся во главу угла и разлагают общество, противостоит русской экономической модели, при которой экономика подчинена высшим ценностям, поставлена ниже, чем чувство долга, честь, вера в Бога, обязанность перед семьей и Отечеством. Россия должна придерживаться модели подчиненной экономики, следовать интересам «общего блага», а не отдельным капиталистам-рвачам. Вероятно, эта тема так и не получила у Савицкого проработку до конца в 1920-е гг., потому что диссертация была задумана еще в доевразийский период.

Тем не менее, этим идеям он посвятил статью «Хозяин и хозяйство»²⁵⁰. В статье Савицкий не только разрабатывал основы нового, религиозно-этического отношения к хозяйственной, экономической деятельности, но и осуществил поиск альтернативной русской терминологии, взамен западной (тут могло оказаться влияние отца и собственные поэтические опыты — Савицкий

²⁴⁹ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 324. Л. 8.

²⁵⁰ Савицкий П. Н. Хозяин и хозяйство // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925.

очень любил изобретать новые слова). Эта статья является первой попыткой построения евразийской экономической модели и евразийской экономической философии, как, в свое время опыт экономической философии предпринял будущий священник, а тогда разочаровавшийся марксист — С. Н. Булгаков, в книге «Философия хозяйства» (1912). То, что удалось философу С. Н. Булгакову, не вполне удалось Савицкому, который профессиональным философом не был. Тем не менее, статья «Хозяин и хозяйство» во многом интересна, и открывает горизонты для будущей экономической евразийской модели (ее Савицкий создаст уже в альянсе с Н. Н. Алексеевым). Савицкий сделал несколько подходов к той теме, опубликовав статью «Хозяйство и вера» (Руль. 1921. 5 ноября. № 295) и «Метафизика хозяйства» (Сборник статей, посвященных П. Б. Струве ко дню 25-летия его научно-публицистической деятельности. Прага. 1925). В 1922 г. Савицкий задумал написать эту работу под заглавием «Хозяйство благословенное», но потом решил остановиться на указанном выше варианте названия.

В статье Савицкий ищет аналоги западной терминологии в русских, им предлагаемых, терминах: «хозяин», «хозяйская воля», «хозяйский глаз», «добрый хозяин», «по-хозяйски», «хозяйское ценение», «хозяйнодержавие», «хозяйные категории» — что должно демонстрировать «личное начало в хозяйстве»²⁵¹, ведь «мир экономический есть некий особый мир бытий человеческой сферы»²⁵². Этому отношению противостоит западная экономическая модель, где главным принципом является извлечение прибыли — несмотря ни на что, и любыми средствами. Савицкий ставит вопрос именно о допустимости или недопустимости антиморальных средств для достижения целей и о самой постановке во главу угла прибыли как главном критерии успеха. Он утверждает, что если все продается и покупается, это, в философском смысле означает, что нет ничего уникального и незаме-

²⁵¹ Савицкий П. Н. Хозяин и хозяйство / Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч. С. 205.

²⁵² Там же. С. 211.

нимого: «Картина Рембрандта, например, материально (натурально) незаменима, но поскольку она продается, она становится “специфически заменима” определенным количеством валюты»²⁵³. Эти рассуждения идут в русле неомарксизма, Савицкий ставит вопросы, которые волновали русское общество предреволюционной эпохи. Этим явно выдается «ранее происхождение» основных идей статьи: вопрос о ценности человеческого труда, об эксплуатации человека человеком, о справедливом или несправедливом распределении произведенного продукта, о капитализме, как обществе, где разрешено все капиталисту, если он получит выгоду в 300 %

Для предреволюционной России статья Савицкого могла бы стать крайне популярной, а сам Савицкий мог бы прослыть русским оригинальным неомарксистом, или, на худой конец, оригинальным критиком марксизма. Но в 1925 г., когда статья вышла, она по темам и по самому духу несколько устарела, хотя мысли, в ней изложенные, самобытны и даже не утратили определенной актуальности и в наши дни, как, собственно, не утратил своих позиций и марксизм, как философское течение. «Капитал» Маркса был признан одной из самых продаваемых западных книг, наряду, конечно, с такими вершинами западной мысли, как Ницше, Гегель и Кант. Но, тем не менее, реакция на Маркса в 1925 г. у Савицкого была все же несколько запоздалой.

Статья «Хозяин и хозяйство» заканчивается неожиданным переходом к географической теме. Савицкий цитирует географа В. В. Ламанского (не путать с отцом — историком, славистом Владимиром Ивановичем Ламанским, автором концепции «Трех миров Азийско-Европейского материка»), который тоже искал русские аналоги западным терминам. В лесоведении и почвоведении это было крайне продуктивно. Дело в том, что обе эти сферы развивали по преимуществу русские учёные, которые и ввели в научный оборот народные названия «рамень», «согра», «бор», «субор» и т. д., за неимением западных терминов. А учёные Запада, в свою очередь,

²⁵³ Савицкий П. Н. Хозяин и хозяйство / Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч. С. 212.

были вынуждены брать уже готовые русские термины (например, «тайга»), за неимением собственных. В экономике вышло с точностью до наоборот: эта наука впервые в развитой системной форме возникла на Западе, и была доведена там до высокого научно-практического уровня, а русским экономистам приходилось брать готовые западные термины, что и вызывало досаду у Савицкого. Он предлагал в экономике идти путем, которым шло русское почтоведение, и отказавшись от западных терминов, придумать свои.

Этот неожиданный переход от экономической темы к географии и почтоведению показывает, в частности, что разработка темы «русской экономики» была к 1925 г. у Савицкого исчерпана, он шел уже к теме географического обоснования евразийства, что будет главным поворотным пунктом его идейной эволюции. До 1925 г. Савицкий еще использовал старые темы и наработки, но около 1925 г. начинается новый, географический и отчасти исторический (историософский) этап его идейного развития. В ранней декларации «Евразийство» 1925 г. (не путать с текстом «Евразийство (опыт систематического изложения)», автор которого — Л. П. Карсавин) Савицкий затронул экономическую тему буквально в нескольких предложениях, которые суммируют его ранние взгляды на этот предмет: «Экономическая философия европейских “новых веков” противоположна этим воззрениям. Не всегда прямыми словами, но чаще основами мировоззрения, новая экономическая философия утверждает круг экономических явлений как нечто самодовлеющее и самоценное, заключающее в себе цели человеческого существования... <...> выступая в качестве эмпирической науки <...>, новая политическая экономия в целом ряде своих положений влияла на умы и эпохи как метафизика... подобно тому, как экономические идеи древних законодателей, философов и богословов связаны с определенными метафизическими представлениями, связанными с ними и экономические идеи новейших экономистов. Но если метафизика первых была философией “подчиненной экономики”, метафизика вторых является философией “воинствующего экономизма”»²⁵⁴.

²⁵⁴ Савицкий П. Н. Евразийство / Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч. С. 196.

Эта цитата показывает суть его ранней экономической теории, которая является *еконософией*, выдвигающей два антиномических начала — подчиненная (высшей идее) экономика и воинствующий (против духовного мира и за утверждение материализма и атеизма) экономизм. Первое начало он ассоциирует с русской экономической моделью, как она складывалась на протяжении XVII — нач. XX вв., второе — с западной экономикой, а также западным образом жизни и образом мышления, как он сложился примерно в это же время.

Свое процветание Европа купила дорогой ценой — отказа от духовно-нравственной, религиозной картины мира, в которой все связано со всем (отсыл к концепции «Единства мироздания», о которой — ниже) тончайшими законами и закономерностями, энергиями (слово, которое часто употреблял Савицкий) и идеями. В центре религиозно-метафизической («благой метафизики») картины мира — фигура доброго хозяина или хозяйствующей личности. Именно за это Савицкий перестал любить Европу, хотя ранее очень любил ее: «я любил Европу; но поистине я ее больше не люблю; не хочу и не допущу ненависти в сердце мое; но уж не мой голос твердит в сознании: *Europam delendam esse* («Европа должна быть разрушена» — лат.) ...»²⁵⁵. По Савицкому, Европа как цитадель воинствующего экономизма и атеизма должна быть разрушена. Этот призыв вполне совпадает с воззваниями Н. С. Трубецкого: Европа как глобалистская цивилизация, поглощающая иные культуры, лишающая мир индивидуальности, подлинного культурного разнообразия, и вместо этого насаждающая атеизм и жажду материальных благ — должна быть разрушена.

Одновременно Европа, как христианская цивилизация, как центр культуры оригинальной и европейской (не глобалистской), как наследница Средних веков и Возрождения, никаких возражений у евразийцев не вызывала. Важно вдуматься в эту мысль, которая, как правило,

²⁵⁵ Письма к П. П. Сувчинскому от 03.05. 1922. / Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 266. Курсив автора.

понимается многими исследователями неверно: *евразийцы боролись не против Европы, но против глобализма, против Европы как инструмента глобалистской повестки, которую Трубецкой назвал «кошмаром <...> всеобщей европеизации»*²⁵⁶. Протест Савицкого против Европы носит религиозно-метафизический и философский характер. Приняв воинствующий экономизм как основу жизни, западный человек движется к утрате личного начала, к отрицанию личности, к отрицанию Бога. Таким образом, первая, ранняя (1919–1925) экономическая концепция Савицкого была не столько экономической теорией, сколько философией экономики (эконософией). Осмыслив эту философскую идею, воплотив ее в тексты, Савицкий для себя как бы исчерпал эту тему, и ему нужно было двигаться дальше.

Евразийство коллективное (к которому Савицкий присоединяется в 1920 г.) принесло новые темы, было неким откровением, вспышкой сознания в момент крушения Российской империи, имело, на первых порах, выраженный религиозный оттенок. Старые наработки не вмешались в новое мировоззрение, хотя Савицкий очень старался удержать свою первую экономическую тему. По сути, основное ядро его диссертации вместилось в упомянутую статью «Хозяин и хозяйство» (1925), которую Трубецкой и другие евразийские лидеры посчитали неудачной: «<...> он сам (П. Н. Савицкий — К. Е.) признает, что та единственная статья, которую он написал в этот период своей жизни (хозяин и хозяйство), самая неудачная из всех его статей (неудачность происходит, помоему, от того, что она сентиментальна, а это стоит в связи с его состоянием в этот период: весь его пафос был направлен на суетливое метание патетического активизма, а на статью подлинного пафоса не хватило, и пришлось заменить его ложным пафосом, — те есть сентиментальностью)»²⁵⁷, — писал Трубецкой в письме

²⁵⁶ Трубецкой Н. С. Европа и человечество / Трубецкой Н. С. Собрание сочинений. Т. I. Евразийские статьи. М.: Издательство Перо, 2021. С. 87. Курсив наш — К. Е.

²⁵⁷ Письмо Н. С. Трубецкого П. П. Сувчинскому от 14.10.1925. / Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому. Указ. соч. С. 137–138.

от 14.10. 1925 г. Сувчинскому. В статье Савицкого, как верно отметил Трубецкой, отчетливо просматриваются черты ранней, не оформленвшейся до конца, в чем-то еще наивной («сентimentальной») мысли.

В 1923 г. начинают выходить «Евразийские временники». В первом временнике Савицкий публикует идеократическую (по сути — идеологическую) статью «Подданство идеи», из которой позже вырастет евразийская идеократия и эйдология. Савицкий чувствовал себя довольно свободно на почве политической философии, он был прирожденный вождь и идеолог — пламенный, эмоциональный, убежденный. Он впервые говорит о евразийской идее как о преемнице и наследнице коммунизма. Евразийская идея должна по размаху превзойти коммунизм. Будут идеи — будут и личности, поскольку именно идея правит мировым процессом (концепция «идеалоправства»). Русские должны стать подданными Идеи-правительницы, поскольку после разрушения Российской империи они потеряли, собственно, подданство как таковое, став скитальцами, эмигрантами. Смысл же идеи-правительницы — в утверждении «русского национализма». Савицкий оговаривается, что русская идея есть вселенская, вмещающая мировые просторы, и, одновременно, она сосредоточена на самой себе: «Имеют высокую настоятельность *прикладнические* заданья реалистической и упорной, сознательно собранной и целесообразно рассчитанной русской национальной работы»²⁵⁸.

Под «прикладническими заданиями» Савицкий понимал новую экономическую модель, которая могла бы противостоять как капитализму, так и коммунизму, с его обобществлением и воинствующим коллективизмом. Савицкий был сторонником идеи сочетания частного и государственного начал в экономике. Согласно этой концепции, все ключевые отрасли (металлургия, железные дороги, военная промышленность) должны быть отданы под контроль государства, в этих сферах

²⁵⁸ Савицкий П. Н. Подданство идеи / Евразийство: Исход к Востоку. Кн. 1; На путях. Кн. 2; Евразийский временник. Кн. 3. Указ. соч. С. 415.

недопустим частный капитал и частная собственность. Мелкое же производство, сфера обслуживания, бытовая торговля и т. д. должны быть областью частной инициативы. Для своей системы он оговаривает массу подробностей — как именно в эту концепцию может вписаться сельское хозяйство, как должна происходить капитализация и инвестиции, торговля с другими странами, товарооборот, разведка полезных ископаемых и т. д.

21. Обзор основных результатов ранней евразийской мысли Савицкого (1919–1925 гг.).

Подводя предварительные итоги формирования ранней (1919–1925 гг.²⁵⁹) евразийской мысли Савицкого, следует отметить, что мы имеем здесь сплав его интересов к древнерусскому и украинскому зодчеству с мощным влиянием европейской экономической и политологической мысли, той выучки, которую Савицкий прошел в Санкт-Петербурге в годы студенчества. Этот последний компонент его мировоззрения принято именовать «струвизмом» по имени его учителя и покровителя в Санкт-Петербурге П. Б. Струве.

Через Струве он получил возможность пройти также ценный опыт дипломатической службы. По его рекомендации он был направлен в довольно раннем возрасте сначала в Христианию (Осло, Норвегия), где способствовал заключению двух торгово-политических соглашений в сентябре и декабре 1916 г. Потом, в годы Гражданской войны, в правительстве сначала Деникина, потом Врангеля он также получал дипломатический опыт: «Осенью 1918 г. <...> я, по предложению бывшего своего учителя по институту профессора Струве, приехал в Ростов, занятый деникинскими войсками, и поступил добровольцем на службу к Деникину, чтобы принять участие в борьбе с советской властью. Так как я был нестроевым, то я принял предложение Струве, который был у Деникина членом Особого совещания, войти в качестве эксперта по экономическим вопросам в делегацию, которая отправлялась от деникинского правительства в Соединенные Штаты Америки для того, чтобы наладить связь с Америкой <...>. В составе этой делегации я доехал до Парижа. Здесь мы получили телеграмму от Деникина... Обратно я

²⁵⁹ Нужно оговорить, что указанный период разбивается на два подпериода: 1919–1921 гг. — время формирования евразийства Савицкого и 1921–1925 гг. — участие Савицкого в «коллективном евразийстве».

приехал в Константинополь, к этому времени Деникин советской властью был разбит, его сменил Врангель. Профессор Струве был у Врангеля министром иностранных дел и предложил пост начальника экономического отдела департамента внешних сношений врангелевского “правительства”. Я согласился, и до эмиграции из Крыма занимал этот пост»²⁶⁰. Исходя из этого свидетельства самого Савицкого, стоит обратить внимание на то, что он не был к 1921 г. просто незрелым, ни в чем не разбирающимся мечтателем, как об этом любят писать некоторые исследователи (не говоря уже о критиках евразийства 1920-х гг.), но человеком, имеющим довольно серьезный политический и дипломатический опыт.

Первую, раннюю, малороссийскую основу его мировоззрения трудно обозначить единым емким словом (таким, например, как «струвизм»), поскольку она включает в себя и общерусские впечатления от поездок в Крым, Владимиро-Сузdalскую землю, Ростов, Ярославль и другие города, в которых его внимание, в первую очередь, привлекали памятники древнерусского зодчества. Таким образом, эта ранняя, дострувинская, древнерусско-архитектурная мировоззренческая основа связана, в первую очередь, с архитектурными впечатлениями о Руси домонгольской, периода раздробленности и времени Московского царства, а также первыми научными занятиями с опорой на этот материал. Большую роль играла здесь и в огромном количестве бессистемно прочитанная литература, в которой самое большое впечатление на него произвели хроники русских открытий, путешествий, научных экспедиций и достижений русских ученых. Стоит также упомянуть, что большое значение для Савицкого всегда имела русская литература и поэзия, которую он знал и изучал практически на профессиональном уровне (то есть анализировал, систематизировал, применял к ней свою собственную евразийскую литературоведческую теорию).

²⁶⁰ Лубянка против евразийцев / Русское зарубежье: история и современностью. М., 2014. С. 194–195.

«Струвизм» в основе мировоззрения Савицкого означает, не в последнюю очередь, упорядоченность этого огромного каскада материалов и ранних впечатлений, их систематизацию. Годы революции и Гражданской войны сформировали понимание русской стихии как катастрофической, расколотой, эсхатологической. Это легло в основу его анализа литературы, поэзии, философии, культуры, науки и русской психологии вообще. На основе всего вышеперечисленного и под влиянием географических штудий, системных занятий географией, экономикой, почвоведением (этим Савицкий уже профессионально займется после 1925 г., когда окончательно расстанется с темой ранней диссертации и найдет тему для новой, посвященной географии и геософии), рождается и видение России как Евразии с опорой уже на конкретный географический материал.

Все эти впечатления, жизненный опыт, полученный к 25 годам (а это был трудный жизненный путь — через Первую мировую войну, две революции — либерально-кадетскую и большевистскую, Гражданскую войну, разрушение всех устоев жизни, гонение на Церковь, беженство, несколько лет существования на грани жизни и смерти), ранние научные труды, путешествия, учеба, дипломатическая служба и т. д., пронизаны, как некой основой, — живой, горячей религиозной верой. Именно она нашла себе выход и реализацию в момент подготовки сборника «Россия и латинство».

Таким образом, можно выделить *период созревания евразийских идей (1913–1919), раннее евразийство Савицкого в альянсе с другими основоположниками (1920–1925), переходный период (1926–1927)*, который был занят в теоретическом отношении, главным образом, доработкой диссертации «Географические особенности России» (Прага, 1927), *период зрелой евразийской мысли (1927–1930)*, на который падает кламарский раскол. Далее последовал *период единонаучалия (1930–1939)*, когда Савицкий остался единственным лидером — основоположником евразийства, возглавившим движение, разросшееся на многие страны Европы.

В целом, эта схема во многом соответствует аналитическому описанию и оценке, которую сам Савицкий дал генезису своего мировоззрения в письме к Ф. И. Успенскому, отвечая на его вопрос: «“путем каких влияний и размышлений” довелось прийти на нынешний путь исторических изысканий»²⁶¹. В письме Успенскому от 01.05.1928 г. он писал: «Скажу так: огромное значение имело *вживание* в исторический образ Европы. То, что неясно было *посетителю*, стало ясно *жильцу*²⁶²: иноприродность (по сравнению с русским) тех начал, из которых выросла и которыми поныне определяется историческая жизнь Европы. По контрасту, мысль невольно обратилась к тем принципам, на которых построено существование российского мира. В числе важнейшего, мысль обратилась к татарским столетьям России, в их конструктивном значении. Явственному ощущению тех корней, которые связаны с Византией, очень способствовало *длительное пребывание на Ближнем Востоке*. Кроме того, сама современность, своим объективным составом (совершенно независимо от тех или иных оценок), двигала к уяснению *особенности русской судьбы*, иными словами, основным влиянием было влияние жизни. Сопоставления со славянофилами пришло позднее (в 1921 г. только Г. В. Флоровский был с ними сколько-либо подробно знаком). Что касается меня лично, то, как ни странно, к евразийской концепции России я пришел от экономической географии и вопроса о развитии производительных сил (это и есть моя первая специальность). Еще на первом курсе Политехникума (в 1913 г.) я пришел к убеждению (в каковом остаюсь и поныне), что экономическое будущее России есть евразийское будущее. <...> Когда в 1922 г. возобновил лектуру²⁶³, то убедился, что великие монгольские

²⁶¹ Письмо П. Н. Савицкого Ф. И. Успенскому от 01.05.1928. / Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч. С. 575.

²⁶² То есть, одно дело только посетить Европу, другое дело — жить в ней на постоянной основе.

²⁶³ Первые пробные лекции П. Н. Савицкий прочел в декабре 1922 г., получив место приват-доцента Русского юридического факультета в Праге.

ханы в своей имперской политике выражали те самые необходимости, на которые я натолкнулся при изучении естественных производительных сил современности. Значение в генезисе современной России домонгольских степных культур и держав выяснилось для меня только в 1926–1927 гг. в процессе совместной с Н. П. Толлем работы»²⁶⁴.

Савицкий выделил следующие этапы становления своего евразийского мировоззрения: 1913–1919 гг. — пришел к выводу о евразийском, как единственно возможном пути для России, учитывая экономические и политические реалии времени. К этому же времени относится близкое знакомство и даже, как он пишет «вживание в исторический образ Европы», что, в итоге, дало эффект отторжения: «По контрасту мысль невольно обратилась к тем принципам, на которых построено существование российского мира. В числе важнейшего мысль обратилась к татарским столетиям России, в их конструктивном значении»²⁶⁵.

Итак, раннее развитие имело вехи: близкое знакомство, вплоть до «вживления», с Европой, осознание чужеродности ее «начал» для России, поиск собственных, русско-евразийских истоков и принципов, которые обратили мысль к ранним «татарским» столетиям, периоду становления Московского царства; период 1919–1921 гг. — путешествия, «длительное пребывание на Ближнем Востоке»²⁶⁶, во время которого Савицкий увидел тесную связь России с Византией, а прежний опыт получил кристаллизацию и оформление, что привело к «уяснению особенностей русской судьбы»²⁶⁷. Савицкий подчеркнул, что до 1921 г. его евразийство складывалось *вне* влияния славянофильской доктрины²⁶⁸, знакомство с

²⁶⁴ Письмо П. Н. Савицкого Ф. И. Успенскому от 01.05.1928. *Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч.* С. 575–576.

²⁶⁵ Там же. С. 575. Курсив автора.

²⁶⁶ Там же. С. 575–576. Курсив автора.

²⁶⁷ Там же. Курсив автора.

²⁶⁸ В статье «Два мира» (1922), посвященной двум традициям русской культуры — «вероучительной» и атеистической, к первой

которой произошло позже, уже в период эмиграции, скопее всего, благодаря Флоровскому, который «в 1921 г. <...> был с ними сколько-либо знаком»²⁶⁹. Во всяком случае, знакомство с Н. Я. Данилевским состоялось у Савицкого около 1924 г.²⁷⁰, после чего он включает его идеи, в первую очередь, о культурно-исторических типах, в свое мировоззрение и упоминает об этом в текстах, выделив Россию-Евразию как особый культурно-исторический тип («особый мир»).

В 1926–1927 гг. Савицкий приходит к осознанию важности для описания и уяснения генезиса «современной России» домонгольских культур (скифы, сарматы и т. д.). Позже, в статье 1944 г. Савицкий писал об этом так: «Евразийцы выставляют тезис: *евразийское государство есть общее дело евразийских народов*. Назовем здесь скифскую, гуннскую, монгольскую державу. Между народами Евразии, включая сюда и русский народ, могут устанавливаться и действительно устанавливаются отношения такого равноправия и братства, о котором нечего и думать в европейских колониальных империях»²⁷¹. Фразу из письма Успенскому от 1928 г. и статью 1944 г. разделяют 16 лет, причем лет непростых, статья написана на исходе Второй мировой войны. Тем не менее,

Савицкий отнес такие имена как: Гоголь, Достоевский, Вл. Соловьев, живописцы А. Иванов, М. Врубель, философы А. С. Хомяков и К. А. Леонтьев. Упомянуты также просто «славянофилы», без указания конкретных имен. Нетрудно увидеть, что этот набор имен, во-первых, довольно случаен и малочисленен, во-вторых, выбор Вл. Соловьева и Достоевского был сделан не без влияния Г. В. Флоровского. После 1922 г. Савицкий приступил к личному ознакомлению с текстами «вероучительной» традиции, хотя, несомненно, Гоголя он читал и до этого, так же, как и лично внимательно изучал фрески Киевского Кирилловского монастыря, где работал М. Врубель.

²⁶⁹ Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч.

²⁷⁰ В письме от 05.11.1924. Савицкий просит привезти Сувчинского книгу Н. Я. Данилевского (См.: Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 405.). В 1927 г. в работах Савицкого появляются первые упоминания имени Н. Я. Данилевского («Географический обзор России-Евразии»). Шпенглера, к примеру, Савицкий упомянул уже в статье 1922 г. «Два мира».

²⁷¹ Савицкий П. Н. Евразия. ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–8.

мысль, высказанная Савицким в 1928 г. получает развитие и дальше, что говорит о цельности мировоззрения Савицкого, неизменности его евразийства. Оно по существу не менялось, а только прирастало новыми идеями: «По сравнению с вами я совершенно элементарен. Как из одной глыбы высечен. Что думал 55 лет тому назад — то думаю, по существу дела, и сейчас. И чувства не изменились»²⁷², писал он в письме от 30 сентября 1959 г. Н. Н. Алексееву.

Написав письмо Успенскому в мае 1928 г., Савицкий, конечно, не мог с точностью предвидеть ни свое дальнейшее идейное развитие, ни грядущие события. Кроме того, он написал письмо византологу Успенскому, подчеркивая византийские и архитектурные истоки своего мировоззрения, чтобы найти с ним общий язык. Он хотел наладить с ним сотрудничество для Семинария им. Н. П. Кондакова, в котором принимал непосредственное участие, был одним из трех его директоров-распорядителей. Уже исходя из более целостной картины, которая вырисовывается на расстоянии, с высоты прошедших лет, можно составить как хронологию и историю становления евразийства, так и идейного развития Савицкого после 1928 г. 1930-е годы были невероятно продуктивными, несмотря на многие сложности, постигшие семью Савицкого, да и всю Европу, которая постепенно скатывалась ко Второй мировой войне. О послевоенном периоде евразийского творчества Савицкого мы скажем в свое время.

²⁷² Цит. по: Мелих Ю. Б. «Старый патриотизм, переориентированный на новую Россию»: евразийство П. Н. Савицкого. Указ. соч. С. 125.

22. Поздние экономические взгляды Савицкого (1925–1939) и переход к следующей фазе идейного развития

В первом евразийском сборнике «Исход к Востоку» Савицкий поместил статью «Континент-океан (Россия и мировой рынок)», в которой, описывая экономическую конъюнктуру, использовал различные термины, подыскивая емкий и наиболее подходящий: «расстояние», «масштабы», «пространства», «образования», «континент-океан». В статье Савицкий находит первый рабочий термин для описания пространств Евразии: «континент-океан». Это определение является пробным, заимствованным скорее из области поэзии, которой увлекался Савицкий, но рассчитывать на его длительное использование в качестве научного, рабочего термина не приходилось. Сопоставляя расстояния и издержки при продвижении товара, Савицкий приходит к выводу о параллелизме нескольких важнейших явлений: климата, рельефа местности, экономических данных. В дальнейшем он будет делать сопоставления и параллельные графики различных характеристик, в том числе относящихся к культуре, географии, истории. Основной вывод статьи состоит в том, что, поскольку Россия не имеет выхода к незамерзающим теплым морям, она будет не конкурентоспособной на мировом рынке, по сравнению с морскими и океаническими державами, поэтому она должна иметь особую континентальную экономику.

В статье он вводит понятие, заимствованное из немецкой литературы — Hinterland (срединная земля, центр). Hinterland организует вокруг себя периферии: «чем обширнее Hinterland, чем разнообразнее в экономическом отношении составляющие его области, — тем определительнее такая связь приморских районов со своим Hinterland'ом»²⁷³. Hinterland — континентальная держава, такая как Россия, Китай, США. Именно этим

²⁷³ Савицкий П. Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок) / Савицкий П. Н. Россия особый географический мир. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 17–18.

странам, согласно Савицкому, принадлежит будущее. Hinterland — континентальный центр, организующий периферию, то есть небольшие приморские и приокеанические государства, которые являются странами-спутниками больших держав. Ранее государства, господствовавшие на мировой арене с эпохи Великих географических открытий, были странами океаническими, они контролировали мировую торговлю и экономику через водные пути. Теперь, полагает Савицкий, изменяется историческая конъюнктура, и на первый план выходят страны континентальные. Между Hinterland'ом как новой выступающей на мировой арене силой, и бывшими океаническими державами (в первую очередь — Великобританией) разворачивается борьба за влияние на страны-спутники. Hinterland стремится к автаркии, чувствуя невыгодность конкуренции с океаническими державами. Россия, как писал Савицкий в 1920 г., стремится к автаркическому режиму, но в условиях экономического послереволюционного разорения это было бы «безумием», поскольку к разоренной стране «“притягиваться” — нечему!», то есть другие страны не тянутся к разоренной России, но как только ситуация наладится, это притяжение — неизбежно.

Тезис Савицкого о России как о Hinterland'e для прилегающих земель, конечно, находит параллели с концепцией «Хартленда» (Heartland — сердцевина, срединная земля) Х. Маккинdera. Совпадения могут быть случайными, во всяком случае имя Маккинdera Савицкий ни разу не употребил ни в своих работах, ни в письмах, ни в архивных записях, насколько мы могли изучить этот материал к настоящему времени. Существенных экономических выводов в этой ранней статье Савицкий не делает, ограничившись, по сути, констатацией фактов — *Россия это Hinterland, она есть континентальная держава, при попытке конкуренции с морскими и океаническими странами она попадет в экономическую зависимость, ей необходима особая, континентальная, тяготеющая к автаркии экономика. Hinterland обладает как бы магнитической силой притяжения для более слабых и территориально меньших окружающих его стран.*

Hinterland'ов — континентальных массивов-стран может быть несколько. Главная конкуренция в ХХ в. развернется между Hinterland'ами, а не между морскими державами, как это было в предшествующее время, в эпоху господства Британской империи — владычицы морей. Контуры этой особой континентальной экономики Савицкий опишет позже.

Эта статья является важнейшим итогом предъевразийского и начального евразийского мировоззрения (1913–1921), сложившегося у Савицкого еще до того, как он стал частью евразийской группы в Софии. В первом «Евразийском временнике» (Кн. 3) Савицкий поместил статью «Производительные силы России»²⁷⁴, в которой обсуждается необходимость индустриализации и дается раскрытие «хозяйственно-географического образа России»²⁷⁵. Во втором «Евразийском временнике» (Кн. 4, Берлин, 1925) Савицкий поместил уже упомянутую статью, которую писал на протяжении нескольких лет, но которая ему не вполне удалась: «Хозяин и хозяйство». Эта статья, как уже было сказано выше, является кульминацией ранних экономических взглядов Савицкого. Савицкий не был удовлетворен этой статьей, в частности, он помещает в «Евразийской хронике» статью А. М. Мелких «К вопросу об экономической доктрине евразийства (в порядке обсуждения)»²⁷⁶, содержащую критику работы «Хозяин и хозяйство» с приложением своих примечаний. В примечаниях он еще раз обговаривает свою концепцию, стараясь сделать ее понятной для других, и, как кажется, поставить точки над i для самого себя.

Стоит также отметить любопытный факт. Савицкий, который по базовому образованию был все-таки

²⁷⁴ Эту статью не стоит путать с ранней (1916 г.) статьей Савицкого «К вопросу о развитии производительных сил». Схожесть названий выбрана Савицким не случайно. Статья 1923 г. тематически во многом продолжает статью 1916 г., но уже с учетом реалий пореволюционной России и произошедших в мире изменений.

²⁷⁵ Савицкий П. Н. Производительные силы России // Евразийство: Исход к Востоку. Кн. 1; На путях. Кн. 2; Евразийский временник. Кн. 3. Указ. соч. С. 514.

²⁷⁶ Савицкий П. Н. К вопросу об экономической доктрине евразийства // Евразийская хроника. Париж, 1926.

экономист и статистик, хотя и рано начал работу над экономической географией, а также увлекся политической мыслью, крайне недостаточно привнес в евразийство *собственно экономических идей*. Он жаловался, что экономика — западная наука, иссушающая душу («экономика — учение подлинно романо-германское; в этих занятиях как-то отрываешься от мистического, сверхданного корня жизни (который, по моему глубокому убеждению, составляет, между тем, основной источник хозяйственной, как и прочей деятельности людей!), и в сердце рождается ожесточение»²⁷⁷) экономика для него — бремя, он как будто заставляет себя заниматься ею вопреки своему внутреннему стремлению. По средам он вел в своей Пражской группе экономический семинар, с сентября 1925 г. начал читать курс «История экономических учений». И тем не менее чистая экономика внутренне, интимно остается как будто не его призванием. Савицкий больше тяготеет к философии экономики, чем к экономической науке как таковой. Страсты, тяги к экономике у Савицкого не было, о чем можно судить и по количеству статей, написанных «в стол», сохранившихся в его архиве. Статей или заметок, посвященных экономике, там крайне мало. Экономист, не любящий экономику — один из парадоксов личности Савицкого. Экономика была ему интересна больше как философская диагностика эпохи, чем сама по себе. Большой интерес он имел к статистике, очень любил составлять схемы, графики, сравнительные таблицы, чтобы на их основании делать обобщающие, историко-философские выводы.

Сравним, к примеру, количество ненапечатанных статей с точки зрения наличия в них экономических тем (берем статьи *рандомно* из каталога ГА РФ, Фонда П. Н. Савицкого): «Русская географическая наука. Исследовательские и научные планы» (нач. 1930-х гг.), «Опыт географии Украины» (1939), «К вопросу о русско-немецком научном сотрудничестве (заметки географа)» (б. д., 1930-е гг.), «Дальний Восток в Советской науке» (1937), «За творческое понимание природы русского

²⁷⁷ Письмо П. Н. Савицкого П. П. Сувчинскому от 03.05.1922. / Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 266.

мира» (1940), «Традиция и революция в советской России» (1936), «Русская жизнь 1917–1934 гг. в зеркале художественной литературы» (1934), «Русская история в изображении Г. В. Вернадского» (1933), «Русская философия в пореволюционный период. Ч. I. Спор «механистов» и «деборинцев». Ч. II. Две традиции» (1932), «Самобытность и независимость отечества — превыше всего» (1936), «Оборона России и эмиграция» (1930), «Основы geopolитики России» (1939), «Переворот в экономике, или очередной русский подъем?» (1932), «Краткая история русской промышленности» (ок. 1934 г.), «Евразийская концепция русской географии» (1930), «Евразийство» (1930), «Евразийство как научный замысел» (1933), «Евразийство как исторический замысел» (1933), «Хозяйственное строительство» (1936), «Что знали о Сибири европейцы в XIII и XVIII веках» (б. д., 1930-е гг.), «Экономика и археология» (б. д., 1930-е гг.), «Экономические планы евразийства» (1934), «Русское научное краеведение» (1932), «Северный морской путь в последние годы» (1936), «Сказания иностранцев о Сибири» (1933), «Советская историография евразийских народов. Ч. I, Ч. II» (1935, 1937), «Русские элементы в международной почтоведной terminологии» (1932), «Русский ампир в искусствоведении и искусстве» (1935), «Проблемы истории древнерусского зодчества» (1936), «Протопоп Аввакум на научном поприще» (1932), «Проблемы русской истории» (1933) и т. д.

В архиве Савицкого очень много статей (до сих пор неизданных на русском языке) по экономике, культуре, политике Советского Союза: «К оценке экономического положения СССР» (б. д.), «Маньчжурская проблема и СССР» (1932), «Советская книга в первой половине 1934 года» (1934), «Наиболее крупное в советской архитектуре. Братья Веснины» (1936), «На подступах к неонэпзу» (1932), «Народно-хозяйственные и социально-экономические проблемы современной России и принципы решения» (1939), «Новинки советской литературы по социологическим вопросам» (2-я пол. 1930-х), «Новое и старое в советской жизни» (1936), «Новый этап советской

работы в Арктике» (1937), «О темпах (русско-железнодорожное строительство)» (1935), «Памятники старины и искусства СССР» (1934), «Первая сессия Верховного Совета СССР» (1938), «Первый всесоюзный съезд советских писателей» (1934), «Писательский съезд в Москве» (1934), ««Подъем и “депрессия” в докапиталистическом обществе» (2-я пол. 1930-х гг.), «Проект конституции СССР» (1936), «Путеводители СССР как факт культуры» (1930-е гг.), «Пути советской географии» (б. д.), «Религиозный вопрос в СССР» (1930-е гг.), «Русский национализм и интернационалистическая реакция (VIII-й Всесоюзный съезд Советов и утверждение новой конституции СССР» (1936), «Русские открытия последних лет» (1932), «VII-й Всесоюзный съезд Советов и новый колхозный устав» (1935), «Советская историография евразийских народов. Ч. I. Ч. II» (1937), «Советская литература о древнерусском искусстве» (1938), «Социологический разрез стахановского движения» (1936), «Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль» (1930), «СССР в 1931 г.» (1932). Как видим, чисто экономических статей здесь немного.

Осознав тупиковость экономических концепций раннего периода, поскольку они были основаны на уже устаревшем материале, который дала Российская империя, а не СССР, Савицкий приступает к разработке новой экономической теории, учитывающей реалии советского времени, в частности, индустриализации и электрификации. В третьем «Временнике» (Кн. 5, Париж, 1927) Савицкий выступил со статьей «К вопросу о государственном и частном начале промышленности», в которой использовал уже новую концепцию «месторазвития» и идею о сочетании частной и государственной форм собственности и организации экономики. В целом, евразийская экономическая доктрина, которая была сформулирована около 1926–1928 гг. далее существенно не менялась. Основные ее контуры можно описать следующими положениями.

Савицкий доказывает, что в силу причин географического характера, в России сформировалась особая хозяйствственно-государственная модель: «Устойчивость

этатизма (государственного хозяйствования) в условиях России-Евразии нельзя признать *случайным явлением*. «Страна эта, помещенная между нередко враждебными ей странами Европы и Азии, с сухопутной границей огромного протяжения, которую нелегко защищать, принужденная бороться с большими трудностями экономического развития (суровая зима, огромные расстояния) может жить и развиваться только при наличии сильной и жесткой власти, принудительно организующей страну в целях социальных, хозяйственных и военных»²⁷⁸. Географические особенности России требуют наличия мощного государственного центра, что влечет повышенное значение столицы, кроме того, особенность России в том, что именно государство становится гарантом социального развития и защиты прав трудящихся, выступает основным заказчиком той или иной социальной политики. Попытки «переделать» Россию на другой лад, не учитывая ее географические реалии и веками сложившиеся традиции, приведут к экономическому развалу. Экономическая система должна быть государственно-частной системой хозяйствования или гармоническим сочетанием частного и государственного начал.

Экономическую тему Савицкий осветил также в статье «К проблеме индустриализации»²⁷⁹. Статья представляет собой извлечение из доклада, сделанного Савицким на Пражском евразийском семинарии. Доклад был написан на основе данных советской литературы — статистических сборников, обзоров, газет и т. д. Савицкий анализирует высказывания советских партийных лидеров, говорит о социалистическом строительстве и его перспективах. Статья интересна тем, что показывает увлечение советской действительностью как в пражской, так и в парижской евразийских группах, что происходило параллельно, только «парижане» страстно хотели стать

²⁷⁸ Савицкий П. Н. К вопросу о государственном и частном начале промышленности (Россия XVIII–XX веков) // Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927. С. 304.

²⁷⁹ Савицкий П. Н. проблеме индустриализации // Евразийская хроника. Париж, 1928.

частью этого «социалистического строительства», в то время как «пражане» старались критически проанализировать происходящее в СССР. Грань между тем и другим подходом была довольно тонка.

В 1932 г. вышла также книга Савицкого «Месторождение русской промышленности», о которой позже Савицкий с гордостью писал: «В ней я обобщил в “картину-систему” все имевшиеся к тому моменту данные об иско-паемых и гидроэнергетических ресурсах Советского Союза. Книга тогда же была одобрена основателем русской и мировой геохимии Владимиром Ивановичем Вернадским. Она была закуплена в массовом количестве для библиотек Советского Союза. На нее тогда же появилось несколько десятков хвалебных рецензий — на пространстве от Парижа до Харбина (напр<имер>, развернутая рецензия в «Вестнике Маньчжурии», писанная известным экономистом-геологом Э. Э. Амертом, высказавшем в ней пожелание, чтобы такие сводки были составлены и для других стран)»²⁸⁰. Позже Савицкий все большее внимание уделяет экономической статистике: «Мною же был написан отдел “Промышленность” в большом (более 700 убористых страниц) справочнике “Рёша — УССР”²⁸¹, выпущенном в Нью-Йорке. Он выдержал два издания — 1933 и 1938 годах, и был распродан до последнего экземпляра»²⁸². Статистическими сборниками по сельскому хозяйству и промышленности СССР Савицкий занимался вплоть до середины 1960-х гг.

В 1930-е гг. Савицкий довольно много печатается на иностранных языках, в частности, на французском (например, в 1931 г. на французском вышла его большая, около 120 стр., работа «Первая пятилетка СССР»). Переводы ему помогал делать его друг, русист из Сорбонны Жюль Легра (1866–1938). Также выходили его работы на

²⁸⁰ Письмо П. Н. Савицкого П. П. Сувчинскому от 12.11.1957. // Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 530.

²⁸¹ То есть «Russia — the USSR». В поздних письмах Савицкий использовал почти исключительно русскую кальку английских, немецких и других иностранных слов.

²⁸² Там же. С. 531.

чешском, немецком, датском, сербском, польском и даже на японском (1 публикация) языках. Статьи Савицкого на немецком и чешском языках — несколько десятков на каждом. С этой точки зрения его позиция в отношении Н. С. Трубецкого, который в 1930-е годы печатался на немецком и других языках, представляется совершенно непоследовательной. Савицкий позже многократно писал своим корреспондентам, что это непростительно («Я упрекал его за то, что собственные филологические работы он печатает по-немецки (эта его неметчина очень сидела у меня в печенках, как сидит и сейчас)»²⁸³). Вероятно, он имел в виду, что Трубецкой придавал этим работам слишком большое значение, в то время как для Савицкого они означали лишь расширение сферы его «миссионерского» влияния на иноязычную аудиторию. Тем не менее, факт остается фактом: печатаясь на иностранных языках, он почему-то считал для других русских эмигрантов это чем-то зазорным. Вообще, все, что писал Савицкий, было в расчете на отклик из России, он также надеялся оказать некое влияние на идущие в СССР процессы. Экономическая теория Савицкого после 1930 г. была уже полностью основана на данных о развитии промышленности Советского Союза.

Статья «К вопросу о государственном и частном начале промышленности» и программный документ «Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы» 1932 г. в части экономических утверждений совпадают. Савицкий утверждал, что государство должно владеть ключевыми отраслями, например, такими как горнорудная промышленность (хотя отбирать и ставить на руководящие должности толковых и талантливых управляемцев — прерогатива государства), машиностроение, железные дороги. Частная инициатива, основанная на частной собственности, должна удовлетворять нужды населения в связи с легкой промышленностью, сферой обслуживания, обеспечивать доступность повседневных

²⁸³ Письмо П. Н. Савицкого Н. Н. Алексееву, 1957 г. // «Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н. Н. Алексеева к П. Н. Савицкому (1957–1961). Указ. соч. С. 427.

услуг. Только при этом сочетании «государственное хозяйство и государственный план кладутся во главу угла. То и другое направлено: 1) на укрепление экономической независимости России — Евразии; 2) на обеспечение интересов трудящихся»²⁸⁴.

Декларация «Евразийство» 1932 г. также провозглашает, что «Евразийская государственно-частная система служебна в отношении интересов трудящихся. Частное начало признается в ней в функциональном порядке, т. е. поскольку оно выполняет определенную функцию по поднятию общего благосостояния и заполнению тех пробелов и прорывов в производстве и распределении, которые оставляет государственное хозяйство. По утверждению евразийцев, государственно-частная система наиболее продуктивна в экономическом смысле»; «В евразийской государственно-частной системе частные предприниматели являются не классом, а профессией, имеющей функциональный характер. Законодательство Евразийского государства должно быть направлено к обеспечению действительного проведения в жизнь этого положения»; «Частный сектор путем обязательного синдицирования организационно связывается с государственным и вводится в рамки планового хозяйства. Государственно-частная система, обеспечивая свободу хозяйственного самоопределения личности, не выходит в то же время за рамки планового хозяйства»; «Всем трудящимся обеспечивается свобода выбора хозяйственных форм и видов заработка. В частности, рабочим гарантируется свобода выбора между работой в государственном или частном предприятии, крестьянам — между работой в совхозе, колхозе или в своем единоличном хозяйстве. Крестьянам обеспечивается свобода перехода в рабочие, а рабочим — свобода такого же перехода в крестьяне»²⁸⁵.

²⁸⁴ Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. 1932. // Вестник Челябинского государственного университета. 2003; 2(3). С. 283.

²⁸⁵ Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. 1932. Указ. соч. С. 283–284.

Еще в статье 1927 г. «К вопросу о государственном и частном начале промышленности» Савицкий написал, что государственно-частная система имеет не только экономический, но и социальный аспект. Как справедливо отметил Б. В. Назмутдинов, появление государственно-частной системы «<...> объясняется <...> наблюдением за советской экономической политикой. Влиянием последней объясняется утверждение планового начала в евразийской экономической модели. <...> Евразийцы признали планирование прежде всего потому, что советская система хозяйствования представляла в выгодном свете на фоне глобального экономического кризиса рубежа 1920–1930-х гг.»²⁸⁶.

При И. В. Сталине советская экономическая система во многом была своеобразной государственно-частной системой: частные мастера занимались ремонтом обуви, одежды, изготовлением предметов не только первой необходимости, но даже предметов роскоши; изготавливали мебель, посуду, содержали небольшие гостиницы и «постояльные дворы», в которых гражданин мог не только переночевать, но и получить горячее питание, подковать лошадь и т. д. Эта система была, по сути, уничтожена Н. С. Хрущевым, который решил искоренить частное начало под корень. Собственно, экономический кризис СССР конца 1980-х гг. во многом был связан с этим обстоятельством: плановое хозяйство, как оно сложилось в 1920–1930-е гг., не было заточено под «частный сектор», который молчаливо предполагался, при господстве «государственного сектора» — военная промышленность, заводы, фабрики, тракторостроение, автомобилестроение, строительство железных дорог и автомагистралей и т. д. При искоренении частного хозяйственного сектора в правлении Хрущева возникла ситуация постоянного дефицита в сфере легкой и пищевой промышленности. Государство с его плановой экономикой и нарушенной «реформами» Хрущева экономической экосистемой было

²⁸⁶ Назмутдинов Б. В. Законы из-за границы. Политико-правовые аспекты классического евразийства. М.: «Норма», 2017. С. 234.

не в состоянии обеспечить граждан богатейшей страны молочными и мясными продуктами, мебелью, предметами первой необходимости, при том, что все это производилось в избытке, но распределялось неравномерно, поскольку государство не может, по сути, заниматься распределением предметов повседневного быта для многочисленного населения. У государства должны быть совершенно другие функции, в частности, и — в первую очередь — оборона границ, идеология, обеспечение безопасности, справедливая, гибкая судебная система, поддержка системы управления (властного аппарата) в рабочем состоянии, тяжелая промышленность, международная политика и т. д. Хрущев возложил на государство совершенно несвойственные ему функции и смертельно «перегрузил» экономику²⁸⁷.

Наблюдая за тем, как складывается плановое хозяйство СССР, проводится индустриализация, организуются колхозы и совхозы, выполняется план ГОЭЛРО, потом Госплан, Савицкий с волнением «узнавал» в этом евразийские черты, и, одновременно, брал на вооружение мероприятия советской власти. Савицкий воспринимал советскую экономическую модель не без критики. Так, он неоднократно писал о том, что методы, какими советская власть реализует свои программы, недопустимы и даже дают повод усомниться в том, что результат будет удовлетворительным. Например, он не принимал политику советской власти по отношению к крестьянам, организацию сельского хозяйства, из которой советская власть исключала частное начало, в то время как Савицкий полагал, что крестьянин на земле обязательно должен быть хозяином, владеющим частной собственностью.

²⁸⁷ С нашей точки зрения, Н. С. Хрущев был самым враждебным России правителем на протяжении 1000 лет всего ее существования (хотя, конечно, «деятели эпохи перестройки» могут с легкостью оспорить у него первое место). Все его «реформы» — от военной до школьной — были направлены на развал страны. Вспомним хотя бы волонтиристский «подарок» Крыма Украине, который стал миной замедленного действия в этом регионе. Именно при Хрущеве также началось сближение СССР с Западом и сдача русских (советских) позиций на международной арене.

Планы и мероприятия советской власти поражали воображение: «В книге “Россия во мгле” Г. Уэллса отдельная глава “Кремлевский мечтатель” была посвящена В. И. Ленину, с которым у него все-таки состоялась встреча в Москве в октябре 1920 г. “Ленин, — вспоминал Уэллс, — который, как и положено ортодоксальному марксисту, осуждает всяческих “утопистов”, в конечном счете сам увлекся утопией — утопией электрификации. Он употребляет все свое влияние, стремясь осуществить план строительства в России мощных электростанций, которые дадут целым губерниям свет и энергию для транспорта и промышленности. <...> Можно ли вообразить более отважный проект в этой стране лесистых равнин, населенной безграмотными крестьянами, в стране, где нет ни водных энергетических ресурсов, ни квалифицированных специалистов, где угасает торговля и промышленность? <...>”. Спустя годы, в 1934 г., Уэллс вновь посетил Советский Союз и был поражен грандиозными преобразованиями, о чем он написал в своей автобиографии. <...> в период 1923–1931 гг. появились программы электрификации США (разработчик Фран Баум), Германии (Оскар Миллер), Англии (так называемая комиссия Вейера), Франции (инженеры Велем, Дюваль, Лаванши, Мативэ и Моляр), а также Польши, Японии и т. д. Но все они закончились неудачей»²⁸⁸.

Наблюдая за реализацией советской экономической программы, не только Савицкий, но и многие мировые экономисты и политики приходили в восторг. Достаточно сказать, что Парижская группа евразийцев и вовсе капитулировала перед успехами советского строительства и философией К. Маркса, поскольку не нашла, что можно противопоставить таким грандиозным свершениям. Савицкий с большим вниманием относился к экономическим мероприятиям советской власти, анализировал возможности первой пятилетки и планировал издать брошюру «Пятилетка — очередной русский подъем» (в результате написал статью «Пятилетний план и хозяйственное раз-

²⁸⁸ Кефели И. Ф. ГОЭЛРО / Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век. Коллективная монография под ред. И. Ф. Кефели. СПб.: «Петрополис», 2022. С. 81–82.

витие страны»²⁸⁹). О советских пятилетках Савицкий читал открытые лекции²⁹⁰, писал обзоры²⁹¹, изучал статистику.

Савицкий, тем не менее, довольно трезво смотрел на происходящее, не допуская «головокружения от успехов», поскольку видел, что советская власть основывается на атеизме и марксизме, в убожестве и ложности которых он был глубоко убежден. Ставя идею выше материальных процессов, он реалистично оценивал советскую экономику. Кроме того, Савицкий в конце 1920-х гг. уже пришел к концепции «подъемов» и «прогибов» исторического и любого материального бытия: «Евразийцы предложили трактовку экономического планирования, основанную на подходе, отличном от “классового”. Исходя из своей теории чередования “депрессий” и “подъемов” в российской истории, Савицкий выступал за составление плана, учитывающего эту динамику»²⁹². Стоит отметить, что статья «“Подъем” и “депрессия” в древнерусской истории» написана с использованием большого числа сводных таблиц и фактов, которые приведены к определенному графику, чтобы вычислить с помощью фактов искомые закономерности. Обширный материал, приведенный в статье, не отражает всех отработанных Савицким фактов: «<...> весь остальной, помимо посылаемого, этот “труд” мой лежит в шкафу, в виде рукописных таблиц весом до пуда»²⁹³.

Статья соответствует «классическому канону», характерному для большинства работ Савицкого:

²⁸⁹ Новый град. 1932. № 5.

²⁹⁰ Савицкий П. Н. Вторая пятилетка и будущее С.С.Р. Лекция проф. П. Н. Савицкого // Наше время. 1932. 14 мая (№ 112 (515)).

²⁹¹ Савицкий П. Н. Сельскохозяйственная география шестой пятилетки Советского Союза // За социалистическую советскую науку. Серия: экономическая. 1956. Т. 5. № 3.

²⁹² Назмутдинов Б. В. Законы из-за границы. Указ. соч. С. 234.

²⁹³ Письмо П. Н. Савицкого О. Броку от 02.12.1956. // Карелин В. А., Репневский А. В. Из переписки профессора Олафа Брука и Петра Савицкого (1916–1958). Указ. соч. С. 290–291. 1 пуд — более 16 кг. Приведенная гипербола показывает значительный объем обработанного исторического материала.

обработано огромное количество фактов, которые сведены в таблицы; на основании сводных данных найдены общие закономерности и сделаны выводы. В целом, лучшие работы Савицкого, включая его монографию, написаны в соответствии с этим методом, им изобретенным, и для себя утвержденным, как наилучший. Так, например, он описывал одну из своих работ, посвященных сельскохозяйству СССР, которую планировал выпустить по-французски в конце 1950-х гг.: «Работа вся пронизана цифрами, таблицами и статистическими сводками, это просто-таки основа всей книги. <...> Но в то же время текст книги написан так, что его можно читать, не теряясь в цифрах. <...> Повсюду есть подстрочные библиографические примечания; помимо того, 3 страницы (убористых) «толковой библиографии»²⁹⁴. Здесь Савицкий описывает, суммируя, тот план-формат книг и статей, к которому он сам приходит к концу 1930-х гг. Этот формат можно свести к следующему определению: *статастика начинает поглощать философию*. Стоит заметить, что дальше, уже в 1940–1960-е гг. происходит дальнейшее движение Савицкого к текстовому минимализму, и *статастику поглощает поэзия* и, отчасти, эпистолярный жанр.

Таким образом, поздняя экономическая теория Савицкого была своеобразным «одухотворением» советского марксизма и данных объективной реальности его времени. В отличие от первой, философской концепции (противопоставление подчиненной экономики воинствующему экономизму), вторая (государственно-частная система) была не отвлеченно-теоретической, но практической, сформированной на основе трех важных моментов: наблюдение за складывающейся советской экономической моделью; основано на религиозно-идеократическом мировоззрении Савицкого и на его концепции «депрессий» и «подъемов», которая имела аналогии с теорией экономических волн (циклов)

²⁹⁴ Письмо П. Н. Савицкого П. П. Сувчинскому от 12.11.1957. // Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 532.

Н. Д. Кондратьева. Последний предположил, что мировая экономика функционирует циклами спадов и подъемов, продолжительностью 40–60 лет. Скорее всего, Савицкий был знаком с трудами Кондратьева, тем более, что Кондратьев участвовал в разработке первого пятилетнего плана, выступая против форсирования экономических процессов и перекачки средств из сельского хозяйства.

Занятия графиками, схемами, сводными таблицами постепенно приводили Савицкого к мысли о поиске закономерностей. Именно в этой области наметился переход к новой стадии идеиного развития Савицкого, который мы назвали «номогенетической», что отсылает нас к книге Л. С. Берга «Номогенез, или эволюция на основе закономерностей» (Санкт-Петербург, 1922). Концепция этой книги оказала глубокое влияние на мировоззрение Савицкого, указала путь синтеза между научной и религиозно-мистической картинами мира. Высшее стремление Савицкого заключалось в том, чтобы найти формулы этого синтеза, к которым он приходит уже к концу 1920-х гг. Он приходит к концепции «Единства мироздания», теории господства идеи в историческом процессе, концепции «Периодической системы сущего», ритмов времени и ритмов истории, которые, по подобию волновых закономерностей, сплетаясь, влияют друг на друга.

23. От советоборства к советофильству

Возвращаясь к третьему евразийскому сборнику «Россия и латинство», стоит отметить в нем статью Савицкого с аналогичным названием. По сути это была не самостоятельная статья, а скорее введение, в котором суммируются идеи статей сборника. В статье «Россия и латинство» Савицкий сделал одно неудачное, поэтическое сравнение католиков с большевиками. Несмотря на все оговорки, этот оборот речи вызвал шквал критики, даже в среде самих евразийцев. В целом, это был отголосок «струвизма», который ярко проявился уже в первых строках сборника «Исход к Востоку»: «Мы не имеем других слов, кроме слов ужаса и отвращения, для того, чтобы охарактеризовать бесчеловечность и мерзость большевизма»²⁹⁵, писал от лица всех евразийцев Савицкий в предисловии. Далее он отвергает «народническое отождествление»²⁹⁶ с русской стихией, следуя за своим «учителем и другом».

Но именно в этом пункте у Савицкого произошел со временем полный переворот в мировоззрении. Если в 1923 г. он писал, что «Внешним побуждением к составлению сборника послужило общее всем его авторам ощущение глубокой греховности и ложности пути сближения или хотя бы соглашения с Советской властью»²⁹⁷, то, к концу жизни, пройдя потрясения Второй мировой войны, тюрьмы и лагеря, а потом — около полугода жизни в Советской России (ему не давали ни выехать в Европу, ни уехать в Москву, где у него была уже готова комната для проживания), он писал совсем другое: «<...> в дни начала Великой Отечественной войны, когда немецкие захватчики вероломно напали на мою Родину, но значительно раньше только что названных сроков. В частности, уже в 1932 г. я стал зачинателем так называемого “оборонче-

²⁹⁵ Евразийство: Исход к Востоку. Книга 1; На путях. Книга 2; Евразийский временник. Книга 3: сборник. Указ. соч. С. 32.

²⁹⁶ Там же. С. 33.

²⁹⁷ Савицкий П. Н. Россия и латинство // Россия и латинство. Берлин, 1923. С. 9.

ского" движения в эмиграции и, начиная с марта 1932 г., публично выступил в качестве его представителя. Перед лицом наметившейся к тому моменту угрозы нападения на Советский Союз со стороны Японии мною было публично заявлено в марте 1932 г. в Праге, что каждый русский, оказывающий какую бы то ни было помощь антисоветским агрессорам, является изменником своему Отечеству. Тогда же мною была выпущена печатная листовка на эту тему, развивавшая только что названный тезис и рассчитанная на то чтобы укреплять среди русских, находившихся в тот момент за рубежом, патриотические настроения. В ряду дальнейших выступлений оборонческого содержания отмечу выступление свое перед аудиторией в несколько сот человек, состоявшееся 6 февраля 1934 г. в Праге. В ходе этого выступления, отвечая на вопрос, заданный мне из аудитории, я заявил, что лично готов взять винтовку в руки и с винтовкою в руках защищать рубежи Советского Союза от всякого враждебного на них покушения. Перед лицом опасности, которая грозила тогда нашему Отечеству уже не только с Востока (империалистическая Япония), но и с Запада (гитлеровская Германия), я призывал к твердому стоянию на оборонческих позициях каждого верного своей Родине русского, в том числе и эмигрантов, независимо от их местопроживания, паспорта и партийной принадлежности»²⁹⁸.

Важно увидеть эту динамику и эволюцию взглядов, чтобы перед глазами была целостная картина. В этом случае человек предстает не просто как манифестация своих взглядов, рупор текстов, но как живая личность, которая проходит жизненный путь, меняясь, возрастая, переосмысливая. Савицкий в этом смысле был невероятно живым, открытым, импульсивным и человечным. Другими словами, он был подлинной личностью — то есть

²⁹⁸ Письмо П. Н. Савицкого И. В. Сталину // Евразия и человечество. Антология произведений евразийцев 1920–1930-х годов. Сост., предисловие и комментарии Р. Р. Вахитова. Калининград, Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2024. С. 558.

ярким, особенным, характерным, индивидуальным, неповторимым, не вмещающимся в общие шаблоны и ожидания, раздражающим, приковывающим взоры, то есть бытием, говоря словами А. Ф. Лосева²⁹⁹, *предельно конкретным*, способным на поступки, на бесстрашное выхождение из себя ради творения нового и «небывалого» (слово, которое ценил ранний Савицкий). Поэтому эволюция взглядов Савицкого, его живой и даже импульсивный характер вполне объясним, а в изменении взглядов явно просматривается определенная логика и закономерность.

Эта эволюция взглядов от советофильства до советофильства шла у Савицкого постепенно и практически всю жизнь. После 1941 г. она достигла высшей точки, в которой, вероятно, он мог бы отчасти принять и позицию «левого» евразийца П. П. Сувчинского. Мостом между первым, «струвинским» отрицанием безбожной власти большевиков и последним — полным принятием «Советов», служит политический pragmatism, который силой логики исторических событий постепенно привел Савицкого к советофильству (в основе которого лежала, безусловно, любовь к России, а не к советской власти как таковой).

²⁹⁹ Согласно Лосеву, личность есть живая антиномия субъекта и объекта, истинная философия есть абсолютная мифология и абсолютная персонология: «Это — теория перспективности бытия и рельефности, выразительности жизни. <...> В первом случае мы получаем *фигурность абсолютного*, его физиономию, его *лик*; во втором случае получаем *фигурность вечности*, ее реальную физиономию, ее живой *лик*. Вместо неясного черного пятна — и абсолютное и вечное становится зримым лицом, умной иконой, ведомой истиной. Новоевропейская мысль потому и перестала мыслить диалектически, т. е. антиномико-синтетически, что она утеряла видение абсолютных лиц» (Лосев А. Ф. Диалектика мифа / Самое само. М.: Эксмо-Пресс, 1999. С. 399). Говоря о личности, Лосев всегда подчеркивает ее рельефный, иконный, выдающийся вовне, фигурный, особый и специфический лик.

24. Национализм, россиецентризм или акцент на евразийстве?

В связи с утверждением необходимости Савицким русско-евразийского национализма, стоит оговорить один важный момент. В эмиграции критики евразийства традиционно обвиняли их в том, что они подменяют Россию — Евразией, унижают русский народ, возвышают местечковый национализм. Эти расхожие штампы возникают, собственно, только на основании слова «евразийство». Идею «общевразийского национализма» выдвинул и обосновал Н. С. Трубецкой. Савицкий был в этом смысле скорее обоснователем примата русского начала, которое он считал недостаточно проявленным и осмысленным. Даже этимологический анализ его текстов об этом свидетельствует достаточно убедительно.

К примеру, в статье «Подданство идее» ни разу не упомянута ни «Евразия», ни «евразийство», зато слово «Россия» употреблено Савицким 20 раз, слово «русский» («народ русский», «русского мирового призыва») — 11 раз. Возьмем более характерный пример, а именно — первую евразийскую декларацию Савицкого «Евразийство»³⁰⁰. В ней слово «евразийцы» употреблено 41 раз, «русский» («русские», «русская» и т. д.) — 29 раз, «евразийские» («евразийский», «евразийская» и т. д.) — 27 раз, «Россия» — 23 раза, «Русь» — 3 раза, «Евразия» — 5 раз. Данная выборка весьма репрезентативна. Для Савицкого «Евразия» был рабочим термином, удобным и емким, как и изобретенный им термин «месторазвитие», но это не значит, что термин имел для него абсолютный примат. Скорее, на роль последнего претендовало в его мировоззрении слово «Россия». Оно было центральным, можно сказать, ключом, который открывал все остальные двери мировоззренческого лабиринта Савицкого.

Савицкий так объяснил использование термина «евразийский» в своих текстах: «Слово “евразийский” мы

³⁰⁰ Савицкий П. Н. Евразийство // Евразийский временник. Кн. IV. Берлин, 1925.

применяем здесь к русской культурной среде в том смысле, в котором слово “европейский” прилагается нередко к культурным средам отдельных романо-германских народов. Указание на то, что, скажем, французское культурное творчество протекало и протекает в рамках и духе *европейской* культуры, вполне совместимо с признанием *национально-французского* характера этого творчества³⁰¹. По существу, Савицкий был подлинным общерусским националистом (то есть, включающим и украинскую культуру в общерусский культурно-исторический поток). Он резко возражал против попыток «выдернуть» из общерусской культуры украинскую составляющую, к чему склонялся, например, евразиец Г. В. Вернадский, потомок запорожского казацкого старшины, перешедшего во времена Богдана Хмельницкого на сторону казаков и отказавшегося служить Литве. Если Трубецкой выступал противником украинского влияния в русской культуре и церковных делах, то Вернадский был склонен вычленять украинский компонент и давать ему самостоятельную роль и значение.

Национализм Савицкого был самой симпатичной версии из возможных видов этой идеологии. Он никогда не высказывался в уничижительном смысле о иных культурах (включая европейскую), подчеркивал русскую «вселенскость», говорил об идеократических задачах, стоявших перед будущей Россией (*настоящая* Россия сильна только потенциально, а не реально, считал Савицкий). Тем не менее, нужно учитывать этот момент (прият у Савицкого «русского», а не «евразийского» компонента), который может для некоторых показаться неожиданным.

³⁰¹ Савицкий П. Н. Производительные силы России // Евразийство: Исход к Востоку. Кн. 1; На путях. Кн. 2; Евразийский временник. Кн. 3. Указ. соч. С. 512.

25. Монография П. Н. Савицкого как поворотный пункт его версии евразийства. Отзывы советских ученых

Монография П. Н. Савицкого «Географические особенности России. Ч. 1-ая. Растительность и почвы» (Прага: Евразийское книгоиздательство», 1927) за последние почти 100 лет ни разу не переиздавалась в полном объеме³⁰². Между тем, эта книга была для Савицкого ключевой, от нее можно вести отсчет нового евразийского этапа, от которого нити идут к позднему евразийству 1930-х гг. Что касается современного евразийствоведения, то о географических и геософских основах евразийства Савицкого судили, главным образом, по двум известным публикациям. Первая была осуществлена в книге под редакцией А. Г. Дугина в 1998 г. — «Континент Евразия», вторая — в томе П. Н. Савицкого «Избранное» издательства «РОССПЭН» в 2010 г. Вторая публикация, вероятно, была перепечаткой текста 1998 г. Сама публикация называлась «Географический обзор России-Евразии», и являлась, по сути, сокращенной версией одноименной работы Савицкого 1926 г., напечатанной в брошюре «Россия особый географический мир» (Прага, 1927). Современные издатели сократили эту работу довольно бесцеремонно. Из ее восьми главок опубликовано было 4, но и они даны в сокращении, причем купюрами не показано, в каком именно месте сокращение сделано. Более того, издатели даже не оговорили, что работа была ими сокращена. Как уже было упомянуто, «Россия особый географический мир» является кратким пересказом монографии Савицкого, ее конспектом. Получается, что современное переиздание является сокращением сокращения конспекта центральной географической работы Савицкого.

В монографии Савицкий формулирует свое центральное геополитическое понятие «месторазвитие»,

³⁰² В настоящее время монография П. Н. Савицкого приготовлена мною к изданию и выйдет в свет в ближайшее время в издательстве «Академический проект».

обосновывает единство России-Евразии, предлагая новые термины для ее географического и geopolитического районирования (отказ от терминов «европейская» и «азиатская» Россия в пользу «доуральской» и «зауральской»). Предшественником понятия «месторазвитие» был литературоведческий термин Савицкого «местодействие». Отработав его на материале русской литературы, он смог осмыслить географию России с точки зрения понятия о месторазвитии. В этой книге подводится итог всего раннего творчества Савицкого — его занятой географией, экономикой, статистикой. Эта книга была для Савицкого символически важной как своего рода талисман и портал — между собой и географами, учеными из Советской России.

Экземпляры этой книги он щедро разослал во все возможные инстанции и всем советским авторам, адреса которых ему удалось достать: в Государственный институт изучения засушливо-пустынных областей (Сталинградское отделение), в редакцию советского журнала «Природа» (на рецензию), в Постоянную комиссию по изучению естественных производительных сил СССР при Академии наук (Савицкий выслал книгу в библиотеку комиссии), в Русское географическое общество (Западно-Сибирский отдел), в Русское географическое общество (Центральный отдел), в Московскую областную сельскохозяйственную опытную станцию, в Отделение этнографии (Ленинград), в Государственный Дворец и музей Тюрко-татарской культуры в Бахчисарае, в Русское Ботаническое общество, Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур (Ленинград), в Украинскую академию наук, Ботанический сад Ростова-на-Дону, Темрюкский районный музей, Вологодское общество изучения Северного края, Ленинградский лесной институт, в редакцию Научно-Агрономического журнала, библиотеку Пермского Государственного университета, Полтавскую Опытную сельскохозяйственную станцию и т. д. Савицкий высыпал по этим адресам, а также известным советским ученым (например, географам Б. Городкову, Б. Келлеру, И. П. Козловскому, Е. М. Лавренко, Б. В. Лунину³⁰³ и т. д.) не

³⁰³ См.: ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 418.

только свою монографию, но и другие работы — «Континент-океан», «К познанию русских степей», свое предисловие к книге Вернадского «Начертание русской истории». Позже Савицкий утверждал, что его монография имела влияние на географическую науку в СССР, о чем писал Г. П. Струве в 1957 г.: «<...> моя “периодическая система зон” (1927) вошла, под моим именем, почти во все (соответствующей специальности) учебники Востока (...). Таковы, напр.: Г. Вальтер — В. Алексин. Основы ботанической географии. Москва–Ленинград 1936, с. 352–374; Н. В. Павлов. Ботаническая география СССР. Алма-Ата 1948, с. 22–24 и др.»³⁰⁴.

Савицкий верно указывает книги, в которых советские ученые ссылаются на его идеи. В книге Н. В. Павлова автор выделяет концепцию периодичности зон Савицкого: «Как в отношении температур, так и по относительной влажности зональное чередование СССР обладает довольно правильной *периодичностью*, т. е. равенством интервалов или разностей в этих важнейших климатологических показателях. <...> Если же принять некоторое расчленение основных зон, то периодичность обоих показателей может быть выражена следующей таблицей (П. Савицкий, 1927 г.)»³⁰⁵. Далее автор приводит таблицу из книги Савицкого и описывает его концепцию биологических и климатических симметрий России–Евразии. В книге Г. Вальтера и В. Алексина мы читаем: «Закономерные смены растительных отношений с севера на юг можно назвать северо-южной правильностью (Савицкий), зависящей в основе от воздействия температурных условий. <...> однако в Европейской части температуры (изотермы июля) протягиваются не параллельно широте места, а под некоторым углом, опускаясь на западе и поднимаясь на востоке, т. е. с юго-запада на северо-восток; поэтому и расположение зон придерживается того же направления, т. е. направления с юго-запада на северо-восток. Но помимо сказанного, нужно принять во внимание и еще одно

³⁰⁴ Старый патриотизм, «переориентированный на новую Россию: евразийство П. Н. Савицкого. Указ. соч. С. 136.

³⁰⁵ Павлов Н. В. Ботаническая география СССР. М.: Издательство и типография Академии наук Казахской ССР, 1948. С. 23.

важное обстоятельство, накладывающее отпечаток на смену растительности в пространстве — это действие центропериферической правильности, зависящей от закономерного изменения влажности воздуха <...>. Правильность называется центропериферической потому, что центр материка Евразии с его сухим климатом здесь противопоставляется периферическим частям с их морским, очень влажным климатом <...> чего нет, например, в Западной Европе»³⁰⁶.

На указанных Савицким страницах книги Алехина и Вальтера мы видим пересказ основных положений его монографии с использованием его рабочих терминов, в частности — «центропериферическая правильность». Сама книга Савицкого авторами книги «Основы ботанической географии» характеризована таким образом: «очень интересная книга, но с ложными методологическими установками»³⁰⁷. Обсуждать, какие именно методологические установки Савицкого оказались ложными, авторы, видимо, не решились. В 1936 г. дискуссия с автором-эмигрантом, да еще и основоположником «антисоветского» евразийского движения, была бы делом удивительного легкомыслия. То, что авторы вообще упомянули в советской фундаментальной учебно-методической литературе концепцию Савицкого, достойно особого внимания. Савицкий прав: его географические идеи, а через них, косвенно, и некоторые евразийские, были известны в СССР. Тем не менее, концепциям зональных симметрий, периодической системы зон, центропериферических правильностей Савицкий придавал не только географический, но в первую очередь философский, историософский и geopolитический смысл. Обсуждать этот важнейший аспект его концепции в СССР было невозможно.

Не в последнюю очередь известность книге Савицкого обеспечило усиленное ее распространение силами самих евразийцев. Приезжающим в Европу советским гражданам не только сам Савицкий, но и его друзья-

³⁰⁶ Вальтер Г., Алехин В. Основы ботанической географии. М.-Л.: Издательство Биомедгиз, 1936. С. 354–355.

³⁰⁷ Там же. С. 354.

евразийцы старались подарить экземпляр его книги. Так, Н. С. Трубецкой пишет в письме к П. П. Сувчинскому (письмо от 21 ноября 1927 г.): «На прошлой неделе виделся с теперешним проректором Ленинградского университета Борисом Леонидовичем Богаевским, находящимся в заграничной командировке <...> Я дал ему “Европу и Человечество”, “Географические особенности <России>”, “К проблеме русского самопознания” и “Наследие Чингисхана”»³⁰⁸. Трубецкой рекламировал книгу Савицкого и среди своих коллег-филологов. Так, например, он пишет Р. Якобсону (позже, к концу 1930-х гг. Савицкий станет его крестным отцом): «Вышла книга Савицкого “Географические особенности России” и его же брошюра “Россия — особый географический мир”. Прочтите. Интересно. Опыт установления системы в такой научной области, в которой обычно принципиально довольствуются беспорядком...»³⁰⁹.

Суждение Н. С. Трубецкого выдает в нем скорее дилетанта в области географии и почвоведения, поскольку любой географ или почвовед был бы чрезвычайно удивлен тем, что в его научной области якобы всех устраивает «принципиальный бардак». Скорее напротив, начиная с середины XIX в. происходит расцвет географии, геологии, ботаники, палеогеографии, почвоведения. В России создается мощная школа почвоведения под руководством В. В. Докучаева, открываются соответствующие кафедры при университетах, создаются Ботанические сады, гербарии, организуются бесчисленные экспедиции... Впрочем, суждение Н. С. Трубецкого можно считать знаковым. Оно показывает, насколько сложно было далекому от указанного предмета человеку воспринимать эту новую систему знаний. И речь шла не об обычателе, но о гениальном Николае Сергеевиче Трубецком — основоположнике евразийства и создателе фонологии³¹⁰.

³⁰⁸ Письмо Н. С. Трубецкого П. П. Сувчинскому от 21.11.1927. / Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому. Указ. соч. С. 258.

³⁰⁹ Письма и заметки Н. С. Трубецкого. Указ. соч. С. 106.

³¹⁰ См.: Ермишина К. Б. Князь Н. С. Трубецкой. Жизнь и труды. М.: Синаксис, 2015.

Материал для монографии Савицкий копил постоянно, но ориентировался, главным образом, на советскую литературу, которую «доставал» всеми правдами и неправдами в эмиграции: скупал, просил прислать знакомых из Советской России, выменивал³¹¹ и т. д. Пожалуй, не было в эмиграции столь последовательного коллекционера географической и почвоведческой, да и всякой иной, литературы, которая печаталась в СССР, чем Савицкий. Коллекционированием этой литературы (включая сюда брошюры, буклеты, открытки) он занимался всю жизнь.

Сам он с горечью констатировал, что русская география, почвоведение, фитосоциология и другие смежные дисциплины практически неизвестны европейским ученым. Таким образом, он оказывался в сложном положении: весь материал задуманной им книги по русской географии был российско-советского происхождения, но сам он, как русский эмигрант и деятель российско-чехословацкой науки, представлял публике материал, неизвестный в Европе. Сам Савицкий в письме к «советскому» евразийцу, ученику Л. Н. Гумилеву, — А. Н. Зелинскому (сыну знаменитого химика, изобретателя противогаза Н. Д. Зелинского), точно указал, когда он начал работу над монографией: «Вы, вероятно, знаете, что в жизни своей я написал и напечатал несколько чисто географических книг. И знаю, что значит погрузиться в чистую географию. 180 стр<аниц> “Географических особенностей России” стоили мне пяти лет напряженной ра-

³¹¹ О том, насколько страсть к коллекционированию соответствующих книг у Савицкого была велика, говорит следующий эпизод. Еще не освободившись после отбывания срока в СССР, когда он жил в Зубо-Полянском доме инвалидов в Мордовии, который Савицкий не имел права покидать без разрешения властей, он уже начинает собирать новую книжную коллекцию: «От сестры открыточки и посылки получаю более или менее регулярно. Буквально в момент писания этого письма получил от нее открыточку и книжку “Китай” (соответствующий том 2-го издания Большой Советской Энциклопедии), о присылке которой я ее просил» (Письмо П. Н. Савицкого от 27.12.1957. / Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову). Кн. 2. М.: Издательство ПСТГУ, 2014. С. 272).

боты!»³¹². Таким образом, Савицкий начал работу над книгой около 1922 г., то есть с момента начала своей преподавательской деятельности в Праге. Соответственно, материалы книги накапливались, по мере продвижения работы над лекционными курсами.

Постепенно происходило как бы раздвоение жизни: «лично я имею по-прежнему 5 часов лекций (3 час<а> — эк<ономическая> география, 2 час<а> — история эк<ономических> учений) и 5 часов семинаров (2 час<а> — эк<ономический> семинарий и 3 час<а> — большой евразийск<ий>) в неделю. Если принять в расчет всю необходимую лекцию для этих лекций и семинаров (историю экономических учений читаю притом впервые!) — выступит ограниченность времени»³¹³. Большой евразийский семинарий, упомянутый Савицким, — это работа в организованной и возглавляемой им Пражской евразийской группе, издание «Евразийской хроники», написание евразийских статей, встречи, переписка, одним словом — евразийская работа. Пражская евразийская группа охватывала не только евразийцев. На семинарах постоянно происходили прения с противниками движения после докладов (участвовали, например, А. А. Кизеветтер, С. И. Гессен, И. И. Лапшин, В. В. Зеньковский, Д. Н. Вергун, Д. В. Философов, П. Э. Бутенко, Ю. А. Липеровский), иногда доклады были по общекультурным и общеисторическим темам, на которые приглашали сторонних специалистов. Это — одна сторона жизни. Другая сторона — «работа в стол», написание монографии, усердное добывание и чтение советской литературы³¹⁴, обдумывание собственной географической

³¹² Письмо П. Н. Савицкого А. Н. Зелинскому от 06.07.1964. / «Однако сердце и мысль не умолкают»: переписка П. Н. и И. П. Савицких с А. Н. и Н. Е. Зелинскими. Указ. соч. С. 271.

³¹³ Письмо П. Н. Савицкого П. П. Сувчинскому от 24.01.1926. / Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 447.

³¹⁴ Собственно, «советской» эта литература может считаться довольно условно. Все авторы, которые печатались в 1920-х гг., и даже позже (вплоть до конца 1940-х гг.) как ученые и исследователи сложились еще в Российской империи. Все факты, которыми они оперировали, их интерпретация, цитирование источников — не имели к

концепции, следы которой почти не просматриваются в евразийских статьях Савицкого указанного периода (1921–1925) — настолько «скрыто» велась эта работа.

В 1926 г. окрепшее евразийство поставило целью издание ряда брошюр и малоформатных книг, которые стали бы его «визитной карточкой». Трубецкой готовит книгу, которая вышла под названием «К проблеме русского самопознания» (Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927), Г. В. Вернадский — «Начертание русской истории. С приложением “Геополитических заметок по русской истории П. Н. Савицкого”» (Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927). Л. П. Карсавин — «Церковь, личность и государство» (Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927). На все эти издания были выделены спонсорские деньги от английского поклонника Г. Н. Сполдинга, который к этому времени стал щедрым благотворителем евразийства, но деньги шли через казначея — П. Н. Малевского-Малевича. Последний спонсировал по принципу приоритетности Парижскую группу под руководством симпатичного ему П. П. Сувчинского, оставляя пражских евразийцев в пренебрежении. П. Н. Савицкий подготовил также небольшую книгу — «Россия особый географический мир», в который включил «Географический обзор России-Евразии» и свою раннюю статью «Континент-океан». Эта брошюра давала резюме его главной работы — монографии «Географические особенности России». Монография была написана для профессионалов, ученых, географов и почвоведов, главным образом, советских, а брошюра (68 стр.) — для рядового читателя.

Савицкий довольно сильно нуждался в деньгах, делал займы, чтобы не прерывать евразийской работы (издание «Евразийской хроники», проведение семинаров), поэтому надеялся, что его монография будет издана вслед за брошюрой на евразийские средства. Он даже планировал уговорить казначея дать ему ссуду, но его

новой, только нарождавшейся советской репрессивной идеологии (с ее требованием, например, цитировать советские «священные писания» Ленина, Маркса или Энгельса), никакого отношения.

надежды не оправдались. Выделенных денег оказалось недостаточно. Савицкому пришлось потратить свои и без того скучные средства (а к этому времени он женился и расходы на жизнь возросли). Этим, кстати, объясняется и крайне низкое качество печати монографии. Савицкий не мог оплачивать работу корректора, ему пришлось сокращать и ужимать материал (отсюда — купюры в названии использованной литературы, убористый текст, ошибки и опечатки и т. д.). Текст монографии с точки зрения печати и оформления выглядит вторичным по сравнению с «Евразийскими временниками», которые курировал Сувчинский. «Временники» выглядели роскошно, эстетические таланты главного редактора находили финансую поддержку от Малевича-Малевского и евразийца П. С. Арапова, который также играл немалую роль в распределении денежных потоков.

Несмотря на все препятствия, его монография вышла в свет. Стоит отметить, что евразийские и историософские термины Савицкий обсуждал с Н. С. Трубецким, как о том свидетельствует последний: «<...> кое-что смущало меня и с точки зрения географической, и т^{ак} к^{ак} в это же время у нас шла переписка с ПН С^{авицким} по вопросу о выработке единой географической и историософской терминологии, то я счел нужным отправить рукопись и свои к ней замечания ПН С^{авицкому}»³¹⁵.

Книга Савицкого во многом являлась прорывной и новаторской, хотя и была основана на фактологической базе советского (вернее российского — времен империи) научного наследия, и самых известных русско-советских ученых: Д. Менделеева, Г. И. Танфильева, Г. Ф. Морозова, В. В. Докучаева, А. И. Набоких, Г. Ф. Нефедова, Б. Н. Книповича, Б. Келлера, Н. Я. Данилевского, А. Д. Архангельского, В. Алексина, Н. А. Буша С. И. Коржинского, И. К. Пачосского, П. Н. Крылова, К. Д. Глинки, В. И. Вернадского, А. Н. Седельникова, В. П. Семенова-Тянь-Шанского и многих

³¹⁵ Письмо Н. С. Трубецкого П. П. Сувчинскому о 26.04.1926. / Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому. Указ. соч. С. 192.

других. С большинством из указанных и живущих в СССР ученых Савицкий вступил в личную переписку, выслал им свою монографию, оттиски своих статей, книгу Г. В. Вернадского «Начертание русской истории», и получил лестные отзывы.

Знакомство с некоторыми советскими учеными произошло на почвоведческой конференции в 1926 г., как описывает это в своих заметках Савицкий: «Конст~~<антин>~~ Дмитриевич Глинка, патриарх русского почвоведения, академик, происходил из широко известного смоленского дворянского рода Глинок. Я провел в теснейшем общении с Константином Д~~<митриеви>~~чем недели две на почвенной конференции в Венгрии, в конце июля-начале августа 1926 г. Это был как раз тот момент, к которому были готовы в рукописи мои “Географические особенности России”. Я познакомил Константина Д~~<митриеви>~~ча с основным их содержанием и он сделал ряд весьма ценных для меня замечаний. Все это время мы провели с ним в большом согласии и дружбе. Эти “венгерские” недели принадлежат к числу счастливейших и насыщеннейших недель моей жизни. 15/28.04.1938»³¹⁶. В архиве Савицкого сохранились письма В. В. Алехина, Л. С. Берга, В. В. Бартольда, Б. В. Бенешевича, Я. А. Борисова, И. П. Козловского, Н. И. Вавилова, А. Я. Гордягина, Б. П. Вейнберга, С. Войцеховского, Г. Н. Высоцкого, А. Борисова, К. Д. Глинки, Б. Городкова, В. Э. Дена, Г. Раменского, Е. В. Вульфа, В. Дубянского, Б. А. Келлера, Г. И. Танфильева и других советских ученых.

Савицкий с полным правом, и даже с некоторой гордостью, написал только об одном советском ученом, не решившимся на общение с эмигрантом и ответившим ему кратким и боязливым письмом: «Вся географическая русская наука в ее целом (да и не только географическая) оказалась в переписке со мною гораздо смелее, чем В. Догель <...> Но В. Догель, человек старой культуры, казанский дворянин, имел, по всей вероятности, *особые* основания к осторожности. Пред ним можно только

³¹⁶ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 418. Л. 83.

преклониться!»³¹⁷ Отзывы советских ученых были весьма положительными, в качестве примера можно привести отрывки из писем наиболее ценимых Савицким авторов, которых он сам несомненно признавал своими учителями — Г. И. Танфильева, и автора важнейшей для Савицкого книги «Номогенез» Л. С. Берга.

Танфильев писал: «С большим наслаждением прочитал Ваши “Геополитические заметки по русской истории”, за присылку которых примите мою искреннюю благодарность. Вы касаетесь чрезвычайно важного и интересного вопроса, в нашей литературе, увы, почти не затронутого, хотя наши историки часто начинают свое изложение с описания природы страны, но эта природа остается как-то вне связи с историей. Ваша попытка указать на эту связь представляется мне поэтому весьма ценной. <...> Вашу работу нельзя только прочитать, но надо перечитывать и опять перечитывать. Вам же надо пожелать сил для дальнейших работ в избранном Вами направлении. <...> Ваши “Географические особенности России”. Тотчас же по получении этой книги — присыпкой ее Вы очень меня обязали, — я набросился на нее, чтобы скорее ознакомиться с ее содержанием»³¹⁸.

Танфильев посетовал только на то, что в книге много сложной терминологии и новоизобретенных слов, о чем Савицкий сделал примечание: «Гаврилу Ивановича затруднили мои неологизмы, отчасти же — термины, заимствованные из философских трактатов (“обстояние”, “тварный мир” и т. д.). Географы редко читают эти трактаты. Я же имею к ним пристрастие. 17/30.04.1938»³¹⁹. Об этих терминах и неологизмах речь пойдет ниже.

Берг ответил Савицкому в письме от 03.04.1927 г.: «Многоуважаемый коллега, я получил для ознакомления от зам. директора Института прикладной ботаники Вашу книгу: “Географические особенности России. Ч. 1. Растиельность и почвы” (1927). Ознакомившись с ней, я нахожу, что соображения Ваши очень интересны, и книга

³¹⁷ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1 Д. 418. Л. 83; Л. 101–102.

³¹⁸ Там же. Л. 295.

³¹⁹ Там же.

заслуживает полного внимания. Отзыв о ней, составленный известным ботаником Е. В. Вульфом, будет помещен в одном из ближайших номеров журнала "Природа"»³²⁰. Вообще, дружное принятие концепции Савицкого и дискуссия, насколько это было возможно в конце 1920-х гг., о ней в СССР были конструктивны, в отличие от холодного приема, который оказали книге Савицкого учены-эмигранты. Поневоле Савицкий чувствовал себя принадлежащим скорее советскому, чем западноевропейскому научному сообществу. Учитывая перечисленные выше факты, нетрудно сделать предварительный вывод о том, что это советское научное сообщество оказало значительное влияние на Савицкого, хотя современные евразийствоведы об этом не упоминают, указывая на совершенно иные источники, которые, как им кажется, были для него важны.

³²⁰ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 418. Л. 83; Л. 48.

26. Влияние В. И. Ламанского на концепцию Савицкого: исследовательский миф или реальность?

В списке имен ученых, важных для Савицкого (возможно, неожиданно для некоторых исследователей евразийства) не оказалось имени В. И. Ламанского, которого считают предтечей евразийства, якобы оказавшим на Савицкого значительное влияние. К настоящему времени существует уже целая исследовательская литература о том, что Ламанский был вдохновителем евразийской концепции Савицкого. Авторы рассуждают о схожести концепций и о рецепции идей³²¹. При этом не указывают фактов: сколько именно ссылок на Ламанского есть у Савицкого? Где он цитирует автора, оказавшего на него влияние? На какие именно книги Ламанского он ссылается?

Так, например, Р. Вахитов со ссылкой на исследователя евразийства А. М. Матвееву, пишет: «Специалист по творчеству Савицкого Матвеева отмечала, что идеи Ламанского оказали влияние на его дореволюционные работы и, прежде всего, — на работы по экономической географии (такие как, например, «К вопросу о развитии производительных сил», опубликованная в «Русской мысли»)»³²². Открыв раннюю работу Савицкого «К вопросу о развитии производительных сил» (Русская мысль. 1916.

³²¹ «Одним из главных предшественников евразийства Савицкий считал Владимира Ламанского (1833–1914)» (*Мартинкус А. Со-блазн могущества (Трансформация «Русской идеи» в философии «классического» евразийства (1920–1929). Указ. соч. С. 21.)*); «Такой подход был детерминирован географическими особенностями Российской империи <...>. Здесь прослеживается влияние концепции знаменитого историка-слависта В. И. Ламанского, которого позже евразийцы провозглашают одним из своих идеиных предтеч» (*Матвеева А. М. Геополитическая концепция истории России П. Н. Савицкого. Указ. соч. С. 64*); «Кроме национал-империализма, который молодой Савицкий оригинально развивал и углублял, на него в доевразийский период оказала влияние концепция <...> Владимира Ивановича Ламанского» (*Вахитов Р. Р. Логос. Эйдос. Символ. Миф. Указ. соч. С. 79*) и т. д. Курсив наш. — К. Е.

³²² Вахитов Р. Р. Евразийство. Логос. Эйдос. Символ. Миф. Указ. соч. С. 85.

Т. 37. № 3), мы найдем совершенно противоположное утверждаемому: Савицкий твердо пишет о том, что Россия «делится» на европейскую и азиатскую, и вообще ранний Савицкий следует в вопросе экономической географии «русскому европейцу», своему учителю П. Б. Струве. В целом, указанная статья посвящена полемике с М. И. Туган-Барановским, который настаивал на том, что Россия — по преимуществу сельскохозяйственная держава. Савицкий же утверждал необходимость индустриализации страны. Статья Савицкого заканчивается эпически. Утверждая, что времененная неудача в индустриализации России не есть приговор, Савицкий пишет: «Это еще не значит, что подобное покровительство (промышленному развитию — К. Б.) не может достичь своей цели в дальнейшем <...> при расширении, энергичном и напряженном, сферы областей, захваченных ходом русского промышленного развития, за пределы равнинной Европейской России на пределы русской Азии»³²³.

Термины «Европейская Россия» и «русская Азия» действительно, встречаются у Ламанского, однако нет свидетельств, что Савицкий заимствовал их именно у него. Скорее, это были довольно распространенные в начале XX в. термины, как, к примеру, часто используемые евразийцами фразеологизмы «верхи и низы». Этот фразеологизм, к примеру, использовал в своих работах В. И. Ленин, однако из этого не следует, что Трубецкой и Флоровский заимствовали эти термины у вождя мирового пролетариата. Первые признаки евразийской концепции Савицкого, как мы доказывали выше, можно увидеть не раньше 1919 г., а его поздняя концепция, обосновывающая единство Евразии, появилась только в процессе работы над монографией «Географические особенности России», для которой он использовал по преимуществу советские источники. Профессионально и углубленно географией и почтоведением Савицкий стал заниматься после 1922 г., с началом научной и преподавательской деятельности в Праге.

³²³ Савицкий П. Н. К вопросу о развитии производительных сил / Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч. С. 48. Курсив наш — К. Е.

Мнение о том, что Ламанский имел для Савицкого важное значение, «освящено» авторитетом Патрика Серио, книга которого «Структура и целостность», вышедшая в 2001 г., произвела огромное впечатление на отечественных евразийствоведов. Стоит отметить, что П. Серио сосредоточился на структуральном аспекте евразийства в связи с фонологией Н. С. Трубецкого, но о евразийстве Савицкого сделал довольно туманные выводы. Друг Трубецкого, лингвист Р. Якобсон, принял участие в пополнении евразийской коллекции идей, предложив концепцию «евразийского языкового союза». Также и Савицкий, участвуя в Пражском лингвистическом кружке, оказал некоторое влияние на развитие пражской лингвистической школы. Степень влияния евразийства на лингвистику, вероятно, можно сравнить с тем влиянием, которое оно оказало на развитие музыки в 1920–1930 гг. через П. П. Сувчинского и евразийца, композитора Артура Лурье³²⁴. Тем не менее, в книге П. Серио есть некоторые неточности (ошибки), например: «среди евразийцев не было ни одного нерусского, даже ни одного украинца»³²⁵, хотя тот же малоросс Савицкий с удовлетворением отмечал, что в евразийстве есть евреи (например, А. Я. Бромберг и тот же А. Лурье), калмыки (Э. Хара-Даван), не говоря уже о грузине К. А. Чхеидзе³²⁶ или финском шведе В. Э. Сеземане³²⁷. На основании того, что среди евразийцев якобы не было «нерусских», Серио делает ряд выводов. Глубокая и остроумная книга Серио посвящена все же, скорее лингвистике, чем евразийству, вернее сказать: евразийству, рассмотренному через призму лингвистики. Но некоторые исходные посылки Серио все же не следует принимать за чистую монету без тщательного рассмотрения.

³²⁴ См. об этом блестящую монографию с безупречными выводами и тщательным подбором фактов: *Вишневецкий И.* Евразийское уклонение в музыке 1920–1930-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

³²⁵ Серио П. Структура и целостность. Указ. соч. С. 70.

³²⁶ О нем см.: Константин Чхеидзе. Путник с Востока. Сост., вступ. ст. А. Г. Гачевой. М.: «Русский путь», 2010.

³²⁷ О нем см.: Шаронов В. И. Философ, не научившийся мудрости // Человек. 2023. Т. 34. № 5. С. 83–113.

Если мы обратимся к центральной работе Савицкого 1920-х гг. — «Географические особенности России» (Прага, 1927), то найдем, что Ламанский упомянут только как редактор знаменитого многотомного издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей» (Под редакцией В. П. Семенова-Тянь-Шанского и под общим руководством П. П. Семенова-Тянь-Шанского и акад. В. И. Ламанского. Санкт-Петербург: Издание А. Ф. Девриена, 1901–1914).

Еще одну ссылку на Ламанского (правда, не на отца, Владимира Ивановича, а на его сына, географа Владимира Владимировича, которых некоторые путают) мы найдем в работе «Синтетический труд по географии России»³²⁸. Внимательно присмотревшись к цитате, мы найдем, что это двойная косвенная цитата. То есть Савицкий ссылается на свою статью «Хозяин и хозяйство» (Евразийский временник. Кн. IV. Берлин, 1925. С. 443), в которой он ссылается на Г. Ф. Морозова, цитирующего Владимира Владимировича Ламанского! Причем цитирует его Морозов не как специалиста по географии, но как филолога-слависта, который работал в области народной географической этимологии...

Среди сотен упомянутых Савицким имен, среди многочисленных цитат и ссылок, имя В. И. Ламанского упоминается только 1 раз в статье «Евразийство», помеченной в «Евразийском временнике» за 1925 г.: «Необходимость различать в основном массиве земель старого света не два, как делалось доселе, но три материка — не есть какое-либо “открытие” евразийцев; оно вытекает из взглядов ранее высказывавшихся географов, в особенностях русскими (напр., проф. В. И. Ламанским в работе 1892 г.). Евразийцы обострили формулировку; и вновь увиденному матерiku нарекли имя, ранее прилагавшееся иногда ко всему основному массиву земель старого света, к старым Европе и Азии в их совокупности»³²⁹.

³²⁸ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 147. Л. 1-15.

³²⁹ Савицкий П. Н. Евразийство // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 6.

Это *единственное* упоминание В. И. Ламанского — не как основного автора, источника вдохновения, ресурса и генератора идей, но как одного из *многих других* русских географов. Возникает вопрос, почему именно в 1925 г. Савицкий упомянул В. И. Ламанского, хотя до этого ни цитат, ни упоминаний этого автора в его работах не было (ссылки на работы или мнения его сына, В. В. Ламанского-младшего, как уже было упомянуто — не в счет)? Дело в том, что 24 декабря 1924 г. в Русском Педагогическом Институте им. Я. А. Каменского в Праге евразиец В. П. Шапиловский (1886–1954) прочитал доклад, в котором ссылался на книгу В. И. Ламанского «Три мира Азийско-Европейском материке» (1892), для подкрепления евразийских позиций. Шапиловский также ссылался на К. Леонтьева, когда касался проблемы концепции евразийской культуры, доказывая, что не существует однозначно эталонной (западноевропейской) культуры. Очевидно, он хотел подтвердить евразийство некими авторитетными именами. В прениях после доклада приняли участие А. А. Кизеветтер, С. И. Гессен, И. И. Лапшин, В. В. Зеньковский, Д. Н. Вергун. «Евразийская хроника» (литографическое издание, Прага, 1925. 43 с.) редактором-составителем которой был П. Н. Савицкий, сообщает об этом событии, прения в заметку не включены. Сам доклад Шапиловского был напечатан в сокращении в упомянутой «Евразийской хронике». Можно предположить, что именно на этом заседании Савицкий впервые познакомился с этой книгой и ее идеями. Похоже, что продолжения не последовало: Савицкий с удовлетворением отметил, что были и прежде другие географы, предшественники евразийцев, среди которых — Ламанский-старший, но признаков того, чтобы он пожелал глубже и обстоятельнее ознакомиться с этой работой «предшественника» нет. В поздних статьях (то есть после 1925 г.) и письмах Савицкого имя Ламанского ни разу не встречается.

Стоит также отметить существенное отличие Ламанского от Савицкого. Срединный мир, отличный от Востока и Запада, Ламанский (в духе идей раннего славянофильства) именует «греко-славянским», подчеркивая единство славянских народов через Православие,

которое имело исток в Константинополе — «Втором Риме». В ареал греко-славянского мира Ламанский включал Грецию, всех славян Балкан и Восточной Европы, а Россию описывал как центр славянства, гарантию прав и свобод славянских народов и народа Греции. Греко-славянский мир объединен православной верой и славянским языком. Эти общности сильнее географических и иных факторов, верил Ламанский.

Вместе с тем Ламанский отмечал важность, хотя не основоположность фактора географии, влияющего на характер народов: «на греко-славянском востоке преобладает равнина и степь, материк господствует и преобладает над берегом, а вместе с тем и охранительно-консервативный характер жителей противоположен движенному и беспокойному духу прибрежных жителей. В романо-германском мире, вследствие раздельности географических условий, гор и морей, не могло сложиться одно великое государство, а развились системы шести стран и племен (Франция, Италия, Испания, Голландия, Англия, Германия — К. Е.), по очереди стремившиеся к политическому господству»³³⁰. Таким образом, Ламанский противопоставляет мир «романо-германский» и «греко-славянский», в то время как балканских и восточных славян (поляков, чехов, болгар, хорватов) евразийцы относили (ментально, географически и культурно) к миру европейскому, противопоставляя ему Россию-Евразию, то есть Россию в союзе евразийских народов.

Объединение в один «мир» восточно-европейских славян, греков и русских было глубоко чуждо Савицкому и особенно Трубецкому, доказывавшему, что единственная подлинная общность славянских народов — язык. Трубецкой довольно настойчиво указывал на то, что славяне Восточной Европы психологически близки Западу, а не России: «Русский литературный язык есть общеславянский элемент в русской культуре и представляет из себя то единственное звено, которое связывает Россию со славянством. Говорим “единственное”, ибо другие связы-

³³⁰ Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М.: Институт русской цивилизации. 2010. С. 11.

вающие звенья призрачны. “Славянский характер” или “славянская психика”— мифы. Каждый славянский народ имеет свой особый психический тип, и по своему национальному характеру поляк так же мало похож на болгарина, как швед на грека. Не существует и общеславянского физического антропологического типа. “Славянская культура”— тоже миф, ибо каждый славянский народ вырабатывает свою культуру отдельно, и культурные влияния одних славян на других нисколько не сильнее влияния немцев, итальянцев, тюрков и греков на тех же славян»³³¹. Трудно представить более категоричного опровержения основ мировоззрения Ламанского и того дела, которому он посвятил свою жизнь! Между тем выводы Трубецкого полностью принял Савицкий, более того, доказывал их с точки зрения своей специальности, то есть географии.

Савицкий доказывал, что мир восточнославянских народов не принадлежит Евразии. Особенно это касается католической Польши и Литвы, которые принадлежат миру «латинства»: «Польша и собственно Литва, историческая жизнь которых определяется началом латинства, принадлежат, следовательно, не Евразийскому, но Европейскому историческому миру»³³². Даже общая православная вера не в состоянии «исправить» эту трагическую «ошибку» географии. Вообще, стоит отметить, что тема Балкан, восточнославянского мира и Византии, как было уже упомянуто, осталась неразработанной, как бы «забытой» в евразийстве. Таким образом, мы не находим у Савицкого следов реального влияния В. И. Ламанского на его *историософию*, которая в некотором роде шла у последнего *впереди геософии*. Это особенно бросается в глаза в сравнении с влиянием и значимостью Н. Я. Данилевского, которого Савицкий цитирует и на которого ссылается часто, даже с некоторым педалированием, как

³³¹ Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре / Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 206.

³³² Савицкий П. Н. Геополитические заметки по русской истории / Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч. С. 287.

на важную для себя в методологическом и идейном смысле фигуру.

Что касается идеи о сплошной протяженности России-Евразии, то ее высказывали, как отметил и сам Савицкий, многие русские географы. В частности, В. Алехин, которого Савицкий часто цитирует в своей монографии, пишет: «<...> все другие страны (Европы — К. Е.) слишком малы по своим размерам, чтобы по ним могли пройти несколько климатических и соответственно растительных полос, <...> тогда как Россия представляет одну обширную равнину, лишенную гор, с очень значительным — в несколько тысяч верст — протяжением с севера на юг»³³³. Здесь Савицкий отмечает важнейшие для своей концепции идеи: зональная протяженность России *с севера на юг*, противопоставление малого рельефа европейских стран большому — евразийскому, отсутствие в России гор как препятствий, имеющих решающее геостратегическое значение.

Важно отметить, что геополитический проект Ламанского скорее противоречит евразийскому. Ламанский считал, что славянские народы и народ греческий (регион Малой Азии и юго-восток Европы, включая острова Средиземного моря) должны объединиться на основе языка, общей, как он думал, психологии и православной веры. Россия должна выступить объединителем славяно-греческого мира, именно для этого она должна освободиться «из-под влияния ей чуждых стихий»³³⁴. Эту задачу он привязывал к настоящему историческому моменту: Россия освободилась от ига романо-германского, турецкого, от угроз кочевого мира и т. д., поэтому следующий вопрос на повестке дня — освобождение всего славянства, которое невозможно без освобождения от крепостной зависимости русского крестьянства.

³³³ Алехин В. Основные черты в распределении растительности Европейской России. Цит. по: Савицкий П. Н. Географические особенности России. Указ. соч. С. 22.

³³⁴ Ламанский В. И. Два мира: романо-германская и греко-славянская цивилизации / Ламанский В. И. Геополитика панславизма. Указ. соч. С. 33.

Евразийцы, напротив, выделили не мир греко-славянский (эта концепция с их точки зрения был опасным геополитическим заблуждением), но мир России-Евразии, который противостоит миру Европы. Таким образом, проект Ламанского можно назвать конкурентным и даже в определенных аспектах антагонистическим по отношению к евразийскому, хотя и у той, и другой программы есть общие черты: выделение романо-германского мира, призыв к «освобождению» от «чуждых начал», некоторые географические и геополитические параллели. Однако ни цели, ни смыслы проектов не совпадают, выводы из общих для них теорий и фактов Ламанский и евразийцы сделали разные, да и сама историческая обстановка не способствовала их схожести. Евразийство рождалось в условиях катастрофы Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны, проект Ламанского — в период освободительного движения на Балканах и российских реформ 1960-х гг., когда между Россией и Европой не было явного непримиримого противоречия, вернее, оно только зарождалось.

Исследователи, которые утверждают зависимость Савицкого от Ламанского, берут только один аспект географической теории Савицкого, а именно: идею о том, что Уральские горы не являются, в силу своей географической расположленности и отсутствия высоких горных цепей, препятствием, которое бы делило территорию на «европейскую» и «азиатскую». Это утверждение довольно важно, но оно не является у Савицкого центральным. В целом, это довольно очевидный для любого географа факт (если бы этого было иначе, скорее всего за Уралом возникло бы другое государство, одновременно, или позже Московской Руси). Кроме того, и сам Ламанский все же довольно традиционно делил Россию на Европейскую и Азиатскую, выделяя «русскую Азию» (Закавказье, Туркестан, южные берега Крыма) и «собственно Азию» (Индия, Иран, Китай, Япония, Сирия, острова Малайского архипелага и т. д.): «В землях этого срединного мира, в пределах русской Азии и даже Европейской России, находятся, правда, более или менее многозначительные

представители господствующих в Азии на юг от русской государственной границы или в пределах собственной, нерусской Азии, религий, языков, нравов, обычаев. Но все они в пределах России занимают положение зависимое, подчиняются влиянию образованности и государственной власти, созданных народом, чужим им по происхождению, по внешнему типу, по языку, по верованиям <...>. Все соседние нам народы собственной Азии — японцы, китайцы, монголы, персы, различных видов и наименований турки <...> относятся вообще одинаково к урусу, оросу, олосу, москову, равно видят в нем чуждого себе, если не всегда враждебного, то всегда сильного и грозного <...> неединоверного им соседа»³³⁵.

Эти рассуждения крайне далеки от евразийских, от идеи «зауральской» и «доуральской» России, от понимания России как многонациональной страны, в которой большую роль играли восточные элементы. Евразийцы, кроме того, ожидали, что восточные элементы будут только усиливаться в будущем, по мере трансформации мира Востока и ужесточения противостояния с миром Запада. Ламанский же ожидал подъема славянского элемента, не боясь в расчет элементы восточные. С точки зрения Ламанского Восток никогда не проснется от цивилизационной спячки.

Собственно, близких к евразийству идей у Ламанского было две. Во-первых, Россия с ее азиатской частью (Ламанский понимал ее наподобие колонии, только примыкающей непосредственно к монополии или Европейской России) иногда называлась им Средним миром, отличным от мира романо-германского и «собственно» Азии. С натяжкой это можно как-то привязать к концепции России-Евразии Савицкого, хотя у Савицкого и евразийцев присутствует не трихотомия, а дихотомия: они выделяют и противопоставляют Европу и Россию, но об Азии и Востоке как таковом пишут мало и периферийно. Эту тему, в частности, вопрос Ирана, стал освещать

³³⁵ Ламанский В. И. Три мира Азиатско-Европейского материка / Геополитика панславизма. Указ. соч. С. 187. Курсив наш — К. Е.

востоковед В. П. Никитин, который присоединился к евразийству довольно поздно, около 1926 г., став членом Парижской евразийской группы. Савицкий и вовсе склонен был в ранний период выделять и противопоставлять материковые страны (Китай, Россия, США) и страны океанические и морские (Англия, Голландия, Испания). Это опять-таки, *не трихотомия, а дихотомия*, нужная Савицкому для более резкого, дуалистически-заостренного взгляда на мировую историю. Во-вторых, Ламанский подчеркивал, что в России метрополия и ее азиатские псевдоколонии составляют непрерывное материковое целое: «Между восточными и южными окраинами Европейской России и западными и северо-западными окраинами русской Азии, собственно говоря, не существует никаких строгих и резких различий и противоположностей ни в географическом, ни в этнологическом, ни в историко-культурном отношении. Переход из одной в другую совершается постепенно и незаметно»³³⁶. Эта идея, хотя и выраженная понятиями, не близкими евразийцам (это скорее родственно ранней Теории империи Савицкого 1915–1916 гг.), несомненно, имеет довольно яркую параллель с евразийскими представлениями.

Что касается вопроса западных границ России, то здесь у Ламанского и Савицкого полное разногласие. По Савицкому, чисто географически, крайней точкой западных границ России является западное пространство, которое не доходит немного до «галицийского Львова», а далее начинается Европа. По Ламанскому «западные и южные сухопутные границы европейской России с Пруссией, Австрией и Румынией суть границы чисто политические, искусственные <...> За этими границами кончается, правда, политическое преобладание и господство восточного православия, а также славянской речи и народности, но вовсе не прекращается численное преобладание господствующей в России веры или славянской

³³⁶ Ламанский В. И. Три мира Азиатско-Европейского материка / Геополитика панславизма. Указ. соч. С. 190–191.

речи и расы»³³⁷. Ареал русского Среднего мира заканчивается лишь там, где «настает полное, исключительное господство немецкой и итальянской речи и народности на западе, а мусульманства и турецкой народности на юге»³³⁸. Итак, Ламанский в Средний мир включает почти всю Восточную Европу до границ Малой Азии на Юге, а также Балканы и Грецию, проводя границы не по географическому и geopolитическому признаку, как евразийцы и Савицкий в частности, но по принципу расово-религиозному.

Есть у Ламанского идеи (причем они не периферийные, а основополагающие), которые прямо противоречат евразийским. Во-первых, это яркий, можно сказать, бескомпромиссный ориентализм, против которого выступали евразийцы: «мир собственно азиатский, частью вследствие своей необновимой уже древности и одичалости, частью в силу своей необновимой уже древности и дряхлости лишен почти всяких видов на самостоятельное, независимое будущее»³³⁹; «Миллионы азиатов коснеют теперь в гордом довольстве своей дряхлой цивилизации или прозябают на различных ступенях той одичалости и грубости, до которой способно только доходить человечество»³⁴⁰; «как бы мы не преувеличивали значение новейшего движения юных японцев, китайцев, турок, персиян, монголов и татар к сближению с Европой и к принятию ее цивилизации, однако, в самом благоприятном для них предположении тут ничего иного нельзя ожидать, как постепенного и более мягкого подчинения этих народов Европе и России»³⁴¹. Подобными высказываниями буквально усыпаны сочинения Ламанского. Европа — светоч цивилизации, господство европейских народов неоспоримо и никогда не кончится, другие народы никогда не смогут догнать, не то, чтобы «пере-

³³⁷ Ламанский В. И. Три мира Азиатско-Европейского материка / Геополитика панславизма. Указ. соч. С. 201.

³³⁸Там же. С. 202.

³³⁹ Там же. С. 197.

³⁴⁰ Там же. С. 196.

³⁴¹ Там же. С. 193.

гнать» Европу, причем именно две «лучшие» ее расы — русских и англичан. Читая Ламанского, понимаешь, что, возможно, евразийцы и к лучшему не были знакомы с его писаниями, иначе могли бы подвергнуть их жесткой критике.

На основании всего сказанного может быть сделан следующий промежуточный вывод: ранняя концепция Савицкого если и имела влияние со стороны Ламанского, то очень слабое, через косвенные источники, авторов, знавших Ламанского, которых читал Савицкий. Единственным письменным, хотя и крайне слабым свидетельством того, что Савицкий мог читать Ламанского, служит одна фраза из его ранней статьи 1916 г. «К вопросу о развитии производительных сил», в которой он говорит о Европейской России и русской Азии. Согласно принципам настоящей работы, единственное письменное свидетельство без ссылок на источник высказывания не может считаться доказательством какого-либо утверждения. Ламанский только однажды упомянут в числе «других географов», но ни одной цитаты из его работ у Савицкого нет. Нет даже косвенной цитаты — пересказа его взглядов. Если бы Ламанский имел для Савицкого значение, он бы его цитировал и ссылался на него. Например, на Н. Я. Данилевского Савицкий ссылается многократно, его цитирует как в ранних (после 1924 г.)³⁴², так и в поздних

³⁴² В письме к П. П. Сувчинскому от 05.12.1924 г. Савицкий впервые упоминает Данилевского, с просьбой взять для него из Берлина его сочинения: «Когда будете ехать в Вену, то, пожалуйста, если можно, не забудьте захватить с собой: <...> томы сочинений Хомякова с "Запиской о всемирной истории" (Семирамида) <...> Несмелова (оба тома) и Данилевского» (Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 405). В 1925 г. Савицкий пригласил сестру Г. В. Флоровского, К. В. Флоровскую, чтобы она прочитала для членов Пражского евразийского семинара лекцию на тему «Историософия Н. Я. Данилевского». Лекция была прочитана 12 декабря 1925 г. После 1926 г. появляются ссылки на Данилевского в статьях Савицкого. Это показывает, что интерес Савицкого к его мысли, как историософской, так и связанной с критикой дарвинизма, от которой отталкивался ценимый Савицким автор номогенетической теории Л. С. Берг, был постоянным, и все более возрастающим. Ничего подобного в отношении Ламанского со стороны Савицкого мы не наблюдаем.

своих работах. Нужно отметить, что откровенно ориенталистских (Трубецкой называл их шовинистическими) высказываний, которые могли бы оттолкнуть евразийцев, у Данилевского нет.

Скорее всего, в эмиграции у Савицкого просто-напросто не было под рукой книги Ламанского. Это и неудивительно: книга была библиографической редкостью. В 1892 г. вышло первое издание книги Ламанского, в 1916 г. — второе, дальнейшие переиздания были осуществлены уже в постсоветскую эпоху. Даже по этим скучным переизданиям видно, что особого запроса на книгу Ламанского не было. К примеру, в 1912 г., уже через шесть лет после первого издания в 1906 г., вышло седьмое переиздание книги Д. И. Менделеева (1834–1907) «К познанию России», на которую многократно ссылается Савицкий в своих работах. То есть, книгу Менделеева в России переиздавали ежегодно. В 1924 г. было осуществлено ее переиздание в Мюнхене. Эту книгу переиздавали также в 1934 г. в Париже, в 1952 г. — в Буэнос-Айресе. Для сравнения, до революции книга Ламанского выходила только дважды, в эмиграции — ни разу. Ее переиздание в 1916 г. было осуществлено учениками Ламанского, вышло с предисловием Г. М. Князева в Санкт-Петербурге.

Согласно указанию самого Савицкого, он работал над монографией 5 лет, то есть начиная с 1922 г. Если к этому времени у него не оказалось книги Ламанского (все его книги были потеряны во время эвакуации из Крыма), и он мог только вспомнить о ее существовании, но даже не указал точного названия (возможно забыл?) в статье 1925 г. «Евразийство», то она и не могла повлиять на его позднюю географическую концепцию, хотя, возможно, имела какое-то значение для ранней. Следов влияния Ламанского в письмах, статьях или архивных материалах до 1922 г. тем не менее, не имеется. Невольно приходишь к выводу о том, что исследователи, говоря о заимствовании евразийцами идей Ламанского, или о его возможном на евразийство влиянии, навлекают на себя подозрение в том, что они или не читали (по крайней мере внимательно) самого Ламанского, или не читали (или не поняли) евразийцев....

Здесь мы сталкиваемся с определенным парадоксом, о котором говорил исследователь евразийства Л. Люкс: *параллели без соприкосновений*³⁴³. В научном и философском мире таких явлений очень много, иногда «одновременность» какого-либо открытия порождает даже споры о первенстве, вплоть до исков в судебные инстанции ради признания авторских прав (вспомним спор Ньютона и Лейбница об авторстве дифференциальных исчислений). Если все параллели искусственно сводить к заимствованиям или «влияниям», то могут получаться самые причудливые выводы, как, например, такие: «Ф. Ницше (1844–1900) конечно же повлиял на евразийство. Из философии Ницше евразийство восприняло шопенгауровский пессимизм и волю к его преодолению»³⁴⁴. Рассуждая в таком ключе, можно приписать влияние буквально любого классика на евразийцев — Гегеля, Гуссерля, Бергсона, Маккинdera, Ратцеля, Хаусхофера... К чему доказательства — главное, обнаружить, что что-то на что-то похоже³⁴⁵.

Однако в данном случае мы, как уже это было упомянуто во введении, придерживаемся принципов строгого следования фактам и историческим источникам, каковыми являются статьи, книги, письма и иные архивные документы. Принцип аналогий в гуманитарном исследовании, на наш взгляд, интересен, показывает богатую эрудицию автора, но с точки зрения фактической ценности выводов часто оказывается бесполезным, а порой и вредит, поскольку искажает истинную картину: «Можно в евразийстве увидеть отблески западного ориентализма <...>, сходство с солидаризмом Л. Дюги и

³⁴³ Люкс Л. Евразийство и консервативная революция: соблазн антizападничества в России и Германии // Политическая концептология. № 1. 2016.

³⁴⁴ Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или мысли о величии империи. М.: «Наталис», 2004. С. 56. Курсив наш — К. Е.

³⁴⁵ С оговорками можно было бы указать на то, что Ницше мог иметь некоторое влияние на общее мировоззрение П. П. Сувчинского, особенно раннего периода (до 1917 г.). Однако на евразийство в целом Ницше все же, по нашему мнению, никакого влияния, тем более значимого и существенного, не оказал.

Ж. Сореля, элементы социологии М. Вебера и философии власти В. Парето, оттенки идей Ж. А. Гобино и Х. С. Чемберлена»³⁴⁶. Ряд аналогий, конечно, внушителен, но если бы сами евразийцы узнали, «отблески» чего можно найти в их работах, вероятно, они бы немало удивились. Прав был исследователь В. Я. Панченко: «Евразийцы “очень неудобны” для исследователей, пытающихся “загнать” их творчество в определенные схемы, причислить к каким-либо направлениям, существовавшим прежде и существующим ныне. Они слишком оригинальны и самобытны, чтобы быть чьими-то последователями, тем более эпигонами»³⁴⁷. Следовательно, если в исторических источниках нет никаких признаков, подтверждающих то или иное мнение исследователя, то следует признать это мнение ошибочным, иначе фантазии могут завести нас очень далеко от истины. *Следует отличать истоки, влияния, схожести, параллели.* Эти четыре вида концептуальных аналогий или идейной родственности вовсе не одно и то же. По содержанию они отличны как друг от друга, так и все вместе, объединяясь, не дают полного совпадения с какой-либо системой идей.

Вопрос о влиянии и истоках евразийской мысли остается, таким образом, открытым, что заставляет нервничать исследователей и искать аналогии и предшественников. Несмотря на то, что в своей монографии Савицкий говорит о многих авторах, важных для его концепции³⁴⁸,

³⁴⁶ Мартинкус А. Соблазн могущества. Указ. соч. С. 19.

³⁴⁷ Пащенко В. Я. Социальная философия евразийства. М.: «Альфа-М», 2003. С. 16.

³⁴⁸ На страницах монографии Савицкого мы находим имена таких авторов, как А. Д. Архангельский, В. В. Алексин, Р. И. Аболин, Л. В. Абутьков, Я. Н. Афанасьев, В. В. Бартольд, А. И. Бессонов, М. И. Балкашин, Н. А. Буш, П. И. Броунов, Богданов, Г. И. Боровка, В. П. Бушинский, Л. С. Берг, Б. Л. Брук, Е. Варминг, В. И. Вернадский, В. В. Винер, Ф. А. Виноградов, А. И. Войков, Д. Г. Виленский, В. Г. Вильямс, Я. Я. Витынь, Г. Н. Высоцкий, Н. Гаврилов, Г. Гаак, А. И. Герцен, К. Д. Глинка, Б. Н. Городков, А. фон Гумбольдт, Б. Б. Гриневецкий, А. Я. Гордягин, Геродот, К. П. Горшенин, К. К. Гедройц, Н. Я. Данилевский, А. Г. Дояренко, В. В. Докучаев, Н. А. Димо, В. А. Дубянский, Г. И. Доленко, Д. А. Драницын, Оскар Друде, Н. Д. Емельянов, Жиллеров, А. А. Жилинский,

в его работах упомянуто большое количество имен, он, как и другие евразийцы, настаивает на безосновной основе евразийства, на том, что оно родилось как бы само собой, инициировано самим временем и его грандиозно-трагическими событиями, его экзистенцией, напряженнейшей энергией момента. Главным вдохновителем и источником идей для евразийства Савицкого была сама Россия: «То мировоззрение или, если угодно, то настроение, которое окрещено наименованием “евразийства”, представляет собою попытку взглянуться в происходящее в рамках не только текущего момента, но и широких исторических перспектив. В содроганиях современности, среди опустошений вулканического взрыва, евразийцы видят и чувствуют вознесение на земную поверхность, в план мирового существования, новой огненной жизни», писал Савицкий в январе 1922 г. — «я приглашаю вас самым внимательным и прилежным образом взглянуться в эмпирические, действительные черты происходящего. Мне кажется, что именно взглянувшись в них, можно постичь и оценить огромность того духовного излучения, которое в последние десятилетия и особенно в последние

Е. И. Жуковский, К. Заппер, С. А. Захаров, И. А. Зворыкин, В. С. Ильин, А. А. Каминский, В. Г. Карагыгин, А. Н. Карамзин, А. Н. Краснов, В. Л. Комаров, Б. Н. Книпович, С. Краснопольский, А. А. Крубер, С. И. Коржинский, А. А. Красюк, В. Л. Комаров, П. Н. Крылов, Б. Н. Книпович, Г. А. Клюге, К. Кейльгак, Б. А. Келер, Ю. Клеопов, Н. Н. Кузнецв-Угамский, П. Коровин, Е. Е. Лавенко, К. Н. Леонтьев, А. И. Набоких, Н. Я. Марр, Монтецкие, Д. Менделеев, Г. Ф. Морозов, Е. де Мартонэ, Г. Мес, Мушкетов, В. Е. Мотылев, Г. Ф. Нефедов, И. В. Новопокровский, С. С. Неуструев, К. К. Никифоров, П. В. Отоцкий, И. К. Пачоский, А. М. Панков, П. Е. Пегеев, С. Н. Прокопович, Л. И. Прасолов, Н. И. Прохоров, Л. Г. Раменский, Н. И. Рожанцев, М. И. Рожанец, Р. В. Ризположенский, А. Н. Стасюлевич, В. П. Семенов, В. П. Семенов-Тянь-Шаньский, Н. М. Сибирцев, А. Н. Седельников, Б. А. Скалов, Н. М. Сибирцев, А. Н. Соколовский, В. Н. Сукачев, Н. А. Северцов, Н. Н. Страхов, П. П. Семенов, Г. И. Тан菲尔ьев, А. П. Тольский, А. Тюрин, Г. М. Тумин, Жозеф де Турнефор, Н. С. Трубецкой, С. А. Теплоухов, Н. Н. Уралов, Л. Фельде, И. В. Фигуровский, А. Н. Челинцев, С. П. Шевырев, З. Ю. Шокальский, И. А. Шульга, М. Энгельгардт-Классовский, М. В. Яхонтов, А. Яната, С. А. Яковлев, Е. Н. Minns, С. F. Marbutt, Raukiaer, H. L. Schantz, R. Zon.

годы изливала в мир Россия»³⁴⁹. Начавшись как «огненное вдохновение», евразийство постепенно «остыпало» и «выкристаллизовалось» в конкретные идеино-концептуальные формы. Но если у других основоположников это «прозрение» и «вдохновение» рано или поздно остыло окончательно, то Савицкий до конца дней остался «пламенным кочевником», вдохновенным и вдохновляющим евразийцем и россиеведом.

Возможно, ближе всего к истине то, что евразийство было экзистенциальным прозрением; чем-то, заставляющим вспомнить пророческое вдохновение. Конечно, это не значит, что оно родилось само по себе, ex nihilo. Все предшествующие впечатления, жизненные обстоятельства, прочитанная и изученная литература и т.д., стали основой для евразийства, но сама искра, которая зажгла этот идейный костер, была экзистенциального происхождения, родилась в момент религиозного напряжения. Это и сблизило таких непохожих друг на друга основоположников. Говоря об основе и истоках евразийства, никогда не надо забывать о его экзистенциальном, религиозно-прозреческом ресурсе, как о главном его источнике.

³⁴⁹ Савицкий П. Н. К обоснованию евразийства // Записки Русской академической группы в США. Т. XXXVII. Нью-Йорк, 2011–2012. С. 319. Курсив автора.

27. Важнейшие идеи монографии Савицкого

Географ, геоботаник, почвовед Гавриил Иванович Танфильев (1867–1928) был автором, действительно оказавшим влияние на Савицкого. Более того, Савицкий издает свою работу «Географические особенности России. Ч. 1. Растительность и почвы», следуя именно за Танфильевым, даже в какой-то мере подражая его центральной работе «География России Ч. I. Введение: История исследования. Учреждения и издания. Картография» (Одесса, 1916); Ч. II. «География России, Украины и прилегающих к ним с запада территорий». Вып. 1. «Рельеф Европейской России и Кавказа» (Одесса, 1922); Вып. 2. «Рельеф Азиатской России»³⁵⁰ (Одесса, 1923); Вып. 3. «Земной магистраль, климат, реки, озера» (Одесса, 1924). По слову Савицкого: «Труд этот заслуживает внимания со стороны каждого, кто имеет то или иное отношение к познанию России — к какой бы области не относилась сфера его специальных интересов»³⁵¹. Более того, Танфильев анонсировал выход заключительного тома: Вып. 4. II-ой части «Географии России»: «Моря. Почвы, Растительность. Животный мир. Человек. Деление России на области». Он не успел осуществить задуманного, скончавшись в 1928 г. Савицкий надеялся на выход этого издания и ждал его с нетерпением, даже свою книгу назвал аналогично анонсированной (Ч. I. «Растительность и почвы»), задумав, заодно, и выход второй части своей монографии, которая должна была называться (согласно аннотации к книге): Ч. II. «Хозяйство» (то есть деятельность человека на определенной территории), что коррелирует с анонсом будущей (но не состоявшейся) книги Танфильева: «Моря. Почвы, Растительность. Животный мир. Человек. Деление России на области». Савицкий, как

³⁵⁰ Обращаем внимание на то, что у Танфильева также встречается расхожая терминология того времени: «Европейская Россия» и «Азиатская Россия».

³⁵¹ Савицкий П. Н. Синтетический труд по географии России. ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 147. Л. 1–15.

не биолог и даже не геоботаник, конечно, не брался за тему «морей и животного мира», но осветить хозяйственно-антропологические аспекты собирался. В своей монографии он выделил главу VI «Деление России-Евразии на географические области», что имеет прямую параллель с планируемым Танфилемевым разделом «Деление России на области». Вопрос *правильного деления* России *на области* был для Савицкого намного шире поставленной Ламанским проблемы деления, вернее, соединения России воедино по линии Урала. Для Савицкого это «центро-периферическое» и «широтно-полосовое», и, главное, — «ботанико-географическое», в пределе — антропологическое деление не с запада на восток, но *с юга на север*, о чём речь пойдет ниже.

Первую часть («Растительность и почвы») он мыслил, как вводную к «Хозяйству», в котором, собственно, и должно было раскрыться главное смысловое содержание особенностей России, повлиявшее на антропологию (в широком смысле слова). Но вторая часть книги Савицкого так и не вышла. Можно только догадываться — почему. В архиве Савицкого — десятки неизданных текстов. Суммировать, редактировать, приводить этот текстовой массив в порядок, скорее всего, у него не было сил и времени. Тема «Хозяйство» не давалась ему в удовлетворяющем его объеме. Упомянутая статья «Хозяин и хозяйство» носит скорее предварительный, вводный характер. Измученный множеством дел и обязательств, безденежьем, сложностями в связи с началом Второй мировой (для Чехословакии война пришла в 1939 г., тогда же нацистскими оккупационными властями были запрещены евразийские издания), Савицкий не смог осуществить до конца главное дело жизни — издание антропогеографической монографии в полном объеме.

В отличие от Танфилемева, который был частью мощных институций: Императорского вольного экономического общества, Почвенной комиссии, Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и т. д., Савицкий был одинокой, эмигрантом, порой на последние деньги покупавшим редкие

географические издания. Соответствующие государственные институции Российской империи давали мощную поддержку: организовывались экспедиции, предоставлялась возможность выступить с докладом, участвовать в прениях, и публиковаться в печатных изданиях (в Российской империи было более десятка профессиональных почвоведческих журналов). В эмиграции Савицкий был вынужден печатать свои труды по геософии, географии и россиеоведению в случайных, не тематических журналах, а неподготовленным читателям общее направление таких работ казалось довольно сомнительным, непонятным, порой — скучным. Так, например, он поместил свою географическую статью «К познанию русских степей» в литературном журнале «Версты»³⁵² (на обложке обозначен как «Журнал литературы, искусства и общественной мысли»). Неудивительно, что Савицкий не завершил свой труд. Скорее, чудом можно считать выход первой части его монографии.

Савицкий старался следовать Танфильеву в методе всеохватности, рассмотрения предмета со всех сторон — климат, растительность, археология, этимология географических названий, почвы, магистизм, инсоляция, температурный режим и его влияние на земную поверхность. Похоже, что свою систему зон с их параллелизмом (синхорологией — о чем речь пойдет ниже) на севере и юге Савицкий придумал, внимательно читая книги Танфильева. Определенные рассуждения Танфильева натолкнули Савицкого на идею «периодической системы зон», о чем он писал в статье, посвященной книге Г. И. Танфильева «Синтетический труд по географии России»: «Дело в том, что южная граница распространения ледников, в очертаниях своих, может быть сопоставлена с северной границей нынешней степной зоны. В пределах степной зоны важнейшим строителем современного рельефа является ледник; в пределах степной полосы та же роль принадлежит размыву. Этим определяется возможность

³⁵² Савицкий П. Н. К познанию русских степей // Версты. Кн. 3. Париж, 1928.

связать учение о рельефе с основным для русской почвенно-ботанической географии учением о зонах. Тем самым кладутся основания для синтетического и в то же время систематического рассмотрения географических ландшафтов»³⁵³.

Большое значение для Савицкого имели работы Г. Ф. Морозова, создавшего учение о лесе как о взаимосвязанном, «фрактальном» живом сообществе, в котором каждый организм развивается в симфонии с другими лесными организмами. В качестве «теоретиков», опираясь на идеи которых Савицкий создавал свою концепцию, нужно назвать Н. Я. Данилевского (в монографии он неоднократно цитируется), Д. И. Менделеева (для Савицкого была важна его книга «К познанию России»). Морозов, сформулировавший учение о закономерности лесного царства, был созвучен Савицкому, искавшему законы, связи, ритмы — единство мироздания: «Будь лик земли хаотичен, не будь в его строении закономерности, нельзя было бы, конечно, думать, что положение в основу различия лесов условий местопроизрастаний даст когда-нибудь ясные и полезные результаты. Но в действительности, дело обстоит иначе. Химизм, физические свойства, гидрологические особенности, тепловой режим, качества гумуса в наших почво-грунтах находятся во взаимной закономерной связи, а также в связи с климатом, и с морфологическими особенностями данного лика земли»³⁵⁴.

Это центральное утверждение Савицкого гармонирует с его главной интуицией единства и закономерной связи, которую исследователь Рустем Вахитов вслед за Патриком Серио³⁵⁵ назвал «органической целостностью» в противовес «искусственному» единству: «множественности,

³⁵³ Савицкий П. Н. Синтетический труд по географии России. ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 147. Л. 1–15.

³⁵⁴ Савицкий П. Н. Географические особенности России. Часть 1. Растительность и почвы. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 26–27.

³⁵⁵ Серио П. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг. М.: Языки славянской культуры, 2001.

соединенной под воздействием внешней силы»³⁵⁶. Патрик Серио, вслед за критиком евразийства, историком А. Кизеветтером, определяет этот подход как «географический мистицизм», но в отличие от Кизеветтера находит этот подход продуктивным: «теория связи людей с территориями основана на взаимодействии, а не на детерминации. Конечно, и у тех, и у других мы находим мысль о том, что науки о земле и науки о человеке не нужно разрывать, что страны и люди должны рассматриваться как нечто Цельное. Однако позиция евразийцев с их акцентом на связи между социоисторической средой и географической обстановкой своеобразна: они не учитывают причинные отношения и выводят на первый план понятие *симбиоза, органической целостности*. Их научная задача — выявить связи, чтобы определить границы между целостностями»³⁵⁷.

География для Савицкого — это арена, на которой разворачивается человеческая история: «Развитие русской географической науки, по-новому и по-своему изучившей тот субстрат, на котором непосредственно живет и хозяйствует человек, на котором и среди которого развертывается “история” человеческих обществ: почву и ее ботанический покров»³⁵⁸. По сути, монография Савицкого и есть обоснование с географической точки зрения теории Единства Мироздания. Географическая, а точнее — геософская книга Савицкого — это, одновременно и пролегомены к евразийской истории и историософии. Почва, растительный покров, минералы, полезные ископаемые и прочее, образуют единое «общежитие» с человеком, единое геоморфологическое сообщество.

Для обозначения этого сообщества — единого биоценоза человека и его среды обитания — Савицкий предложил термин «месторазвитие», в основе которого

³⁵⁶ Вахитов Р. Р. Диалектическое определение евразийства // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 136.

³⁵⁷ Серио П. Структура и целостность. Указ. соч. С. 233. Курсив автора.

³⁵⁸ Савицкий П. Н. Географические особенности России. Указ. соч. С. 29.

лежит его концепция «Единства мироздания», морфологической связи всего со всем («между растительными, животными и минеральными царствами, с одной стороны, человеком, его бытом и даже духовным миром, с другой»³⁵⁹), когда каждый фактор среды обитания влияет на человека, а он, в свою очередь, преобразует свое месторазвитие «под себя». С опорой на Н. Я. Марра (в отличие от Трубецкого, яростно критиковавшего марризм, Савицкий относился к нему с большим интересом), Петр Николаевич утверждал, что народ «выбирает» для себя месторазвитие, соответствующее его духовному складу, и, одновременно приспосабливает его под себя. Образуется сложный симбиоз человека и его Родины, его месторазвития. История и есть постепенное очеловечивание месторазвития, которое выбирают в самом начале, на заре истории, предки того или иного народа для обитания. Градостроительство, система орошения, сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность — все это формирует человеческое сообщество, ставит ему определенные задачи. Существует иерархия месторазвитий: «Каждый двор, каждая деревня есть месторазвитие. Подобные меньшие месторазвития объединяются и сливаются в месторазвития большие»³⁶⁰. Высшее месторазвитие — наша планета: «земной шар, как месторазвитие человеческого рода»³⁶¹. Чтобы понять, какие задачи ставит перед тем или иным народом выбранное им месторазвитие, его необходимо знать, изучать и понимать. Савицкий занимался этим всю жизнь. Более глубокого и тонкого знатока России, ее истории, географии, архитектуры и т. д. сложно было найти не только в эмиграции, но и, пожалуй, в СССР.

В монографии Савицкий вводит еще один важный для него термин — «*обстояние*», которое включает смысловое значение «*обстоятельства*», но выходит за уз-

³⁵⁹ Савицкий П. Н. Географические особенности России. Указ. соч. С. 29.

³⁶⁰ Савицкий П. Н. Россия особый географический мир. Прага: Евразийское книгоиздание, 1927. С. 30.

³⁶¹ Там же. С. 30.

кие рамки последнего. Обстояние — это и обстоятельства, и факторы внешние и внутренние, духовные, то есть совокупность физических и психических, духовных причин, которые имеют определенные последствия, сочетаясь воедино. Само слово «обстояние» Савицкий, скорее всего, взял из церковнославянского тезауруса. Это слово нередко употребляется в церковнославянских текстах (напр.: «ихже ради объят я лютое обстояние» 2 Мак. 4, 16, то есть: «за это их постигло жестокое искушение»). В церковно-славянском языке «обстояние» имеет значение — забота, нападение, искушение, ряд разнородных сложностей, постигших кого-либо. Савицкий берет из этого смыслового ряда только одно значение: комплексность, усложненность, проблематичность, и использует для демонстрации компонентов того или иного причинного ряда.

Еще одно важное, вводимое Савицким понятие: «синхоролог», которое можно понять, как «зеркальное отражение», соответствие. Свой термин Савицкий мягко противопоставляет термину Танфильева «синонимики», доказывая, что его термин точнее и лучше. Он утверждает, что Россия-Евразия уникальна тем, что юг и север, а также восток и запад страны синхорологичны, то есть почвы и зоны не просто «флагоподобны», но имеют аналоги друг другу по типу растительности, по типу климата и, соответственно, хозяйственной деятельности, которую может (или не может, в случае южной пустыни или ее «синхоролога» — ледяной пустыни на севере) осуществлять человек. Савицкий много времени и сил тратит на то, чтобы найти и доказать наличие этих «синхорологов». Например, синхорологом каштановой зоны Ставропольского края у Савицкого выступают полынnyе степи границ Самарской и Саратовской области (до 1928 г. эта область называлась Новоузенским уездом). По всему пространству России-Евразии расположены подобные синхорологи, что связывает все евразийское пространство по климато-почвенному и географическому принципу воедино. Поэтому люди, живущие на севере, на юге или на востоке России-Евразии принципиально не

отличаются друг от друга по менталитету и ценностным нормам, даже несмотря на различия национальные, культурные или языковые.

Подобного синхорологии мы не наблюдаем ни в Европе, изрезанной горами, реками и окаймленной морями и океанами, ни в Азии. Это «привилегия» больших, вытянутых горизонтально стран. Аналогии подобного синхорологии, но не полного цикла, можно зафиксировать в США и в Китае. Это дает стране дополнительную устойчивость, а вспышки сепаратизма могут возникать лишь на «разломе» границ и зон. В случае России — это Украина и Кавказ, в случае Китая — на Тайване, в Гонконге (прибрежные районы, провоцирующие противостояние сухопутного и морского Китая); в США — на границе с Мексикой, но не с Канадой, которая «продолжает» климатически и почвенно-географически «месторазвитие» США. Именно эти три страны — Россию, США и Китай Савицкий выделяет как ведущие страны будущего, как сухопутные державы, поскольку эра «владычицы морей» — Англии закончилась, как и океаническое доминирование в целом. Началась эпоха континентальных держав, которые определят культуру и развитие экономики, политики, будущее человечества. Такие прогнозы Савицкий делал уже в начале 1920-х гг. в статье «Континент-океан», вошедшей в «сокращенную версию» монографии, то есть в книгу «Россия особый географический мир».

Таким образом, вся Россия-Евразия предстает как некое зазеркалье. В нем отражаются север и юг, запад и восток. Подобно раскрытой книге, она раскинулась на огромном пространстве, а ее «страницы» (климатические зоны) — зеркально отражают друг друга. Между прочим, в этой теории много философского содержания, которое провоцирует выводы, например, о повторах в истории России, о ее вновь и вновь совершаемых ошибках или исторических «победах», как если бы Россия застряла в некой временной петле. Поэтому так медленно совершаются в ней все исторические процессы, медленно реализуются решения, и все склонно возвращаться «на

круги своя». В свое время это буквально сводило с ума П. Я. Чаадаева, который хотел бы раскачать русский медленный архипелаг, а Лазарь Коганович, с победным криком «Задерем подол Матушки-Руси» взорвавший Храм Христа-Спасителя (на его месте возникла на долгие десятилетия водная гладь открытого бассейна, отражающая в себе небо), вероятно, онемел бы от ужаса, оказавшись через полстолетия на месте взорванного им Храма — и увидев снова тот же Храм, отстроенный потомками, едва успевшими спрятать партбилеты на дальние полки.

В своей монографии Савицкий утверждал, что в России географически все меняется не с запада на восток, но с севера на юг — осадки, климат, рельеф. Савицкий подводит читателя к мысли о том, что география России не совпадает с мироощущением западных народов, которые делят мир на запад и восток; но коррелирует с мироощущением восточных народов (иранцы, китайцы, жители Ближнего и Среднего Востока вообще), для которых мир поделен на север и юг (Северная Корея — Южная Корея, Северный Китай — Южный Китай и т. д.). Таким образом, география России «сформирована» или предздана «по-восточному», а не «по-западному» типу мироощущения.

Особенностью России также является горизонтальное распределение почвенно-климатических зон: «И в общем, пролегание ботанико-географических зон в рассматриваемой нами области можно уподобить расположению полос *горизонтально подразделенного четырехполосого флага*: как на флаге чередуются цвета, здесь чередуются зоны»³⁶². Это 4 зоны (иногда — 3 зоны, в местах «сужения» ландшафта): пустыня, степь, лес и тундра. Есть районы, где из «флага» «выпадает», к примеру, полоса пустыни или леса. Но в общей картине географии России эти четыре зоны тянутся флагоподобно через все пространство, обеспечивая единообразие видов, хозяйственных укладов, и, наконец, характеров и мировоззрений...

³⁶² Савицкий П. Н. Россия особый географический мир. Указ. соч. С. 44. Здесь и далее курсив автора.

Это сложение не соответствует европейскому, где: «*Флагоподобному широтно-полосовому зональному сложению евразийских низменностей-равнин противостоит мозаическое, дробное зональное сложение Европы*»³⁶³. Важно отметить, что Савицкий выделяет «долготное ядро континента»³⁶⁴, ту срединную зону России-Евразии, или, лучше назвать ее ключевой, кардинальной, магистральной полосой земель — широтную, центральную ленту пространств, на протяжении которой все 4 зоны (степь, лес, тундра, пустыня), сменяются с правильной синхронной последовательностью. По Савицкому, «Рубеж Урала не играет здесь роли. И к западу, и к востоку от него — сложение четырехзонально»³⁶⁵. То есть в России по линии долготного ядра континента ботанико-географические зоны сменяют друг друга 4 раза. В «зажженных» местах географического массива России-Евразии уже три зоны — степь, лес, тундра и это — «долготная ось Доуральской России».

Мир Европы по сравнению с Россией «сжат», например, южные субтропические леса в Греции смыкаются с лесами арктическими в Норвегии. В Евразии таких «смычек» нет — зоны тянутся на долгие пространства и сменяются синхронно. В России — «Неясность форм поверхности; затушеванность геоморфологических начал; четкая выраженность горизонтально-зональных изменений ботанических и почвенных форм... В Европе — обратно: четкие формы поверхности; яркая выраженность геоморфологических начал; затушеванность горизонтально-зональных изменений»³⁶⁶. Таким образом, географически Европа предстает как зеркало, в котором отражается *противоположное* отражение России, климатически и географически по отношению друг к другу

Европы и Россия предстают как плюс и минус географо-

³⁶³ Савицкий П. Н. Россия особый географический мир. Указ. соч. С. 45–46.

³⁶⁴ Там же. С. 44.

³⁶⁵ Там же. С. 44.

³⁶⁶ Там же. С. 21.

энергетической шкалы.

Важнейший вопрос, который ставится в книге, касается границ Евразии. Россия почти совпадает с ее географическими границами, но исторически выбирает и мутит, то теряя «исконные» территории, то прирастая «чуждыми» территориальными элементами, но в основе своей сохраняет свое евразийское ядро: «Не доходя до галицийского Львова, приблизительно около 5° западной широты от Пулкова, выклинивается и степная зона, тянувшаяся сплошной полосой от предгорий Алтая... Здесь-то на долготе выклинивания тундры, как “горизонтальной” зоны, на долготе выклинивания степи, как сплошной полосы, — пролегает граница Евразии, как особого географического мира. К западу лежит Европа...»³⁶⁷. Граница Евразии, по Савицкому, пролегает в районе Львова, там, где «выклинивается» сплошная полоса степи и заливается («выклинивается») горизонтальная полоса тундры. Европа — область, где нет ни сплошных флагополосых зон степей, ни горизонтальных сплошных полос тундры. Там, после Львова — иной географический, а значит и исторический, антропологический мир.

Россия-Евразия выходит за границы на востоке: «Дальний Восток, в том числе русский Дальний Восток (как совокупность стран, лежащих восточнее 90° восточн^{ой} долготы от Пулкова) оказывается вне евразийского мира: он находится в Азии. В этом сказывается упомянутое в начале работы несовпадение границ географических с границею политической»³⁶⁸. Но даже и Дальний Восток имеет зональное сходство с Россией-Евразией, которого нет в Европе: «севернее (и отчасти северо-восточнее) лесной полосы здесь залегает тундра, (не только как вертикальная), но также как горизонтальная зона, что наблюдается в Евразии и чего нет в Европе»³⁶⁹.

Важнейшим утверждением Савицкого является идея о том, что все географические процессы и явления

³⁶⁷ Савицкий П. Н. Географические особенности России. Указ. соч. С. 45.

³⁶⁸ Там же. С. 51.

³⁶⁹ Там же. С. 51.

в России имеют циклический, круговой характер: «От зонального южного безлесия — к зональному же безлесию северному», а что касается леса, то «Лесная полоса, в данном случае, является той осью, около которой симметрически располагаются упомянутые явления»³⁷⁰. Таким образом, «В пределах России-Евразии, наряду с полным (от безлесия к безлесию) горизонтально-ботаническим (и вообще горизонтально-зональным) циклом низменностей-равнин имеется такой же вертикальный цикл ее горного окаймления. Этим обстоятельством повышается значение в характеристики России-Евразии явлений зональной цикличности и зональности вообще»³⁷¹. Ритмическая природа России-Евразии как бы «запускает» ритмику и исторического процесса: «Нельзя представить более идеально-ритмического распределения зональных явлений, чем наблюдаемое на этой долготе...»³⁷², пишет Савицкий о меридиане Пулкова и тех областях, которые лежат на его протяжении... Ритмика и синхорология России-Евразии уникальна, даже в какой-то степени «божественна», поскольку ритм есть как бы начертания, иероглифы, или музыка, данная Свыше. Они указывают на Божественные письмена, начертанные на этой территории, то есть открывают божественный *замысел, волю и интенцию*.

Таким образом, книга Савицкого служила главной цели: обоснованию концепции России как *особого географического мира*. Россия свидетельствует о Горнем мире самим фактом своего бытия: «В непрерывной связи всего сущего, в последовательности форм тварного мира, нити обусловленностей и подобий, тянутся к человеческому — из миров, совсем иных форм»³⁷³.

³⁷⁰ Савицкий П. Н. Географические особенности России. Указ. соч. С. 51.

³⁷¹ Савицкий П. Н. Россия особый географический мир. Указ. соч. С. 55.

³⁷² Савицкий П. Н. Географические особенности России. Указ. соч. С. 137.

³⁷³ Савицкий П. Н. Россия особый географический мир. Указ. соч. С. 63.

28. Первоначальная и зрелая евразийские концепции Савицкого

Как видим из краткого обзора монографии 1927 г., в ней высказаны идеи, которые раньше не встречались в его статьях. Перед нами новая, наполненная оригинальными ключевыми терминами концепция. Говоря о ранней и поздней концепции Савицкого, мы можем предположить, что *ранняя сложилась в период от 1913 до 1922 г., поздняя — от 1922 до 1927 гг.* Важным признаком, отличающим первую евразийскую концепцию Савицкого от второй является то, что после написания монографии он стал использовать термин «геополитика», который не встречается в его ранних произведениях. Так, например, есть статья Савицкого (датирована 1933 г.) «Географические и геополитические основы евразийства», а также неоконченная статья «Основы геополитики России», к которой позже Савицкий сделал следующее примечание: «Первые страницы книги по геополитике России, которая была заказана мне Ильею Исидоровичем Фондаминским (Париж). Я начал ее писать в 1938–1939 гг., но написание не пошло дальше первых страниц. 14.XI.1944. П. Н. Савицкий»³⁷⁴. В этой работе, которая осталась недописанной, Савицкий так, например, пользуется этим термином: «Конечно, в возникновении Киева огромную роль сыграло его положение относительно речных путей. Это наиболее существенный пункт в геополитической его характеристики»³⁷⁵. При этом Савицкий все же применяет этот термин в «региональном» его значении, примерно так же, как он употребляет и понятие «зоогеография». Тот же рассматриваемый в статье Киев располагался на путях перелета птиц, соответственно, был богат дичью, которая стала важным экономическим фактором, влияющим на обогащение рациона жителей. В широком, общемировом смысле Савицкий, похоже, термин

³⁷⁴ Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства / Русский узел евразийства. М.: «Беловодье», 1997. С. 406.

³⁷⁵ Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства. Указ. соч. С. 410.

«геополитика» не использовал. К примеру, западные классики геополитической мысли пользовались термином «геополитика» в значении: борьба за власть и мировое или региональное господство с учетом фактора географической среды. У Савицкого оттенок значения, который касался бы борьбы за власть и господство (порой борьбы кровавой, бесчеловечной, борьбы хитро сплетенных планов, замыслов и стратегий, вырабатывающихся на десятилетия и даже на столетия) — по сути отсутствовал. Геополитика Савицкого — это, скорее, влияние географических факторов на исторические события. В этом смысле «геополитика» почти равна «геоисториософии».

О том, что ранняя концепция начала складываться у Савицкого около 1913 г., то есть с началом обучения в Политехническом институте, он сам писал в письме к византинисту Ф. И. Успенскому, которому он также выслал свою монографию для ознакомления: «к евразийской концепции России я пришел от экономической географии и вопроса о развитии производительных сил (это и есть моя первая специальность). Еще на первом курсе Политехникума (в 1913 г.) я пришел к убеждению (в каковом остаюсь и поныне) что экономическое будущее России есть евразийское будущее»³⁷⁶. Трудно найти более ясное представление о развитии ранних взглядов Савицкого, чем описанное им же в письме к Успенскому. Если первая концепция базировалась на экономических взглядах, имела кульминацией работу «Континент-океан (Россия и мировой рынок)» (1921), то с началом работы в Праге он обращается к более подробному и профессиональному изучению географии и почвоведения, что дает старт его второй, поздней евразийской концепции, которая имела кульминацию и наиболее полное выражение в монографии 1927 г.

Первая концепция сложилась под влиянием П. Б. Струве еще в доевразийский период, имела связь с

³⁷⁶ Письмо П. Н. Савицкого Ф. И. Успенскому от 01.05.1928. / Савицкий П. Н. Избранное. Указ соч. С. 576.

первой экономической теорией Савицкого. Для ее становления были важны поэтические увлечения Савицкого, экзистенциальный опыт, испытанный им во время революции, Гражданской войны, первых лет эмиграции. Важнейшей идеей ранней концепции стало утверждение России как Евразии, то есть как новой целостности, которая должна строить иную, не западную, не восточную, но евразийскую цивилизацию и культуру. Символом ранней концепции становится метафора «Континент-океан». В ранней концепции присутствует отрицание – не воинствующий экономизм, но подчиненная экономика, не Европа, но Евразия, не латинство, но православие и т. д. В поздней концепции больше утверждений: месторазвитие, Россия как уникальный синхоролог с четко очерченными границами, Россия – преемница скифской, гуннской цивилизации и империи Чингисхана и т.д. Вторая евразийская концепция Савицкого научно-теоретической базой имеет почвоведение, географию, историю. *Обе концепции использовались Савицким в 1930-е гг., хотя первая имела для него скорее «историческое» значение и для позднего Савицкого представлялась несколько «легковесной».* Вторая geopolитическая и географическая концепция дала основу для научного евразийства как россиеоведения 1930-х годов, то есть стала теоретической базой позднего евразийства.

29. Критика новой географической концепции Савицкого в эмиграции и причина неприятия евразийства поколением «веховцев», прошедших путь «от марксизма к идеализму»

В эмиграции далеко не все приняли географическую и геософскую концепцию Савицкого благосклонно. Так, например, проф. Б. Н. Одинцов в рецензии на книгу писал: «Гамма различных степеней всех сил, определяющих характер климата, растительности и почв, полностью обнаруживается на территории Европы и Азии, которые, взятые в целом, действительно, составляют единый материк Евразию, как об этом говорил еще фон-Гумбольдт. Нет решительно никаких оснований для сужения этого понятия до объема, придаваемого ему П. Н. Савицким. Европейская и Азиатская части России связаны как друг с другом, так и с остальными областями Европы и Азии постепенными переходами климатических и других физико-географических условий и составляют неотъемлемую часть единого материка»³⁷⁷. Читая этот отзыв, невольно видишь его ограниченность и догматическую убежденность, буквально ослепляющую автора-критика. Одинцов все время говорит о том, что климат России и Европы не так уж и отличен (к этому утверждению много вопросов — даже чисто житейского характера...), говорит о том, что четыре русские равнины-плато, которые составляют «основной костяк» России-Евразии на самом деле есть лишь продолжение Европы: «Низменности России непосредственно переходят в Западную Европу, и значительная часть территорий Германии, Франции, вся Дания, Голландия и пр. являются ее продолжением»³⁷⁸. Что касается изотерм, о которых «любит рассуждать Савицкий», то «Медленное и равномер-

³⁷⁷ Одинцов Б. Н. Пределы Евразии // Научные труды Русского народного университета в Праге. Т. II. Прага, 1929. С. 164.

³⁷⁸ Там же. С. 154.

ное изменение температуры и влажности на равнинах России не является ее исключительной особенностью, а наблюдается и в Западной Европе повсюду, где нет гор»³⁷⁹ и т. д.

Раскритиковав концепцию Савицкого, автор и не заметил, как разоблачил сам себя: он везде говорит о том, что Россия, по сути есть просто-напросто Европа, но ни слова не сказал об Азии... Если следовать этой логике, то никакой разницы между Россией и Европой нет, и Россия с этой точки зрения совсем не есть Азия. Об Азии в рецензии Одинцова не сказано ни слова, как будто ее не существует вовсе. Как если бы на глобусе мира существовала бы только и исключительно Европа и Россия, и весь спор шел бы о том, «принадлежат» ли они друг другу, или нет. Именно об этом ограничении кругозора и о необходимости ее расширения и говорил Савицкий. Такая европоцентрическая мысль могла быть уместна в XVIII в., но даже в XIX в. она казалась анахронизмом. Для подавляющего большинства его соотечественников (впрочем, похоже, что в наши дни картина не слишком поменялась), Россия существует лишь в границах до Уральских гор. Что там дальше — Бог весть.

Но если это так, то в России должны были бы произрастать те же растения, злаки, сельскохозяйственные культуры, что и в Европе (а это — не так), Россия должна была бы иметь выход к незамерзающим морям, как Европа (а это не так, Россия «лежит на берегу Тихого океана», как сказал Д. Менделеев). Если Россия — это Европа, то в ней должны были бы существовать множество государств, образовавшихся по естественным границам гор и рек — а вместо этого мы видим единое пространство, единое государство, тянущееся на сотни и сотни тысяч квадратных километров, и только «синь сосет глаза», по слову С. Есенина...

Убежденность, яростная, глубинная, прописанная едва ли не на подсознательном уровне, в том, что Россия — это Европа, она до конца, до оснований, до бытийного дна есть Европа во всех отношениях, — была едва ли не

³⁷⁹ Одинцов Б. Н. Пределы Евразии. Указ соч. С. 154.

главным у представителей русской эмиграции. Суровая критика выдвинутого евразийцами положения о том, что Россия не есть ни Европа, ни Азия, но особое географическое и историческое пространство — Евразия, была в эмиграции повсеместной. Противники евразийцев обвиняли их в том, что они отождествляют Россию просто с Азией: «<...> в советской победе они торжествуют гибель западнического идеала и освобождение масс для построения идеала евразийского. Между Чингисханом и Лениным проводится, таким образом, во всемирно-историческом масштабе, прямая связь: оба утверждают в России ("Московском улусе") стихию Востока, восстанавливают победу "степи" с Востока над западной стихией рек, ведущих цивилизацию Запада или с Севера, наперерез степи»³⁸⁰; «Это русско-татарская идиллия представляет собой полное искажение исторической действительности <...> в основе евразийства лежит какая-то вопиющая ложь. <...> Поставим же все на свое место. Принадлежность России к европейской культуре вовсе не может лишить ее национального своеобразия, как не лишаются такого своеобразия ни Англия, ни Германия, ни Франция и т. д. С другой стороны, наличие таких своеобразий отнюдь не противоречит наличности общечеловеческих культурных начал»³⁸¹. Приведенные выше цитаты из критических статей П. Н. Милюкова и А. А. Кизеветтера характерны. Их можно считать концентрацией почти всех антиевразийских тезисов. Они полны пафоса, «праведного» гнева («они <...> провозглашая себя защитниками абсолютной веры, не забывают взять с собой в горния выси самую обыкновенную злобу»³⁸²), обличительного пафоса, как если бы евразийцы и их самый яркий глашатай — Савицкий, затрагивал бы глубоко личные, а не просто научные убеждения.

По сути дела, так оно и было. Более того — так оно остается и до наших дней. В России постепенно (начиная

³⁸⁰ Милюков П. Н. Русский расизм / приложение к книге: Вандаловская Н. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». Указ. соч. С. 332–333.

³⁸¹ Кизеветтер А. Евразийство / Приложение к книге: Вандаловская Н. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». Указ. соч. С. 341.

³⁸² Милюков П. Н. Русский расизм. Там же. С. 331.

с эпохи Петра I) сформировалась секта западопоклонников, своеобразной псевдорелигии, основной догмат которой заключается в том, что Россия есть западная цивилизация, примыкает к семье «культурных» и «цивилизованных» народов, и с этой точки зрения ничем не отличается ни от Франции, ни от Германии, ни от Бельгии. Разве что размерами (подумаешь — немножко побольше) и каким-то там своеобразием, о котором любили рассуждать славянофилы (кажется, оно заключается в православии с его крестными ходами, иконами и прочим малопонятным антуражем). В течение XIX в. западопоклонничество набирало силу, так что к началу XX в. стало крепкой, сплоченной политической и общественной силой. Для западопоклонников их догмат был настолько нерушим, настолько абсолютен, что когда началась Первая мировая война, они не могли поверить ни своим глазам, ни окружающей действительности.

Огромное большинство представителей образованного класса к 1 августа 1914 г., когда Россия вступила в Первую мировую войну, находилось в Европе (русские ездили туда, как к себе на дачу, а также — на учебу, на деловые встречи и т.д.). В этот момент в Европе, например, находилась семья Н. О. Лосского, семьи П. Б. Струве и С. Л. Франка. Н. О. Лосский в своих «Воспоминаниях»³⁸³ описывает ужас и смятение русских — в день объявления войны им перестали менять валюту, выгоняли из гостиниц, толпы «культурных» европейцев плевали на них, оскорбляли плачущих стариков и детей. У русских случались нервные срывы, а некоторые, по словам Лосского, даже сходили с ума. Это не укладывалось в их картину мира, противоречило базовым основам их бытия. Русские интеллигенты никогда не путешествовали по России, а Европу знали во всех подробностях — от предпочтительных городов до любимых кафе и библиотек. Милюков не был нигде дальше Костромы, Бердяев — дальше Вологды, куда его сослали за проповедь марксизма в студенческие годы. Русские интеллигенты, считавшие Россию

³⁸³ Лосский Н. О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. М.: Русский путь, 2008.

частью Европы, похоже, никогда не ставили вопрос о том, *а считает ли Европа Россию частью себя?* Ведь если вдруг, к примеру, Индия или Афганистан станут доказывать, что они, мол, Россия, то как это будет выглядеть с точки зрения самой России?

Критики всегда упрекали евразийцев в том, что они смешивают Россию с Азией, которая в их описаниях представляла символом косности, отсталости, варварства, убожества, вечной цивилизационной спячки. Считать себя частью такого варварского мира критики евразийства категорически отказывались. Они упускали из виду *главное утверждение евразийства: Россия не есть ни Восток, ни Запад.* Она не есть ни Европа, ни Азия, ни Африка, ни Северная Америка. Утверждение о том, что Россия есть Азия для евразийцев было не менее ложным, чем утверждение о том, что Россия есть Европа. Казалось бы — ясное и вполне разумное утверждение. Более того, оно подкреплялось, к несчастью для России, историческими фактами: в среднем, каждые 50–70 лет Россия вела кровопролитные войны с Европой, как правило, с коалицией европейских держав. В промежутке между «горячими» войнами шли войны торговые, таможенные и пошлинные. В наши дни прибавились войны информационные, когнитивные и кибервойны. У России не было войн (речь не о военных столкновениях) ни с Ираном, ни с Индией, ни даже с Китаем (пограничные инциденты не в счет, официально ни одной войны объявлено не было). Татаро-монгольское нашествие коснулось не только России, но и Европы, далее образовалось химерическое монгольское государство (кстати, непродолжительное время Россия и Китай даже были объединены в одно государство монголами), потом последовала многолетняя борьба России с кочевыми народами, с монголами, с Казанским и Астраханским царствами, покорение Кавказа, Туркестана (на месте русского Туркестана ныне Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Узбекистан). Расширение России до Дальнего Востока происходило практически мирно. Все это крайне непохоже на историю Европы. Даже временные границы по сути не совпадают: когда Русь вышла на ис-

торическую сцену, Европа от античности и до раннего Средневековья прошла уже огромный путь.... И тем не менее, русская интеллигенция упрямо отказывалась верить в то, что они — не европейцы. Это — огромная трагедия русского образованного класса, которая длится на протяжении столетий.

Современники, как правило, не могли отнести к новой исторической и географической евразийской концепции академически, рассмотрев все ее плюсы и минусы, сильные и слабые стороны, научные перспективы, прогностические возможности. Современники евразийцев были ранены революцией 1917 г., потрясены внезапным ударом судьбы, который свидетельствовал о том, что они в чем-то ошиблись. И малейший намек со стороны на то, что их мировоззрение было неверным и привело к катастрофе, вызывало у них бурную реакцию, далекую от академической вежливости. Возможно, евразийству больше повезло в наше время, когда его могут услышать без лишних эмоций. Хотя и в наши дни мы переживаем очередное «разочарование Западом», которое, тем не менее, не так фатально, как сто лет назад, когда «варварский» Восток, «отсталый» Китай и «дикие, нецивилизованные народы» Африки и Южной Америки так пугали воображение русского интеллигента: он боялся быть отвергнутым Западом и оказаться в вышеупомянутой непривлекательной компании. Альтернативы не было: или варварство, или культура, просвещение и прогресс — так видели ситуацию в Европе, за которой следовали русские образованные классы. У западников того времени были, впрочем, мотивы, их оправдывающие. Действительно, к началу XX в. единственная модель цивилизации была на Западе. Ни Китай, ни Индия, ни страны Востока не давали тогда надежды на цивилизационный расцвет. Западники оказались не правы в другом: они не верили в силы России, в русскую культуру, в русский народ, и даже больше — они не любили Россию как таковую. Не видели богатейшего потенциала ее культуры, образованности, ее уникальной архитектуры, большая часть которой была разрушена в советское время. Не понимали православие, не чувствовали трепета в

ее монастырях и храмах, радости от ее просторов. Они любили Европу и хотели сделать Россию Европой. Разочарование, переживаемое Россией сегодня, скорее свидетельствует об исторической ритмике повторяющихся в русской истории явлений: очарование Западом — разочарование Западом, потом — новый цикл. Не стоит и говорить о том, насколько такая ритмика контрпродуктивна. Итак, учитывая факт тотального западопоклонства русской эмиграции, да и русской интеллигенции вообще, стоит признать большую смелость и даже храбрость евразийцев в обнародовании ими фактов и концепций, шедших вразрез с общественным мнением. Можно указать на то, что Россия есть родина альтернативной европейской культуры, или северо-славянский вариант европейской культуры. Однако это могло испугать западников еще больше: восточно-европейский вариант культуры в лице Византийской империи был Западом (крестоносцами) уничтожен. Быть «заместителем» Византии означало принять эсхатологическую и религиозную идею «Москва — Третий Рим». Западники хотели, главным образом, воплощения общественно-политических и культурных достижений Запада в России и не стремились к реализации религиозного идеала. Способность России построить альтернативную восточноевропейскую цивилизацию на тех же основах Просвещения почему-то отрицалась, хотя фактически, к 1913 г. Россия такую «опытную цивилизационную модель», по сути, уже построила.

Стоит отметить еще один важный момент — поколенческий. В группе обличителей оказались практически все мыслители поколения, прошедшего путь «от марксизма к идеализму» — П. Б. Струве, Иван Ильин о. С. Булгаков, В. В. Зеньковский, Н. А. Бердяев и многие другие. Единым фронтом против евразийцев выступили историки и публицисты П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, Г. Ландау, Г. Д. Гурвич, З. Н. Гиппиус, Е. В. Спекторский, И. Гримм, М. В. Вишняк, М. Л. Слоним, Б. Шлецер, В. В. Шульгин, А. С. Изгоев.... Есть ли что-то, объединяющее противников и сторонников евразийства? На первый взгляд, как будто бы нет. Националисты, монархисты,

верующие христиане и иудеи, священники и атеисты, солидные историки и начинающие публицисты выступили против евразийства. В противоположной группе была примерно та же картина — историки, философы, лингвисты, верующие, включая священников и иерархов, представители иных вероисповеданий. И в той, и в другой группе были бывшие участники Белого движения. Однако эти две группы сторонников и противников все же объединяет один существенный признак, а именно: поколенческий. Почти все противники евразийства принадлежали к поколению 1870-х гг., а их сторонники, как и сами евразийцы, родились примерно в 1890-х гг.

Критики евразийства принимали участие в революционном движении, которое постепенно привело Россию сначала к революции 1905 г., а потом и к трагедии февраля 1917 г., после которой власть взяли большевики и страна погрузилась в хаос Гражданской войны. В молодости Струве, Бердяев, Булгаков, Милюков и многие другие распространяли идеи марксизма, печатали или распространяли нелегальную литературу, писали обличительные статьи против царизма и царской бюрократии, руководили студенческими кружками, на которых обсуждали крамольные идеи, выступали с чтениями политических лекций и т. д.

Евразийцы и их сторонники никогда не были замечены ни в революционной деятельности, ни даже в интересе к ней. С самого раннего детства Н. С. Трубецкой занимался филологией (будучи вундеркиндом, он уже в 16 лет печатал научные статьи), Савицкий, тоже вундеркинд с детства, занимался археологией, Сувчинский — музыкой, литературными салонами. Флоровский был поглощен философией и мечтал о карьере интеллектуала, который раскроет истину невеждам и заблудшим. Евразийцы буквально наслаждались расцветшой к 1913 г. русской культурой, наукой, поэзией и музыкой, их восхищал не Карл Маркс, но скорее Врубель, И. Стравинский и Сергей Дягilev, заставлял плакать не Н. А. Некрасов, но поэты Серебряного века, в первую очередь, Александр Блок. Любопытно, что революцию совершили «отцы», отвергшие Маркса, увлекшиеся Евангелием и святоотеческой

литературой, в то время как «дети» не переживали серьезного религиозного кризиса, не отвергали (а затем не обретали) веру в Бога, но были с детства лояльными гражданами и послушными прихожанами храмов, с удовольствием совершившими обряды и державшими посты.

Возможно, было бы логично и даже в какой-то степени справедливо, если бы поколение «отцов» выступило в эмиграции хотя бы с одной декларацией, в которой осудило свои ранние революционные увлечения, имевшие столь разрушительные последствия. Тем не менее, «отцы» вовсе не хотели сдавать свои позиции. Например, П. Б. Струве, который был в царской России довольно известным оппозиционером, печатавшим за границей революционный журнал «Освобождение» и потом нелегально переправлявшим его на Родину, заявил, что победа большевиков — это нелепая случайность, вызванная ошибками Белых генералов. Заслуживает внимания тот факт, что даже участники сборника «Вехи», осудившие революционную беспочвенность русской интеллигенции, не спешили с выпуском новых «Вех». Исключением стал С. Л. Франк, который опубликовал знаковую работу «Крушение кумиров» (Берлин, 1924). В этой работе было много пересечений с евразийскими мыслями, в частности, утверждение о «кумирах» («идолах») интеллигенции. Он, в частности, утверждал, что в результате событий 1917 г. пал идол революции — кумир, которому служили поколения русских образованных людей. Н. С. Трубецкой также утверждал, что русская интеллигенция сотворила себе кумиров, например, кумир ориентализма³⁸⁴ и западоцентризма, а главной задачей раннего евразийства является «свергнуть известные идолы, и поставив читателя перед опустевшими пьедесталами этих идолов, заставить его самого пошевелить мозгами, ища выхода»³⁸⁵.

³⁸⁴ Термин «ориентализм» используется здесь в том значении, которое придал ему Эдвард Саид (см.: *Сайд Э. Ориентализм. М.: Издательство Музей современного искусства «Гараж», 2021*). Сам Трубецкой предпочитал говорить о шовинизме, хотя это понятие по содержанию намного беднее предложенного Э. Саидом термина «ориентализм».

³⁸⁵ Письмо Н. С. Трубецкого Р. О. Якобсону от 2-7.03.1921 / Письма и заметки Н. С. Трубецкого. Указ. соч. С. 12.

Евразийцы, а также поколение, рожденное около 1890–1900 гг., таило обиду на «веховцев» за то, что те мало-помалу радикализировали социальное недовольство в России, что, в конце концов, привело к революционной ситуации. «Веховцы» в России были сначала антikonсерваторами, потом выступили с критикой радикалов, но не успели сформировать устойчивую позицию по отношению к происходящему — им не хватило времени. У многих «веховцев» эволюция остановилась примерно на феврале 1917 г., когда пала царская власть. Потом всю свою душевную силу они вложили в Белое движение, успев привлечь и молодое поколение, будущих пореволюционщиков, евразийцев, сменовеховцев, религиозных деятелей. В эмиграции «веховцы» метались — они «проиграли» Россию, провалили все либерально-конституционные программы и Белое движение. Многие, чувствуя раскаяние и растерянность, пришли в Русскую православную церковь, но они были серьезно отягчены наработанным ранее опытом, который давал о себе знать. В глубине души евразийцы ощущали «веховцев» как неудачников, с другой стороны — как предателей, однако эти настроения скорее глухо клокотали в подсознании, чем высказывались явно. Молодежь не могла пойти за потерпевшими неудачу «веховцами», им необходимо было найти свой путь, а критерием правильности во многом становились признаки успеха, общественного признания и влияния. Большевики победили, значит, они правы хоть в чем-то — такова была незамысловатая логика сменовеховцев и смутные ощущения евразийцев. Кроме того, «веховцы» демонстрировали неверие в пореволюционную Россию, ждали ее распада и даже, кажется, были бы рады ее погибели под большевиками, чтобы потом начать все с начала, когда костер революции перегорит, страна «переболеет», и вернется на путь цивилизации (под которой подразумевался европейский путь развития).

Евразийцы сразу поняли, что дело именно в поколенческом факторе, и называли представителей старшего поколения «старыми грымзами». Например, когда

Сувчинский впервые порекомендовал принять в свои ряды Л. П. Карсавина, то евразийцев насторожило, в первую очередь то, что «Карсавин в лучшем случае союзник (попутчик), но никак не “свой”. К тому же и по поколению он — грымза. Наше правило, не пускать к себе людей старшего поколения, было мудро, и его надо продолжать держаться»³⁸⁶. Евразийцы были представителями нового пореволюционного поколения, которые родились и сформировались как личности в промежутке между революциями 1905 и 1917 гг., получили антиреволюционную «прививку», при этом сами органически отталкивались от революционного мировоззрения, стремились быть государственниками, в отличие от поколения «отцов»-критиков, которые в юности были антиэтатистами, ставили идеалы прав и свобод выше ценностей государства.

Младшее поколение русских беженцев (рожденные около 1905 г., то есть младше евразийцев на 10–15 лет) ощущали еще большее отчуждение от «веховцев» и, по признанию В. С. Варшавского (1906 г. р.), «Среди русских студентов в Праге случалось слышать разговоры, что первого, кого нужно повесить по возвращении в Россию, — это Петра Струве»³⁸⁷. Упомянутая молодежь, многие из которых признали евразийцев своими духовными вождями, не чувствовала глубинного различия «веховцев» и большевиков. Все они в их восприятии были революционеры, погубившие Россию. Евразийцы, конечно, так не считали, такое упрощенное суждение могло возникнуть только в условиях потери связей с культурой, традицией, с прошлым, от незнания глубинных процессов, всех «связей и разрывов», о которых любил писать Флоровский. Однако факт остается фактом: разлом исторической жизни после революции 1917 г. произошел по судьбам, по душам людей. И каждое поколение реагировало на него по-своему: «веховцы» — кто-то с запоздалым покаянием, с осуждением бывших идеалов

³⁸⁶ Письмо Н. С. Трубецкого П. П. Сувчинскому от 05.05.1924. / Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. Указ. соч. С. 94.

³⁸⁷ Варшавский В. С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 22.

(С. Л. Франк, отчасти Н. А. Бердяев), кто-то с горячим желанием бороться с большевиками до конца (П. Б. Струве), а были и те, кто принял произошедшее, чтобы жить дальше. Другого выхода они не видели. Да по существу его и не было. Колесо истории повернулось, развернуть этот маховик не было никакой возможности.

30. Последний перед кламарским расколом «Евразийский временник»

«Евразийский временник» за 1927 г. сам Савицкий оценивал как самый сильный евразийский сборник: «Одно из удачнейших в научном смысле евразийских изданий»³⁸⁸. Сборник содержал ряд интереснейших историософских работ периода «зрелого» евразийства, в нем впервые выступил правовед Н. Н. Алексеев, совместно с которым Савицкий вырабатывал многие евразийские формулировки в области правоведения и экономики. Л. П. Карсавин поместил статью «Феноменология революции», которая вызвала одобрение даже у Трубецкого — его идейного оппонента. Трубецкой долго возражал против его присоединения к евразийству. О статье Карсавина Трубецкой писал: «Те географико-историософские схемы, о которых я говорю, не исчерпываются, однако, всего нашего теоретического багажа в области науки. Схемы эти представлены были в статьях “Верхи и низы русской культуры”, “Континент-Океан”, “Туранские элементы”; опыты сводки даны в “Наследии Чингисхана” и в “Евразийство” (в № 4). Но это — только одна сторона (т~~ак~~ ск~~азать~~ диагностика бытия России и диагностика прошлого). Есть и другая сторона — диагностика современного исторического момента. Эти стороны Вы и я разрабатывали в ряде публицистических статей (наиболее значительные, пожалуй — “Идеи и методы” и “У дверей”). Но вполне четкой историософской формулы до сих пор дано не было. Впервые такая формула найдена Кошицом [Карсавиным Л. П.] в его проектированной и устно изложенной нам в Париже статье “Феноменология революции”. Эта формула Кошица так великолепна, что я теперь без нее обходиться не могу. Я уже много раз утилизировал ее в разговорах (конечно, указывая, кому она принадлежит) и каждый раз —

³⁸⁸ Савицкий П. Н. Евразийская библиография 1921–1931. Путеводитель по евразийской литературе / Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч. С. 429.

с большим успехом»³⁸⁹. Цитата из письма Трубецкого от 28 апреля 1926 г. показывает, что к этому времени в евразийстве начинается глубокая саморефлексия, подводятся определенные итоги, евразийцы чувствуют, что система созрела и готова дать плоды.

В «самом удачном» «Евразийском временнике» (который оказался и последним) была помещена социологическая и политэкономическая работа С. Л. Франка «Собственность и социализм», политическая статья Трубецкого «К украинской проблеме», историческая и историософская Г. В. Вернадского «Монгольское иго в русской истории», работа его ученика, историка С. Г. Пушкарева «Россия и Европа в историческом прошлом», статья востоковеда В. Н. Никитина «Иран, Турция и Россия», политологическая работа Карсавина «Основы политики» и работа Н. Н. Алексеева «Советский федерализм», посвященная политике и правоведению. Самой слабой работой сборника стала «К познанию современности» П. П. Сувчинского. Состав участников был внушителен, евразийцы смогли «заполучить» статью С. Л. Франка, который, по его словам, «<...> отнесся к нему (к евразийству — К. Е.) с интересом как к единственному в эмиграции проявлению свежей и оригинальной общественной мысли»³⁹⁰.

Мысль пригласить Франка к участию в евразийской работе возникла в 1925 г. после того, как евразийцы сблизились с провокаторской организацией «Трест». Поскольку предполагалось, что «Трест» работает в Советской России в глубоком подполье и имеет влиятельных сторонников во всех сферах общества, то евразийцы задумали выпустить серию брошюр для советских последователей. Эти брошюры должны были стать пролегоменами для евразийской доктрины, содержать профессиональную критику марксизма. Для этого обратились к Франку, посулив хороший гонорар. Франк написал

³⁸⁹ Письмо Н. С. Трубецкого П. П. Сувчинскому от 28.04.1926. / Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. Указ. соч. С. 198.

³⁹⁰ Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Указ. соч. С. 146.

для евразийцев брошюру «Религия и наука», которая была через нелегальные каналы отправлена в СССР (скорее всего, попала прямиком в ГПУ для изучения соответствующим персоналом). Когда евразийцы получили от «Треста» известия, что брошюра якобы успешно распространена в СССР, то, в свою очередь, об этом информировали и Франка.

Вскоре он пишет для евразийцев вторую небольшую книгу «Основы марксизма», а потом отвечает соглашением на предложение участвовать и во «Временнике». Тему статьи Франку «заказал» собственно, Савицкий, который в 1926–1928 гг. работал над экономической доктриной евразийства: «Лучшей темой для С. Л. Франка считаю “Что есть подлинная собственность?” на мотив его слов (стр. 17 “Основы марксизма”): “тому и другому строю (капитализму и социализму) может быть противопоставлен, в качестве нормального порядка, лишь один строй — именно основанный на подлинном господстве частной собственности”»³⁹¹, написал он П. П. Сувчинскому в письме от 29 июня 1926 г. Пятая книга «Евразийского временника» стала заключительным аккордом и кульминацией евразийства как *общего течения (Пражского, Парижского евразийства и Трубецкого, жившего в Вене)*. Приближалось время, когда евразийство возглавит Савицкий единолично.

³⁹¹ Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 458.

31. Признаки назревания разногласий в евразийском движении

Причин раскола и угасания евразийства *как общего течения* было несколько. Во-первых, важна политическая составляющая (связанная, в основном, с провокаторами из «Треста»), во-вторых — психологическая, поскольку к 1925 г. произошел разрыв отношений между Савицким и Сувчинским. Исследователи, пишущие о кламарском расколе, чаще всего подчеркивают, что причиной раскола стали непримиримые противоречия между Парижской и Пражской группами, которые описываются как «левая» и «правая». Принято считать, что раскол на «левое» (просоветское) и «правое» (классическое) евразийство произошел из-за чрезмерного увлечения Парижской группы, которую возглавил Сувчинский, марксизмом, философией Н. Ф. Федорова в тесном альянсе с агентами ГПУ. В этом есть очень большая доля истины. Стоит только отметить, что Савицкий вовсе не был чужд «советофильства», его устремление на Родину, которая превратилась в СССР, было едва ли не сильнее, чем у Сувчинского. Дело заключалось именно в акцентах. Сувчинский склонялся к тому, чтобы работать на советскую власть, более того, связать свою судьбу с ней, Савицкий же не допускал в этом вопросе компромиссов и рассматривал себя как *наследника* советской власти, ждущего ее благополучного ухода с исторической сцены, чтобы взять по праву, как он полагал, принадлежащее ему наследство. В том, что у Сувчинского на продолжительное время возникли иллюзии и едва ли не фантазии на тему советской власти, безусловно, большую роль сыграл «Трест».

В 1924–1926 г. «Трест» (якобы монархическая подпольная организация СССР, на самом деле созданная органами ГПУ) занимал в евразийстве прочные позиции. Главной задачей, поставленной Тресту руководством, была инфильтрация евразийства своими агентами и разложение его изнутри. Собственно, это и произошло с группой Сувчинского, члены которой, такие, например, как Н. А. Клепинин, К. Б. Родзевич (герой «Поэмы горы») и

«Поэмы конца» М. Цветаевой) и С. Я. Эфрон, согласились сотрудничать с ГПУ.

С Савицким подобная комбинация не вышла. Основным «противоядием» против «Треста» оказалась религиозность Савицкого. Трестовцы настаивали на том, что советские комсомольцы и новые советские люди равнодушны к религии, поэтому пункт о религиозности стоит убрать из всех деклараций и евразийских программ. Трестовцы внушали евразийским лидерам мысль о том, что работать надо не на эмиграцию и не на «будущую Россию», которая рано или поздно освободится от коммунизма, но на Советскую Россию настоящего, которая существует «здесь и сейчас». В целом, это совпадало со сменовеховской программой, поэтому Сувчинский связался с лидерами сменовеховцев Н. В. Устряловым и несколько лет переписывался с ним. Сувчинскому и его команде этот подход показался вполне оправданным. Кроме того, Сувчинский привык жить на широкую ногу за счет средств английского благотворителя Г. Н. Сполдинга. Ему показалось, что советское руководство также будет готово щедро платить за лояльность и некоторые услуги (не требующие, впрочем, чрезмерных усилий, на это Сувчинский был уже не согласен).

Для Савицкого отказаться от религиозного аспекта было равносильно отказу от самого себя. Для Савицкого евразийцы, в первую очередь, «стремятся к восстановлению национально-религиозного образа России из большевицкого лона!»³⁹², основная задача: «создание, разработка и распространение идеологии, которая соединяла бы утверждение основных национально-религиозных начал России-Евразии с ответом интересам этих элементов и потребностям широких масс»³⁹³. При этом не может быть и речи о том, чтобы евразийство стало бы «<...> подголоском коммунизма. Он (национально-евразийский элемент — К. Е.) есть противостоятель его, но на той же исторической почве, в задании и чаянии —

³⁹² Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 462.

³⁹³ Там же. С. 463.

его заместитель. Здесь нужно сказать о сочетании “правопреемства” с борьбою»³⁹⁴. Сувчинский не был ни истово религиозен, ни глубоко воцерковлен. Посты, молитвы, постановка веры во главу угла своей жизни не входила в его интересы. Он посещал церковь, любил православие как культурную традицию, чувствовал себя уютно во время празднования Пасхи, но это было скорее внешним антуражем, а не глубокой внутренней потребностью.

В момент кламарского раскола Савицкий находился в Кламаре (пригород Парижа, где располагалось Евразийское книгоиздательство) и вел беседы с членами Парижской евразийской группы. Эти беседы ужасали его: «В разговоре со мной одним из кламарцев были изложены тезисы нового “евразийства” (то есть «левого», возглавляемого Сувчинским — К. Е.): выдвигать религиозное начало несущественно и не своевременно; в смысле политическом мы должны ощущать себя как “оппозиция” коммунистам; государственно-частная система может быть принята только тактически: “по существу” — частное начало должно считаться отжившим. Было сказано также, что у евразийства “нет литературы”, и что существующая литература должна быть признана непригодной. В конце разговора произошел спор о Церкви митрополита Сергия (то есть о Русской православной церкви в СССР — К. Е.); кламарец назвал ее “небольшой группой, не имеющей значения в русской жизни”. Я достаточно знал и просто достаточно видел русскую жизнь, чтобы решительно заявить, что утверждение это является *прямою неправдой*»³⁹⁵. В этой выжимке наглядно представлены основные противоречия двух групп: 1. Отказ от примата религиозного начала у парижских евразийцев (кламарцев³⁹⁶), и — утверждение его первичности у

³⁹⁴ Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 464.

³⁹⁵ Савицкий П. Н. Кламарский раскол в евразийском движении / Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. Указ. соч. С. 302.

³⁹⁶ Кламар — пригород Парижа, где жил Сувчинский, и где находилось Евразийское книгоиздательство, склад, распространительный аппарат. События кламарского раскола происходили именно там.

пражан; 2. Отказ от частной собственности и полное принятие экономической программы коммунистов (электрификация, индустриализация, коллективизация) у кламарцев и — утверждение экономической государственно-частной системы у пражан; 3. Отказ от предшествующей евразийской литературы 1920–1928 гг., как не отвечающей «настоящему», «грандиозному» историческому моменту, связанному с советским строительством, — у кламарцев, и бережное сохранение наследия «классического» периода евразийства у пражан. При этом кламарцы судили об СССР по советским книгам и журналам, а Савицкий, как он полагал, имел непосредственный опыт наблюдения за советской действительностью, как результат его нелегальной поездки, устроенной «Трестом».

Здесь нам придется коснуться довольно непростого момента в биографии Петра Николаевича. Решиться на поездку в СССР при помощи довольно мутного «канала», который обещал обеспечить передвижение, поддельные документы, незаконное пересечение границы и т. д., мог далеко не каждый. Здесь сказалась определенная смесь авантюризма и склонности рисковать без особых раздумий, в какой-то степени свойственная натуре Савицкого. Как многогранная личность, он имел, конечно, черты не только положительные (иначе он был бы святым, которого нужно было бы канонизировать), но и некоторые отрицательные и даже отталкивающие, другое дело, что, говоря словами Трубецкого, каждая личность имеет множество ликов и дело состоит в том, чтобы не поворачиваться к другим отрицательными гранями ликов своей личности³⁹⁷...

Нужно сразу отметить, что натура Савицкого была довольно цельной и даже бесхитростной. Однажды по-

³⁹⁷ См.: «<...> надо точно определить, кто именно и каким лицом повернулся, а, определив это, всем вновь повернуться правильно, надлежащими лицами, и запомнить впредь, какими лицами не следует поворачиваться» (Письмо Н. С. Трубецкого к П. П. Сувчинскому от 14.10.1925 / Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому. Указ. соч. С. 130).

святив себя евразийству, он сделал его центром своей жизни. По словам Трубецкого: «Я сказал, что той мании величия, которую Вы в нем подозреваете, у него нет. Но по отношению к нефти (к евразийству — К. Е.) у него есть действительно что-то вроде мании величия: ему представляется, что все о нефти только и говорят, и думают»³⁹⁸. Ради евразийства он готов был пожертвовать всем, «предательство» евразийства со стороны Сувчинского казалось ему чудовищным преступлением. Он не мог допустить мысли о том, что иногда люди по разным причинам разочаровываются в идеях или приходят к новым.

Уже упомянутый П. С. Арапов (1897–1938), через которого осуществлялись все контакты с «Трестом», испытывал к Савицкому явную неприязнь, какую может испытывать прожженный циник к простодушному и назойливому профессору. Если других евразийцев он старался привлекать к работе с «Трестом», то пересилить себя и «обрабатывать» Савицкого в «трестовском» духе не мог. Арапов сблизился с Сувчинским (они были на «ты»), стал, по сути, его правой рукой, писал ему откровенные письма, в которых не скрывал ни своего цинизма, ни морального разложения. Удивительно, что довольно тонкий интеллектуал П. П. Сувчинский, друг Игоря Стравинского, Андрея Римского-Корсакова, Артура Сергеевича Лурье (1891–1966), Владимира Дукельского, Сергея Прокофьева, многих русских и французских интеллектуалов, писателей и поэтов, близко сошелся и сдружился с человеком довольно примитивным, хотя со связями и определенным положением в обществе. Арапов был двоюродным племянником генерала П. Н. Врангеля, вся его жизнь до революции была связана с военной карьерой. Есть свидетельства того, что Арапова завербовали еще до эмиграции, во всяком случае, в Берлин из Риги в начале 1922 г. он прибыл вместе с А. А. Якушевым, руководителем псевдомонархической организации «Трест». Уже в 1922 г. Арапов пишет письмо Трубецкому, представившись разочаровавшимся монархистом, потом с ответом

³⁹⁸ Письмо Н. С. Трубецкого П. П. Сувчинскому. Июнь–июль 1926 года. / Глебов Сергей. Евразийство между империей и модерном. Указ. соч. С. 434–435.

Трубецкого является к Сувчинскому, предлагает взять на себя часть расходов на евразийские издания. Арапов становится первым продюсером евразийства, он рекламирует его в кругах людей со связями. Он же находит первого евразийского спонсора — барона А. В. Меллера-Закомельского, потом приводит к евразийцам П. Н. Малевского-Малевича, а уже этот последний связал евразийцев с Г. Н. Сполдингом. Сувчинский был неравнодушен к деньгам, к роскошной, эстетически насыщенной жизни, к утонченным впечатлениям, модернистским изыскам. Все это сближает столь разных людей — музыканта Сувчинского и советского провокатора, связанного, по всей видимости, и с английской разведкой, Арапова.

Арапов сумел воспользоваться слабостью евразийской организации — она нуждалась в человеке, не обремененном никакими обязательствами перед семьей, не связанного с работой, определенным местоположением. Арапов каждые три недели мог менять место проживания, доставляя из страны в страну корреспонденцию, документы, деньги. Он становится членом всех евразийских структур управления, входит в «Совет трех П» (Петр Арапов, Петр Сувчинский, Петр Савицкий), «Совет Пяти», который разрастается до «Совета Семи» (когда в него включают двух членов «Треста» — полковника советских спецслужб Ю. А. Артамонова и А. А. Якушева).

Уже к 1925 г. евразийцы осознали вред от общения с представителями «Треста» и постановили на «закрытом» заседании (оно не было закрыто от «Треста», поскольку Арапов передавал всю информацию ГПУ) порвать с ним все связи. Срок «ликвидационного периода» был поставлен до начала 1926 г. Савицкий и вовсе охладел к советско-евразийской затее, которую нужно было осуществить через «Трест». Затея состояла в том, что нужно «нелегально» (под контролем «Треста») перевозить в СССР евразийскую литературу, посыпать туда европейских евразийцев, чтобы они внедрялись в круг советских граждан и проповедовали им евразийство. Несколько евразийцев действительно отправились в СССР, но с ними дела шли не гладко: евразиец Г. Н. Мукалов

(1895–1927, погиб в Москве), работавший в СССР, то хотел вернуться в Европу, то, наоборот, принять советское гражданство. Сведения от посланных в СССР евразийцах приходили нерегулярные и противоречивые. Евразийцы колебались — стоит ли продолжать советский евразийский проект. Арапова неизменно поддерживал Сувчинский, поэтому он блокируется с «левым» лидером. Арапов горячо одобрил идею Сувчинского о переезде из Берлина в Париж и настаивал на том, чтобы именно Парижская группа стала основой и ведущей. Все это вносило разлад в евразийские ряды. Два евразийских центра — Прага и Париж, все больше отдаляются, а Савицкий к концу 1925 г. начинает испытывать по отношению к «Тресту» все больший скепсис.

32. Нелегальное путешествие Савицкого в СССР в 1927 г.

Внутри «Треста» принимают решение: Савицкий необходим. Если его упустить, то его группа — многочисленная и влиятельная, полностью уйдет из их зоны влияния. Поэтому Савицкому поступает «заманчивое» предложение — посетить СССР «нелегально» по линии «Треста». Якобы «Трест» имеет своих людей на границе с Финляндией и Польшей. Эти люди организуют тайный «коридор», который позволит Савицкому проскользнуть мимо пограничников, а далее он получит поддельные советские документы, с которыми отправится в Москву.

Перед Савицким встал нелегкий выбор. Дело в том, что 24 ноября 1926 г. он обвенчался с Верой Ивановной Симоновой в Париже. Шаферами на свадьбе выступили брат Савицкого Георгий, евразийцы В. Н. Ильин и Г. Н. Товстолес, знакомый Савицкого еще по черниговскому периоду жизни. Присутствовали Сувчинский с супругой Верой Александровной, Л. П. Карсавин, А. А. Зайцов, В. П. Никитин и другие евразийцы. Одним словом, свадьба вышла по православному обряду с евразийским акцентом³⁹⁹. Счастливый Савицкий (руки Веры Ивановны он добивался несколько лет, получал отказы) отправился с супругой в скромное свадебное путешествие. И уже 21 января 1927 г. получает от «Треста» «лестное» приглашение — совершить нелегальную поездку, без гарантий безопасного возвращения... Трестовцы требовали не просто «немедленного» решения, но немедленного отправления — здесь и сейчас, чтобы Савицкий не очнулся, не успел посоветоваться с близкими и не отказался от совершенно безумного предприятия.

Савицкий неделю проводит в нравственных терзаниях — и решается на поездку. Оставляет письма для евразийцев и для своих близких, которые выглядят скорее как предсмертные записки: «Если бы я мог рассказать Вам сейчас мою душу! Верьте, что не в обиду кому-либо я

³⁹⁹ См.: Письмо П. Н. Савицкого П. П. Сувчинскому кон. ноября 1926 г. / Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 466–467.

это делаю и никого не желаю уколоть. Своих сил я не переоцениваю. И готов быть наименьшим воином. Но нельзя, нельзя оставаться вдали от своей родины. Физиологически и психологически я могу быть довольным и счастливым где угодно. Духовно же ощущаю потребность всеми своими, хотя бы малыми силами — помочь, чтобы Россия коммунистическая переродилась в Россию евразийскую, чтобы с русских глаз спала пелена безбожия... Знаю также, что вместо помощи могу повредить — и все-таки не колеблюсь: действую в пределах моего разумения. А если попустит Господь ослабеть, то разве не могу ослабеть и разложиться в ином?.. Да не будет сего!.. Иду с твердым и ясным чувством. И есть у меня большая к Вам просьба: в случае задержки моего возвращения, к жене моей, матери, отцу и брату отнеситесь, как отнеслись бы ко мне самому. Я составлял для них экономическую опору»⁴⁰⁰.

Вернувшись из СССР, 24 февраля 1927 г. Савицкий пишет евразийцам обмороженной рукой («ехал 100 верст лошадьми при морозе 30°»⁴⁰¹) восторженное письмо, извещая о своем удачном возвращении. Савицкий отморозил не только руку, но уши и нос, на границе в него стреляли (неизвестно, были ли эти выстрелы постановочными, возможно, что нет). Через советско-польскую границу он прибыл в Минск, оттуда, с фальшивыми документами на имя Николая Петрова выехал в Москву, остановившись в гостинице «Спартак» в Столешниковом переулке. В СССР ему представили «евразийскую» группу, всего около 200 человек, которые якобы изучали евразийскую литературу и готовы были осуществлять евразийскую работу с советской интеллигенцией и студентами. Савицкому позволили увидеть Москву, помолиться в московских храмах и встретиться с духовенством.

Согласно свидетельству Л. П. Карсавина, «Савицкий П. Н. во время своего нелегального пребывания в Москве встречался с руководящими представителями

⁴⁰⁰ Письмо П. Н. Савицкого от 27.01.1927. / Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 473.

⁴⁰¹ Письмо П. Н. Савицкого от 24.02.1927. / Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 437.

русской православной церкви. <...> Помню, по возвращении из Советского Союза в Париж Савицкий рассказывал, что, будучи нелегально в Москве, в честь его приезда было тайно отслужено богослужение, и что он от местоблюстителя патриархального престола⁴⁰² Петра Крутицкого получил благословение на дальнейшую деятельность евразийского движения за границей»⁴⁰³. Современные исследователи сомневаются, что это были «настоящие» священнослужители⁴⁰⁴. Во всяком случае, некоторые могли быть переодетыми агентами ГПУ или просто завербованными священниками из обновленцев. Именно эта недельная поездка и дала Савицкому дерзновение говорить, что «Я достаточно знал и просто достаточно видел русскую жизнь, чтобы решительно заявить...»⁴⁰⁵ и т. д. Савицкий явно преувеличивал возможности своего «самовиденья» (слово, изобретенное им для того, чтобы показать, что он видел нечто своими глазами). Трестовцы торжествовали: они смогли уловить в свои сети Савицко-

⁴⁰² Правильно — «патриаршего престола», ошибка в тексте допроса.

⁴⁰³ Цит. по: Петренко Е. Л. Петр Николаевич Савицкий / Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч. С. 6. Протоколы допроса Л. П. Карсавина также опубликованы в издании: Шаронов В. «Я стремился к синтезу материализма и идеализма...» О некоторых обстоятельствах ареста и тюремного заключения Льва Платоновича Карсавина // Русофил. Русская философия, история культуры. Вып. 1. Калининград, 2017. С. 24–54.

⁴⁰⁴ В частности, исследовательница истории новомучеников и исповедников Русской православной церкви О. В. Косик считает, что в январе–феврале 1927 г. Савицкий не мог бы встретиться с митрополитом Петром (Полянским), что позже утверждал сам Савицкий, поскольку в это время тот находился в Тобольской тюрьме, а затем был отправлен в ссылку в с. Абалак Тобольского района. Митр. Петра, местоблюстителя Патриаршего престола и доверенного, к тому времени уже покойного патриарха Тихона (Белавина), которого чтил не только Савицкий, но и многие другие, даже «левые» евразийцы, например, Л. П. Карсавин, скорее всего, изобразил какой-то подставной персонаж. См.: Косик О. В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи заграницу информации о положении Церкви в СССР (1920-е — начало 1930-х годов). М.: Издательство ПСТГУ, 2011.

⁴⁰⁵ Савицкий П. Н. Кламарский раскол в евразийском движении / Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. Указ. соч. С. 302.

го, и теперь готовили программу по инфильтрации Пражской группы своими агентами. Поездка Савицкого имела результатом его кратковременное сближение с Араповым, который в апреле 1927 г. предложил создать себе резиденцию в Берлине, где он, в контакте с Савицким и Ю. А. Артамоновым (резидент «Треста»), планировал вести все дела, связанные с советско-евразийским проектом⁴⁰⁶.

Планы трестовцев внезапно разрушились. Савицкого спасло, можно сказать, случайное совпадение. В дело вмешался Эдуард Оттович Опперпут (1894–1927?), который был агентом ГПУ с 1922 г. В эмиграции он жил под фамилией Стауниц, у евразийцев фигурировал как Касаткин, Крупп, Упелиньш. Согласно сценарию ГПУ, в организации «Трест» он выполнял роль финансового директора и секретаря-шифровальщика. В апреле 1927 г. он внезапно бежал в Польшу, а 9 мая 1927 г. в рижской газете «Сегодня» была напечатана статья «Советский Азеф», посвященная разоблачению его деятельности. В статье он был назван предателем монархической организации в России, обвинялся в том, что состоит в разведслужбах нескольких стран. 17 мая 1927 г. Опперпут поместил в той же газете ответ. В своей статье Опперпут признавался в том, что с марта 1922 г. он, проживая в Москве, был схвачен советскими спецслужбами и под угрозой расстрела завербован ГПУ. В газете он упоминал различные подробности деятельности советской разведки и организации «Трест». Публикация статей вызвала скандал и взрыв возмущения в эмиграции, в результате организации, сотрудничавшие с «Трестом», в том числе евразийство, оказались скомпрометированы.

Судьба Опперпута далее неясна. Якобы в мае 1927 г. он вступил в антисоветскую террористическую группу, 31 мая 1927 г. нелегально перешел советско-финскую границу, участвовал в подготовке взрыва в общежитии ГПУ в Москве, затем, при попытке уйти за границу, погиб в перестрелке под Смоленском. Согласно сообщению С. Л. Войцеховского, который был первым историком

⁴⁰⁶ Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 22. Л. 19, об.

операции «Трест»⁴⁰⁷, смерть Опперпута была инсценирована ГПУ, а сам Опперпут позднее, уже в 1944 г., был расстрелян немцами, как организатор антифашистского подполья. Последнее сообщение кажется имеющим основания. «Разоблачение» «Треста» было похоже на плановую операцию ГПУ, в котором одна часть разведсообщества, встав в оппозицию к другой, решила завершить операцию, которая, по мнению определенных кругов, стала слишком дорогостоящей, рискованной и малорезультативной. Возможно, поступили сведения о том, что «Трест» будет разоблачен другими силами и многие его агенты будут рассекречены. Вполне возможно, что нелегальная поездка Савицкого была финальным аккордом, показавшим хрупкость всей трестовской комбинации. Только невероятная, пламенная, поэтическая наивность Савицкого смогла укрыть от его взора явные несостыковки в сценарии «советского евразийства». К чести Савицкого стоит сказать, что «Тресту» он не доверял безоговорочно, и инцидент с «нелегальной» поездкой был инициирован все же не им. Огромное число деятелей эмиграции, от ироничного и проницательного философа Л. П. Карсавина до белых генералов, которые прошли огонь и воду, контактировали с «Трестом», доверяя их легенде о существовании в СССР политического монархического подполья. Их доверие подпитывала тоска по Родине, бесприютная эмигрантская жизнь, и, не в последнюю очередь, неслыханное нахальство (или поразительный талант) агентов-актеров из ГПУ.

После разоблачения «Треста» стало известно о гибели нелегально посланных в СССР евразийцев — в частности, личного секретаря Савицкого В. И. Аничкова. Савицкий полагал, что те 200 евразийцев, с которыми он встретился в Москве, также арестованы и погибли. Все это потрясло Савицкого до глубины души. Арапов, тем не менее, нимало не смущившись, продолжил свою линию. Лидерам движения он разослав составленную им «Записку о Тресте», в которой доказывал, что якобы в «Трест»

⁴⁰⁷ Войцеховский С. Л. Трест. Воспоминания и документы. Лондон, 1974.

проникли провокаторы из ГПУ во главе с Э. О. Опперпутом и разложили его изнутри. Однако «здоровая» группа «Треста» полна решимости продолжить борьбу с коммунистами. Арапов предлагал сотрудничать с этой группой. Савицкий отнесся к этой записке холодно, но Сувчинский одобрил предложение Арапова, причем сделал это в одностороннем порядке, то есть — тайно от других лидеров движения. *С этого времени и начинается путь к расколу евразийского движения.*

33. Кламарский раскол: хронология событий, причины и последствия

Основными причинами раскола евразийского движения обычно называют *расхождение во взглядах пражских (правых) и парижских (левых) евразийцев*. Савицкий, впрочем, тоже был умеренно «левым» — читал советские журналы и газеты (газету «Правда» начал читать поздно, только с 1929 г.⁴⁰⁸), собирая материалы о СССР, хорошо разбирался во всех тонкостях советской идеологической жизни, о чем свидетельствует его большая историко-философская работа «Русская философия в пореволюционный период». Расхождения во взглядах были многочисленными, к идейным примешивались личные мотивы, обиды и конфликты, которые и сыграли едва ли не основную роль в расколе движения.

Важнейшей причиной было вмешательство внешних сил, а именно, *инфильтрация парижской евразийской группы советскими агентами*, под влиянием которых многие парижане склонились к переходу на «работу» в органы госбезопасности. Это закончилось трагедией, например, для семьи М. И. Цветаевой, муж которой, Сергей Эфрон, занимал высокие позиции в евразийской организации, входил в Бюро Парижской группы, был председателем Комитета Парижской группы и председателем Правления кассы взаимопомощи. В 1929 г., в разгар кламарского кризиса, П. П. Сувчинский, С. Я. Эфрон и несколько парижских евразийцев приняли решение представить группу в полное распоряжение СССР. Для реализации этого решения Арапов уехал из Европы на встречу с резидентом «Треста» А. А. Ланговым. Все, кто вернулся по этой линии в СССР, включая Арапова и Эфона, а также Н. В. Устрялова, убеждавшего Сувчинского примкнуть к «новому советскому строительству», были арестованы и расстреляны. Савицкий остро чувствовал,

⁴⁰⁸ См. письмо Савицкого к Н. Н. Алексееву, датированное 1959 г.: «Не знаю, читаете ли Вы регулярно «Правду». Я читаю (непрерывно с 1929 г.)» / «Дорогой мой друг Петр Nikolaevich»: Письма Н. Н. Алексеева к П. Н. Савицкому (1957–1961). Указ. соч. С. 428.

что парижане что-то скрывают от него, видел враждебность и возбужденность членов этой группы, начинал подозревать их не просто в симпатиях к коммунизму, но в чем-то большем, о чем он даже боялся помыслить — в предательстве. Ему стало казаться, что верхушку парижских евразийцев купили. Он не мог поверить в то, что не деньги, но идеи «купили» парижан.

Савицкий вовсе не планировал отождествлять себя с советскими коммунистами, не планировал работать на коммунистический ССР. Он полагал, что рано или поздно коммунизм падет, это произойдет непременно, в силу логики вещей, в результате подъема национального движения на окраинах и пробуждения общерусского религиозного начала в самой России, а также вследствие накопительного эффекта допущенных коммунистами ошибок. Идеология коммунистов, полагал он, в корне ложная, поэтому все их решения несут в себе потенцию ошибок в будущем. Основной упор Савицкий делал на религиозно-философский аспект, и, как оказалось, верно: именно этот аспект стал лакмусовой бумажкой для «Треста».

Трестовцы требовали сократить все религиозно-философские пункты евразийских деклараций. Парижане пошли на поводу этих требований: «<...> я увидел, что Сувчинский тщательно исполняет наставления <...>. Он поносил русских религиозных философов <...>. В частности, он решительно протестовал против того, чтобы мы говорили о религии в газете «Евразия»»⁴⁰⁹. Савицкий неизменно заявлял о примате религиозно-философского компонента. В работе «Газета «Евразия» не есть евразийский орган» Савицкий подчеркивал именно *религиозный момент, который стал камнем преткновения между его группой и группой Сувчинского*: «Для каждого изучавшего марксизм (очевидно, Савицкий относит себя именно к этой категории — К. Е.) и знающего, что «реальностью» марксизм считает только производственные отношения, ясно, какой «дух», прежде всего и главное всего, отрицается марксизмом: Дух Божий <...>. И кто говорит: «марксизм

⁴⁰⁹ Савицкий П. Н. Кламарский раскол в евразийском движении (из архива П. Н. Савицкого) / Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. Указ. соч. С. 292.

необходим”, — тот утверждает, что в социальных явлениях и в идейных составах мы находим только отражение материально-экономических отношений. Идея Бога здесь не может отвечать никакая реальность. А если бытие Божие признается как реальность, — то это уже не марксизм. Здесь нет “монастической” системы. В таком случае не может быть речи о “необходимости” марксизма. Иными словами, для религиозного человека марксизм не только не достаточен, но и сверхдостаточен, так как утверждает неприемлемые для религиозного сознания принципы. Или признание, что все “в конечном счете” сводится “к экономической базе” — или “признание Логоса, действующего в материи”. Евразийство несовместимо с марксизмом, и попытки механически сопрячь эти системы суть попытки, не додуманные до конца. Марксизм нужно делать объектом анализа. Нужно исследовать причины его значения и успеха. Эти причины нужно учесть в самостоятельной евразийской конструкции»⁴¹⁰.

По сути дела, все началось с личного конфликта между Савицким и Сувчинским. Савицкий имел ряд особенностей, которые люди часто не принимали или не понимали. В ряду его особенностей была определенная экзальтированность, пафос, восторженность. В некотором роде, Савицкий ставил евразийство и россиецентризм превыше всего (даже превыше семьи, как показала его нелегальная поездка в СССР). Ему казалось, что ценнее этого ничего нет, все только говорят и думают исключительно о евразийстве. Поэтому позиция Сувчинского, у которого была иная точка зрения (Сувчинский всегда был несколько отстранен, ироничен, увлечен современным искусством и современной музыкой), становилась для Савицкого все более чужой. Сувчинскому же постепенно стали надоедать как религиозность, так и пафосная активность Савицкого.

Около 1926 г. личная переписка между ними почти прекратилась. В 1927 г. Парижская группа стала издавать

⁴¹⁰ Савицкий П. Н. Газета «Евразия» не есть евразийский орган / Евразия и человечество. Антология произведений евразийцев 1920–1930-х годов. Указ. соч. С. 420–421.

«Информационный бюллетень», который представлял собой, по сути, перепечатки из советских газет. Савицкий был возмущен «коммуноидальными и коммунистическими уклонами кламарской группы»⁴¹¹, поскольку Бюллетень был, по словам Савицкого, просто перепечаткой советских газет, без евразийских комментариев. «Информационный бюллетень» явился только подготовкой к главному проекту Парижской группы — изданию газеты «Евразия». Савицкий был против газеты, на том основании, что финансово это казалось совершенно неподъемным. На газету должны были уйти почти все деньги, в то время как на Пражскую группу они выделялись по остаточному принципу. Савицкий писал: «Почти уверен, что оптимистические расчеты полностью оправдаться не могут. А сколько-нибудь широко поставленная газета деньги ест грандиозно. Если не найдем “бухгалтера” “с рукою”, газета может превратиться в финансовый (а в связи с чем — культурный) крах хлеба [евразийства]»⁴¹².

Трубецкой также сомневался в целесообразности этой затеи. Его главное возражение заключалось в том, что в среде евразийцев нет единства. Парижские евразийцы увлекаются марксизмом (Савицкий говорил об увлечении «советским коммунизмом»), что раздражает евразийцев пражских: «пражане пугаются тех самых марксистских уклонов, о которых мы с Вами, Петр Петрович, уже так много говорили, и которые Вы троекратно (прошлой зимой в Праге, прошлой весной в Париже и летом в Эвьянне) обещались искоренить. Происходит ли тут какое-то недоразумение, или Ваша группа идеологически отбилась от рук и порет отсебятину не слушаясь Вас, — во всяком случае, Чхеидзе и Дунаев не узнают в разговорах некоторых пражских евразийцев того евразийства, которое они знают по нашим писаниям. <...> здесь есть действительно, идеологическое, а не тактическое или типологическое расхождение. Замазывать его невозможно.

⁴¹¹ Савицкий П. Н. Кламарский раскол в евразийском движении / Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому 1921–1928. Указ. соч. С. 287.

⁴¹² Письмо П. Н. Савицкого к П. П. Сувчинскому от 29.05.1928. / Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 508.

При таких условиях, во всяком случае, ясно, что газеты начинать невозможно. Начать можно только в том случае, если удастся создать редакцию вполне однородную, спевшуюся, в которой никто бы друг друга не презирал, <...> Что касается до самого характера предполагаемой газеты, то полагаю, что с принятием нового названия ("Евразиец") все то, что о характере газеты говорилось нами раньше, должно быть пересмотрено. Если газета носит такое название, она оказывается сугубо официальной и, следовательно, в идеологическом смысле не может заключать в себе никакой отсебятины. <...> Я — антимарксист и антиматериалист, и мой хлеб [евразийство] ни на какие идеологические компромиссы с марксизмом и материализмом никогда не пойдет⁴¹³. На встрече с Араповым 7 мая 1928 г. в Праге Савицкий предложил дать газете, в случае ее выхода, подзаголовок «Орган Парижской евразийской группы, или центра» для уменьшения ответственности всего евразийства⁴¹⁴.

Тем не менее, Сувчинский был неумолим, все предложения и опасения других лидеров он не брал в расчет. Загоревшись идеей газеты, и, одновременно, склонившись на сторону советских спецслужб, он находился в состоянии аффекта. Чтобы предотвратить грядущую катастрофу, Савицкий выехал в Кламар (пригород Парижа, где находилось Евразийское книгоиздательство), намереваясь поговорить с Сувчинским лично. В отчете о кламарском расколе на имя казначея движения, П. Н. Малевского-Малевича, Савицкий писал: «В этих условиях 22-го октября я приехал в Кламар. Перед моим отъездом на запад Н. С. Трубецкой напутствовал меня указанием на невозможность начинать газету, если в евразийской среде не будет достигнуто идеологического единства»⁴¹⁵. В течение трех недель продолжались увещевания, попытки «очных ставок», разговоры, внушения, скандалы.

⁴¹³ Савицкий П. Н. Кламарский раскол в евразийском движении / Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому 1921–1928. Указ. соч. С. 284.

⁴¹⁴ Письмо П. С. Арапова к П. П. Сувчинскому от 8.05. 1928. Архив Дома русского зарубежья. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 23. Л. 2, об.

⁴¹⁵ Савицкий П. Н. Кламарский раскол в евразийском движении. Указ. соч. С. 300.

Чтобы поддержать Савицкого, в Кламар прибыл Н. Н. Алексеев, и тоже обнаружил кипение страстей. На собраниях парижские евразийцы отрекались от евразийства во всех его аспектах, критиковали его экономическое учение, говорили об «устаревших» положениях в отношении религии, рассуждали об идеологической отсталости, превозносили коммунизм и советскую власть. Алексеев, в частности, писал: «После моего нажима на кламарцев в смысле принципиальных разговоров на наиболее глубокие идейные темы к ужасу своему (должен это констатировать) я обнаружил, что произошло следующее: вместо того, чтобы превратить коммунистов в евразийцев (при крайнем предположении, что они смогут даже остаться коммунистами) кламарцы проделали противоположное движение — из евразийцев стали коммунистами, причем не ясно, что осталось у них от евразийства. С двумя из них я разговаривал, что называется, до последних корней; и с несомненностью обнаружил, что они считают чистый коммунизм, понимая под этим обобществление средств производства, обмена, и даже в пределе, распределения, исторически и нравственно наивысшей формой человеческого бытия»⁴¹⁶.

Между тем подготовка к выходу первого номера газеты шла полным ходом. Сувчинский написал передовицу «Революция и власть». Обнаружив в статье апологию марксизма, Савицкий решительно возражал против ее помещения в номер. Сувчинский проигнорировал его замечания. Настоящим камнем преткновения стал короткий текст М. Цветаевой («Обращение к Маяковскому»), который Сувчинский намеревался поместить на первой странице: «“Приветствие” было задумано давно, мне же о нем сказали в последнюю минуту. “Обращение” М. Цветаевой — совсем небольшая вещь, но двусмысленная по своему содержанию. После некоторых колебаний, я пришел к заключению, что в первом номере этого обращения печатать не следует. В номере этом мы совсем не говорим о религии. Помещать в нем обращение-приветствие автору известных атеистических вещей, это значило, по

⁴¹⁶ Савицкий П. Н. Кламарский раскол в евразийском движении. Указ. соч. С. 306.

моему мнению, создавать ложное и недолжное впечатление. Сувчинский куда-то спешил, и редакционное собрание закончилось на моем заявлении. Каково же было мое удивление, когда на следующий день, в окончательной корректуре номера — я нашел “Обращение” М. Цветаевой. Типография не выполнила моего указания устраниТЬ “Обращение” как помещенное по ошибке. Тогда, около полночи, я поехал в Кламар объясняться с Сувчинским. В течение двух или трех часов я буквально умолял его снять “Обращение”. Я приводил доводы по существу; когда они не действовали, просил его сделать это во имя нашей дружбы и во имя евразийской традиции *соборного действия*. Если бы положение было обратным, и Сувчинский просил меня воздержаться от какого-либо действия, *одной десятой* этих просьб было бы достаточно, чтобы я последовал его призыву. В выразительности и настойчивости моих просьб я перешел все возможные и невозможные пределы. Я понимал, что от исхода вопроса зависит *целостность евразийства*. Сувчинский не внял ни моим доводам, ни моим просьбам. “Обращение” осталось в номере»⁴¹⁷.

Текст Марины Цветаевой в результате и стал точкой невозврата в отношениях евразийцев. Марксизм, коммунизм и двусмысленные статьи Савицкий с горем пополам готов был вытерпеть, но приветствие Маяковскому было выше его сил:

«Маяковскому.

28-го апреля 1922 г. накануне моего отъезда из России, рано утром, на совершенно пустом Кузнецком я встретила Маяковского.

— Ну-с, Маяковский, что же передать от Вас Европе?

— Что правда — здесь.

7 ноября 1928 г., поздним вечером, выходя из *café Voltaire* я на вопрос:

— Что же скажете о России после чтения Маяковского?

Не задумываясь, ответила:

— Что сила — там.

*Марина Цветаева»*⁴¹⁸.

⁴¹⁷ Савицкий П. Н. Кламарский раскол в евразийском движении. Указ. соч. С. 308. Курсив автора.

⁴¹⁸ Евразия. Еженедельник по вопросам культуры и политики. Суббота, 24 ноября 1928 г. С. 8.

Короткий текст предваряло следующее замечание: «В. В. Маяковский в Париже. В настоящее время гостит в Париже В. В. Маяковский. Поэт выступал здесь неоднократно с публичным чтением своих стихов. Редакция “Евразии” помещает ниже обращение к нему Марины Цветаевой»⁴¹⁹. На первой странице «Евразии» красовался хвастливый лозунг — визитная карточка газеты: «Россия нашего времени вершит судьбы Европы и Азии. Она — шестая часть света ЕВРАЗИЯ — узел и начало новой мировой культуры». Лозунг добавлял нотки некоторой кичливости к газете, которая и без того вышла чрезвычайно «пестрой». «Старое» евразийство (которое «звучало» даже в деталях, например, в рекламе книг Савицкого) буквально меркло в лучах «нового», в котором, формально, не было откровенных отступлений (все «ереси» парижан были зафиксированы в основном в личных разговорах), но и тут, и там были заметны отголоски «грамотной» работы ГПУ.

Формально, газета «Евразия» стала продолжением проекта Сувчинского «Версты», — задуманного им в 1925 г. литературно-философского журнала. Среди членов редакции были кн. Д. П. Святополк-Мирский, А. А. Сувчинский, С. Я. Эфрон, «при ближайшем участии» Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова. Сувчинскому удалось выпустить только три номера, но выполнены они были превосходно. Само название отсыпало к сборнику стихов М. Цветаевой «Версты» (Москва: Государственное издательство, 1922), последнему, изданному в России перед эмиграцией. Цветаевское «Обращение» к Маяковскому, которое Сувчинский планировал поместить на первой странице, должно было подчеркнуть преемство «Евразии» и «Верст»⁴²⁰.

Наладить регулярный выпуск журнала «Версты» не удалось, номера выходили в 1926, 1927 и 1928 гг., после чего возникли трудности с деньгами и дело встало. Но проект захватил Сувчинского. По сути он решил

⁴¹⁹ Евразия. Указ. соч. Там же.

⁴²⁰ Уступка Савицкому заключалась в том, что «Приветствие» Сувчинский в итоге поместил на последней странице, возможно, наивно надеясь, что Савицкий «не заметит», или снизойдет к его слабости.

воспользоваться евразийскими деньгами, чтобы развернуться со своей литературно-философской программой уже в газете. Савицкий в данном случае несколько пристрастно отнесся к затее Сувчинского, приписав «Евразии» политическое, а не литературно-философское направление. В газете были статьи Н. С. Трубецкого, Н. Н. Алексеева, Л. П. Карсавина, востоковеда В. А. Никитина, Д. Святополк-Мирского, евразийца А. С. Адлера, который был, на самом деле «талантливым», в своем роде, агентом советской разведки. Именно он, Александр Севастьянович Адлер (1903–1945), во многом способствовал «ГПУшному» уклону парижских евразийцев, хотя сумел остаться в тени, в отличие от яркого Арапова, заметных Эфрона и Константина Родзевича, героя «Поэмы горы» и «Поэмы конца» М. Цветаевой.

После того, как первый отпечатанный номер газеты оказался в руках у Савицкого, у него произошел буквально нервный срыв. Он настаивал на том, что нарушено фундаментальное евразийское положение: единство «тройки» лидеров. Согласно этому положению, ни одна программная евразийская статья не должна была выходить без одобрения всех трех лидеров (Сувчинского, Трубецкого, Савицкого). Кроме того, как писал Савицкий: «Трубецкой и я, занятые научной работой, весь технический и материальный аппарат издательства доверили в распоряжение Сувчинского: иными словами, издательство (в Кламаре) было записано на его имя, на его же имя заключались договоры с типографией и в его же распоряжении находились деньги издательства. До ноября 1928 г. это не вызывало трудностей. В ночь с 21 на 22 ноября произошло нечто, чего заранее нельзя было и предвидеть. Воля Сувчинского как члена идеологической тройки и соредактора газеты, не имела никакого первенства над моей волей. Сувчинский оставил «Обращение» Цветаевой в первом номере «Евразии» вопреки предельно настойчивым моим указаниям опираясь на чисто фактические обстоятельства владения техническим и материальным аппаратом»⁴²¹. То есть, другими словами, Сувчинский

⁴²¹ Савицкий П. Н. Кламарский раскол в евразийском движении. Указ. соч. С. 309. Курсив автора.

просто присвоил общее евразийское имущество и деньги, пользуясь тем, что оно оформлено на его имя. В результате: «В конце ночного разговора моего с Сувчинским, 21–22 ноября, я сообщил ему и П. С. Арапову, что прекращаю участие в редактировании газеты (23.XI я написал о том же Малевскому и Трубецкому)»⁴²². Так состоялся раскол евразийского движения.

Далее события шли по нарастающей. Телеграммой Трубецкой потребовал приостановить выпуск газеты. После того, как Сувчинский проигнорировал письмо Савицкого и телеграмму Трубецкого, последний в письме от 31 декабря 1928 г. сообщил о своем выходе из евразийского движения. После этого Савицкий энергично взялся за дело. Его усилиями выходит брошюра «О газете “Евразия” (газета “Евразия” не есть евразийский орган)» (Париж, 1929), в которой парижские евразийцы, примкнувшие к Савицкому (Н. Н. Алексеев, В. Н. Ильин), описали суть своих расхождений с другими членами своей группы. В брошюре было помещено письмо Трубецкого с сообщением о выходе из евразийской организации и указанием причин.

После этого Савицкий собирает оставшиеся евразийские силы, организует ряд встреч, в частности, добивается, чтобы были выпущены постановления Белградской группы евразийцев, Пражской группы и немногочисленной, оставшейся верной первоначальному евразийству части Парижской группы, с осуждением впадших в ересь парижан-ГПУшников, поклонников марксизма и литературного эстетизма. Парижская группа, таким образом, раскололась на два крыла — правоверное (примкнули к Савицкому) и группу Сувчинского, в которой теневым лидером был П. С. Арапов. К последнему бывший миллионер Сувчинский испытывал самые теплые чувства, как психологически близкому — эстету, ироничному, не связанному семьюными узами человеку — перекати-поле.

В связи с кламарским расколом возникает вопрос о том, был ли виноват в расколе исключительно

⁴²² Савицкий П. Н. Кламарский раскол в евразийском движении. Указ. соч. С. 309.

Сувчинский, или руку к развалу единого евразийского фронта приложил и Савицкий, приехавший в Кламар в момент верстки первого номера газеты и поднявший скандал? Или кламарский раскол произошел бы неизбежно, поскольку Парижская группа была инфильтрована агентами ГПУ, а в этом случае ни о какой нормальной научной или идеологической работе не могло быть и речи? Последнее предположение кажется самым убедительным, но не стоит скидывать со счетов и вклад Савицкого, который, обладая яркими лидерскими качествами, много лет был, по сути, в пренебрежении от остальных основоположников, и особенно от парижских евразийцев. Пружину долго сжимали и она, в конце концов, выпрямилась с невероятной силой и страстью.

Савицкий едет в Лондон, чтобы изложить свою точку зрения Спולדингу и заручиться его финансовой поддержкой. Спולדинг поставил условием дальнейшего финансирования движения достижение единства евразийских рядов. Савицкий пытался кооперироваться с парижскими евразийцами, но большинство парижан или уже были завербованы ГПУ, или, как Л. П. Карсавин, поддержали Сувчинского по чисто личным причинам (например, в 1934 г. дочь Карсавина Марианна Львовна стала третьей женой Сувчинского). На фоне кризиса Савицкий берет управление движением полностью в свои руки. Лондон в лице казначея движения П. Н. Малевского-Малевича, П. С. Арапова и Спольдинга в конце концов отказался поддерживать Савицкого. Есть свидетельства, что Спольдинг был связан с английской разведкой, но имело ли это связь с его увлечением евразийскими идеями — неясно. Спольдинг поставил условием финансовой поддержки евразийства единство его рядов. Условие не было выполнено, и финансовая поддержка евразийства прекратилась. Начался новый этап истории евразийского движения.

34. Евразийство как номогенетическая система

Первоначально евразийство базировалось вовсем на религиозно-культурологическом мировоззрении. Если религиозный компонент был важен для Савицкого, то культурология не имела для него большого значения, а лучше сказать, что и вовсе отсутствовала как некая система в его построениях. Евразийским культурологом выступил Трубецкой. Он разрабатывал как собственную теорию культур, так и пользовался вспомогательными теориями для подтверждения своих утверждений (например, свою теорию личности в «Европе и Человечестве» он обосновал с опорой на Габриэля Тарда). Как только эти два элемента в единстве — культура и религия, изымались из евразийской конструкции, как это случилось у парижских евразийцев, то, с точки зрения Савицкого, она превращалась во что-то иное, может быть вторичный марксизм.

Парижские евразийцы противопоставили культурологии Трубецкого, которая строилась с опорой на библейское мировоззрение (вспомним его самый яркий библейский образ — Вавилонская башня), — культуру модерна и футуризма. Евразийство, с точки зрения Савицкого, имеет с марксизмом схожие черты в области монизма («Монистической называется система, возводящая сущее к какому-либо единому началу»⁴²³). Вопрос в содержании этого монизма. Если «абсолютное мировоззрение» наполнено не религией, а, к примеру, марксизмом, то оно, в силу своей абсолютности, несет духовную угрозу. С этой точки зрения и марксизм, и евразийство есть абсолютные мировоззрения: «Подобно марксизму, евразийство представляет собою монистическую систему, но только систему не материализма, но Духа, действующего в “материи”, или иначе — номогенеза, т. е.

⁴²³ Савицкий П. Н. Газета «Евразия» не есть евразийский орган / Антология произведений евразийцев 1920–1930-х годов. Указ. соч. С. 421.

эволюции на основе закономерностей, предустановленных Божественной Волей»⁴²⁴.

В последнем замечании Савицкий косвенно ссылается на работу С. Л. Берга «Номогенез, или эволюция на основе закономерностей» (1922). Савицкий увлекался Бергом, собирая все его работы, главным образом географические и геологические, ставил его весьма высоко именно за то, что, по его мнению, Бергу удалось непротиворечиво сочетать религиозные принципы и передовое научное мировоззрение. В предисловии к своей работе Берг утверждал, что во многом опирался на работу Н. Я. Данилевского «Дарвинизм» и противопоставлял идею номогенеза — эволюции: «Предлагаемый очерк имеет целью показать, что эволюция организмов есть результат некоторых закономерных процессов, протекающих в них. Она есть номогенез, развитие по твердым законам, в отличие от эволюции путем случайностей, предполагаемой Дарвином»⁴²⁵. Р. О. Якобсон, с которым Н. С. Трубецкой совместно разрабатывал фонологию, также увлекался Бергом, более того, положил номогенез в основу теории языкообразования: «Сам термин “номогенез” Якобсон взял у Берга. Согласно номогенетической модели языки могут эволюционировать лишь в определенном направлении и в системной законосообразной последовательности»⁴²⁶. У Берга Якобсон и Трубецкой, как предполагает П. Серио, берут и другие понятия и метафоры, такие как «конвергенция» и «миметизм». Более того, именно номогенетическая модель легла в основу «Тезисов 1929 г.», подписанных Р. Якобсоном, Н. С. Трубецким и С. О. Карцевским. Эти представления сблизили Якобсона с Савицким, и в 1930 г. они выпускают совместную брошюру: «Евразия в свете языкоznания» (Издание

⁴²⁴ Савицкий П. Н. Газета «Евразия» не есть евразийский орган / Антология произведений евразийцев 1920–1930-х годов. Указ. соч. С. 422.

⁴²⁵ Берг С. Л. Номогенез, или эволюция на основе закономерностей. Петербург: Государственное издательство, 1922. С. 2.

⁴²⁶ Серио П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в центральной и восточной Европе 1920–30-е гг. Указ. соч. С. 220.

евразийцев, 1931). Сборник содержал статью-вступление Савицкого «Оповещение об открытии (Евразия в лингвистических признаках)» и статью Р. Якобсона «О фонологических языковых союзах». Сначала Савицкий хотел включить текст Якобсона в сборник «Тридцатые годы», который был знаком нового, возрожденного после кла-марского раскола евразийства под его управлением, но потом он пришел к выводу о самостоятельном значении этого «открытия», которое должно быть незамедлительно представлено публике. Поэтому «Евразия в свете языко-знания» вышла раньше сборника «Тридцатые годы».

20 декабря 1930 г. Якобсон сделал доклад на заседании Пражского лингвистического кружка, куда, наряду с лингвистами, входил и П. Н. Савицкий. Доклад Якобсона произвел на Савицкого огромное впечатление, и он предложил издать его отдельной брошюрой у евразийцев. Главным образом Савицкий вдохновился тем, что Якобсон в своем докладе подтверждал с точки зрения фонологии его важнейшую мысль об особом характере России-Евразии как отдельного мира. Данные Якобсона устанавливают существование евразийского языкового союза. В предисловии к тексту Якобсона Савицкий написал, что «В предыдущих изданиях евразийцы исследовали природу России-Евразии как особого географического и особого исторического мира. Работа Р. О. Якобсона позволяет утверждать, что Россия-Евразия является особым лингвистическим миром»⁴²⁷.

В данном случае Савицкий говорит о своей исследовательской программе: нужно доказать на примере данных из разных научных областей, что Россия-Евразия является «особым миром», или особой цивилизацией, особым культурно-историческим типом, говоря языком Данилевского. Если с географической и исторической точки зрения это положение было, как утверждал Савицкий, доказано, то неожиданная подмога со стороны лингвистики стала для него радостным сюрпризом: «“Лингвистика евразийствует” — таково было наше

⁴²⁷ Савицкий П. Н. Оповещение об открытии / Евразия в свете языкознания. Издание евразийцев, 1931. С. 1.

ощущение при ознакомлении с данными, собранными Р. О. Якобсоном: именно лингвистика, а не лингвисты — ибо красноречиво свидетельствуют сами факты. И беспомощно звучат утверждения тех критиков, которые полагали, что данные языка “убийственны для евразийской доктрины”⁴²⁸. Савицкий мог торжествовать вполне — открытие Якобсона о том, что языки на территории России-Евразии имеют ряд общих черт, которые отличают их как от европейских, так и от азиатских языков, было научно доказано, — и этот вывод признается верным и в наше время. Историк А. А. Кизеветтер, многолетний критик евразийства, утверждавший, что данные лингвистики «убийственны для евразийской доктрины»⁴²⁹ был вполне посрамлен и «побежден».

Савицкий, который поставил целью доказать целостность и отдельность, автаркичность, самостоятельность («самодовление» — его термин) Евразии еще в статье 1921 г. «Континент-океан», считал, что к началу 1930-х гг. эта цель во многом достигнута. *Поиск целостности — несомненно признак евразийской доктрины, однако эту целостность надо понимать не абстрактно, как некий философский термин наподобие «трансценденция», как склонен был его трактовать П. Серио; но нужно понимать вполне конкретно, полноценно, практически.* Для Савицкого это была целостность историческая, географическая и лингвистическая (эти три целостности он полагал доказанными), а также — психологическая («доказано» Трубецким), религиозная (во многом — «доказано» Л. П. Карсавиным). Из бытия этой целостности, по Савицкому, должны быть сделаны императивные выводы о необходимости целостности geopolитической, экономической и идеологической.

⁴²⁸ Савицкий П. Н. Оповещение об открытии. Указ. соч. С. 5.

⁴²⁹ Кизеветтер А. А. Евразийство и наука. Кн. Н. С. Трубецкой: К проблеме русского самопознания. — Г. В. Вернадский: Начертание русской истории // Slavia. Прага, 1928/29. V. 7. С. 429. Стоит отметить, что в этой рецензии Кизеветтер оговаривает, что Трубецкой — не историк, поэтому к его выводам стоит отнести снисходительно. Однако сам Кизеветтер, не будучи лингвистом, критикует Трубецкого за его лингвистические работы, подвергая сомнению его выводы.

Эти три последних целостности не были несомненно «доказаны», и даже само их существование в СССР (частично — в принудительном порядке) было шатким, поскольку целостность пространства Евразии не была утверждена как элемент системной государственной идеологии. Евразийцы, особенно Трубецкой, с тревогой писали об ошибке большевиков, допустивших советский федерализм, согласно которому республики могли выйти из состава Советского Союза без сложных процедур и препятствий. С одной стороны, это открывало двери для принятия новых республик в состав СССР (собственно, это было главной целью советского федерализма), с другой — опасно размывало границы и единство Евразии. Трубецкой серьезно предполагал, что после краха коммунистической идеологии распад государства неминуем. Утверждение геополитического единства было практической целью Савицкого, который верил, что убедив последователей и потенциальных советских сторонников в том, что Россия-Евразия цельна, целостна и не сводима ни к чему другому (при смешении с «другими мирами» происходит коллапс, разрушение ее культурно-государственного тела), они согласятся и на необходимость внедрения евразийской экономики и идеологии.

По Савицкому, целостность Евразии есть факт не случайный, но номогенетический, то есть закономерный и целесообразный. Закономерность есть признак Промысла и Логоса, а не Хaosа и случайности (как у Дарвина). Савицкий, интересовавшийся новейшими работами в области науки и философии, переписывался с Н. И. Вавиловым (1887–1943), с огромным энтузиазмом приветствовал квантовую теорию, первые известия о которой появлялись в 1920-е гг. Он постоянно подчеркивал, что мировоззрение и увлечения группы Сувчинского отстали от жизни, говорил о «теоретической беспомощности»⁴³⁰ парижских евразийцев, застрявших в прошлом (Федоров, Маркс). В этих замечаниях было много правды, вместе с

⁴³⁰ Савицкий П. Н. Газета «Евразия» не есть евразийский орган / Антология произведений евразийцев 1920–1930-х годов. Указ. соч. С. 423.

тем, в статье «Газета “Евразия”» не есть евразийский орган», отмеченной датой 5/18 января 1929 г., мы видим первые признаки зарождения нового этапа в развитии евразийских идей, связанного с номогенезом, поисками закономерностей, глубинных связей явлений, то есть зрелого философского мировоззрения, которое предполагает не просто декларацию религиозного мировоззрения, но детальный анализ марксизма, атеизма, и других, «конкурирующих» течений. Марксизм и атеизм в 1930-е гг. казались Савицкому «отсталыми» системами, подлежащими непременной деконструкции.

Весь вопрос состоял в том, что произойдет после падения коммунизма. К концу 1920-х гг. эту проблему евразийцы обсуждали довольно серьезно. Трубецкой писал о том, что если к моменту коллапса коммунизма на смену ему не придет евразийство, то страна распадется на национальные, враждующие друг с другом, республики, а сама Россия подпадет в финансовое рабство Западу: «победит начало демократии, т.е. индивидуалистической атомизации, — и тогда СССР распадется на ряд “независимых” (на самом деле вассальных, зависимых от разных великих и не великих держав) республик, в которых ЕА <евразийство> будет преследоваться как государственная измена»⁴³¹. Трубецкой также говорил, что если после падения коммунизма как идеологии СССР сохранится, то «победит начало идеократии, т. е. целостности — и тогда государственно-идеологическая организация неизбежно отождествится с ЕА<евразийством>»⁴³². Савицкий в начале 1930-х гг. считал этот прогноз верным. Поэтому главный упор делал на идеологическую борьбу, искал возможности внедрить евразийские идеи в СССР сначала нелегально, по каналам «Треста», потом вполне легально — через свои книги и переписку с советскими учеными. Правда, в 1950-е и 1960-е гг. Савицкому стало

⁴³¹ Письмо Н. С. Трубецкого к П. Н. Савицкому от 07.08. 1936 / Соболев А. В. О русской философии. Приложение. Письма Н. С. Трубецкого к П. Н. Савицкому. Указ. соч. С. 452.

⁴³² Письмо Н. С. Трубецкого к П. Н. Савицкому от 07.08.1936 / Соболев А. В. О русской философии. Указ. соч. Там же.

казалось, что СССР практически на верном пути, и прогнозы Трубецкого слишком мрачны, в то время как к концу 1920-х гг., после гибели проектов, связанных с «Трестом», он был полон невеселых раздумий. Окончательно пелена с его глаз спала после ареста органами СМЕРШ. Когда он попал, наконец, легально, но уже как заключенный, в СССР, то понял, что его первая «нелегальная» поездка была блефом и постановкой. В последние годы он никогда не упоминал о своей первой поездке в СССР, хотя в 1930-е гг. еще сомневался, что это был театр ГПУ.

35. Циклы, время и закономерности. Л. Н. Гумилев, Н. А. Козырев и Савицкий о новом понимании исторического, физического и космического времени

В отличие от Н. Д. Кондратьева Савицкий ассоциировал циклы, прежде всего, с историческими событиями, а последние — с сущностью самого времени, которое обладает своеобразными энергетическими зарядами, влияющими на человека и все мироздание в целом.

В статье «Ритмы монгольского века» (1937). Савицкий утверждает: «В основе евразийских представлений о мире лежит идея периодической системы сущего»⁴³³. Закон периодической системы означает, что в основе мира лежит упорядоченная структура, задающая ритм его развитию: «я одновременно энтузиаст “числа и меры” в анализе, “целостного знания природы” (в смысле И. В. Киреевского) — в синтетическом его завершении»⁴³⁴. Как история, так и природа подчинены этому закону, отсюда — отсутствие хаоса, «признаки внутренней слаженности и неслучайности соотнесенности»⁴³⁵. Но основной источник вдохновения для Савицкого был все же не Кондратьев. Логика его идейного становления, развития идей евразийства как такового вела его к тому пределу, где произошло смыкание его «ранней» версии евразийства с теорией этногенеза Л. Н. Гумилева. Уже в начале 1930-х гг. создается евразийская «эйдология» — учение об идеях, управляющих историческим процессом через энергию психических процессов; энергия идет от «лидера», заряжает массы, циркулирует в социальном теле.

Когда в 1960 г. Гумилев сообщил Савицкому об открытии астрофизика Н. А. Козырева, то Савицкий тут же

⁴³³ Савицкий П.Н. «Подъем» и «депрессия» в древнерусской истории // Евразийская хроника. 1935. Вып. 11. С. 65.

⁴³⁴ Письмо П. Н. Савицкого к Н. Н. Алексееву. 1958 г./ «Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н. Н. Алексеева к П. Н. Савицкому (1957–1961). Указ соч. С. 444.

⁴³⁵ Там же.

«узнал» близкие, родственные по духу идеи. Козырев и Гумилев были давними знакомыми. До ареста Козырев преподавал Теорию относительности в Ленинградском педагогическом институте (сразу после аспирантуры), потом работал в Пулковской обсерватории, а в 1926 г. начался его крестный путь длинною в 10 лет. Одним из пунктов обвинения Козырева, когда его арестовали второй раз и приговорили к расстрелу (по ходатайству советских ученых высшая мера наказания была заменена 10 годами лагерей), состоял в том, что он считает Есенина и Н. Гумилева, отца Л. Н. Гумилева, хорошими поэтами. С Л. Н. Гумилевым Козырев встретился в 1942 г. в Норильске, где они вместе отбывали заключение. Когда Козыреву вручили на подпись постановление Верховного суда РСФСР о том, что его приговорили к высшей мере наказания (это было повторное возобновление дела), то именно Гумилев пытался его утешить. Он взял его руку и «прочитал» линию судьбы, предсказав, что она будет долгой. Действительно, через 2 недели пришло постановление Верховного суда СССР, которым отменялось предыдущее, а расстрел заменили на 10 лет лагерей. В 1943 г. Козырев уговорил Гумилева отправиться с ним в окрестности Хантайского озера (Таймыр), вместе они работали и в Нижнетунгусской геологической экспедиции до 1944 г., когда Гумилев добился отправки на фронт.

В лагере Козырев чудом избежал смертной казни, чудом не погиб в карцере, куда его послали на смерть. Именно после карцера Козырев стал верующим человеком, осознав, что жизнь ему была дарована Свыше для выполнения какой-то важной задачи. Подобно Л. Гумилеву, открывшему свою теорию этногенеза в концлагере, под нарами (куда тот «уединялся», чтобы предаться научным размышлениям), Козырев в эти страшные годы размышлял о далеких звездных мирах, пространстве и времени. Гумилев через Козырева увлекся естественно-научными дисциплинами. После освобождения общение ученых возобновилось, а когда Гумилева повторно арестовали, он писал Козыреву из омской ссылки вплоть до освобождения в 1956 г.

Уже через три месяца после освобождения Козырев защитил докторскую диссертацию «Теория внутреннего

строения звезд как основа исследования природы звездной энергии» (1947), а в 1958 г. в книге «Причинная или несимметричная механика в линейном приближении» изложил свою теорию времени. Козырев предположил, что время является не психологическим переживанием, но некой реальностью, обладающей рядом свойств, среди которых — скорость (измеряемая превращением причины в следствие), направленность, плотность. В силу того, что время направленно (вектор времени), оно обладает колоссальной энергией, которая поддерживает существование звезд, галактик, всей Вселенной. По расчетам Козырева (которые до сих пор достоверно не опровергнуты), энергия, излучаемая Солнцем и звездами, конечно, а учитывая время их существования, они давно должны были бы погаснуть. Именно время поддерживает энергию их существования, поскольку видимый мир существует не только в пространстве, но и в потоке времени, имеющем колоссальную энергию.

В пространстве нет видимого ориентира кроме многочисленных примеров «правизны» и «левизны», что связано с направленностью потока времени. С точки зрения правизны и левизны организмы не строго симметричны, что Козырев связывает с законами природы, которые зависят от потока направленности времени. Именно направленность времени организмы используют для усиления жизненных процессов, приспосабливаясь к его потоку, что усиливает их витальность, жизнеспособность. Подобно живым организмам, звезды и другие космические тела также встраиваются в потоки времени, чтобы поддерживать свое существование, поскольку, по Козыреву, не существует мертвой материи, но всюду торжествует жизнь.

Для доказательства своей теории Козырев провел многочисленные опыты с крутильными весами, гирископами, телескопами, вогнутыми зеркалами, вращающимися телами и т. д. Полученные результаты и выводы были совершенно поразительны, но советское научное сообщество отвергло Козырева, объявив его теорию ложной, хотя научного опровержения так и не последовало. Все дело было в том, что с открытиями Козырева возникала

совершенно новая картина мира, к восприятию которой научное сообщество не было готово. Для подтверждения его теорий необходима была мощная научная база, в первую очередь математическая. Состояние науки на этом этапе было таково, что в этой области пока не были достигнуты результаты, которые бы позволили синхронизировать математические и физические расчеты. Картина мира Козырева была сложнее картины мира Эйнштейна, более того, она описывала реальность, с которой человек еще не научился взаимодействовать.

Савицкий уже к концу 1930-х гг., размышляя об энергии и времени, приходит к мысли о том, что время порождает энергию и поглощает ее, поскольку является источником энергии. Это буквально совпало с теорией астрофизика Козырева. В январе 1958 г. Гумилев сообщил Савицкому: «За последнее время у нас произошло огромное культурное событие. Доктор физико-математических наук Н. А. Козырев прочел в Университете доклад об открытых им свойствах времени. Согласно его теории, подкрепленной удавшимся опытом, время не есть форма восприятия и не зависит от скорости света. Наоборот, время — реальность и источник энергии. Оно производит и поглощает энергию, и Козырев прямо заявил, что закон сохранения энергии неверен. — Зал был набит битком; слушали, затаив дыхание. Вот “факт-предварение” нового огромного подъема науки»⁴³⁶. Савицкий откликнулся с энтузиазмом: «Поразительно интересно то, что Вы пишете о докладе Н. А. Козырева. Не будучи физиком, я не берусь высказать окончательное суждение. Но должен признаться, что понимание времени, как оно наметилось в нашей с Вами переписке, <...> кажется мне очень близким к концепции Н. А. Козырева. О “законе сохранения энергии” в нашем случае не может быть и речи. И в то же время мы можем прямо пальцами пощупать как время производит и поглощает энергию. Мне кажется, что “Козыревское” и *наше* понимание

⁴³⁶ Отрывки из писем П. Н. Савицкого к разным лицам // Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 40. Л. 3.

времени вполне можно связать с теорией квант»⁴³⁷. Квантовую теорию Савицкий вообще рассматривал как некое откровение о божественном замысле: «<...> не было и нет в истории человечества более яркого обнаружения истинности древнего слова о том, что человек есть “образ и подобие божье”, нежели эти дела. — Я читаю книги и статьи по ядерной физике; и должен сказать — читаю их как трактаты по богословию в делах и цифрах»⁴³⁸.

Уже к концу 1930-х гг. Савицкий пришел через идеократию и эйдократию к квантовой философии времени⁴³⁹. Савицкий отказывается от безусловного использования терминов «идея» и «эйдос» при описании действия законов своей периодической системы сущего. Из ранга терминологических рабочих понятий они становятся описательными, прикладными терминами. В его статьях 1930-х гг. господствуют такие понятия как «силы», «энергия», «истощение», «распад», «напряженная реализация», «взрыв организационной энергии», «энергия и воля к бытию», «взрыв социальной энергии верхов» и т. д. Организационные системы «пронизывают» все слои исторических процессов, агрессия, выражаяющаяся во внешней экспансии, «истощает силы страны», и она выходит в депрессивную фазу или в кризис. Экспансия, как порождение подъемной фазы, порождает депрессию, одна волна переходит в другую не по закону логики, а по закону физического истощения энергии, исчерпавшую теплоту и интенсивность первоначального импульса.

Понятия «идея» и «энергия» Савицкий стал использовать как взаимозаменяемые. Так, Савицкий пишет о сущности «подъема» «как взрыва организационной энер-

⁴³⁷ Отрывки из писем П. Н. Савицкого к разным лицам // Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 40. Л. 4.

⁴³⁸ Письмо П. Н. Савицкого Н. Н. Алексееву, июль 1959 // «Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н. Н. Алексеева к П. Н. Савицкому (1957–1961). Указ. соч. С. 440.

⁴³⁹ Об этом см.: Ермишина К. Б. Философия пространства и времени П. Н. Савицкого и Л. Н. Гумилева // Экономические стратегии. 2018. № 5. С. 72–77.

гии»⁴⁴⁰, т. е. употребляет это словосочетание вместо «организационная идея». Подъемные признаки группируются в «кусты», сгустки и средоточия силы, которые порождают исторический взлет и процветание, когда эти «сгустки» разрастаются, расширяются и дают всплеск энергии достаточный, чтобы качнуть маятник истории вверх. Эти представления были близки философии имяславия, имеющей корни в исихастской концепции тварной и нетварной энергии свт. Григория Паламы. Савицкий прямо соотнес себя с исихазмом:

Я имяславец. Имена
Людей, явлений и предметов.
В них жизни вечной глубина,
Лучи немеркнущего света.
Я чту священный смысл имен.
В них скрыта зиждущая сила.
Не в именах ли заключен
Непреходящий образ мира? <...>

Мир — это ряд соименных
Тайным глубинам имен.
В имени образ Вселенной
Схвачен и закреплен.
Разум познанья земного
В этом священном ряду.
Имя творящего Слова⁴⁴¹.

Показательны те данные из области политической и природной жизни, которые выбирает для сопоставления Савицкий. Смуты, упадок городов, грабежи, нашествия иноплеменников, которые всегда приходят, чувствуя оскудение энергии страны, революционные выступления и религиозные расколы и другие признаки упадка депрессионной исторической фазы, как правило, сопровождаются неурожаем и природными бедствиями,

⁴⁴⁰ Савицкий П.Н. «Подъем» и «депрессия» в древнерусской истории // Евразийская хроника. Вып. XI. Берлин, 1935. С. 72.

⁴⁴¹ Савицкий П. Н. Имена. Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers, 1810–1985. Box 134 (Приложение к письму П. Н. Савицкого Г. П. Струве, ок. 1958 г.).

которые вызывают голод. Природа как будто чувствует смути социальной жизни, шатание умов и раздоры, отвечая недородом, засухой, гибелью озимых. Следом начинаются болезни (средневековые летописи говорят — «глад и мор»), которые уносят жизни тысяч измученных голодом людей. Это наблюдение Савицкого можно проследить даже на примере революции 1917 г., которая сопровождалась голодом и страшными эпидемиями, не только тифа, но и других опаснейших заболеваний, о которых не слышно было в мирное время.

Савицкий выявляет целый ряд признаков, которые характеризуют подъемные фазы: расцвет торговой деятельности, создание крупных состояний, градостроительство, колонизационная деятельность (освоение новых земель как на Севере, так и в южных губерниях в России), политика «ставки на сильных», приток иммигрантов в страну, расцвет искусств и т. д., всего 27 «подъемных» признаков. Депрессивные фазы характеризуются противоположными признаками: гибелью торговых путей, разорением купцов, разграблением хозяйственных запасов, упадком городов, деколонизацией ранее освоенных земель, ударом по верхам общества, оттоком из страны материальных ценностей, произведений искусства, эмигрантов, политическим распадом страны — всего 27 «депрессионных» признаков.

Прослеживая чередование фаз подъема и упадка, Савицкий приходит к выводу о том, что для древнерусской истории подъемные фазы продолжаются около 17 лет, переходные — 10, депрессивные — 7. Если построить на основании этих данных историческую кривую, то получится диаграмма, отражающая сердцебиение исторического ритма: «Вся мировая история открывается нашему взору в новом свете. Должно быть изучено пульсирование ее сердца, чередование в ней мощных взрывов организационной энергии и последующих ее “провалов”»⁴⁴². Диаграмма («кардиограмма») «подъемов» и «де-

⁴⁴² Савицкий П. Н. «Подъем» и «депрессия» в древнерусской истории // Евразийская хроника. Вып. XI. Берлин, 1935. С. 95.

прессий» показывает, что исторический процесс медленно, но неуклонно движется вверх, устремляется к некому вершинному моменту в истории. Савицкий также предположил, что выявленные им закономерности носят характер коротких исторических волн («малых циклов»), в то время как существуют длинные исторические волны, признаками которых, вероятно, служат такие события как, например, принятие на Руси христианства, Смутное время, Революция 1917 г. и т. д. Он также предполагает, что исторические события других стран (месторазвитий) должны иметь свои исторические циклы, которые можно будет исследовать в будущем. Савицкий пишет о существовании ритмики русских исторических конъюнктур и прослеживает графики исторического подъема страны, которые сменяются «плато» и далее — «прогибами». Его описания и таблицы похожи, если их изобразить графически, на кардиограмму живого социального существа, дышащего в ритме вдох (подъем), выдох (прогиб), как если бы народ постоянно находился в состоянии то всплеска своих жизненных сил, то усталости, почти лептогического сна. *Можно сказать, что «отработав тему месторазвития, Савицкий переходит к следующему этапу своего творческого становления, в котором главную роль играют понятия энергий, ритмов, времени — как источника энергии, идей и эйдосов.*

Свою концепцию России-Евразии как «живого» существа (в смысле В. И. Вернадского с его теорией «ноосферы»), развивающегося согласно своеобразной логике подъемов — плато — прогибов («депрессий») Савицкий связывал, в первую очередь, с квантовой физикой: «Вся мировая история открывается нашему взору в новом свете. Должно быть изучено пульсирование ее сердца, чередование в ней мощных взрывов организационной энергии и последующих ее “провалов”. <...> Ведь и физика в теории квант учит, что “изменения происходят в природе не непрерывно, а как бы взрывами”, что “не сплошным и непрерывным потоком, а рядом следующих друг за другом взрывов” выделяется “свет и вообще лучистая энергия”. Не иначе выделяется и организационная

энергия человеческого общества, не иначе реализуется в нем сила организационной идеи»⁴⁴³.

Кроме того, по Савицкому, циклы «депрессий» и «подъемов», в отличие от «долгих» циклов Кондратьева, намного более короткие, и различаются как по продолжительности, так и по динамике на территории России-Евразии и Европы. Евразийские и европейские циклы не совпадают — там, где в Европе может быть волна экономического подъема, в России наступает спад, и наоборот. Подъем в России приводит к развитию тяжелой промышленности, спад — легкой, в то время как на Западе происходит с точностью до наоборот.

Циклическое различие Европы и России убеждало Савицкого в том, что Россия-Евразия является также и *отдельным энергетическим миром*, как она является отдельным географическим, историческим, культурным, лингвистическим миром, или *отдельным бытием*. Понятие об энергии тесно связано с областью теологии, можно сказать, что Россия-Евразия в этом понимании является *отдельным религиозно-богословским или теолого-пневматическим бытием*. Собственно, это и было главной целью евразийства Савицкого: доказать, на примере разных сфер — истории, культуры, географии и т.д. что Россия отлична от Европы, от Азии, от любой другой части мира, поэтому и законы, по которым она может успешно развиваться, должны быть свои, автохтонные, автарические.

Так постепенно формировалось и оформлялось позднее евразийское мировоззрение П. Н. Савицкого. Оно суммирует весь идейный багаж евразийства 1920-х гг., по аналогии с тем, как его же евразийство 1920-х гг. во многом базировалось на наследии предшествующего периода 1913–1919 гг. Евразийство Савицкого 1930-х гг. было во многом *философской системой*, основанной на номогенезе Л. С. Берга, квантовой физике, которая позже сблизит его с Л. Н. Гумилевым, полагавшим, что челове-

⁴⁴³ Савицкий П. Н. «Подъем» и «депрессия» в древнерусской истории / Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 167.

ческую историю и пассионарные взрывы также запускает некий внешний источник энергии. Гумилев связывал этот источник с Космосом, Савицкий — с сущностью самого времени, как «пятого измерения» бытия, подразумевая при этом, что время есть инструмент Бога, с помощью которого Он контролирует исторический процесс. Позднее евразийство Савицкого также базировалось на новой государственно-частной экономической системе, на концепции Единства мироздания и периодической системы сущего:

Да, в ритмах стройных и простых
Живет и движется природа,
Растут, мужают, крепнут в них
И государства, и народы.

Периодический закон,
Животворящая идея.
Следим за бегом мерных волн,
Пред тайною благоговея⁴⁴⁴.

Евразийство Савицкого конца 1930-х гг. носит все черты зрелой, законченной философской и мировоззренческой композиции. В дальнейшем ее детали только уточнялись, обогащались новыми сведениями и подтверждающими примерами, но существенно не менялись. К середине 1930-х гг. Савицкий подошел к рассмотрению вопроса времени как философской проблемы, но его дальнейшие исследования были прерваны в связи с оккупацией Чехословакии гитлеровской Германией в марте 1939 г. Это помешало выпустить очередную «Евразийскую хронику», запрещенную оккупационными властями. Затем разгорелась Вторая мировая война, а после ее окончания Савицкий был арестован органами СМЕРШ, вывезен в

⁴⁴⁴ Востоков П. [П. Н. Савицкий]. Число и мера. Стихи. Париж, 1960. С. 234. К этому стихотворению Савицкий сделал примечание: «“Периодическая система сущего” с одинаковой яркостью выражается, например, в “периодической системе географических зон” и в присущей историческому развитию ритмической смене “подъемов” и “прогибов”».

СССР, приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Таким образом, эта фаза идейного развития, связанная с мистико-философским осмыслинением сущности истории и времени была искусственно прервана и не получила дальнейшего развития.

Напомним основные пути идейного развития Савицкого, которое можно разбить на четыре идейные фазы: 1. Предъевразийская (1913–1919); 2. Ранняя евразийская в альянсе с другими основоположниками евразийского движения (1920–1925); 3. Поздняя, в которой он формулирует собственные евразийские концепции и отходит от тесного альянса с другими основоположниками (1926–1929); 4. Зрелая, обобщающая, номогенетическая, когда он становится единственным лидером евразийства (1930–1939). Это развитие имеет свою внутреннюю логику: он начал как первый евразиец, он и закончил евразийское движение как единственный лидер: «Он был “евразийцем номер 1”, главным идеологом и вождем всего этого направления. Именно ему принадлежат основные формулы и определения, ставшие руководящими принципами евразийской идеологии. <...> И хотя наряду с ним в евразийском движении принимали участие равновеликие интеллектуалы, центральную роль играл именно он»⁴⁴⁵. С этим категоричным, но в целом верным выводом трудно не согласиться. Этот вывод признавали даже «враги» евразийства («Отец евразийства П. Н. Савицкий»⁴⁴⁶). Остальные евразийцы рано или поздно, один за другим, отходили от движения, охладевали, начинали воспринимать евразийство академично и отстраненно, как Г. В. Вернадский и Н. Н. Алексеев. Но для Савицкого евразийство было всем — делом жизни, основой мировоззрения, как бы дубликатом религии.

⁴⁴⁵ Дугин А. О евразийстве / Савицкий Петр Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 10.

⁴⁴⁶ Кизеветтер А. А. Русская история по-евразийски / Вандалковская Н. Г. Историческая наука российской эмиграции: "евразийский соблазн". Указ. соч. С. 347.

36. Особенности позднего евразийства Савицкого (1929–1939): структурные элементы, пригодные для репликации

Присмотримся внимательнее к тем новым подходам, на которых основано евразийство Савицкого после 1928–1930 гг., и которое он сам отождествил с номогенезом. Это «новое» евразийство Савицкого «официально» начинается с выхода в свет его географической монографии в 1927 г. «Географические особенности России», а также книги «Россия особый географический мир», в которую он включил ключевую geopolитическую работу 1921 г. «Континент-океан» и краткое резюме своей монографии, обобщенное в развернутой статье «Географический обзор России-Евразии». Эти тексты *стали манифестами «нового» евразийства Савицкого, основанного на научной (а не просто на религиозно-культурологической) основе*. Вообще, 1927 г. можно считать зенитом творчества Савицкого, который от ранней фазы творчества вступил в зрелую творческую пору.

Написав монографию, он вышел на следующий научный и творческий этап, его формулировки стали точнее (он уже не допускал, к примеру, рискованных полупоэтических сравнений большевиков с католиками), мысль — глубже, знания — обширнее. Он ищет новых путей для реализации себя, не только как географа-экономиста (в этом амплуа он, в основном, выступал в «официальных» евразийских сборниках), ему интересны кочевниковедение (термин, им изобретенный), историософия, эйдократия (как история и теория развития идей и их влияния на культуру и общество). Он пишет предисловия (а по сути, отдельные, развернутые работы) к книгам Г. В. Вернадского «Начертание русской истории» (Прага, 1927) и П. Н. Толля «Скифы и гунны. Из истории кочевого мира» (Прага, 1928)⁴⁴⁷. Его буквально обуревают, наводняют новые, оригинальные идеи. «В стол» было

⁴⁴⁷ Вышла также отдельной брошюрой: Савицкий П. Н. О задачах кочевниковеденья (почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?). Прага, 1928.

написано большое количество работ, из которых увидело свет, то есть было напечатано, далеко не все. В этот период происходит раскол евразийского движения. После кламарского раскола Савицкому пришлось взвалить на себя бремя организационных вопросов и практической работы, чтобы спасти евразийство.

Евразийство начала и до середины 1920-х гг. определялось во многом Трубецким, его культурологией, теорией личности, критикой глобализации под личиной европеизации, поисками основ русской культуры. Как и Савицкий, он видел ее расколотой надвое, на «верхи» и «низы», но в его теории раскол шел по социально-культурному срезу, на европеизированных власть имущих и народ, который остался верным своей национальной традиции. Сейчас бы мы назвали это сохранением своего социокультурного кода. Флоровский и Сувчинский, в сущности, не привнесли в евразийство конструктивных идей, которые можно было бы рассматривать как комплексные структуры, как структурные элементы, содержащие смысловые ядра, способные к своеобразному клонированию. Главная тема Флоровского в евразийстве — *деконструкция*, критическое рассмотрение европейских элементов как рационалистических и религиозно чуждых для русской философии и богословия, для «русской судьбы» вообще (была в полноте реализована в «Путях русского богословия»). Главная тема Сувчинского — творческое переосмысление Революции не только как исторического, но и культурного события, произшедшего переворот в музыке, литературе, архитектуре и т. д. Мысли Трубецкого или Савицкого, напротив, легко поддавались репликации, как Трубецкой и сам признавал это в письме к П. П. Сувчинскому от 28.04.1926: «Я чувствую, что внедрив ее (речь идет о концепции феноменологии революции Л. П. Карсавина — К. Е.) в свое сознание, можно на ней ездить также свободно, как теперь наши историки разъезжают на наших формулах бытия России и прошлого России. <...> нам понадобятся новые спецы, прежде всего юристы и экономисты. Тем, что таковых среди нас нет, смущаться не следует. Я — лингвист и этнограф, ПНС~~Савицкий~~ — антропогеограф, и как таковые мы до сих пор остаемся в одиночестве: ни

одного нового лингвиста, этнографа или географа к нам не прибавилось; но зато мы привили наши мысли историкам. Теперь надлежит сделать то же с экономистами и юристами»⁴⁴⁸.

Иными словами, Трубецкой, анализируя евразийство к середине 1926 г., констатирует, что оно выработало устойчивые структурные единицы, которые можно мультилицировать, положив в основу исторической, например, концепции, и далее — развивать в евразийском направлении. Делать то же самое с идеями Сувчинского или Флоровского было невозможно, возможно поэтому Савицкий очень скептически оценивал вклад Сувчинского к 1931 г.: «Невнятна статья на общую тему П. П. Сувчинского («Вечный устой»). Две другие статьи того же автора берут тему из истории литературы <...>. Сами по себе они интересны. Но общей евразийской концепции истории русской литературы из них никак нельзя вывести»⁴⁴⁹. Савицкий, как известно, создал свою литературоведческую концепцию, Сувчинский же был мастером яркого, можно сказать, «одноразового» слова, хотя и он создал емкий и убедительный термин «бытовое исповедничество», который можно считать элементом конструктивной системы, своеобразным историко-культурным «мемом». Статьи основоположников евразийства Флоровского и Сувчинского написаны по случаю, насыщены эмоциональными переживаниями и субъективными оценками, но они не содержат структурных идей, которые способны жить далее в культурном поле, порождая новые смысловые «отростки».

Единственное исключение в этом отношении следует сделать для понятий «бытового исповедничества» и «эпохи веры», которые сформулировал Сувчинский в ранних статьях. Эти идеи настолько понравились, к примеру, Н. А. Бердяеву, что он ссылался на них в работе «Новое

⁴⁴⁸ Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому. Указ. соч. С. 198–199. Курсив наш — К. Е.

⁴⁴⁹ Савицкий П. Н. Евразийская библиография 1921–1931. Путеводитель по евразийской литературе / Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч. С. 415.

средневековье», выстраивая логику «ночных» и «дневных» культур, которые сменяют друг друга. «Ночная» культура, по Бердяеву, тождественна эпохе веры. Таким образом, мы выходим к новому определению специфики евразийских идей, а именно — *типовидные евразийские идеи и концепции представляют собой не просто богословско-философские, исторические и общегуманитарные размышления, они также не являются ни публицистикой, ни чистой философией, ни культурологией, хотя и существуют на стыке этих дисциплин. Евразийские идеи содержат структурный элемент, являются концепциями-матрицами, способными порождать дальнейшие идееклоны, обладающие, тем не менее, не вторичной, но творческой природой, то есть способные развиваться далее.* Структуральный момент евразийства отметили Патрик Серио и Р. Р. Вахитов.

Специфику структурных элементов евразийства их критики-современники, да, пожалуй, и сами евразийцы не смогли понять и проанализировать системно. И те, и другие указывали на идеологичность евразийства, критики — в отрицательном смысле, сами евразийцы — в положительном. *Существенная черта евразийских идеологем (эйдосов) состояла в том, что они нуждались в постоянном обновлении, их нельзя было просто коллекционировать как антиквариат, но необходимо было пополнять все новыми и новыми структурными единицами-идеологемами.* Это пополнение шло двумя путями — евразийцы с одной стороны искали новых авторов, с другой — постоянно работали над обновлением ассортимента линейки своих структурных идеологем.

В середине 1920-х гг., с приходом в евразийство Л. П. Карсавина, оно было во многом «разбавлено» его богословием своеобразного гносеологического типа с упором на концепцию соборной личности⁴⁵⁰. Со второй

⁴⁵⁰ Стоит отметить, что у Трубецкого была другая концепция — *хоровой личности*. По поводу концепции личности — хоровая Трубецкого или соборная Карсавина, шли споры, причем Трубецкой доказывал, что личностью может быть только коллективный субъект (например, народ), как и сам человек представляет собой хор ликов —

половины 1920-х гг. набирает силу евразийство Савицкого, и, как было показано выше, — постепенно уходит в тень марксизм, философия Н. Ф. Федорова и советопоклонство — евразийство версии Сувчинского. В поисках обновления евразийских идеологем Савицкий начал работу над геософией, что воплотилось в ряде его географических работ 1927–1928 гг. и более позднего времени. *Евразийские построения имели структуру пирамиды: в основе лежали идеологемы основоположника движения Н. С. Трубецкого и ранние евразийские построения, самые богатые по «ассортименту» и яркой инновационности, а далее на этом фундаменте строился следующий ряд идеологем — геософия с теорией месторазвития, номогенетическая эйдология, гунно-скифская и вообще — историософские темы.*

«я» на работе, «я» в кругу семьи и т. д. Карсавин же считал, что соборной личностью может быть государство, культура и вообще, в пределе — любая общность. См.: Степанов Б. Спор евразийцев о церкви, личности и государстве (1925–1927) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2001/2002. Москва, 2002.

37. Оформление евразийства 1930-х гг.

В 1929 г. под редакцией П. Н. Савицкого выходит «Евразийский сборник» (Прага, 1929), в котором указана преемственность с предыдущими «Евразийскими временниками», а именно, он был обозначен как «Книга 6». Сборник получился идеально не ярким, небольшим (81 стр.) и тематически «неровным». Выход сборника был важен Савицкому скорее психологически. Сборник свидетельствовал, что евразийство живо. Хотя сборник, в основном, прошел незамеченным, он обозначил новый этап евразийского движения, в некотором роде даже — *рождение нового евразийства*, в котором ведущую идеиную роль теперь играли не Трубецкой, Сувчинский, Карсавин, — а Савицкий, Н. Н. Алексеев, В. Н. Ильин, философ В. Э. Сеземан, писатель и политический мыслитель (политолог) кн. К. А. Чхеидзе (авторы сборника).

1–5 сентября 1931 г. Савицкий организовал Первый съезд Евразийской организации, который состоялся в Брюсселе, на базе Брюссельской евразийской группы. Участники выработали формулировки и декларации, которые затем были опубликованы в сборнике «Евразийство. Декларации. Формулировки. Тезисы» (Прага. 1932). На следующий день, 6 сентября 1931 г. на заседании Президиума ЦК Евразийской организации было рассмотрено предложение Н. А. Клепинина (бывший член Парижской группы, примкнувший к Савицкому) о необходимости написания истории евразийства для внутреннего пользования. Предложение было принято. Постановили начать формирование евразийского архива, для чего все материалы и документы сосредоточить в Праге у Н. П. Савицкого. Савицкий забирает у Сувчинского, который был деморализован ситуацией (главным образом, его поразило прекращение финансирования — он не привык вести евразийское дело на свои средства), со складов в Кламаре всю оставшуюся евразийскую литературу и часть архива. На заседании были приняты планы по изданию (до конца 1931 г.) сборника «Церковь и социальная революция» и книги Н. Н. Алексеева «Предше-

ственники евразийцев» размером около 5 печатных листов. Эти проекты не были реализованы из-за недостатка средств⁴⁵¹.

Потом евразийский архив Савицкого, собранный для написания истории евразийского движения, станет важнейшим источником информации, сначала для работников СМЕРШа, арестовавших Савицкого в 1945 г., а потом и для исследователей евразийства (архив был вывезен в СССР и передан в ГА РФ). Как показало будущее, изъятие архива Савицкого во многом сохранило его для потомков, поскольку все документы, книги, письма и т. д., которые остались в Праге и по какой-то причине не были взяты СМЕРШем, погибли, или их судьба на данный момент неизвестна. Время от времени на букинистических аукционах «всплывают» книги из личной библиотеки Савицкого с его надписями или примечаниями. Но букинисты уклоняются от ответа на вопрос, откуда именно получены ими эти товары.

В том же 1931 г. состоялся выход юбилейного сборника под редакцией Савицкого «Тридцатые годы. Утверждение евразийцев» (Париж, 1931). Как показывает подзаголовок «Утверждение евразийцев», Савицкий мыслил новое начало евразийского движения, но с опорой и преемством от евразийства 1920-х гг., которое началось выходом в свет двух сборников с тем же подзаголовком. Сборник получился «савицкоцентричным». В нем было помещено 4 статьи Савицкого (две — под псевдонимом В. Логовиков). Три статьи — основоположны, четвертая — «Главы из “Очерка географии России”», в которой повторены основные положения географической монографии Савицкого 1927 г. «Тридцатые годы» — был полностью проектом Савицкого, показавшим, насколько он «вырос» как мыслитель, исследователь, автор оригинальных концепций, историк евразийского движения. В евразийстве 1920-х гг. ему приходилось выступать в амплуа географа-экономиста и статистика. Трубецкой называл его «антропогеографом»⁴⁵², суммируя его вклад в евразийство

⁴⁵¹ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 470.

⁴⁵² Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому. Указ. соч. С. 198–199.

1920-х гг. В область чистой идеологии и эйдологии (по сути — евразийской политической философии) его старались не допускать, хотя это и не оговаривалось прямо.

Савицкий был самым младшим среди евразийцев, кроме того, на фоне таких «столпов» как философы Г. В. Флоровский, а потом Л. П. Карсавин, а также тонкого, буквально — утонченного интеллектуала, любящего искать психологическую подоплеку и «подсознательные процессы» всех явлений, — Н. С. Трубецкого, он и вовсе «терялся», не смел высказывать многие идеи, к которым отнеслись бы снисходительно. Собственно, снисходительное отношение, а иногда и некоторые упреки были Савицкому продемонстрированы не раз. Его, можно сказать, «били по рукам», упрекая в излишней эмоциональности, открытости, неумении правильно формулировать осторожные, взвешенные суждения.

Так, к примеру, в «Евразийской хронике» (первоначально распространялась только среди евразийцев) Савицкий поместил статью «Что делать», в которой утверждал, что задачи евразийства в религиозной и культурной области могут быть осуществлены только при условии свержения коммунистической власти: «...свержение коммунистов возможно исключительно как результат зарождения, роста и укрепления евразийского правящего отбора, т. е. национальной организации, проникнутой евразийской идеей»⁴⁵³. Сувчинский и Трубецкой высказали претензии в связи с этой формулировкой. Трубецкой писал в письме к П. П. Сувчинскому: «Написал ПН С<авицкому> письмо, в котором подробно развивал все эти мысли при том в очень решительной, местами даже резкой форме. Думаю, что на меня он не обидится <...>. Указал на неудачность самого заглавия <...>, на неудачность фраз, касающихся духовенства, создающих впечатление, будто мы хотим сделать духовенство каким-то политическим орудием и т. д... Словом, повторяю, наговорил кучу неприятностей. Письмо закончил так: «Все это пишу Вам. П<етру> П<етрови>чу <Сувчинскому>

⁴⁵³ Савицкий П. Н. Что делать // Евразийская хроника. Прага, 1926. Вып. III. С. 4.

написал только, что по тактическим соображениям советую ему последнего № “Хроники” не распространять»⁴⁵⁴. Можно только гадать, как такие колкие замечания действовали на самолюбие Савицкого, хотя, по утверждению того же Трубецкого, Савицкий был удивительно покладист и на то, на что любой другой бы непременно обиделся, он демонстрировал готовность выслушивать со вниманием и принимать к сведению. Что касается истории с «Хроникой», то Савицкий признал, что статья «Что делать» была неудачной и ошибочной, и обещал не распространять номер (к счастью, несколько экземпляров все же разошлись среди евразийцев, и были сохранены для исследователей).

Все это отнюдь не способствовало полному раскрытию талантов и организаторских способностей Савицкого. В 1930-е годы он получает оперативный простор для своей мысли и деятельности. К этому периоду относится большинство его лучших, зрелых евразийских работ, хотя большая часть их до настоящего времени остается не опубликованной. Из важнейших работ этого периода (до начала Второй мировой войны) необходимо назвать статьи «В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах» (это, по сути, первая попытка написания истории евразийского движения), «Научные задачи евразийства», «Власть организационной идеи» (продолжение и развитие статьи «Подданство идеи»)⁴⁵⁵.

В статье «Научные задачи евразийства» Савицкий написал программу евразийства 1930-х годов. Если в 1920-е гг. евразийство было культуроцентричным мировоззрением, историософской теорией, попыткой выработать новое мировоззрение на основе географических, экономических, geopolитических и иных идей, предложенных идеологами, то теперь евразийство должно было стать научной школой россииеведения: «Для каждого явления, относящегося к истории России, может быть

⁴⁵⁴ Письмо Н. С. Трубецкого П. Н. Савицкому от 15.02.1926. / *Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому 1921–1928. Указ. соч. С. 170.*

⁴⁵⁵ Все три названные статьи были опубликованы в сборнике «Тридцатые годы, Утверждение евразийцев» (Париж, 1931).

найдено место в общем целом истории Евразии»⁴⁵⁶. История должна отныне быть рассматриваема в русле евразийских концепций, с опорой на понятия «месторазвитие», «периодической и вместе с тем симметрической системы зон», «осебежных» и «осестремительных» явлений (все эти термины и понятия Савицкий ввел в книге 1927 г. «Географические особенности России»). История должна стать геософией и историософией, в ней должен присутствовать структурный элемент и, одновременно, доминировать понятие о целостности и единстве мировых процессов⁴⁵⁷. С точки зрения «нового евразийства», ключевым становится область археологии — чтобы в сознании человека грядущей эпохи присутствовало понимание исторической цельности поколений. Историко-географическая концепция прошлого и настоящего России-Евразии есть ключ к мировоззренческому «здравью» евразийских народов.

Савицкий выдвигает требование обосновать русскую geopolitiku, изучить и понять истоки связей, «которые существуют между характером политической деятельности в широком, общеисторическом смысле этого слова, и природой географического поприща, на котором развертывается эта деятельность»⁴⁵⁸. В итоге, евразийство должно стремиться к созданию «периодической системы сущего», в которой явления исторические, географические, археологические, экономические, лингвистические будут увязаны в единую картину-систему. Этому должно способствовать новое понимание научной

⁴⁵⁶ Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства / Научные задачи евразийства. Указ соч. С. 107.

⁴⁵⁷ Удивительным образом, «требования» Савицкого были исполнены в исторических и историософских концепциях Л. Н. Гумилева, которого Савицкий признал «самым подходящим» персонажем на роль евразийского историка № 1 второй половины XX в. В Гумилеве его огорчало только то, что тот не принял терминов «месторазвитие», «периодическая система зон» и другие, выработанные Савицким. Одновременно, Гумилев принимал и развивал ключевые для позднего Савицкого понятия о ритмах, закономерностях, «подъёмах» и «прогибах» исторического процесса.

⁴⁵⁸ Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 109.

деятельности вообще. Наука должна существовать в единстве всех предметных отраслей — как моногорганизм познания сущего. Для этого необходимо, в частности, развить и русское американоведение, африкановедение, океановедение и т. д. Венчать эту стройную конструкцию должно, конечно, россиеоведение. Одним словом, задача евразийства заключается в идейном завоевании мира, в построении общей философии универсализма. «Новое» евразийство — преемственно по отношению к «старому»: «Оно желает стать стержневою идеологией русского народа»⁴⁵⁹. Главная философская доктрина евразийства — персонализм и эйдократия. Сущность эйдократии в том, что идея направляет исторический процесс, формирует энергию исторического действия.

Трубецкой, ознакомившись в этой статьей, осторожно выразил некоторый скепсис: «Непонятно, о чем идет речь, — о научной программе евразийства на ближайшие 10 лет или о пожеланиях, адресованных русской науке. Вы как будто ставите знак равенства между евразийством и русской наукой, <...>. Поскольку в статье Вашей говорится только о двух науках (точнее: научных комплексах), — о географии и истории, — причем всем известно, что евразийская география представлена Вами, а евразийская история — Вернадским (остальные в счет не идут!) дело будто сводится к обязательству, принимающему на себя двумя лицами <...>. Конечно, выдача таких обязательств несколько рискованна»⁴⁶⁰.

Трубецкой не вполне понимал намерения, да и возможности Савицкого. Дело в том, что у Савицкого в письменном архиве уже, по сути, была готова «вчерне» программа евразийской универсальной географоисторической мысли. Еще больше было в планах. А главное, он был абсолютно убежден, что это единственная верная, истинная программа для русской науки. Иной быть не может, и всякий другой путь развития даст лишь

⁴⁵⁹ Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 106.

⁴⁶⁰ Письмо Н. С. Трубецкого к П. Н. Савицкому от 8–10.12.1930. / Соболев А. В. О русской философии. Указ. соч. С. 341.

блуждания впопыхах, на фоне гиперразвития отдельных научных отраслей. В целом, его программа была продолжением многовекторной, мультидисциплинарной интенции русской науки вообще, в то время как наука на Западе развивалась в направлении все большей дискретности, специализации по узким отраслям, когда, к примеру, химик, занимающийся органической химией, не мог знать почти ничего из области биохимии или химии технической, а главное — мог этим даже не интересоваться, и даже, возможно, возмутиться, если бы его заставили вникнуть в «чужую» область».

Трубецкой мало интересовался развитием науки в СССР, и в какой-то степени отсутствие у него интереса оправдывалось тем, что в его время лингвистика и фонология стремительно развивались именно на Западе. До-статочно вспомнить Пражский лингвистический кружок, им и Р. О. Якобсоном организованный. В то же время научная область Савицкого — география, океанография, минералогия, почвоведение и др., расцвели пышным цветом именно в СССР. Получилось так, что подавляющее большинство географов и почвоведов остались в СССР, причем многие из них заняли хорошие должности и почти не подвергались репрессиям. Страна и власть нуждалась в их услугах, поскольку шла индустриализация, разведка полезных ископаемых, интенсивное строительство (для этого нужно знать особенности почв и грунта), готовилось освоение Арктики и зоны вечной мерзлоты. У Савицкого создалась некоторая иллюзия благополучия советских географов и почвоведов. Одновременно школа востоковедения, которой посвящена статья Савицкого «Дальний Восток в Советской науке»⁴⁶¹, практически вся была разгромлена в течение 1936–1939 гг. Почти все упомянутые в статье Савицким авторы были арестованы, сосланы или расстреляны. Такая же судьба постигла большинство «героев» статьи Савицкого «Русская философия в пореволюционный период». Советская философская школа, связанная с именем А. М. Деборина, была истреблена под корень, вместе с ее носителями.

⁴⁶¹ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 20. Л. 2–48.

Следующим этапом становления евразийской философии стало выдвижение Савицким «периодической системы сущего» и «системы организационных идей». Эти концепции он основывал на предшествующих работах Н. С. Трубецкого, о чем сам упоминает в основополагающей статье этого периода «Власть организационной идеи». Тем не менее, его концепция совершенно новаторская, и связь между ней и идеями Трубецкого угадывается только при тщательном исследовании всего проделанного евразийством пути. В указанной статье Савицкий анализирует труды советских историков и приходит к следующим выводам: подсознательные мотивы, управляющие поведением людей, сильнее рациональных постулатов, что показывает историческая наука в СССР. Подсознательные импульсы берут начало в глубине веков, когда формировалась нация, определялись ее исторические судьбы. Марксизм в СССР был провозглашен высшей истиной, но русские историки пишут работы а-экономичные, лишенные подлинного интереса к социально-экономической стихии. Официально отвергающие роль личности в истории, на деле русские историки создали целую плеяду исторических героев (Робеспьер, Марат и др.).

В основе этого явления лежит организационная идея, которая направляет сознание людей. Организационная идея, — « <...> или иначе — модель и прообраз, сочетающий и сопрягающий материальные силы — является основным движущим фактором, существом или эйдосом исторического процесса... Идея *властная*, владеющая материей и движущая ею, проникающая в материю и преобразующая ее, чуждая всякого отвлеченного “идеализма”. — Идея эта неотрывна от субстрата, который она организует»⁴⁶². Савицкий призывает отказаться от марксизма, превратившегося в ширму, за которой «прятутся» подлинные «организационные идеи», выступающие в маске марксизма, но на самом деле имеющие свою собственную программу. Он выдвигает новый принцип

⁴⁶² Логовиков П. В. (Савицкий П. Н.). Власть организационной системы // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга 7. Париж, 1931. С. 133.

исследования исторического материала: через нахождение ведущих идей, организующих течение истории, определяющих психологию ее основных деятелей. Это позволит построить периодическую систему сущего, которая восходит к системе организационных идей.

Называя эту концепцию периодической системой, Савицкий соотносит ее с системой химических элементов Д. И. Менделеева, т.е. говорит о том, что «ее периодичность определяется ритмикой в сочетании организуемых элементов. Это одинаково относится к “периодической системе химических элементов” <...>, к “периодической системе зон”, в ее климатологической стороне, к той “периодической системе”, к которой тяготеет современная биология. Рассматривая на тех же основаниях ряд социально-экономических формаций, можно построить, путем сочетания важнейших производственных элементов, своеобразную “периодическую систему” общественных укладов»⁴⁶³. Таким образом, периодическая система сущего состоит из элементов, место которых определяется соседствующими элементами-идеями. Савицкий неставил вопроса, каким образом сформировались эти идеи-программы, реализующие себя через тот или иной народ. Возможно, «виновно» в их появлении месторазвитие, которое повлияло на психологию народов именно таким образом, сформировав, например, волю к экспансии или волю к пассивному сопротивлению и т. д. Возможно, сам народ под влиянием еще неведомых сущностей дал свой «ответ» на вызовы среды.

Савицкий констатирует только то, что мироздание, вернее — антропосфера, пронизана, или «накрыта» такой сеткой организационных идей, которые оформляют «под себя» исторический материал. Эти идеи можно изучить, соответственно, построить прогностический проект. Основываясь на новейшей истории, можно дополнить Савицкого следующими рассуждениями: организационные идеи можно внедрить, подобно вирусу, используя новей-

⁴⁶³ Логовиков П. В. (Савицкий П. Н.). Власть организационной системы // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга 7. Париж, 1931. С. 134.

шие технологии и заставить народы действовать в том или ином направлении. Это касается уже теории когнитивных войн, той сферы знания, которую Савицкий не мог знать, поскольку эти технологии и сами нейролингвистические исследования начались позже⁴⁶⁴. До внедрения новейших технологий «организационные» идеи народов оставались стабильными, поскольку передавались через предания, язык (тезаурус пословиц, поговорок, фразеологизмов, Священные тексты и т. д.), песни, танцы, одежду, привычную мимику и проч. С изобретением и распространением печатного слова стало возможно внедрять любые идеи в образованное общество. С появлением новейших информационных технологий это распространялось на все общество в целом. В любом случае, основные контуры теории когнитивных войн — области знания, которая лежит на стыке философии, лингвистики и кибернетики, были Савицким «нащупаны» верно — через идею сети организационных идей, управляющих обществом. В его время эта идея казалось малоубедительной, как, впрочем, и многие другие концепции Савицкого, который, являясь *крайне самобытным и оригинальным мыслителем*, высказывал такие мысли и видел такие реальности, которые стали актуальными только в будущем. С этой точки зрения его можно сравнить с о. П. Флоренским, который полагал, что родился лет на 50 раньше, чем это было нужно, поскольку его идеи станут понятны не раньше, чем через 50 лет.

Савицкий надеялся, что возможно построить большую суперсистему организационных идей для всего сущего, сведя данные географии, биологии, химии, истории и других областей знания воедино. Принцип развития живых существ, ритмика исторических процессов, психических и социальных явлений должна иметь единый источник и похожие контуры бытия, или, говоря языком современной физики, являться самотождественными множествами или фракталами, в которых все отражается

⁴⁶⁴ См., напр.: Пролегомены когнитивной безопасности. Коллективная монография под ред. И. Ф. Кефели. СПб., 2023.

и повторяется во всех элементах. Это дает возможность построить грандиозную философскую систему: «путь к высшим формам познания пролегает именно и только через установление *системы организационных идей*, действующих в каждой отрасли явлений. Устанавливая эти системы и сопоставляя их, евразийство стремится к нахождению *единой философии сущего*»⁴⁶⁵. В основе этой философии лежит видение эйдократической концепции сущего и единства мироздания. Здесь Савицкий пользуется терминами «идея» и «эйдос» как взаимозаменяемыми, не делая различия в терминах.

Этим было положено начало «периодической системе сущего» Савицкого, в которой все уровни бытия взаимопронизаны, взаимоупорядочены оживляющей силой идеи. Это была попытка построения философской суперсистемы, охватывающей все бытие, прерванная в самом начале Второй мировой войны и потому не реализованная. Закономерности и размерности (ритмы такой суперсистемы) передаются друг другу и упорядочиваются по подобию волновых размерностей, о которых в 1923 г. говорил Трубецкой в статье «Вавилонская башня и смешение языков». В ней Трубецкой писал о радужной сети языков, обтекающих планету и встречающихся на разломах в виде диалектов и говоров. Языки «заражают» друг друга на стыке соприкосновений, волнобразно «бегут» по поверхности Земли. В этом описании многое не только структурного момента, что подчеркивал П. Серио, но и волнового и информационно-текущего. Философия ритмов и волн, то есть — в пределе философия времени, в конце 1920-х делала у евразийцев первые шаги.

Стоит отметить, что и П. П. Сувчинский к этому времени начинает активно интересоваться вопросом сущности времени, показателем чего была его совместная с И. Стравинским работа над «Музыкальной поэтикой» (конец 1930-х гг.) и статья «Заметки по типологии музыкального творчества» (1939) с его важнейшей аксиомой: «все многообразие видов и изменений психологиче-

⁴⁶⁵ Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 122.

ского времени было бы неощутимо, если бы с ним не стояло первичное ощущение нормального времени, времени онтологического»⁴⁶⁶. Возможно говорить о присутствии темы времени в мировоззрении Сувчинского (а, значит, и в самом «коллективном» евразийстве) с самого начала. Так, к примеру, его ранняя статья «Эпоха веры» (сборник «Исход к Востоку») во многом посвящена теме времени. Слово «эпоха» употреблено 26 раз, «время» — 25 раз, «момент» — 13 раз, «современность» — 9 раз, также статья пестрит такими словами как «мгновения», «века», «прошлое», «будущее», «день», «столетие», «годы» и т. д. Время связывается в этой статье с психологией переживания музыки и поэзии: «музыка только преодолевает время», «поэзия, преодолевая время»⁴⁶⁷.

«Мутация» интереса в позднем евразийстве в сторону рассмотрения волн, размерностей, сущности времени и т. д. свидетельствует о том, что уже изначально в евразийстве присутствовала эта интенция. Первоначально она проявлялась в экзистенциальном напряжении, попытках взглядывания в сущность и смысл происходящего, открытость новейшим течениям как в искусстве (модернизм, футуризм), так и в философии и науке (номогенез, квантовая теория). Евразийство в зрелом, философском оформлении совмещает структурные и волновые элементы, являясь идейным отражением теории кванта, которая сочетает представление об атоме как о частице и как о волне. Эволюция от структурного к квантово-волновому мировоззрению ясно просматривается в евразийстве. Именно в этой области происходит его смыкание с теорией этногенеза Л. Н. Гумилева.

Пока же, в 1930-е гг. на роль управителей частей суперсистемы мирового сущего были выдвинуты идеи или эйдосы, причем эту тему активно развивал В. Н. Ильин, а к его работам с интересом присматривался Савицкий. Как показало дальнейшее развитие событий, эйдократия

⁴⁶⁶ Петр Сувчинский и его время. М.: Издательское объединение «Композитор», 1999. С. 274. Курсив автора.

⁴⁶⁷ Сувчинский П. П. Эпоха веры / Евразийство. Исход к Востоку. Кн. 1. На путях. Кн. 2. Евразийский временник. Кн. 3. Указ. соч. С. 54, 55.

Ильина стала в определенной степени тупиковой ветвью развития евразийской философии. Подобно философии всеединства и соборной личности Карсавина, учение Ильина, которое он также развивал в рамках евразийства, тематически пересекалось с его главными направлениями, но фактически было самостоятельным философским проектом Ильина. Эти проекты существовали в рамках евразийства, но могли существовать сами по себе, а евразийство, лишившись этих тем, также не теряло ни содержания, ни главных тем, ни основного идеиного стержня.

В 1936 г. Савицкий просит Трубецкого написать статью о философии евразийства. Этот заказ Савицкого Трубецкой не выполнил: «я было пробовал написать статью... пока не убедился, что ничего не выходит: я не философ, а тема философская»⁴⁶⁸. Трубецкой умер в 1938 г. так и не написав философскую статью для евразийского издания. В 1930-е гг. у евразийцев вышло несколько философских статей («Эйдократическое преображение науки», «Под знаком диалектики» В. Н. Ильина, «Власть организационной идеи» П. Н. Савицкого, «Время, культура и тело» В. Сеземана⁴⁶⁹, «Духовные предпосылки евразийской культуры» Н. Н. Алексеева⁴⁷⁰, «Диалектика сознания» А. А. Шеповалова⁴⁷¹ и др.). Савицкий продолжал поиски идей и концепций для построения философского мировоззрения и обоснования «мистических» и «необъяснимых для разума» ритмов и закономерностей.

К концу 1930-х гг. Савицкий приходит к необходимости создания общефилософского евразийского мировоззрения. Не будучи профессиональным философом, он, тем не менее, изучает философскую литературу, в центре его внимания оказываются два философских журнала — «Путь» Н. А. Бердяева и советский «Под знаменем марксизма», в котором в 1920-е и 1930-е гг. публиковали мно-

⁴⁶⁸ Соболев. А. В. О русской философии. Указ. соч. С. 433.

⁴⁶⁹ Все эти статьи вышли в сборнике «Тридцатые годы. Утверждение евразийцев» (Париж, 1931).

⁴⁷⁰ Евразийская хроника. Вып. XI. Берлин, 1935.

⁴⁷¹ Евразийская хроника. Вып. XII. Б/м, 1937.

го историко-философских статей и философского материала вообще. В результате появляется несколько его евразийских философских обобщающих концепций, включающих идеократию, власть организационной системы, периодическую систему сущего, единство мироздания, Россию-Евразию как особый мир во всех ее проявлениях — географическом, экономическом, историческом, лингвистическом, культурном и т. д. Главной философской статьей этого периода является его работа «Русская философия в пореволюционный период» (начало 1930-х гг.), которая состоит из двух разделов: «Ч. I. Спор “механистов” и “деборинцев”» и «Ч. II. Две традиции». Савицкий, анализируя развитие марксистской философии в 1920-е гг., показывает, что даже внутри русского материалистического марксизма постепенно развиваются два направления: псевдоидеализм (школа А. М. Деборина) и крайний позитивизм (школа С. Минина), который доводит линию русского нигилизма до логического конца. Между этими двумя тенденциями разворачивается непримиримая борьба. Позитивизм требует уничтожения философии как таковой, С. Минин требует выбросить «Философию за борт» (название одноименной статьи Минина 1922 г.).

Во второй части Савицкий анализирует философию русского зарубежья (С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский и др.), а также идеи философов-идеалистов (согласно «официальному» советскому определению), оставшихся в России после революции (А. Ф. Лосев, Валерьян Муравьев, А. К. Горностаев и др.), и делает вывод о том, что несмотря на кажущиеся противоречия и непримиримую борьбу между русскими материалистами и идеалистами, исток русской мысли все же един — повышенная религиозная чувствительность, тяга к идеализму и разрешению «конечных вопросов», или, по крайней мере, вера в то, что эти вопросы можно разрешить. Каждое философское направление выбирает свой путь для удовлетворения русского запроса на «конечную истину». «Идеалисты» идут в русле евангельского, религиозного мировоззрения, «материалисты» пытаются строить

новую Вавилонскую башню с вызовом Богу и высшим началам бытия, мечтая втайне стать идеальнее самых отъявленных идеалистов. Русская мысль — это философия крайностей, в ней нет «средних», «буржуазных» течений, что Савицкий оценивает, пожалуй, как тенденцию скорее тревожную. Савицкий является тем мыслителем, который, возможно первым, или одним из первых, показал не только непримиримые противоречия «двух миров» России, но и единство их, через которое можно и тот и другой «мир» понять вialectическом преемстве единой русской духовной традиции.

38. Работы Савицкого конца 1930-х гг., посвященные русской архитектуре и зодчеству

У Савицкого не было иллюзий по поводу архитектуры, которая в СССР подвергалась варварскому, небывалому разрушению. Этому печальному явлению он посвятил две работы: «Разрушающие свою Родину (Снос памятников искусства и распродажа музеев в СССР)» (Берлин, 1936) и «Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ (Разгром русского зодческого наследия и необходимость его восстановления)» (Прага, 1937). Эти работы Савицкому предлагали перевести на иностранные языки и издать в Европе и США. Савицкий отказался, боясь нанести репутационный урон своей Родине⁴⁷², даже несмотря на то, что во власти в России тогда находились антирусские и антимонархические силы, взявшие курс на разрушение памятников русского средневековья, главным образом, относящихся к православию.

Как профессионально занимавшийся архитектурными памятниками Украины, обездивший центральную Россию и осмотревший ее древнейшие строения, Савицкий с ужасом констатировал, что советская власть, похоже, намеревается истребить едва ли не всю древнерусскую архитектуру. Указанные работы Савицкого больше похожи на плач и вопль по безнадежно утраченным святыням. Особенно его задело разрушение святынь на Украине: «На разрушение обрекаются не рядовые киевские постройки. С безошибочным чутьем и знанием дела уничтожается именно лучшее, что было создано прошлым украинского народа. Не безличные здания, но наиболее ценное заменяется “гаражами”»⁴⁷³. Савицкий

⁴⁷² «Но перевести эти мои брошюры на английский, немецкий и французский <...> в международной обстановке тех лет я не позволил. Ими могли злоупотребить враги России» (см.: Письмо П. Н. Савицкого к А. Н. Зелинскому от 24.09.1963. «Однако сердце и мысль не умолкают»: переписка П. Н. и И. П. Савицких с А. Н. и Н. Е. Зелинскими. Указ. соч. С. 258).

⁴⁷³ Савицкий П. Н. Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ / Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 228.

перечисляет разрушенные памятники Тулы, Москвы, Русского Севера, делает вывод о том, что данная кампания носит целенаправленный вредительский («троцкистский») характер. Все это работает на руку западникам, тем, кто потом может прийти, после падения коммунизма, с планами колониального порабощения народов: «Этнографический материал “без роду, без племени” — что может быть лучше для сторонников “колониального расширения”»⁴⁷⁴. Савицкий почти проклинает разрушителей Родины: «Будущие поколения <...> заклеймят проклятием ваши имена и отстроят вновь разрушенные вами памятники»⁴⁷⁵.

Савицкий предполагает, что в будущем будет создана Комиссия зодческого восстановления, которая зафиксирует все разрушения и отстроит разрушенное при советской власти. В 1936–1937 гг. такие надежды казались верхом мечтательности. Но жизнь показала правоту Савицкого. В 1950-е и 1960-е гг. он с радостью отмечал, что началась системная реставрация памятников архитектуры. В 1958 г. он пишет своему духовному отцу, свт. Афанасию (Сахарову): «Порадовался восстановлению Архиерейских палат. Судя по фотографиям, они теперь в несравненно лучшем виде, чем тот, в котором я видел их своими глазами в 1912 году (сорок шесть лет тому назад!). Это же с радостью могу сказать и о белокаменных деталях 1222 г. в Богородице-Рождественском соборе (таблица 2) и об Успенской церкви в Кремле»⁴⁷⁶. В 1965 г. он с радостным волнением писал «советскому евразийцу» Н. А. Зелинскому: «Буквально в эту минуту до меня дошло известие, что, наконец, образовано Всероссийское добровольное общество охраны памятников истории и культуры»⁴⁷⁷. Это, по сути, была задуманная им Комиссия

⁴⁷⁴ Савицкий П. Н. Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ. Прага, 1937. С. 22.

⁴⁷⁵ Там же. С. 22.

⁴⁷⁶ Письмо П. Н. Савицкого к свт. Афанасию (Сахарову) от 15–17.09.1958. / Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову). Указ. соч. С. 317.

⁴⁷⁷ Письмо П. Н. Савицкого А. Н. Зелинскому от 03.07.1966. / «Однако сердце и мысль не умолкают»: переписка П. Н. и И. П. Савицких с А. Н. и Н. Е. Зелинскими. Указ. соч. С. 294.

зодческого восстановления. Савицкий не дожил до восстановления Соловецкого монастыря и других, более 500 монастырей и бесчисленного количества храмов и памятников архитектуры (таких, как упомянутый им в работе «Гибель и воссоздание...» Тульский кремль), но наметившаяся в 1950-е и 1960-е гг. тенденция была ему ясна.

Постепенно преодолевалось безвременье антинациональной архитектурной политики 1930-х годов, страна искала новые архитектурно-художественные формы с опорой на исконно-русские, что стало первыми признаками кризиса коммунистической идеологии, которая уже не удовлетворяла мыслящих людей в СССР. Далее события могли развиваться по двум направлениям, описанным в свое время евразийцами. Трубецкой был пессимистом, он говорил о том, что все закончится подъемом пещерного национализма на окраинах и развалом страны, после чего она, как легкая добыча, достанется Западу, который не упустит свой шанс поживиться за ее счет. Савицкий оптимистично верил, что русский народ возродится и сможет преодолеть сепаратизм окраинных республик, сохранит страну и выведет русский проект на мировую историческую арену. В своих архитектурных работах Савицкий фактически восполняет отчасти указанный нами пробел — описание культурно-религиозного византийского наследства, византийско-асийского компонента. Работы эти, тем не менее, остались периферийными и были мало замечены как современниками, так и исследователями в качестве важного компонента евразийской системы идей. Между тем архитектура — существенная составляющая жизненного и философского мировоззрения Савицкого.

39. Предвоенные годы и Вторая мировая война

О том, как Савицкий провел годы под немецкой оккупацией, до нас почти не дошло никаких значимых известий. Исследователь М. Соколов справедливо замечает: «Дальнейшая эволюция евразийского движения в 1930-е годы, фактически при leadershipе П. Н. Савицкого ставшего основой более широкого “Оборонческого движения” по защите Советской России от внешней агрессии, до сих пор остается малоизученной»⁴⁷⁸. Из отдельных замечаний и случайных отрывков воспоминаний можно составить следующую картину. Гестапо запретило выход «Евразийской хроники», для которой уже была готова статья Н. С. Трубецкого. Статья была чудом сохранена Савицким: «Последний раз в жизни я видался с Н. С. Трубецким в 1937 г. Незадолго перед тем он напечатал очень интересную статью в “Хронике”, XII. Я упрекал его за то, что собственные филологические работы он печатает по-немецки (эта его неметчина очень сидела у меня в печенках, как сидит и сейчас). Н. С. внял моим доводам и обещал очередную свою лингвистическую работу написать по-русски и прислать ее для “Хроники”, XIII. Это свое обещание он и выполнил в декабре 1937 г., прислав мне рукопись: “Мысли об индоевропейской проблеме”. — Из-за нагрянувших событий “Хронику”, XIII не удалось осуществить. Но я свято сберег — через все эти 20 лет — автограф статьи Н.<николая> С<ергеевича>ча, писанный его характерным четким почерком. Теперь эту рукопись удалось продвинуть в Москву, и она напечатана в журнале “Вопросы языкознания”, 1958, I, с. 65–77 (в отделе “Из истории языкознания”). — Таким образом, список русских работ Н.<николая> С<ергеевича обогатился еще одной работой, при этом наиболее поздней по времени из всех вообще его работ»⁴⁷⁹.

⁴⁷⁸ Соколов М. Евразиец пишет генералиссимусу (По материалам архивно-следственного дела П. Н. Савицкого) // Исследования по истории русской мысли. 2012–2014. М.: Модест Колеров, 2015. С. 498.

⁴⁷⁹ Письмо П. Н. Савицкого Н. Н. Алексееву, ок. 1958 г. / «Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н. Н. Алексеева к П. Н. Савицкому (1957–1961). Указ. соч. С. 427.

В 1939 г. Г. В. Вернадский безуспешно пытался устроить переезд Савицкого с семьей в США. В то время поток желающих переселиться из Европы в США был столь велик, что никакой работы по специальности, никаких значимых предложений получить не удалось. 1 сентября 1940 г. Савицкий был назначен директором Русской реальной гимназии в Праге, а уволен с этой должности оккупационными властями в августе 1944 г. за сопротивление мобилизации русских гимназистов в немецкую армию.

Все четыре года директорства Савицкий буквально ходил по острию ножа. Д. И. Мейснер вспоминал это время так: «Более сорока лет я знаю Савицкого, видел и слышал его, беседовал с ним при самых разных обстоятельствах, в самых разных, иногда очень сложных условиях, а все же не разгадал до конца всех сомнений его души, ее разноречий. Так или иначе, но руководитель евразийской группы активно включился в патриотическое движение среди русской эмиграции и в известной мере вел это движение до войны. Он даже пытался вместе с некоторыми другими людьми продолжать работу и после прихода немцев и начала войны. Правда, он находился в трудном, чтобы не сказать двусмысленном в условиях оккупации положении директора существовавшей в Праге многие годы русской гимназии. Положение это вынуждало Савицкого к внешнему сотрудничеству с немцами. А вместе с тем помню один знаменательный вечер в этой гимназии в самом начале Второй мировой войны. Гимнастический хор, выйдя на эстраду, вдруг с горячим подъемом грязнул: “Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром...”. Я был на этом вечере и, как многие другие, был охвачен глубоким волнением. Раздались бешеные аплодисменты. Савицкий сидел в первом ряду и любезно беседовал с представителем немецких властей. Войны с Россией тогда еще не было, но близость и неизбежность ее всеми ощущалась. Многие русские в публике громко плакали. Я часто встречался с Савицким в годы войны. Он неизменно верил в победу Красной Армии и горячо ее желал»⁴⁸⁰.

⁴⁸⁰ Мейснер Д. И. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М.: Издательство Агентства печати «Новости», 1966. С. 236.

Савицкий, прочитав книгу Мейснера, отметил, что никакой «двусмысленности» в его положении не было: «Такой “двусмысленности” (с. 235) я не признаю. В самые тяжелые годы я прикрывал буквально своим телом “фон Завицкого”, человека с двумя печатными родословиями на триста лет в пражских библиотеках, телом знатока немецкого языка, литературы, искусства (все это я приобрел до Первой мировой войны), тех 500 русских детей, которые были собраны в тогдашней Русской гимназии в Праге. В этой Гимназии я был директором. Одновременно я воспитывал всех учеников в духе русского и советского патриотизма. В конце концов немцы меня репрессировали. Но все 500 детей были спасены — и знают в совершенстве русский язык, на котором теперь и делают “карьеру”»⁴⁸¹.

Е. А. Максимович, дочь историка А. А. Кизеветтера, вспоминала о Савицком: «он был большим патриотом. Преподавал в гимназии во времена немцев. Когда никого там не было, то он вставал на колени и молился за победу»⁴⁸². О своем директорстве Савицкий писал в письме к Н. Н. Алексееву так: «В 1940 г. я принял предложенный мне “пост” директора здешней Русской гимназии. Это было немалое дело. В гимназии было более 500 учеников. Число их очень увеличилось при мне. В 30-х годах для Гимназии было выстроено прекрасное, “сверхсовременное” пятиэтажное здание, занявшее целый большой квартал (в нем сейчас советская школа). Пожалуй, лучшее школьное здание Праги. — Я пробыл директором более 4-х лет (до сентября 1944 г.). — Я сделал все, от меня зависящее, чтобы сберечь здешних русских детей и русскую молодежь в эти труднейшие годы и дать им *настоящее знание* русского языка (многие из них, при поступлении в Гимназию, совсем им не владели). — Все это удалось в

⁴⁸¹ Письмо Н. П. Савицкого Н. А. Зелинскому от 22.04.1967. // «Однако сердце и мысль не умолкают»: переписка П. Н. и И. П. Савицких с А. Н. и Н. Е. Зелинскими. Указ. соч. С. 309–310.

⁴⁸² Из бесед с русскими эмигрантами // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Прага: Славянский институт АН ЧР, 2011. Кн. 1. С. 400.

значительной степени. — Кажется, все бывшие мои ученики признают сейчас правильность моего упора на русский язык, который я проводил с чрезвычайной энергией. Теперь здесь русский язык пригодился им всем, и знание его продолжает быть весьма и весьма для них полезным. Многие из них занимают сейчас ведущее положение. Я был “снят” с директорства немцами — за сопротивление мобилизации наших русских мальчиков в гитлеровскую армию — и стал чернорабочим»⁴⁸³. Всю войну Савицкий провел в состоянии величайшего нервного напряжения, ожидая победы «русского оружия». Таким образом, свое положение Савицкий расценивал как роль резидента, осуществляющего диверсию в тылу вра- га ради спасения «русских мальчиков».

⁴⁸³ Suvcinskij, Petr Petrovic, Paríž. Slovanská Knihovna. T-SAV-V/117.

40. Арест, следствие, тюрьмы, лагеря. Испытание веры, обретение духовного отца, примирение с самим собой

В 1945 г. Савицкий был арестован органами СМЕРШ и вывезен в СССР. В это время ему исполнилось 50 лет. Он был осужден по статьям 58-4 и 58-11 за антисоветскую деятельность и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. М. В. Соколов⁴⁸⁴, который специально занимался исследованием этой темы, в своей публикации делал намеки на то, что у Савицкого была сделка со следствием, иначе, как ему кажется, невозможно объяснить того факта, что когда следствие началось, сотрудников СМЕРШа совершенно не интересовало его директорство и, возможно, сотрудничество с немцами, но со всем усердием они выясняли его евразийские связи. Дело на Савицкого было заведено, собственно, по факту того, что он является основоположником этого движения. Савицкий был осужден по статье 58-4 (оказание помощи международной буржуазии) и 58-11 (организационная контрреволюционная деятельность), т. е. следователя интересовало именно евразийство, хотя «евразийское дело» было «сшито» довольно своеобразно. По делу привлекли бывших сотрудников ГПУ, организаторов «Треста» — якобы промонархической организации, которая работала с эмиграцией. В деле «Треста» многое неясного. Например, нет очевидной причины, почему главный актер ГПУ-Треста, Э. Опперпут, внезапно выступил с разоблачением этой аферы, которая в это время была в самом разгаре.

Многие признаки указывают на то, что внутри самого ГПУ возник раскол, и некоторые сотрудники, отвечавшая за операцию «Трест», повели себя «неправильно». Когда после окончания Второй мировой войны подняли материалы евразийского дела, то эту «неправильную» команду решили окончательно уничтожить. Так, по евразийскому делу прошли А. А. Якушев, А. А. Ланговой,

⁴⁸⁴ М. В. Соколов внесен Минюстом РФ в реестры СМИ-иноагентов.

Ю. А. Артамонов, Григорий Васильевич (фамилия неизвестна, сотрудник ГПУ), актеры ГПУ, изображавшие советских евразийцев (Окунев, Ткачев — возможно, фамилии не настоящие) и другие лица. Сотрудники органов госбезопасности СССР решали свои внутренние задачи, евразийство, которое после войны не представляло никакой угрозы, было удобным инструментом для их решения. Если у Савицкого и была «сделка» со следствием, то она могла быть по линии «Треста».

Что касается «своих», евразийцев, Савицкий сумел довольно мастерски выкрутиться на допросах: «Надо заметить, что первые показания Савицкого даны в основном в отношении людей, к тому времени или наверняка убитых (Опперпут), или давно сошедших со сцены»⁴⁸⁵. Эту линию Савицкий выдерживал до конца, впрочем, и следователи подробно расспрашивали его именно о 1920-х гг.: «Когда мы гуляли в саду, я (Н. Е. Андреев, арестованный вместе с Савицким — К. Е.) спросил, как его дела, а он сказал: «Положение очень трудное, потому что они меня спрашивают о 1920-х годах, которые я уже не помню». Я понял, что его допрашивали о его нелегальных поездках в Советский Союз, <...> и при чистках многие чекисты, осведомленные об этих делах, были ликвидированы. Ясно, что первые арестовавшие его ничего не знали об этих делах. Теперь эти инстанции получили указание из центра, потому его и арестовали в четвертый раз; хотели проверить кого-то из своего аппарата»⁴⁸⁶.

Савицкий боялся за жену и детей, находился в состоянии крайнего душевного потрясения. Собственно, начиная с этого времени, это потрясение оказалось некоторое влияние на его психику. Появилась, например, тяга к преувеличениям, что отмечал Н. Е. Андреев (они были арестованы почти одновременно и первое время находились вместе). Позже эту черту отмечал также и П. П. Сувчинский, с которым он восстановил отношения

⁴⁸⁵ Соколов М. Евразиец пишет генералиссимусу. Указ. соч. С. 509.

⁴⁸⁶ Андреев Н. Е. То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний. Т. 2. Таллин: «Авенариус», 1996. С. 513–514.

после возвращения в Европу. Это не удивительно, «ломались» на допросах даже убежденные антикоммунисты, храбрые офицеры, монахи.... Стоит отметить, что больше всего Савицкого угнетала мысль о том, что его считают врагом России. Эта мысль была ему настолько невыносима, что он готов был принять противоположную точку зрения и начать гиперболически славить СССР. Судя по всему, если Савицкий и мог оказаться некоторое негативное влияние на судьбы евразийцев, арестованных вместе с ним или позже (В. Э. Сеземана, Г. Н. Товстолеса, К. А. Чхеидзе), то не сделал этого сознательно. Следователи сами извлекали нужную им информацию и использовали ее в своих целях.

Савицкий отбывал наказание в Темниковском исправительно-трудовом лагере, пос. Яvas Мордовской АССР, кроме того, был на лесоповале, в пересыльных тюрьмах (в Москве, в Смоленске). О своем пребывании в местах заключения позже писал так: «Вот я одиннадцать лет провел непрерывно в пределах бывших губерний Пензенской, Тамбовской, Рязанской и Московской. Ежечасно и ежеминутно соприкасался с тамошними людьми, проводил дни и ночи в беседах с ними»⁴⁸⁷. В лагере он встретил своего духовного отца, свт. Афанасия (Сахарова), который станет практически членом семьи Савицких. Фотографии владыки Афанасия стояли на прикроватном столике Савицкого и его супруги, рядом с фотографиями детей.

О лагерной жизни (всего, вместе с арестом, следствием и последующим возвращением прошло 11 лет), Савицкий не указывал позже почти никаких подробностей, а в письмах приукрашивал многие события. Самые глубокие чувства он выражал только в письмах к свт. Афанасию, перед которым нечего было скрывать — они вместе прошли все унижения человеческого достоинства, голод, ругань, принудительные работы. Стоит отметить, что лагерные сидельцы свидетельствовали о том, что военное время и первые годы в заключении были самыми

⁴⁸⁷ Письмо П. Н. Савицкого Г. П. Струве / Старый патриотизм, «переориентированный на новую Россию: евразийство П. Н. Савицкого. Указ. соч. С. 146.

тяжелыми. Хозяйство, дороги, вокзалы были разрушены, люди систематически голодали даже на воле. В сизом от дыма папирос бараке свт. Афанасий, Савицкий и другие христиане совершали церковную службу. Тогда в заключении было много священнослужителей и монахов, которые знали молитвы и псалмы наизусть.

В 1946 г. Савицкий работал на лесоповале: «Перенес это с бодростью, сдружился с ребятами-лесорубами. Это почти сплошь были урки (уголовники). Работали ребята замечательно. Любили слушать мои рассказы»⁴⁸⁸. Деревья пилили вручную, питание было скучным. Уголовники, слушая лекции Савицкого, не упускали возможность поживиться его имуществом: «Воспользовавшись моей оплошностью, принадлежавшую мне “Всеобщую историю искусств” скурили ребята»⁴⁸⁹; «Востоков зазевался — пайки нет. Пришлось целый день голодать»⁴⁹⁰. После инцидента он пишет стихотворение «Обидчику», заканчивающееся замечательными словами:

Прощаю я. Мой хлеб во здравье кушай.
Пусть этот хлеб твой разум укрепит.
И правду светлую дум, слов, поступков лучших,
Как искру новую, в тебе воспламенит.

Это не просто прекраснодущие, это плод духовного делания под руководством свт. Афанасия (Сахарова). Одновременно, только такая установка позволила Савицкому просто физически выжить. Если бы он проявлял агрессию или отчаяние, его бы быстро довели до гибели уголовники, или он сам не нашел бы в себе силы жить дальше. Впрочем, в лагере он общался не только с уголовниками, но с различными деятелями культуры, которые оказались волею судеб в заключении. Среди них были и иностранцы: «В истекшие годы я общался с двумя норвежцами — <О.Т.> Ларсеном и <О.> Харьо. Знаю, что Ларсенов в Норвегии десятки тысяч. Мой собеседник был

⁴⁸⁸ Востоков П. [П. Н. Савицкий]. Стихи. Париж, 1960. С. 36.

⁴⁸⁹ Там же. С. 171.

⁴⁹⁰ Там же. С. 87.

из северной Норвегии. Думаю, что он уже дома. Харько даже одно время был мне дневальным (я был культоргом и библиотекарем)»⁴⁹¹.

О круге общения в тюрьмах и лагерях он писал, что «У меня были буквально десятки тысяч интереснейших собеседников. И какие поразительные вещи я видел»⁴⁹². Эти слова не стоит понимать буквально. «Десятки тысяч» в устах Савицкого означало просто «очень много», как, например, он использует то же выражение в одном из своих ранних писем: «как пришло за эти годы для десятков тысяч русской молодежи»⁴⁹³; или близкое тому: «В истекшие годы (1945–1956) в лесах Подмосковья, наряду с многими другими, я пережил незабываемые поэтические моменты. Я уже писал Вам, что у меня десятки и десятки друзей — колхозников и рабочих, русских и мордвы, и представителей других ЕА (евразийских — К. Е.) народов. И я смело скажу, что в России в миллионах и в десятках миллионов сердец “ощущение природы” живее, чем когда бы то ни было»⁴⁹⁴. То же выражение он использует, когда он пишет о Д. П. Святополк-Мирском: «Димитрий Петрович в трагических обстоятельствах до последних дней своей жизни продолжал писать свой труд: “Русская поэзия от Пушкина до Фета”. И вносил в него тысячи и тысячи стихов, восстанавливаемых по памяти!»⁴⁹⁵. У П. Н. Савицкого, с его живейшим интересом к любому человеку как носителю индивидуальной истории, в котором сходятся нити единства мироздания, дей-

⁴⁹¹ Письмо П. Н. Савицкого О. Броку от 02.12.1956. // Карелин В. А., Репнинский А. В. Из переписки профессора Олафа Брука и Петра Савицкого (1916–1958). Указ. соч. С. 292

⁴⁹² Письмо П. Н. Савицкого О. Броку от 04.11. 1956. Там же. Указ. соч. С. 285.

⁴⁹³ Письмо П. Н. Савицкого О. Броку от 03.02. 1920. Там же. Указ. соч. С. 282.

⁴⁹⁴ Письмо П. Н. Савицкого к Н. Н. Алексееву. 1958 г. / «Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н. Н. Алексеева к П. Н. Савицкому (1957–1961). Указ. соч. С. 429.

⁴⁹⁵ Письмо П. Н. Савицкого П. П. Сувчинскому от 02.05.1957. // Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 521. Курсив автора.

ствительно было много знакомых и немало друзей, которых он приобрел за годы заключения в СССР. Во всяком случае он ощущал себя частью советского, русского народа.

Известно, что Савицкий в заключении общался с протоиереем Григорием Климентьевичем Лысяком (1885–1958), иеромонахом Иераксом (Бочаровым, 1880–1959), митрополитом Мануилом (Лемешевским, 1884–1968), митрополитом Нестором (Анисимовым, 1885–1962), миссионером, просветителем Дальнего Востока. Савицкий упоминает также некоего «отца Иоанна», «с которым мы были на 8-м»⁴⁹⁶. С этими иерархами, священниками, монахами, просто верующими людьми Савицкий вместе молился, присутствовал при тайном совершении литургии, причащался.

Православные сидельцы спорили о том, является ли переживаемая ими эпоха апокалиптической. Савицкий был скептиком, не поддерживавшим этих настроений: «Среди моих собеседников 1945–1956 гг. было немало “концептированных”, людей, которые ждали и ждут светопреставления буквально со дня на день. Я говорил им, что христианское сознание допускает возможность конца света в любой момент. Со времени написания Апокалипсиса сменилось приблизительно 66 поколений. В каждом из этих поколений были люди, которые остро ожидали светопреставления именно при жизни своего поколения и видели признаки его приближения. Но шестьдесят шесть поколений миновало, а светопреставления не произошло»⁴⁹⁷. Известно, что Савицкий читал, как это было принято, лагерным сидельцам лекции по своей специальности, но особенно ценил он лекцию, которую позже обнародовал и в эмиграции: «Ресурсы сжатости русского языка». Текст лекции носит характер лапидарный, и его идеи вряд ли являются объективными. Савицкий

⁴⁹⁶ Письмо П. Н. Савицкого свт. Афанасию (Сахарову) от 12.05.1957. // Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову). Указ. соч. С. 298.

⁴⁹⁷ Письмо П. Н. Савицкого Н. Н. Алексееву, февраль 1959 г. // «Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н. Н. Алексеева к П. Н. Савицкому (1957–1961). Указ. соч. С. 431.

доказывал, что русский язык имеет всемирное значение, и выучить его, сделав планетарным языком общения, едва ли не легче, чем язык английский. С этим утверждением вряд ли согласится иностранец, изучающий русский язык. Грамматика, произношение, строй русского языка очень сложен для изучения.

Савицкий также упоминал, что у него были дискуссии с «пастернаковцами». Так он называл поэтов и писателей, поклонников Б. Пастернака, литературных приемов, художественной формы и идей которого Савицкий не принимал. Среди таких «пастернаковцев» он упомянул писателя и журналиста А. Г. Лебеденко (1892–1975), с которым, тем не менее, дружил. Савицкий имел редкий дар: он мог дружески общаться с человеком, взгляды которого были противоположны его собственным.

Среди «светских» сидельцев к Савицкому была близка дочь Марины Цветаевой — Ариадна Сергеевна Эфрон: «А~~риадна~~ С~~ергеевна~~ была там, где позже был я. <...> Все моё желание, чтобы каждый стих М~~арины~~ И~~вановны~~ был издан. Но я опасаюсь, как бы издание “Лебединого стана” в этот момент — не повредило А~~риадне~~ С~~ергеевне»⁴⁹⁸. писал он Глебу Струве в 1957 г. В заключении Ариадна Сергеевна рассказывала все подробности жизни Марины Цветаевой, о которых Савицкий потом сообщил Г. П. Струве, в частности, об обстоятельствах ее гибели. Так, неожиданно «закольцевалась» судьба Савицкого: проявив жесткость и принципиальность в истории с публикацией «Обращения» Цветаевой в газете «Евразия», в заключении он стал собеседником ее дочери, слушая рассказы о последних днях жизни и гибели Марины Ивановны. Это многому научило Савицкого, в частности, абсолютной терпимости, которую некоторые принимали за неизбирательность, отсутствие критического суждения. Также в заключении состоялась важнейшая для Савицкого встреча с историком и искусствоведом М. А. Гуковским, через которого он познакомился позже с Л. Н. Гумилевым и Н. А. Зелинским.~~

⁴⁹⁸ Старый патриотизм, «переориентированный на новую Россию: евразийство П. Н. Савицкого. Письма П. Н. Савицкого к Г. П. Струве. Указ. соч. С. 139.

Вообще, время, проведенное в лагерях, было периодом покаяния и самопознания. Размышляя над своей жизнью, Савицкий пришел к выводу о том, что часто, в полемическом задоре, в блеске славы, подогреваемый страстями, он не достигал того, к чему по-настоящему стремился:

Три жизни знаю я
Жизнь первая прошла в потоке света
Исканьем красоты душа была согрета.
Вторая жизнь была исканьем знанья
Прошла и эта жизнь среди друзей и споров.
И третьей жизни взятен мне закон:
Чуждаясь страсти, гнева и раздоров,
Любовь и жертвенность указывает он⁴⁹⁹.

«Третья» жизнь, которая началась с момента ареста, означала окончание «периода знания», здесь началось испытание веры, настоящий искус — может ли Савицкий «Простить ругателям святынь души моей...»⁵⁰⁰.

Вынести все, что происходило в заключении, ему помогло обращение к христианской вере как к реальной, действительной опоре жизни. В письмах к духовному отцу, свт. Афанасию (Сахарову) звучат ноты подлинного покаяния, подлинного страдания, внутреннего плача о себе самом, тем более, что буквально перед концом испытаний его постигло серьезное искушение. Савицкий умирал от голода и истощения, когда его увидела и искренне пожалела одинокая женщина, которая, собственно, и спасла его, втайне надеясь на взаимность: «Мне никак не удавалось оправиться от дистрофии — следствия страшной, смертельной операции, перенесенной мною в 1953 г. (заворот кишок!). Я очень страдал от опаснейших приступов каменной болезни. Раза два в неделю меня выводили из строя катастрофически сильные приступы головной боли (Вы отчасти были личным их очевидцем). Каждый такой приступ продолжался от 12-ти до

⁴⁹⁹ Востоков П. [Савицкий П. Н.]. Стихи. Париж, 1960. С. 59.

⁵⁰⁰ Там же. С. 64.

14-ти часов. Жизнь переставала быть для меня жизнью. В усадьбе “дома отдыха” нашлась целительница. Моим лечением занялась молодая, 34-летняя женщина-медичка, прошедшая два курса Медицинского факультета, но не кончившая его, — Раиса Васильевна Шулинская. Она создала для меня идеальный режим питания и жизни. У меня не было денег. Для того чтобы поставить меня на ноги, она истратила на меня более полутора тысяч собственных своих денег. В течение нескольких месяцев она полностью справилась с моей дистрофией. Начисто освободила меня от припадков каменной болезни. А страшнейшие головные боли — как рукой сняло! Прямо-таки чуду подобно! Раиса стала для меня гением-целителем»⁵⁰¹.

Положение, в котором находился Савицкий, было глубоко трагическим. Трудно осуждать Петра Николаевича, который исстрадался, жизнь которого висела на волоске, у которого не было надежды вернуться к семье в Прагу: «В течение одиннадцати лет я был оторван от семьи. В течение семи лет я вообще о ней ничего не знал»⁵⁰². Завязался недолгий роман, который со стороны Савицкого был, с одной стороны, вызван горячей благодарностью своей спасительнице, с другой — нервным срывом, когда душа человеческая уже не в состоянии терпеть ужас окружающей чудовищной действительности: «Чего я только не навидался за истекшие 12 лет, прошел все круги “Дантовой Божественной комедии”»⁵⁰³. Обдумав свое положение, Петр Николаевич все же принимает решение остаться верным супруге и детям, даже не имея надежды на возвращение, поскольку разрешения на выезд ему не давали. До конца дней он оплакивал свое «падение», каялся и переживал «измену»: «Очень угнета-

⁵⁰¹ Письмо П. Н. Савицкого к свт. Афанасию (Сахарову) от 17.05.1956 / Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову). Указ. соч. С. 280–281.

⁵⁰² Письмо П. Н. Савицкого О. Броку от 04.11.1956 / Репнинский А. В. Из переписки профессора Олафа Брука и Петра Савицкого (1916–1958). Указ. соч. С. 285.

⁵⁰³ Там же. С. 284.

ет меня чувство моей греховности. Знаю, что нельзя отчаяваться. Отчаяние — самый тяжелый грех»⁵⁰⁴, писал он духовному отцу.

Трогательно звучат его простые слова до глубины души исстрадавшегося человека, когда он описывает церковную службу, на которой ему довелось побывать, уже, формально, свободным человеком, отбывшим срок, но не имеющим документов, разрешения на выезд, — человеком с предельно неопределенным будущим. Жил он тогда в Зубово-Полянском доме инвалидов Мордовской АССР, станция Потьма, пос. Яvas, насельники которого, в основном, были такими же, как он — бывшими заключенными с утерянными документами, которым некуда было ехать. «Позавчера, в Дмитриеву субботу, я ходил в Зубову в церковь. Встал в пять часов, из нашей усадьбы вышел в шесть. Уже верстах в трех от Зубовой меня встретил колокольный звон. Звонили к утрене. Было погожее осеннее утро. Здешние леса (уже без листвы), переполянь, опустелые, но все еще прекрасные луга развертывались предо мною в красоте необычайной. — Холмы над Парцей превосходно резонировали (Зубовская церковь тоже на холме, только на противоположном берегу). Я стоял на одном из этих холмов, и мне казалось, что я слышу благовест с неба. Когда я подходил к церкви, уже благовестили к обедне. Служили благолепно. Священникам (их двое) вменяют разные бытовые грехи (отцу Сергию — кажется, только курение). Но я сам чувствую за собою множество грехов и не люблю слушать рассказов о чужих грехах. От священника я требую одного: чтобы он верил в Бога и непоколебимо стоял в истинах Православной веры. У обедни я подавал просфорки за здоровье всех моих дорогих. В церкви было три священнослужителя (считая и чтеца, “инвалида” из нашего “инвалидского” дома, обруслого и оправославленного лифляндского дворянина фон-Барса; мой отец, будучи предводителем в Гомеле, знал его отца, инженера).

⁵⁰⁴ Письмо П. Н. Савицкого к свт. Афанасию (Сахарову) от 07.11.1955. / Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову). Указ. соч. С. 276.

Двою нищих, я и около полусотни женщин — наполовину русских, наполовину мордовочек (судя по их костюмам, описанным еще Геродотом⁵⁰⁵). Буквально каждая из пятидесяти женщин принесла узелок с пёчивом: белые булки, просяные, известные испокон тысячелетий, мордовские блины, блины пшеничные. На печиве лежали яблоки. <...> Умильтельно проходила общая панихида. Священники молились об упокоении души воинов, павших в Великую Отечественную войну. Почти все молящиеся — вдовы, матери или сестры этих воинов. Пели все. Многие плакали. По окончании общей панихиды молящиеся, — конечно, без всякой моей просьбы, — стали давать мне по куску своего печива, а некоторые давали и по куску освященного яблока. Принимать меня за нищего они не могли: на мне был новый собственный (не “инвалидский”) коричневый костюм столичного покроя, сшитый лучше, чем их одеяния⁵⁰⁶. Я благодарно брал все, что мне давали. Мне казалось, что это русский народ, а вместе с ним и мордва, меня питают»⁵⁰⁷.

Савицкий был как капля в этом море русской стихии, видел великое народное горе, множество женщин, оставшихся одинокими после войны, для которых единственным утешением была молитва. В Европу он вернется другим человеком — много пострадавшим и много внутренне о себе переосмыслившим. Его религиозность станет не декларативной и требовательной, но тихой, углубленной, проникнутой светом покаяния. Последние годы жизни Савицкий будет особенно религиозен, пунктуален в вопросах выполнения церковных правил, молитв, постов. Он буквально пожертвует собой ради близких, чтобы дать возможность своим детям получить

⁵⁰⁵ Вероятно, Савицкий спутал Геродота с готским историком Иорданом (VI в.), который считается первым, описавшим народ «мордва» (Mordens).

⁵⁰⁶ Судя по всему, этот костюм был даром его сестры, А. Н. Кренке.

⁵⁰⁷ Письмо П. Н. Савицкого к свт. Афанасию (Сахарову) от 07.11.1955 / Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову). Указ. соч. С. 275–276.

образование без препятствий, чтобы облегчить им жизнь, восполнить годы своего отсутствия. Он день и ночь будет трудиться, не жалея себя. На евразийство не останется времени. Евразийство найдет отражение в его богатом эпистолярном наследии, 1950-х — 1960-х гг., о котором речь пойдет ниже.

41. Эпистолярное евразийство Савицкого в 1950-е и 1960-е годы

После возвращения в Европу Савицкий старался восстановить утерянные контакты. Всех корреспондентов Савицкого установить едва ли возможно, поскольку его личный архив находится, вероятно, в собственности наследников. Часть личного архива была ими передана в Славянскую библиотеку в Праге, но, судя по другим архивам, в которых сохранились письма Савицкого, переданные материалы далеко не полная коллекция писем. Большая часть переписки Савицкого или утрачена, или находится в частных руках. Поэтому здесь мы перечислим наиболее известных корреспондентов Савицкого 1950-х — 1960-х гг., о которых сохранились достоверные сведения. Имена были установлены на основании изучения доступных писем Савицкого.

Его корреспондентами в указанное время были: Н. Н. Алексеев (евразиец), Н. Е. Андреев (филолог, поэт, бывший директор Археологического института им. Н. П. Кондакова, проживал в Великобритании) и его супруга Е. А. Андреева, свт. Афанасий (Сахаров), Г. В. Вернадский, Л. Н. Гумилев, А. Н. Зелинский, Н. Е. Зелинская (мать Н. А. Зелинского, супруга химика Н. Д. Зелинского, сподвижника В. Н. Вернадского), А. В. Карташев, В. Ф. Миронский (востоковед, проживал в Великобритании), митр. Нестор (Анисимов) (проживал в СССР), Н. А. Ощуп (поэт, переводчик, проживал во Франции), Г. Н. Полковников (давний единомышленник, евразиец), К. И. Симонова (жена Г. В. Флоровского, свояченица Савицкого), Г. П. Струве (филолог, писатель, исследователь, сын П. Б. Струве, проживал в США), П. П. Сувчинский, О. Брок (норвежский филолог), Р. О. Якобсон. Переписывался Савицкий также со своими родственниками из СССР (с сестрой А. Н. Кренке). Это далеко не полный перечень его корреспондентов, сам Савицкий подчеркивал: «<...> мне пишут и из Франции, и из Англии, и из США»⁵⁰⁸, но, стоит

⁵⁰⁸ Письмо П. Н. Савицкого О. Броку от 25.12.1957. // Репневский А. В. Из переписки профессора Олафа Брука и Петра Савицкого (1916–1958). Указ. соч. С. 299.

отметить еще раз, что далеко не все архивы Савицкого доступны, более того, многие поздние письма Савицкого сохранились фрагментарно.

По сравнению с его ранней, довоенной перепиской списки корреспондентов не кажутся многочисленными. В 1920-е и 1930-е гг. Савицкий вел обширнейшую переписку, в том числе и с учеными из СССР. Тут стоит отметить, что многих уже не было в живых, кто-то погиб в советских лагерях (Л. П. Карсавин, Д. П. Святополк-Мирский), кто-то ушел из жизни во время Второй мировой войны, кому-то (как Ариадне Эфрон) Савицкий боялся повредить своими письмами, адреса некоторых были безвозвратно потеряны. Однако учитывая то, что все его корреспонденты были буквально «звездные», или, как Л. Н. Гумилев — буквально легендарные люди, а также то, что поздние письма Савицкого были довольно пространными (иногда он писал целые научные трактаты), эту переписку стоит признать, во-первых, имеющую особую научную ценность, во-вторых, рассматривать ее как *продолжение евразийства в эпистолярной форме*. Особенno это касается его переписки с Г. В. Вернадским, Л. Н. Гумилевым, А. Н. Зелинским и Н. Н. Алексеевым.

Чтобы ценные научные факты и материалы были доступны его адресатам, Савицкий копировал письма и ответы Гумилеву, Вернадскому, Алексееву и рассыпал этот материал указанным ученым, иногда привлекая в этот дискуссионно-эпистолярный евразийский круг текстов и других корреспондентов. Так обеспечивался круговорот идей, и еще до изобретения мессенджеров, дающих возможность устраивать конференции для людей, находящихся в разных странах, Савицкий уже изобрел свой эпистолярный мессенджер, устроив международный евразийский дискуссионно-эпистолярный семинар. Стоит отметить, что Савицкий очень нуждался в последние годы, не имея ни пенсии, ни стабильной зарплаты. Время от времени его корреспонденты поддерживали его посылками и деньгами, без чего он, вероятно, просто бы не выжил, надорвавшись раньше времени. В какой-то степени Савицкий чувствовал себя обязанным и «благодарил»

своих благодетелей присылкой перекрестных писем, оттисками статей, и больше всего — стихами.

Круг охваченных перепиской тем — огромен, он достоин отдельной и отнюдь не маленькой книги. В переписке обсуждались темы истории, историософии, культуры, архитектуры, поэзии, языкоznания и др.; обсуждались как «старые» евразийские концепции (темы «пульса времени», наличия в истории чередующихся «подъемов» и «прогибов», ритмы истории, периодическая и симметрическая система географических зон России, месторазвитие, энергия исторических процессов и т. д.), так и новые наработки. Савицкий обсуждал и литературно-поэтические темы, например, с Гумилевым и Г. П. Струве. Поднимались темы археологические (раскопки курганов, которые вел Гумилев и Зелинский, исследование Тибета, памятников долины Иссык-Куль и т. д.), исторические (история хуннов, уйгуров, тюркотов, монголов, киданей, кыргызов, татар казанских, крымских, хазар, жужаней, кочевых и оседлых народов Евразии, Тибета, Китая), концептуальные («месторазвитие» или «вмещающий ландшафт»?). В настоящем отделе стоит отметить только *новые евразийские темы*, которые стали частью мировоззрения Савицкого и которые он излагал в письмах своим адресатам. То, что эти темы и идеи появлялись и развивались, говорит о том, что евразийство Савицкого не застыло в одном, довоенном еще, состоянии, но находилось в творческом становлении.

Среди новых тем можно выделить одну, имеющую связь с еще довоенными наработками: пульс времени, ритм, как основу исторического процесса. Савицкий отмечал, что он старался описать Гумилеву мир как «картину-систему», как «периодическую систему сущего». В этих описаниях он затрагивал многие темы с ранее неизвестной стороны, говорил о новых оттенках своего мировоззрения. Эта тема шла вкупе с обсуждением темы смысла и сущности истории и исторической науки. Сущность истории — осмысление жизни своей и своего народа, углубленное самопознание и миропознание. При этом, по Савицкому, течение истории отнюдь не равномерно,

события, смена эпох, начало нового этапа и цикла происходят через внезапные скачки: «едва ли не все повороты в истории человечества происходили в порядке “моментальной мутации”, и современникам их развитие и тогда казалось быстрым. Хочу вдуматься в психологию человека мезолита, на переходе к неолиту — тут сразу и “изобретение” шлифовки камня, и начало земледелия (взамен поиска семян и корней), и введение в культуру одного растения за другим (например — как много культурных растений было уже у жителей швейцарских свайных построек!), и быстрая эволюция орудий и начало животноводства — в целом ряде его отраслей, и начало керамики, и усовершенствование жилища. То же впечатление должно было быть исключительным. Перед лицом безграничной вселенной — наши достижения не больше тех. Или вдумайтесь в психологию египтянина начала египетской эры (“додинастического” Египта или Египта первых династий): *возникновение письменности — и тем самым истории, в нашем смысле слова, возникновение архитектуры (пирамиды!),* первых, но уже обширных, математических и астрономических знаний, настоящей скульптуры и т. д. Тоже разительные перемены — побольше электрической лампочки. А потом, действительно, не то 30, не то 40 веков более или менее на одном месте. Только появление коня и боевых колесниц было большим делом. Их привезли с собой гиксы в 18 в. до н. э. Таких периодов “мутаций” было немало. Каждая из них не похожа на предыдущую. Так и в нашем случае. Социальный же строй Запада — в отличие от техники — прямо-таки поразительно консервативен»⁵⁰⁹.

История человечества есть сочетание длительных отрезков времени, в которые «ничего не происходит» и внезапных скачков («мутаций»), когда появляется совершенно новое, причем эти изменения идут как в

⁵⁰⁹ Отрывок из письма Савицкого Н. Н. Алексееву от февраля 1959 г., сделанный для ознакомления своих корреспондентов (Гумилеву, Алексееву и другим) / «Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н. Н. Алексеева к П. Н. Савицкому (1957–1961). Указ. соч. С. 430. Курсив наш — К. Е.

информационном пространстве (появление письменности), так и в образе жизни (появление земледелия). Как отследить течение истории, не пропустить «точку взлета» или момент «падения»? Для этого Савицкий предлагал использовать Теорию фактов-пророчеств, фактов-отголосков и фактов-предварений. Все это вписывалось в концепцию, которую он назвал Теорией всегда насыщенного смыслом факта, которая стала завершительным штрихом всей его историко-философской системы.

В письме к П. П. Сувчинскому он пишет об этом так: «По моему мнению, среди исторических фактов *нет фактов случайных*. Есть факты, выражающие “генеральную линию” данного момента (какова бы она ни была); есть “факты-отголоски” (отражения прошлого); и есть “факты-пророчества”. Я сказал бы, что ЕА <евразийский> метод *есть именно метод выделения “фактов-пророчеств”*⁵¹⁰. Эта философия, или лучше сказать, методологическая установка лежала в основе поздней историософии Савицкого: «именно на основе “философии всегда насыщенного смыслом факта” и в определенном отношении *самодовлеющего* факта построены мои попытки определить “историческую кривую” конкретных периодов»⁵¹¹. В этот период Савицкий назвал свои статьи «“Подъем” и “депрессия” в древнерусской истории» и «Ритмы монгольского века» опытами по философии факта.

По Савицкому, любой крупный исторический факт может быть или «фактом-пророчеством», или «фактом-отголоском» — и та и другая группа фактов является отражением временной исторической кривой. Если кривая идет по восходящей (на подъем), то она «отбрасывает», как свою тень, факты-пророчества о будущем в ментальное пространство, которое может осмыслить исследователь. Факты-отголоски могут быть отражениями той же кривой на подъеме, но уже во время ее движения вниз. Так, например, во время экономической депрессии или

⁵¹⁰ Письмо П. Н. Савицкого П. П. Сувчинскому от 05.11.1957. / Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Указ. соч. С. 524. Курсив автора.

⁵¹¹ Там же.

политического распада страны могут встречаться отдельные «подъемные» факты, которые являются отражением инерции предшествующего подъема. Также и депрессия может «отбрасывать» отдельные инерционные события, которые будут фактами-отголосками в том отрезке времени, когда историческая кривая движется вверх. Факты-отголоски Савицкий называет «реминисценциями прошлого», а факты-пророчества, как ясно из названия, указывают на будущие события, которые без рефлексии и анализа, просто из течения событий, вовсе не очевидны. Таким образом, исторические события имеют энергию, которая угасая, радиирует факты-пророчества и факты-отголоски.

Так, например, в начале 1920-х гг. СССР был отсталой аграрной страной, с разрушенной во время Гражданской войны экономической инфраструктурой. Никто на Западе не мог предположить, что через несколько десятилетий страна станет лидером в космической области, обгонит США по выплавке сверхжаростойких металлов, в области сверхэффективного горючего, математических расчетов и других областей науки, станет наиболее влиятельной страной в мире, наряду с США. Евразийцы, и в частности, Савицкий, это предвидели именно на основании фактов-пророчеств.

Философия всегда насыщенного смыслом факта вносит еще одну важную черту в философию времени Савицкого: время не только источник энергии, но и вместе лище отражений исторических фактов, вернее — оно экран, или зеркало, способное отражать прошлое и будущее. Факты-пророчества и факты-отголоски отражаются из временного резервуара в пространство, где могут быть прочитаны внимательным исследователем, а лучше сказать — охваченным пафосом и вдохновением историка-предвидца. Все гении способны были улавливать из непонятного пространства сигналы и расшифровывать их в своих изобретениях, меняющих ход истории.

Савицкий говорил о том, что всегда следует учитывать, что историческая кривая развивается волнообразно, по схеме: подъем-спад, а расчет периодов спадов и

падений зависит от качества месторазвития. Так, например, можно сделать вывод о том, что исторические волны в Евразии будут длиннее, чем в Европе, потому что та же Россия покрывает примерно 11 временных поясов, т. е. растянута не только в пространстве, но и во времени, что неизбежно порождает удлиненные, «отложенные» события, которые «прокатываясь» волнами по территории Евразии, задерживаются по пути следования в бескрайних просторах. Попытки синхронизировать Россию и Европу с этой точки зрения обречены на провал, поскольку они живут в разном историческом времени, что верно даже с точки зрения физических расчетов. Известно, например, что время на Крайнем Севере идет иначе, чем на Юге, разница в часах составляет буквально минуты, но учитывая, что огромная часть России-Евразии охватывает пояс вечной мерзлоты, тундры, лесотундры и зоны арктических льдов, сложно даже представить, как эти минуты, умноженные на пространства, «тормозят» русское историческое время. С этим, возможно, связаны особенности психики русского народа: православие прижилось потому, что было конгениально психическому складу русского народа, с его особенностями: «в определенном смысле, типа, со строгой дисциплиной и действенной сосредоточенностью власти — действительно восходит своими корнями именно в XIV в. и что сложилась она во взаимодействии с монголами»⁵¹². Савицкий полагал, что «корни нашего эпоса (какова бы ни была эпоха его возникновения!) уходят глубоко в “мать сырой земли”»⁵¹³;

В связи с русской историей Савицкий выделял в ней несколько «мутаций», повлиявших на изменение психики народа и исторической «кривой» вообще: «В традиции народной несомненно бывают мутации, внезапные (по внешности) перемены многих признаков. Одна из таких “мутаций” русской истории приурочена ко времени около

⁵¹² Письмо П. Н. Савицкого к Л. Н. Гумилеву от 07.05.1958. Архив Музея-квартиры Л. Н. Гумилева в Санкт-Петербурге (не описано).

⁵¹³ Письмо П. Н. Савицкого к Л. Н. Гумилеву от 13.07.1958. Музей-квартира Л. Н. Гумилева в Санкт-Петербурге (не описано).

XIV в. Тут я вполне с Вами согласен. Согласен и с тем, что в первую очередь здесь дело идет об изменении отношения “индивида к коллективу и наоборот”. Но уже в 1927 г. (“Политико-географические заметки”) я выразил свое убеждение и твердо стою на нем и сейчас: “Мутация” не порывает преемственной (генетической) линии, не разрушает традиции» (“Начертание <русской истории> Г. Вернадского», стр. 260). Русская традиция была уже и до XIV в. Мне кажется — просто невозможно сомневаться в истинности этого факта. Следующая большая “мутация” русской истории относится ко времени Петра I, третья — к нашей эпохе. <...> Обращаясь к частностям, не могу согласиться с Вашей мыслью о том, что в XIV–XV вв. монгольский эпос, переведенный на русский язык, накоротко переделывается в киевский цикл былин»⁵¹⁴.

Таким образом, Савицкий констатирует три мутации русской истории — в XIV в. в связи с соприкосновением с монголами, в эпоху Петра I — в связи с интеграцией и усвоением культуры Европы, и после 1917 г., с эпохи Октябрьской революции, когда произошел слом Российской империи и возник СССР. Вероятно, если бы Савицкий дожил до нашего времени, он бы выделил эпоху после падения СССР как начало нового «мутационного» периода.

Ссылаясь на статью «Политико-географические заметки», Савицкий имеет в виду свою работу 1927 г. «Геополитические заметки по русской истории» (приложение к книге Вернадского «Начертание русской истории»). Заключительная VII главка этой работы называется «Единство Евразии», в которой резюмируется вся работа в конкретном выводе: «Евразия, как географический мир, как бы “предсоздана” для образования единого государства <...>». В последние годы Россия-Евразия вступила в полосу “мутации” (существенного изменения ряда признаков и свойств). Все исторические ценности и все принятые взгляды подвергаются пересмотру и переоценке. Одни отпадают, другие получают новое обоснование.

⁵¹⁴Письмо П. Н. Савицкого к Л. Н. Гумилеву от 13.07.1958. Архив Музея-квартиры Л. Н. Гумилева в Санкт-Петербурге (не описано).

Нарождается новое. “Мутация” еще не завершилась. И нет сомнения, что создающееся включит в себя (в преобразованном и обновленном виде) многое “старое”. “Мутация” не порывает преемственной (генетической) линии, не разрушает традиций. Она только видоизменяет ее»⁵¹⁵. Мы видим, что, рассуждая об истории и историческом развитии России-Евразии в частности, Савицкий использует понятия «мутация», исторические «подъёмы» и «прогибы», понятие «месторазвитие», и Теорию (или Философию) всегда насыщенного смыслом факта. Из этого понятийного «тезауруса» самым близким Гумилеву оказывается «мутация». Это понятие он будет использовать, говоря, например, об образовании «химер». Мутация — термин близкий теории Л. С. Берга, автора, одинаково ценимого и Гумилевым, и Савицким. Общий корень русской исторической мысли порождает смежные, довольно похожие ветви развития русской исторической мысли.

Следующей важной вехой в развитии мировоззрения Савицкого стали его размышления о русском народе в эпоху Новейшей истории. Главным образом, на Савицкого произвело глубочайшее впечатление освоение космоса, первый полет в космос, осуществленный советскими (русскими) учеными. Савицкий прочерчивает линию от народного эпоса былинных времен, до космической эры, утверждая, что русский народ по преимуществу народ космический: «Я сказал бы так: из всех известных мне народов нашей планеты русские суть наиболее космический народ; и в то же время народ с наибольшей волей к переделке, к перестройке космоса, т. е. той природной среды, которая доступна их воздействию»⁵¹⁶.

Савицкий с восторгом говорил о будущности русского народа и России. Он связывал кочевой мир и мир космоса, видя в этом некую внутреннюю аналогию: «Мне

⁵¹⁵ Савицкий П. Н. Геополитические заметки по русской истории / Савицкий П. Н. Избранное. Указ. соч. С. 310–311.

⁵¹⁶ Отзыв П. Н. Савицкого на работу Н. Н. Алексеева «Природа и человек в философских воззрениях русской литературы» («Границы», № 42, 1960) / «Дорогой мой друг Петр Nicolaевич»: Письма Н. Н. Алексеева к П. Н. Савицкому (1957–1961). Указ. соч. С. 443

кажется глубоко не случайным тот факт, что в наше время и первый искусственный спутник Земли, и первая искусственная планета солнечной системы, и первая ракета “прямого сообщения” на Луну, что все они поднялись в небо из пределов русского мира. Мир земных кочевников перерождается в мир *кочевников Вселенной*. Знаю пределы и одних, и других кочевий. В этом отношении, смею думать, не обольщаюсь. Различны, совсем различны технические средства (замечу, впрочем, что и у древних кочевников они были в высокой мере передовыми — для своего времени!). Но единство традиции в порыве и движении для меня, несомненно. Это единство мало кто в силах распознать. Тут моя надежда на Вас, на Г. В~~ладимирича~~ <Вернадского>. Но не признанность миром не подрывает истинности этого единства. Вперед же — на новые кочевья, кочевники Вселенной!»⁵¹⁷ Савицкий провозглашает перспективу наступления русской эпохи всемирной истории и время всемирного торжества русского языка. На последнем пункте он особенно настаивал. Можно отметить, что в вопросе языка Савицкий, обычно дававший довольно точные прогнозы, скорее переоценил ситуацию.

С одной стороны, русско-советская цивилизация была действительно мощной и небывалой в истории, она как бы вырвалась вперед остального человечества, отринув капиталистические установки, основанные на инстинктах (самосохранения, доминирования и агрессии, размножения, ненависти к чужому и т. д.), заменив их полуевангельскими «сам погибай, а товарища выручай», «кто не работает, тот не ест» (это, на самом деле фраза из 2 послания к Фессалоникийцам ап. Павла 3, 10), «труд есть дело чести, доблести и геройства», «миру мир» и проч. Советская цивилизация впервые ввела всеобщее бесплатное образование и медицину, утвердила высокую морально-нравственную планку общественных и межличностных отношений. Тем не менее, внутренне она

⁵¹⁷ Письмо П. Н. Савицкого к Л. Н. Гумилеву от 21.09.1959. Архив Музея-квартиры Л. Н. Гумилева в Санкт-Петербурге (не описано).

была очень слаба, в первую очередь, отсутствием «антител» и «иммунитета» по отношению к иным социальным и культурным мирам. «Иммунитет» должен был быть основан на глубокой рефлексии и самопознании, что в условиях диктата коммунистической идеологии и подковерной борьбы за власть в СССР, отягченной глубинно зреющим национализмом окраин, просто не мог развиваться и выйти на высокий уровень. Сильный управленческий слой с богатыми семейными традициями, аристократия, духовенство, офицерство, казачество, крестьянство, купечество были, по сути, после 1917 г. уничтожены. Выведенные революцией на главную авансцену советской истории нижние слои населения пролетарско-крестьянского происхождения были легко управляемы массами, лишенными корней, а подлинно патриотическая, культурная, «умная», дальновидная властно-управленческая элита в СССР отсутствовала. «Завоевав» страну в 1917 г. коммунистическая власть ощущала себя временной, не имеющей санкции «помазания Свыше», то есть не имела освящения ни от религии, ни от традиции (аристократические роды, закрытые аристократические клубы и общества).

Ранние евразийцы указывали на эти слабые места советской цивилизации, но в «космическую» эпоху, когда СССР мог похвастаться ледоколами, искусственными спутниками в космосе и атомным оружием, бдительность и зоркость у Савицкого были утеряны. Савицкий, ослепленный советскими успехами потерял евангельскую остроту зрения: «Ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг. Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное» (Откр. 3, 17). Золото духовных и религиозных начал, очищенное огнем Традиции, в СССР приобретено не было, а доставшееся от предков «золото» долга, чести, чествования памяти предков, тяги к знаниям, к добру и прекрасному было постепенно растрочено в поколениях, что Савицкий в этот поздний период не смог увидеть. Кроме того, Вторая мировая война нанесла сокрушительный удар по демографии, выкосив, во многом,

русский народ, который в послевоенную эпоху был обес-силен и обезглавлен. Советские достижения были, скорее «фактами-отголосками», а вот «факты-пророчества» указывали на грозные перемены, ждущие Россию-Евразию в будущем.

Вместе с тем невозможно отрицать оригинальность и свежесть мысли позднего Савицкого, его способность генерировать новые идеи и создавать новые понятия. Иногда только одно удачное понятие (место-развитие, этногенез, пассионарность) может изменить очень многое в научном дискурсе. Савицкий в этом отношении был буквально генератором оригинальных новых понятий, творцом емких geopolитических и общефилософских терминов, и в этом, несомненно, его огромная заслуга не только перед евразийством, но и его вклад в русскую науку в целом.

Его мысль работала интенсивно и творчески. На основании хотя бы тех немногих вышеперечисленных идей, он мог бы написать с десяток историко-философских статей. Россыпь оригинальных тем и идей осталась в его переписке с друзьями и коллегами. С одной стороны, он «перерос» формальное, групповое евразийство. Для Савицкого евразийство стало формой личного общения с единомышленниками, а главное — воплощалось здесь и сейчас в зрымых формах достижений русского народа и в первых признаках возрождения религиозности в СССР.

С другой стороны, он не имел уже «трибуны», с которой мог бы возглашать евразийские идеи (например, своего печатного издания). В целом, он полагал, что уже высказал все, что мог, написал с избытком. Следует учесть еще и то обстоятельство, что он был занят всецело обеспечением своей семьи. Переводы, написание статистических работ, случайные заказы на редактирование текстов — он брал все, что предлагали, но фактически, нуждался. В столь стесненных условиях, лишенный пенсии и возможности легальной работы, например, в университете, он не имел времени и сил на написание евразийских статей.

42. Жизнь в Европе после возвращения из СССР

После освобождения Савицкий планировал оставаться в СССР, поскольку не получал разрешения на выезд. Документы Савицкого потерялись при пересылке. Сестра Савицкого даже подготовила для него комнату в Москве, когда неожиданно разрешение было получено. После возвращения в Прагу Савицкий начинает искать возможности заработка, а также пытается восстановить прежние связи: «Жизнь моя складывается так, что передо мною стоит задача возобновить работу по научной моей специальности. Это единственный мой жизненный шанс. Две недели назад вышла в свет первая, после 15-летнего перерыва, статья моя по специальности. Она опубликована по-русски, по-английски и по-чешски. <...> Я подписал договор с Академией на написание книги. Рукопись должна быть уже к 20 декабря. Напрягаю все усилия. Ради хлеба насущного приходится делать переводы (с чешского на русский). И дал бы Бог, чтобы переводы были! Вера с 1 января лишается службы: ликвидируется все их учреждение. Это как гром с ясного неба. Мальчики учатся»⁵¹⁸.

Пять лет, с 1956 по 1961 гг., Савицкий трудился, обеспечивая семью, которая прирастала внуками. Из официальных должностей он состоял членом Комиссии по экономической географии, являясь также научным работником Чехословацкой академии сельскохозяйственных наук. Так, например, в качестве члена Комиссии по экономической географии он выступал на юбилейной сессии (в честь 40-летия Октябрьской революции), речь произносил по-чешски. Время от времени читал лекции перед русскоязычной аудиторией: «На этих неделях я читал два “больших” доклада. Оба читались в старинном дворце, именуемом теперь “Славянским домом”, в красивой гостиной человек на 50 — конечно, по-русски. Вы, вероятно, удивитесь темам: 1) Будущее Сибири 2) О чем

⁵¹⁸ Письмо П. Н. Савицкого свт. Афанасию (Сахарову) от 10/23.10.1956. / Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову). Указ. соч. 286–287.

говорят “контрольные цифры” на 1959–65 годы? <...> Доклады мои прошли успешно»⁵¹⁹.

Возможности заниматься евразийской работой у него не было. Он не получал пенсию как бывший заключенный советского лагеря. Даже писать письма — а писал он их в больших количествах, копировал и пересыпал друзьям ответы друг другу, было для него проблематичным. Он писал иногда в трамвае, в промежутках между работами с переводами, едва находил время для сна. Единственной возможностью заявить о своих взглядах стали его стихи, которые Савицкий начинает переписывать и рассылать друзьям и знакомым. Отзывы на стихи он получал противоречивые. Многим простота слога Савицкого не нравилась («анти-пастернаковщина», по его собственной оценке), другие находили, что стихи Савицкого есть оригинальное и даже выдающееся явление. Стихи Савицкого были опубликованы в журнале «Границ» (№ 39) и в «Вестнике русского студенческого христианского движения» (1958, № 50). «Вестник» опубликовал стихи с заглавием «Стихи из концлагеря», и с преамбулой: «Печатаемые ниже стихотворения случайно попали в руки редакции. Автор этих, проникнутых религиозными настроениями и философскими раздумьями стихотворений десять лет провел в советских лагерях и тюрьмах. Все стихотворения написаны им в различных местах заключения между 1945 и 1954 гг.»⁵²⁰. В конце концов, у Н. Оцупа, который высоко оценил творчество Савицкого, возникла мысль издать сборник выбранных стихов Савицкого, который вышел в Париже в 1960 г. под псевдонимом «Востоков». У самого Савицкого не было возможности в течение нескольких месяцев подержать томик в руках. Средства на издание были собраны благодаря помощи бывших студентов и одноклассников Савицкого по Политехническому институту в Санкт-Петербурге.

Выход книги стихов обернулся катастрофой. В мае 1961 г. он был арестован уже властями Чехословакии

⁵¹⁹ Письмо П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву от 26.12.1958. Музей-квартира Л. Н. Гумилева в Санкт-Петербурге (не описано).

⁵²⁰ Вестник русского студенческого христианского движения. Париж — Нью-Йорк, 1958, № 50. С. 48.

и осужден на 2,5 года лишения свободы за «клевету» на советскую власть. Дело в том, что «Стихи» содержали не только стихотворения, но и многочисленные примечания Савицкого, в том числе и об обстоятельствах своего заключения в советских исправительно-трудовых лагерях. На защиту Савицкого поднялась мировая общественность, к президенту Чехословакии А. Новотному обратились более десяти американских и британских ученых, в том числе Берtrand Рассел и Исаия Берлин. 10 мая 1962 г. Савицкий вернулся домой к семье. Оставшиеся ему 4 года жизни он провел в непрерывных трудах, в переписке с друзьями. Посещал домовый храм свт. Николая и Покровский храм в Ольшанах, где служил о. Михаил Васнецов, сын художника В. М. Васнецова. Сначала храм посещала вся семья Савицких, потом, после смерти супруги, он остался один, его поддерживали сыновья.

Смертельная болезнь постигла Савицкого ровно за год до кончины: «Первые 16 часов были неимоверные боли. Лег спать в ощущении благополучия и здоровья, а уже на следующий день, прикованный к одру болезни, чувствовал себя не человеком, а полулюдьем. Только ясность духа и память сохранились. Молю Господа, да сохранятся до конца... Вот они, судьбы человеческие. Почти три недели я пролежал дома, но лежать дольше было невозможно. С 4-го апреля я в стационаре. Более недели продолжалось довольно-таки сильное кровотечение. Теперь значительно уменьшилось (только бы “не слазить”). Жду операции. Соседняя клякса — яркий пример того, в каком месторазвитии нахожусь. Перенесенные передряги так меня истощили (мой вес в костюме Адама — менее 60 кг, при росте в 180 см), что в данный момент врачи не решаются делать “большую” операцию, а хотят пока что ограничиться предварительной, менее радикальной, а к “большой” операции думают приступить позже. В лучшем случае это обещает ряд удовольствий самого высшего класса...»⁵²¹. Год он боролся с болезнью, до конца оставался в ясном сознании. Природное жиз-

⁵²¹ Письмо П. Н. Савицкого А. Н. Зелинскому от 16.04.1967. / Однако сердце и мысль не умолкают: переписка П.Н. и И. П. Савицких с А.Н. и Н. Е. Зелинскими. Указ. соч. С. 305.

нелюбие и оптимизм помогали ему переносить болезнь с терпением, не обременять ближних. Петр Николаевич Савицкий ушел из жизни в Лазареву субботу за неделю до Пасхи, 13 апреля 1968 г. и был похоронен на Ольшанском кладбище. 7 мая 1990 г. он был реабилитирован Прокуратурой СССР. Возвращение научного наследия Савицкого в Россию началось в начале 1990-х гг.

43.Что есть евразийство? «Формула» евразийского мировоззрения П. Н. Савицкого

Мы подошли к финалу очерка жизни и творчества Савицкого, человека непростого, с трагической, сложной судьбой. Как мы старались показать на всем протяжении повествования, Савицкий был человеком одной идеи, которая дала целую россыпь оригинальных, ярких тем. Еще в детстве, посвятив себя изучению России как особому миру, что позже, в 1919-1920 гг. он назовет «евразийством», Савицкий остался верным этому до конца дней. Евразийское мировоззрение Савицкого развивалось постоянно, прирастало новыми идеями. Он испытал влияние со стороны нескольких авторов, таких как Н. С. Трубецкой, Н. Я. Данилевский, Г. И. Тан菲尔ев, Д. И. Менделеев. Можно констатировать, что его евразийство развивалось циклически и фазово. Мы можем отметить следующие периоды: время созревания евразийских идей (1913-1919) или предьевразийская фаза; раннее евразийство Савицкого (1919-1925); переходный период (1926-1927), который был занят в теоретическом отношении написанием и доработкой диссертации «Географические особенности России» (Прага, 1927); период зрелой евразийской мысли (1927-1930), на который падает кламарский раскол. Далее последовал период единочачалия (1930-1939). Годы 1940-1956 были временем накопления творческой энергии и периодом, когда главной задачей Савицкого было просто выжить в условиях Второй мировой войны, ареста, тюремы, исправительно-трудовых лагерей.

В заключении Савицкий пишет цикл стихов (более 1000 стихотворений), в которых суммирует опыт предшествующих лет. Поэтому данный период мы назовем экзистенциально-поэтическим. В 1956-1968 гг., то есть с момента возвращения в Прагу и до кончины, Савицкий наладил свои утерянные контакты, обзавелся новыми, написал огромное количество интереснейших писем научно-философского и научно-теоретического содержа-

ния. Заключительный период жизни мы определяем как *эпистолярное евразийство*, главнейшим событием которого становится установление отношений с Л. Н. Гумилевым и А. Н. Зелинским, через которых евразийство от Савицкого «уходит» в советскую и раннюю (конца 1980-х, середины 1990-х гг.) постсоветскую мысль. Эта последняя становится началом евразийствоведения — большого отдела истории русской философии.

Если мы конкретизируем и наполним содержанием эти периоды, то получим следующую краткую и емкую характеристику. До 1919 г. мировоззрение Савицкого было «предьевразийским». Важнейшими вехами предьевразийского периода Савицкого были его занятия историей и архитектурой Древней Руси и Украины. Вторым важнейшим компонентом стал «струвизм» — школа строгой научной дисциплины и систематики, знакомство с европейской экономической наукой, выучка у П. Б. Струве и К. Н. Гулькевича. Последнее дало ему конкретный дипломатический и жизненный опыт. В сплаве с его «древнерусскими» и «малороссийскими» элементами, «струвизмом» и приобретением дипломатического опыта в Северной Европе это породило контуры первой экономической и geopolитической концепции Савицкого («Континент-Океан»), с которой он и присоединился к группе евразийских лидеров в 1920 г. До 1920 г. у Савицкого не было в идейном арсенале ни темы кочевников, ни темы Востока вообще.

В 1919 г. весь накопленный к этому времени багаж знаний преобразился в ранее евразийство Савицкого, хотя пока оно не было оформлено концептуально, имело вид не до конца определенной идеи, скорее напоминало некое видение, которое возникает как при вспышке молнии. Причиной, или лучше сказать инициатором, стимулом, побудительным событием этого озарения стала Октябрьская революция 1917 г. и последующие за ней события — Гражданская война, интервенция на Украину, скитания между Крымом, Константинополем, Парижем. Раннее евразийство Савицкого начиналось как поэтическое видение, как профетическое вдохновение, что

вылилось в ряд литературоведческих статей, а позже — в его позднюю евразийскую поэзию.

После того, как Савицкий увидел («узрел») евразийство как некое озарение, в нерасчлененном единстве, он пытался проговорить, объяснить это новое понимание судьбы России и судеб мира вообще в текстах и речах, в плотить это в словесном материале. Последующие годы были временем «разворачивания» и раскрытия содержания этого единства, явленного при вспышке напряженного сознания, которое оформилось и сконцентрировалось в слове «Евразия». Понятие «Евразия» в то время было еще не обосновано географически, но скорее носило характер антитезы, констатирования факта прерыва (разрыва) исторической ткани России как западноевропейской державы и вступления в неизвестное, но славное, уже не европейское будущее. В 1921 г. рождается евразийство как общее движение пяти лидеров. Между этими датами стоит 1920 г. — выход книги Н. С. Трубецкого «Европа и Человечество», знаменовавший водораздел между «предьевразийством» отдельных участников движения и оформлением евразийства как нового направления мысли, претендующего на место в истории, а также на политическое и религиозно-культурное водительство.

Отныне, с 1920 и по 1928 г., мировоззрение Савицкого формировалось в тесном взаимодействии и под влиянием других основоположников и участников евразийского движения. Евразийство раннего Савицкого было русско-украинским сплавом — единого потока огромной реки Малороссии (истока) и Великороссии (бассейна), позже оно «разрослось» до видения и понимания всей громады российской земли, включая Сибирь и Дальний Восток. Политический pragmatism (начало «струвизма») перерос у Савицкого в патриотический практицизм, который исследователи обычно неточно называют национал-большевизмом. В поздний период этот элемент перерос в патриотический pragmatism, что вылилось в определенного рода советофильство и даже апологию советской действительности.

В период 1919–1925 гг. оформляется ранняя экономическая теория Савицкого, которая по сути была фило-

софией экономики (эконософией). Воплотив ее в тексты, Савицкий для себя исчерпал эту тему и двинулся дальше — к созданию второй экономической теории сочетания государственного и частного начала, обоснования этатизма и планового хозяйства как оптимальных в условиях СССР того времени. Одновременно он создает географическую и geopolитическую теории. Монография «Географические особенности России» (Прага, 1917) стала манифестом «нового» евразийства, основанного на научной (а не просто религиозно-культурологической) основе.

Отработав тему месторазвития и других новых терминов в монографии, Савицкий переходит к следующему, номогенетическому этапу своего творческого развития, в котором главную роль играли понятия энергии, ритмов, волн, циклов и времени как источника энергии, а также — идеи и эйдосы. Потом понятия «идея» и «эйдос» Савицкий заменит понятием «энергия», обосновывая свое мировоззрение уже не только на фундаменте номогенеза, но и на квантовой физике. К концу 1930-х гг. Савицкий приходит к необходимости создания общефилософского евразийского мировоззрения.

Этому были, по сути, посвящены 1930-е гг., но эта фаза идейного развития, связанная с *мистико-философским осмыслиением сущности истории и времени*, была искусственно прервана с началом Второй мировой войны. «Мутация» интереса в сторону рассмотрения размерностей, сущности времени, волн, спадов и подъемов — говорит о том, что уже изначально в евразийстве присутствовала эта интенция. Она проявлялась в экзистенциальном напряжении евразийской мысли, в попытках постижения сущности и смысла революции 1917 г. и изменяющейся исторической конъюнктуры, в открытости новейшим течениям как в искусстве (модернизм, футуризм), так и в философии и науке (номогенез, квантовая теория). Евразийство в зрелом, философском оформлении совмещает структурные и волновые элементы, являясь идейным отражением теории квант, которая сочетает представление об атоме как о частице и

как о волне. Уже в конце 1920-х гг. Савицкий приходит к «периодической системе сущего», а потом к «системе организационных идей», но развить эти концепции в полноте у него не хватило времени. Эти темы ярко зазвучали в заключительный, эпистолярный период его творчества.

Евразийское мировоззрение Савицкого является отражением его личности — крайне самобытной и оригинальной. Часто Савицкий высказывал такие мысли и видел такие реальности, которые стали актуальными только в будущем. Оправдаются ли некоторые его пророчества, например, о великой будущности русского языка, русской культуры, России как мировом geopolитическом центре — покажет только будущее, но даже его уже сбывающиеся прозрения дают основания говорить о том, что он обладал прогностическим даром, умением видеть будущее не меньше, чем на 50–70 лет вперед. Невозможно отрицать оригинальность и свежесть мысли позднего Савицкого, его способности генерировать новые идеи и создавать новые понятия. Он был поистине настоящим генератором оригинальных идей и понятий, творцом емких geopolитических и общефилософских терминов, и в этом, несомненно, его огромная заслуга не только перед евразийством, но и русской наукой вообще.

Сквозь призму идейного развития Савицкого мы можем взглянуть и на евразийство в целом, сделав о нем следующие выводы. Наша «формула евразийства» не претендует ни на исчерпывающую полноту, ни на абсолютную интегральность (аутентичность). К истине могут вести несколько путей, поэтому наряду с нижеизложенной «формулой» могут существовать менее или более исчерпывающие формулировки сущности евразийства, которые исследователи смогут вывести и выводят, исходя не из иного объема или качества материала (хотя, конечно, чем больший охват материала, тем ближе исследователь к полноте и точности выводов), но из иной точки обозрения этого материала, опираясь на свой метод и жизненный, исследовательский опыт. Тем не менее, завершая данное исследование было бы не лишним и не праздным постаться свести материал к краткому резюме.

Важнейшими «компонентами» евразийства следует считать православную веру и истовую религиозность (не теплохладную, не застывшую в форме обычая), а также «окраинный синдром» и аристократизм. К этому необходимо прибавить погруженность в историю и архитектуру Древней Руси. Евразийство есть сплав элементов древнерусских, элементов древней психологии и истории в сочетании с новейшим и даже рафинированным, последним словом европейской науки начала и середины XX в. — синтетической теории эволюции, квантовой физики, генетики, структурализма, теории номогенетической эволюции, на основании которых выводятся евразийские концепции эйдологии, идеократии, идеоправительницы и т.д. С точки зрения последнего аспекта, евразийство есть модернизированный, политически ориентированный платонизм русского извода. Евразийство есть поиск инновационного с опорой на традиционное, и поэтому оно есть очень русский конструкт, отвечающий глубинным поискам русского человека, стремящегося сочетать «старое и новое». Глубинным стержнем евразийства является проблема русской революции 1917 г., поэтому оно есть течение пореволюционное, принявшее действительность, как бы горька и ужасна она не была. Приняв Россию в облике СССР, они определенным образом, мысленно, вернули себе Родину, хотя встреча с реальным СССР стала для них суровым испытанием. Евразийство можно назвать революционцентричным движением, то есть такой системой взглядов, которая появилась, во многом, или, точнее, обрела свои характерные черты как реакция на октябрь 1917 г., но этим революционцентричность евразийства не исчерпывается. Евразийство всегда стремилось к новому и оригинальному («небывалому»). Поэтому евразийство в лице Сувчинского приняло новую музыку (И. Стравинский), новую литературу (И. Эренбург), новую философию (Л. Шестов). Имена в скобках приведены в качестве примеров, их можно было бы умножить многократно.

Н. С. Трубецкой, возможно, самый традиционный и консервативный из евразийцев, обосновал свое

евразийство с опорой на строгую, почти доморощенную систему мировосприятия, уравновешивая безудержный модернизм Сувчинского. Поэтому система, то есть коллективное евразийство, была в равновесии, несмотря на довольно сильные крены, например, в сторону марксизма и оголтелого советофильства. Когда этот крен сделался неудержимым, система была нарушена, поскольку вступила в противоречие с одним из основных ее элементов — религиозным, православно-библейским мировоззрением. Этот компонент играл в евразийстве роль регулятора, срединной основы (оси), точки отсчета, мерила, которым поверились евразийские конструкции, но при попытке усилить этот компонент (у Г. П. Флоровского, или позже — в сборнике 1923 г. «Россия и латинство») евразийство начинало «буксовать», давать сбои. Религиозный компонент в евразийстве был конструкцией, «не терпящей» ни устраниния, ни усиления.

На основе вышеуказанного определения можно следующим образом описать «этажи» евразийской системы взглядов, между которыми, несомненно, был и византийский и «асийский» элементы, хотя в раннем евразийстве он с трудом пробивал себе дорогу, а позже был заглушен восточной и даже просто «азиатской» (татаро-монгольской) темами, и остался неразвитым сюжетом. Византийско-древнерусский сюжет в творчестве Савицкого был связан с темами архитектуры, живописи, литературы и древнерусского государства (Киевской Руси, наследницей которой стала Украина, воссоединившаяся позже с «большой Россией» — второй равноправной «наследницей»). Татаро-монгольская проблематика была прочно вплетена в исторические и историософские евразийские темы. В теме татаро-монгольских, кочевых и степных элементов в истории России евразийцы искали новую универсальность исторического пути, по которому политически и организационно может идти Россия в отрыве от Запада. В евразийстве была поставлена историко-философская проблема расколотости русской истории и русской культуры (верхи и низы, материализм и религиозность, западопоклонство и бескомпромиссный консерва-

тизм). Евразийцы поставили целью поиски гармонии и единства расколотой надвое русской культуры, русской философии и литературы, русского миросозерцания вообще, и предложили свой вариант решения этой проблемы.

Евразийство не стремилось с самого начала стать системным, научным учением, объемлющим сразу несколько областей знания — историю, языкоznание, геософию, психологию, персонологию, религиоведение, geopolитику, литературоведение и др., хотя интенцию к мутации в «систему знаний» в евразийстве можно проследить на всех этапах его становления. В 1930-е гг. Савицкий уже ставит амбициозную цель — создать новые контуры русской науки, с учетом особенностей русского мировоззрения, которое, как он полагал, включает многокомпонентность, широкопрофильность, осведомленность в разных областях знания, что дается совместной работой ученых разных специальностей. Евразийство стало микромоделью научного сообщества, которое отличается многозадачностью и широтой исследуемых тем, а также исследовательских программ. Если в 1920-е гг. евразийство беспощадно критиковали, то уже в 1930-е гг. оно завоевало себе место под солнцем, заставив считаться со своими идеями, то есть некоторым образом, само стало классикой исследовательской мысли и кузницей инновационных методов.

Существенная черта евразийских идеологем (эйдосов) состояла в том, что они нуждались в постоянном обновлении. Евразийство нужно было пополнять новыми структурными идеями, а старые переосмысливать с учетом новых реалий. Евразийство явилось очень живой, подвижной системой идей, что представляет немалый вызов для исследователей. Евразийские построения имели структуру пирамиды: в основе лежали идеологемы основоположника движения Н. С. Трубецкого и ранние евразийские построения, самые богатые по «ассортименту» и яркой инновационности, а далее на этом фундаменте строился следующий ряд идеологем — геософия с теорией месторазвития, номогенетическая эйдология, гунноксифская и вообще, историософская темы. Современные

исследователи много пишут об истоках евразийства и возможном влиянии со стороны разных мыслителей, но сами евразийцы как будто мало интересовались «предшественниками» и поиском своих корней, указывая скорее на некую безосновную основу, на то, что евразийство родилось как бы само собой, было инициировано самим временем и его грандиозно-трагическими событиями, его экзистенцией, напряженнейшей энергией момента. Главным вдохновителем и источником идей для евразийства Савицкого была сама Россия и ее исторические судьбы.

Начавшись как «огненное вдохновение», евразийство постепенно «остыпало» и «выкристаллизовалось» в конкретные идеально-концептуальные формы. Но если у других основоположников это «прозрение» и «вдохновение» рано или поздно остыло окончательно, то Савицкий до конца дней остался «пламенным кочевниковедом», вдохновенным и вдохновляющимся россиеведом.

Возможно, ближе всего к истине то, что евразийство в основе и истоке было экзистенциальным прозрением; чем-то, заставляющим вспомнить пророческое вдохновение. Конечно, это не значит, что оно родилось само по себе, *ex nihilo*. Все предшествующие впечатления, жизненные обстоятельства, прочитанная и изученная литература и т.д. стали основой для евразийства, но сама искра, которая зажгла этот идеальный костер, была экзистенциального происхождения, родилась в момент религиозного напряжения. Это и сблизило таких непохожих друг на друга основоположников. Говоря об основе и истоках евразийства, не стоит забывать о его экзистенциальном, религиозно-прозреческом ресурсе, как о главном его источнике.

Евразийцы были представителями нового пореволюционного поколения, которые родились и сформировались в промежутке между революциями 1905 и 1917 гг., при этом сами они органически отталкивались от революционного мировоззрения, стремились быть государственниками. В этом их существенное отличие от поколения «отцов»-«веховцев», ставших главными кри-

тиками евразийства в эмиграции. Представители поколения «отцов» в юности были яркими антигосударственниками, революционерами, поклонниками Маркса, прошедшиими путь от марксизма к идеализму. «Отцы» принадлежали поколению 1870-х гг., евразийцы — поколению 1890-х гг. Евразийцы принадлежали к эпохе ренессанса Серебряного века русской культуры, парадоксальным образом завершив его собою. Они стали последним всплеском грандиозного «парада талантов» Серебряного века русской культуры, создав цельное и оригинальное мировоззрение, но позже, уже после падения СССР, наиболее востребованной, или лучше сказать, наиболее известной оказалась их политическая мысль. Этоискажало понимание евразийства, которое в оптике примата политического начала выглядело в лучшем случае как «славянофильство эпохи футуризма»⁵²². Евразийство отнюдь не сводится к политической философии или geopolитической мысли. Оно есть религиозно-философская, геософская, культуроцентрическая и историософская система взглядов, которая включает как важный компонент политическую и экономическую мысль. Евразийство есть система россиеведения во всей полноте, теоретическое осмысление содержания термина «русская цивилизация», или Россия-Евразия как культурно-исторический тип.

Евразийство породило евразийствоведение как особый феномен. Почти каждый исследователь или просто известный человек, область интересов которого довольно далека от евразийства (например, С. Аверинцев⁵²³), счел нужным высказаться о евразийстве, настраивая по нему, как по камертону, свои собственные установки, «подсвечивая» свои ценности и взгляды. Евразийствоведение дало истории русской мысли, помимо фокусирования на политическом, geopolитическом и историософском компоненте, еще и прививку архивоведения, поскольку одним

⁵²² Степун Ф. Об общественно-политических путях «Пути» // Современные записки. Париж, 1926. Т. 29. С. 445.

⁵²³ Аверинцев С. Несколько мыслей о «евразийстве» Н. С. Трубецкого // Новый мир. № 2. 2003. С. 137-149.

из основных источников знания о евразийстве стали архивы. Это последнее обстоятельство было неизбежным, поскольку в евразийском движении участвовало много лиц, оно существовало в разных городах Европы, а также в США, в Харбине, в Англии, в СССР, что порождало солидную корреспонденцию, без знания которой выводы о евразийстве крайне ненадежны. Евразийство — явление эмигрантское. С одной стороны, это означает «расширение» русской мысли, поскольку в евразийстве произошло, в некоторой степени, преодоление раскола на Советскую Россию и Россию в изгнании, с другой стороны, русская мысль обогатилась со стороны евразийства новыми и яркими свидетельствами оппозиции внутри самой эмиграции, да и в современной России, поскольку евразийство вызывало и вызывает буквально шквал критики. Критика, возражения, замечания есть диалектическое развитие русской мысли вообще, которая, критикуя евразийство, занимается самопознанием и самопреодолением, что нельзя не отметить, как явления положительные.

Об авторе

Ермишина Ксения Борисовна — известный исследователь евразийства, к.ф.н., старший научный сотрудник кафедры истории русской философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Научное издание

Ермишина Ксения Борисовна

**Петр Николаевич Савицкий
(1895–1968). Истоки творчества, главные
идеи, основные результаты и итоги**

***К 130-летию со дня рождения
основоположника евразийского движения
(1895–2025)***

Монография

Ответственный редактор Ю. Барабанщикова
Верстальщик С. Мартынович

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел./факс: +7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru